

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
ЛАБОРАТОРИЯ СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

**Человек в меняющемся мире.
Проблемы идентичности и социальной адаптации
в истории и современности**

Издательство Томского университета
2015

УДК 94+316+572
ББК 63.1+60+28.71
Ч392

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук *Д.А. Функ*,
д-р ист. наук *Л.В. Дериглазова*,
д-р ист. наук *И.В. Нам (отв. ред.)*,
д-р ист. наук *О.А. Харусь (отв. ред.)*,
к.и.н. *Г.Н. Алишина, А.А. Рассказчикова*

Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной
Ч392 адаптации в истории и современности: Сб. науч. ст. – Томск:
Изд-во Том. ун-та, 2015. – 296 с.

ISBN 978-5-7511-2366-6

Издание представляет собой сборник научных статей, подготовленных по материалам международной междисциплинарной научной конференции «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практики исследования», проходившей в Томске 14–15 октября 2014 г. Статьи посвящены анализу проблем идентичности в различных ее проявлениях и формах репрезентации в условиях глобальных социальных потрясений XIX–XXI вв.

Для широкого круга читателей – историков, антропологов, этнологов, политологов, социологов и всех, интересующихся проблемами идентичности и социальной адаптации человека в России и в мире.

УДК 94+316+572
ББК 63.1+60+28.71

*Издание осуществлено при финансовой поддержке гранта Правительства РФ П-220
(договор № 14.В25.31.0009) и Научного фонда им. Д.И. Менделеева*

ISBN 978-5-7511-2366-6

© Коллектив авторов, 2015
© «Национальный исследовательский
Томский государственный университет», 2015
© Лаборатория
социально-антропологических исследований, 2015

ОТ РЕДАКЦИИ

В сборнике представлены статьи, подготовленные по результатам международной научной конференции, состоявшейся в Томске 14–15 октября 2014 г.¹ Конференция проводилась Лабораторией социально-антропологических исследований Томского госуниверситета, созданной при поддержке гранта Правительства РФ в рамках реализации проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности», и Центром Европейского Союза в Сибири. Конференция была созвана с целью обсуждения проблем формирования и трансформации идентичностей и социальной адаптации человека в России и в мире в условиях модернизации и глобальных социальных потрясений.

В программный комитет конференции вошли ведущие ученые, представляющие такие российские и зарубежные научно-исследовательские центры, как Институт этнологии и антропологии РАН, Московский и Томский госуниверситеты, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Принстонский университет и Колби-колледж (США), университеты Кента, Кембриджа, Ольстера, Шеффилда (Великобритания), университет Цюриха (Швейцария), Свободный университет Брюсселя (Бельгия), Гамбургский университет и Институт социальной антропологии Общества Макса Планка в г. Халле (Германия), Практическая школа высших исследований (Франция), университеты Вены (Австрия) и Упсалы (Швеция),.

Конференция имела междисциплинарный характер. Сто двадцать пять ее участников представляли 13 стран, включая ведущие российские университеты и научные центры. В течение двух дней истории, антропологи, этнологи, политологи, социологи, философы

¹ *Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практики исследования: Программа и тезисы.* Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. 328 с.

обсуждали в 13 секциях и на заключительном круглом столе феномен идентичности в различных его проявлениях – наднациональной, национальной, гражданской, цивилизационной, региональной, этнической, конфессиональной, классовой, гендерной, городской и др. Часть докладов, прозвучавших на конференции, уже нашла свой путь к читателю. В журнале «Русин»¹ вышла подборка статей под ред. В.П. Зиновьева, частично представляющая доклады на секции «Русский, советский, россиянин: исторические трансформации российской идентичности». В журнале «Сибирские исторические исследования» опубликованы статьи зарубежных антропологов², которые были представлены в докладах на секциях «Современные идентичности и образ жизни населения северных широт», «Мультикультурализм: право на отличие или абсолютизация культуры?» и «Принимающее общество и мигранты». Еще несколько статей будут опубликованы в следующих номерах этого журнала и в «Вестнике ТГУ. История». Остальные статьи участников конференции публикуются в настоящем сборнике.

Композиция этого издания выстроена с учетом тех основных ракурсов исследования проблем идентичности и социальной адаптации в истории и современности, которые были обозначены в ходе работы конференции. Открывают сборник статьи, посвященные анализу различных форм и способов репрезентации социокультурной, наднациональной, национальной, этнической и городской идентичности. Широта хронологического, географического, цивилизационного диапазона, представленного в данном разделе, позволяет фиксировать как некие социально-типичные, так и индивидуально-неповторимые черты в процессах формирования и трансформации различных типов идентификации.

¹ Кудряшев В. Русская общественная мысль в поисках национальной идентичности: зарождение русского национализма (вторая половина XIX в.) // Русин. Томск, 2014. № 4 (38). С. 117–129; Зиновьев В., Жеравина А. Советская составляющая российской идентичности // Русин. Томск, 2014. № 4 (38). С. 130–138; Федосов Е. Советский человек: пропаганда или реальность? // Русин. Томск, 2014. № 4 (38). С. 139–151.

² Владимирова В. Транснациональные индигенные организации, либеральный мультикультурализм и нарративы об «индигенном сепаратизме» на Севере России // Сибирские исторические исследования. 2015. № 1. С. 23–56; Ямрозик И. Формы и специфика сикхской идентичности в современной Англии // Сибирские исторические исследования. 2015. № 1. С. 87. С. 87–97; Ольшевская Д. Местные божества, традиции и региональная идентичность китайской общины Бали. Введение в проблему // Сибирские исторические исследования. 2015. № 1. С. 98–109.

Предметом исследований авторов статей, включенных во второй и четвертый разделы сборника, являются проблемы формирования идентичности на уровне территориального (в первом случае) и профессионального (во втором) сообщества. Особый интерес представляет то обстоятельство, что региональная и корпоративная идентичность рассматриваются в соотношении и взаимосвязи с другими векторами идентичности: национальной, конфессиональной, социальной, гражданской. Кроме того, рассмотрение процесса конструирования сибирской идентичности в «режиме долгого исторического времени» (на протяжении XIX – начала XXI в.) может способствовать выявлению устойчивых долговременных тенденций этого процесса, а также специфических характеристик на различных этапах исторического развития.

Динамика исторических процессов, связанных с миграционными потоками, взаимной адаптацией мигрантов и принимающего общества, нашла отражение в статьях третьего раздела. Анализ миграционных процессов в различных социокультурных, политических, экономических обстоятельствах ярко высвечивает общее и особенное в природе, характере и способах решения порожденных им проблем.

В целом, редакторы надеются, что материалы сборника могут быть полезны для поиска новых подходов в исследовании проблем идентичности и социальной адаптации в исторической ретроспективе и на современном этапе и заинтересуют как профессиональных историков, социальных антропологов, этнологов, социологов, так и широкий круг читателей.

Редколлегия

СЕКЦИЯ 1

ВЕКТОРЫ ИДЕНТИЧНОСТИ: ИСТОРИЧЕСКОЕ МНОГООБРАЗИЕ ФОРМ И СПОСОБОВ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

УДК 947.083

DOI 10.172239785751123666/1

М.А. Воскресенская

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ТВОРЦОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА¹

Рассматриваются вопросы, связанные с социокультурной идентичностью особой страты интеллигенции, которая представляла собой культурную элиту российского общества рубежа XIX–XX столетий и составила социальную базу культуры Серебряного века. Формирование идентичности культурной элиты Серебряного века выражалось не только в осознании ее представителями своей принадлежности к определенной социокультурной среде, но и в духовном отторжении этой социальной группы от общей разночинской массы. Разрыв между различными слоями интеллигенции был обусловлен конфликтом ценностно-мировоззренческих установок. Свойственные творцам Серебряного века мировидение, образ жизни, формы коммуникации и социализации могут рассматриваться не просто в качестве характерных особенностей культурной элиты как специфической социокультурной общности, но и в качестве способов выражения ее групповой идентичности.

Ключевые слова: Серебряный век, культурная элита, творческая интеллигенция, социокультурная идентичность.

Введение. Трансформации, происходящие в обществе, влекут за собой формирование новых идентичностей, складывающихся по различным основаниям. Под идентичностью понимается осознание индивидом своей принадлежности к какому-либо сообществу. При этом в качестве механизма ее формирования может выступать не только представление об определенных идеалах и ценностях, присущих этому сообществу, но и внутреннее отторжение от той социо-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-01-00055.

культурной среды, которая этих представлений не разделяет. Подобный ментальный процесс сыграл существенную роль в складывании культурной элиты Серебряного века.

На рубеже XIX–XX столетий, когда в России различные политические и культурные силы вели интенсивные поиски оптимальных путей дальнейшего развития страны, отвечающего меняющимся жизненным условиям, наблюдались заметные подвижки в социальном устройстве общества. В частности, в этот период усложнилась структура интеллигенции, в результате внутреннего раскола выделилась ее новая страта, составившая социальную базу Серебряного века как целостного социокультурного феномена. Эту социальную группу можно отнести к культурной элите российского общества времен заката империи. Ее представители предлагали свои варианты решения «больных» вопросов эпохи, многие из которых вновь обострились уже в постсоветской действительности, когда страна в очередной раз оказалась в ситуации исторического выбора.

Незавершенность общественного диалога вековой давности, трагическая неудача попыток найти общепримиряющий исход трудных споров о судьбе России актуализирует исследовательское внимание к различным сторонам самосознания современников предреволюционной поры. Важным и малоизученным аспектом этой проблематики является групповая идентичность культурной элиты Серебряного века. Она определяется через свойственные ее представителям стиль жизни и образ мыслей. При этом для ее полноценного исследования важно не только описать их обыденное существование и выяснить суть их мировоззренческих концепций, но и проследить источники формирования этих явлений в широком социокультурном контексте, а также выявить в мировоззренческом комплексе рассматриваемой социальной страты тенденции преемственности культурных традиций и их трансформации в условиях цивилизационных потрясений переходной исторической эпохи. Решение этой исследовательской проблемы может способствовать более глубокому пониманию процессов дезинтеграции общества в кризисные периоды отечественной истории.

Мировидение культурной элиты Серебряного века. Серебряный век как социокультурный феномен воплощался в совокупности процессов и явлений неоромантического характера, протекавших в русской культуре рубежа XIX–XX столетий и выражавших мировидение интеллектуально-творческих слоев интеллигенции, объеди-

ненных разрывом с позитивистско-народнической культурной традицией в поисках средств духовно-нравственного совершенствования мира. Распространение неоромантических настроений было непосредственно связано с неприятием творческой натурой буржуазно-мещанского и утилитарно-позитивистского духа современной действительности. Это был протест исключительно культурного свойства, он не носил социально-политического характера ни в охранительно-консервативном, ни в революционно-демократическом смысле.

Социальная страта, обозначаемая как культурная элита Серебряного века, образовалась в результате расслоения интеллигенции. Ведущим фактором процесса расслоения послужило самосознание различных интеллигентских кругов, являющееся основой их идентификации. Создателем Серебряного века стала особая группа интеллигенции, выделившаяся из общей разночинской массы в пореформенную эпоху. К этому времени начала складываться прослойка людей, изначально воспитанных на безусловном признании абсолютной ценности культуры, всей духовной сферы, профессиональная принадлежность к которой не только предопределяла род занятий человека, но и предполагала определенный образ жизни, стиль мышления, личностные качества. Свою роль в формировании новой социальной страты играли заметные перемены, происходившие в российской действительности: либерализация некоторых сторон общественной жизни, ощутимая даже в период контрреформ, значительное повышение статуса художника в обществе, расширение слоя высокообразованной публики. Вся совокупность сложившихся на рубеже XIX–XX веков культурно-исторических обстоятельств и условий произвела переворот в сознании и в образе мыслей нового поколения интеллигенции, вызвав к жизни специфическое миропонимание, иное отношение ко всем сторонам жизни: к метафизическим проблемам мироздания и человека, к назначению искусства и научного познания, к философии и религии, к вопросу о дальнейших исторических путях России.

Разрыв между различными слоями интеллигенции был обусловлен конфликтом ценностно-мировоззренческих установок. Он наметился после царевубийства, оттолкнувшего своей бессмысленной жестокостью часть интеллигенции от революционно-демократического движения. Для нее оказались совершенно неприемлемыми насильственные методы борьбы за всенародное счастье. Однако

протест против политического радикализма не исчерпывал смыслов обозначившегося внутреннего противостояния: расслоение прежде единой социальной группы носило широкий социокультурный характер. Истоки Серебряного века лежали в отвержении новым поколением интеллигенции нигилизма «шестидесятников», в неприятии их прямолинейных позитивистских построений и вульгарного материализма, в отрицании утилитарных установок по отношению к художественному творчеству. Мировидение творцов Серебряного века выражал особый язык культуры, которому отвечали «новое религиозное сознание», идеи «жизнетворчества» и эстетика модернизма. Подлинное переустройство общества эти люди связывали не столько с политическим, сколько с духовным переворотом, с широкими культурными преобразованиями.

О начавшейся переоценке традиционно сложившихся идеалов интеллигенции свидетельствовал целый ряд выступлений в печати в начале 1890-х гг. В частности, В.В. Розанов заявил, что «дети, возвращенные “людьми шестидесятых годов”, отказываются от наследства своих отцов, от солидарности с ними и идут искать каких-то новых путей жизни, другой “правды”, нежели та, к которой их приучали так долго...» (Розанов 1891a). Причину разрыва с «отцами» мыслитель объяснял тем, что утверждение принципа «цель оправдывает средства» привело революционных демократов к «сухости сердца», к «узости ума», к «цинизму умственному», распространившемуся на все стороны жизни, включая науку и искусство (Розанов 1891). Д.С. Мережковский отмечал, что «все поколение конца века носит в душе своей... возмущение против удушающего мертвенного позитивизма, который камнем лежит на нашем сердце» (Мережковский 1914: 214). Чрезвычайно острую критику эстетических идеалов и литературных вкусов народнической интеллигенции развернул А.Л. Волынский, призывавший деятелей культуры перейти от революционных призывов и натуралистических описаний уродливой социальной действительности к борьбе за духовные ценности (Волынский 1900: 318–320, 480–482).

Разрыв с народническими идеалами стал нелегким решением, поскольку во второй половине XIX века общественные умонастроения во многом определялись позитивистскими положениями и установками критического реализма, отказ от которых мог обернуться моральным бичеванием и бойкотом общественного мнения. Об этой непростой социально-психологической ситуации впоследствии

вспоминал С.Л. Франк: «Сомнения в величии, умственной силе и духовной правде идей Белинского, Добролюбова, Чернышевского представлялись хулой на Духа Святого... Сомневаться в правильности дарвинизма, или материализма, или социализма значило изменить народу и совершать предательство. Не только религия, но и всякая не материалистическая и не позитивистическая философия были заранее подозрительны и даже заранее были признаны ложными...» (Франк 1990: 117).

По мере эволюции народничества и распространения марксизма в России смысл разногласий между культурной элитой и интеллигентами-общественниками оставался прежним: протест против унижения духовного начала в человеке, против подавления личности ради «общественной пользы», против торжества утилитарно-материалистического понимания жизни. В начале XX века Н.А. Бердяев отмечал, что «марксизм оказался беден духовно-культурным содержанием, идеальные задачи философии, нравственности, искусства не были им достаточно осознаны...» (Бердяев 1907: 11), что «сами цели человеческой жизни были поняты слишком материально», в то время как на другом мировоззренческом полюсе умами завладел «усиленный интерес... к вопросам философии, искусства и нравственности» (Бердяев 1907: 5).

Противоречия между различными группами интеллигенции с течением времени продолжали углубляться, при этом они не сводились только к идейно-политическому противостоянию, поскольку столкновение мировоззренческих позиций имело под собой многоаспектные культурные основания. Спустя годы Н.А. Бердяев возвращался к анализу социокультурной ситуации рубежа XIX–XX столетий: «Целостное социально-революционное мирозерцание интеллигенции было разбито. Была объявлена борьба за права духа и внутренней жизни, за духовное творчество, за независимость духовного от социального утилитаризма. Это вместе с тем была борьба за личность, за полноту творческой жизни личности, подавленную социальностью» (Бердяев 1991: 218). В общественном сознании новой культурной элиты безусловный приоритет отдавался абсолютным (религиозно-нравственным, общенациональным и общечеловеческим) ценностям, а не относительным (материальным или классовым).

Социокультурная среда творцов Серебряного века. Серебряный век, являвший собой целостное социокультурное образование,

воплощался не только в интеллектуально-эстетической сфере, но и в социальном, жизненном пространстве. Коммуникативные характеристики творческой среды – формы повседневного общения, образ жизни, способы презентации умонастроений культурной элиты и их рецепция в массовом сознании – могут служить своего рода идентификационными маркерами.

Круг творцов Серебряного века был довольно обособленным, что отчетливо осознавалось ими самими. Н.А. Бердяев в этой связи вспоминал: «Разрыв между тем, что происходило на верхах русского культурного ренессанса и внизу, в широких слоях русской интеллигенции и в народных массах, был болезненный и ужасный. Жили в разных веках, на разных планетах» (Бердяев 1991: 222). Детерминацией разрыва служили не столько социальные или материальные противоречия, сколько мировоззренческие диссонансы: «разные планеты» означали разные взгляды на мир.

Среда творцов Серебряного века сложилась как специфическое культурное единство. Социально-сословное происхождение никак не определяло принадлежности к культурной элите. Род занятий играл определенную роль, но не решающую. Ведь культурная элита, составлявшая социальную базу Серебряного века, – это не класс и не профессиональное сообщество. Это своеобразная духовная общность, сложившаяся на основе схожего мироощущения, близких умонастроений. Вокруг нее формировался особый социокультурный микромир, в который включались не только выдающиеся личности эпохи, но и люди, вхожие в эту среду не столько своим творчеством или общественной деятельностью, сколько самим образом жизни, чертами повседневного бытования, формами социализации, способами межличностного коммуницирования. Они образовывали ту почву, на которой расцветала культура Серебряного века.

Социальная коммуникация в этом специфическом сообществе строилась в формах интеллектуального и творческого общения, нередко с элементами театрализации жизни и эстетизации действительности. Искусство и литература не отделялись от жизни, художник мыслился одновременно и демиургом, и героем собственной судьбы, разворачивавшейся как художественный текст. Повседневность превращалась в объект творчества, буквально творилась, как художественное произведение, по законам искусства. Попытки эстетической организации жизненной среды, предпринимавшиеся модерном, дендизм, ставший ведущим поведенческим модусом, богем-

ный дух, рождавшийся в артистических кабаре, маскарады, широко распространенные в то время, мистификации и дуэльные вызовы «аристократов духа», эпатажные акции футуристов являли собой попытки творчества новой жизни, выстраивание искусственной реальности, превращая саму человеческую жизнь в эстетическую категорию, как тонко подмечает О. Хансен-Леве (Хансен-Леве 1998: 58). Избегая прозы жизни, творческая личность Серебряного века пустилась в нескончаемую карнавальность. Изысканное духовное пиршество ивановских «сред» на «Башне», утонченно-порочная атмосфера возникшего в ее недрах «Общества друзей Гафиза», странные, вызывавшие немало сплетен и двусмысленных усмешек «тройственные союзы», скандальные теории перерастания любви двоих в любовь троих и далее ради достижения всечеловеческого единения – все это рождалось в стремлении выстроить необыкновенный, возвышенный, облагороженный красотой стиль общения. Поэтический девиз «жизнь как творимая легенда» (Сологуб 1991: 16–564) становился практическим требованием, программой, воплощаемой в реальной действительности. Артистический принцип жизнотворчества, жизнестроения мыслился методом будущего переустройства социума.

Многочисленные кружки, общества, творческие группы и даже артистические подвалы и кабаре Серебряного века представляли собой специфическую форму общения и особую категорию времяпрепровождения культурной элиты. Смыслом этих собраний был живой обмен мнениями, идеями, мыслями о животрепещущих проблемах современности и вечных вопросах бытия, высокое напряжение умов, взаимное подпитывание творческой энергией. Подобный образ существования не предполагал массовости и не мог привести к нивелированию социального окружения. В социокультурную среду творцов Серебряного века не допускались чужаки. Не случайно журналы, манифестировавшие их эстетическое и мировоззренческое *sredo*, имели мизерные тиражи и получили хождение в основном внутри самой этой среды. Н.А. Бердяев, вспоминая эпоху «русского духовного ренессанса», подчеркивал: «Это было все-таки движение культурной элиты, оторванной не только от процессов, происходивших в народной массе, но и от процессов, происходивших в широких кругах интеллигенции» (Бердяев 1991: 217).

Обособленность элитарной интеллектуально-артистической среды, недоступной для свободного внешнего проникновения, придавала ей необычайную притягательность в восприятии сторонней пуб-

лики. Модернистская эстетика вошла в моду и внедрялась в культурный быт, становясь привычным фоном обыденного существования. Стил жизни и образ мыслей творцов Серебряного века, казавшиеся обывателю декадентскими, породили волну подражаний, но она не смогла стереть печать исключительности, эксклюзивности с лика этой культуры. В литературно-художественном творчестве, концепциях религиозной философии, умонастроениях, способах социальной коммуникации, элементах повседневности Серебряного века находило свое выражение уникальное, неповторимое мировидение культурной элиты. «Веховская» критика революционных убеждений и действий, носившая, по сути, культурологический характер, с подчеркнутой остротой вскрыла несовместимость не только общественных позиций различных групп интеллигенции, но и их обыденных установлений, жизненных принципов, ценностных ориентаций (Вехи 1991: 9–199, 209–499).

Заключение. Та новая социальность, которую выстраивали творцы Серебряного века, так и не вышла за пределы узкой, замкнутой среды культурной элиты. Свойственные представителям этой социокультурной общности мировидение, образ жизни, формы коммуникации и социализации могут рассматриваться не просто как характерные особенности определенной социальной страты, но и как способы выражения ее групповой идентичности.

Источники и литература

1. *Бердяев Н.А.* Борьба за идеализм // Бердяев Н.А. *Sub specie aeternitatis*. СПб.: Изд-во М.В. Пирожкова, 1907. С. 3–25.
2. *Бердяев Н.А.* Русский духовный ренессанс начала XX века и журнал «Путь» (К десятилетию «Пути») // Н.А. Бердяев о русской философии. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. Ч. 2. С. 217–236.
3. *Вехи*: Сборник статей о русской интеллигенции. Из глубины: сб. статей о русской революции. М.: Правда, 1991. 607 с.
4. *Вольнский А.Л.* Борьба за идеализм: Критические статьи. СПб.: Н.Г. Молоствов, 1900. 542 с.
5. *Мережковский Д.С.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений: В 24 т. М.: И.Д. Сытин, 1914. Т. 18. С. 175–275.
6. *Розанов В.В.* В чем главный недостаток «наследства 60–70-х годов»? // Московские ведомости. 1891. 15 июля.
7. *Розанов В.В.* Почему мы отказываемся от «наследства 60–70-х годов»? // Московские ведомости. 1891а. 7 июля.
8. *Сологуб Ф.К.* Творимая легенда. М.: Современник, 1991. 574 с.

9. Франк С.Л. Крушение кумиров // Франк С.Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. С. 111–180.

10. Хансен-Леве О. Концепция «жизнетворчества» в русском символизме начала века // Блоковский сборник. Тарту: Изд-во Тартус. ун-та, 1998. Т. 14: К 70-летию З.Г. Минц. С. 57–85.

Voskresenskaya Marina A.

Saint Petersburg State University

marina3010@ngs.ru

Sociocultural identity of creators of the Silver age

The questions connected with sociocultural identity of special stratum of the intelligentsia which represented cultural elite of the Russian society of the late XIX and the early XX centuries and made a social base of culture of the Silver age are considered in the article. Formation of identity of cultural elite of the Silver Age was expressed not only in understanding by her representatives of the belonging to a certain sociocultural environment, but also in spiritual rejection of this social group from the general mass of *raznochintsy*. The gap between various layers of the intelligentsia was caused by the conflict of valuable and world outlook orientations. Peculiar to creators of the Silver age the world outlook, a way of life, forms of communication and socialization can be considered not simply as characteristics of cultural elite as a sociocultural community, but also as ways of expression of its group identity.

Keywords: Silver Age, cultural elite, creative intelligentsia, sociocultural identity.

References

1. Berdiaev N. A. *Bor'ba za idealizm*, *Berdiaev N.A. Sub specie aeternitatis*. St. Petersburg: Izd-vo M.V. Pirozhkova, 1907, pp. 3–25.

2. Berdiaev N. A. *Russkii dukhovnyi renessans nachala XX veka i zhurnal «Puti»* (K desiatiletiyu «Puti»), *N.A. Berdiaev o russkoi filosofii* [N.A. Berdiaev about Russian philosophy]. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1991, part 2, pp. 217–236.

3. *Vekhi: Sbornik statei o russkoi intelligentsii. Iz glubiny: Sbornik statei o russkoi revoliutsii* [Vekhi: Collection of articles about the Russian intellectuals. From the depths: Collection of articles about the Russian Revolution]. Moscow: Pravda, 1991. 607 p.

4. Volynskii A.L. *Bor'ba za idealizm: Kriticheskie stat'i* [The struggle for idealism: Critical essays]. St. Petersburg: N.G. Molostvov, 1900. 542 p.

5. Merezhkovskii D.S. *O prichinakh upadka i o novykh tekheniakh sovremennoi russkoi literatury*, *Merezhkovskii D.S. Polnoe sobranie sochinenii: V 24 t.* [Merezhkovskii D.S. Complete works in 24 volumes]. Moscow: I. D. Sytin, 1914. Vol. 18, pp. 175–275.

6. Rozanov V.V. *V chem glavnyi nedostatok «nasledstva 60–70-kh godov»?* [What is the main drawback of the “heritage of 60-70s”?], *Moskovskie vedomosti*, 1891, 15 July.

7. Rozanov V.V. *Pochemu my otkazyvaemsia ot «nasledstva 60–70-kh godov»?* [Why do we refuse the “heritage of 60-70s”?], *Moskovskie vedomosti*, 1891a, 7 July.

8. Sologub F.K. *Tvorimaia legenda* [Created legend]. Moscow: Sovremennik, 1991. 574 p.

9. Frank S.L. *Krushenie kumirov*, *Frank S.L. Sochineniia* [Frank S.L. Essays]. Moscow: Pravda, 1990, pp. 111–180.

10. Khansen-Leve O. Kontsepsiia «zhiznetvorchestva» v russkom simvolizme nachala veka [The concept of “life creation” in Russian symbolism of the beginning of the century], *Blokovskii sbornik*. Tartu: Izd-vo Tartus. un-ta, 1998. Vol. 14: K 70-letiiu Z.G. Mints, pp. 57–85.

УДК 94(571.1/.5)“1917/1920”
DOI 10.172239785751123666/2

Н.И. Наумова

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ БУРЯТ)¹

Анализируются общественно-политические и экономические условия, которые влияли на идентификационные процессы (гражданские, региональные и этнические) коренных народов Сибири – алтайцев, бурят, хакасов в годы Гражданской войны (1917–1920 гг.). Рассмотрены особенности их самоорганизации. Особое внимание уделено формированию механизмов идентификации и ее изменчивости у бурят. Выделена роль бурятской национальной элиты в конструировании и трансформации этнической (бурятской) и суперэтнической (монгольской) идентичности.

Ключевые слова: идентификация, историческая память, символы, коренные народы Сибири, Гражданская война.

Введение. Важной частью общественно-политической и национальной жизни коренных этносов Сибири начала XX в. стали их идентификационные трансформации, которые под влиянием ряда факторов меняли образ жизни народов, перестраивали административные и государственные границы. Гражданская идентичность отражает состояние государства, общества, его консолидацию, интегрированность, ценностные ориентации. Региональная и этническая идентификации, межэтнические установки влияют на стабильность общества и государственную целостность или ее дезинтеграцию. Поэтому изучение данной проблемы является важным направлением исследований. Вопросы государственной, гражданской и этнорегиональной идентичности в современной России рассматриваются в работах М.Н. Губогло (2003), Л.М. Дробижевой (2006), В.А. Тишко-

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

ва (1997) и др. Г.В. Грошева анализирует и выявляет условия и механизмы формирования региональной идентичности на примере Республики Хакасия в конце XX – начале XXI в. Значительное внимание специалисты уделяют изучению бурятской этничности в условиях модернизации в конце XIX – первой трети XX в.

На формирование идентичности оказывают влияние внешние и внутренние факторы, историческая память, роль политических лидеров. В годы Гражданской войны кардинально менялась центральная и местная власть (императорская, демократическая, советская). На территории проживания коренных сибирских народов действовали органы советской власти, Временное Сибирское правительство, Директория, Российское правительство. Каждое из них вело свою национальную политику, влияло на процессы самоорганизации и политическое поведение этнических элит, включая возможность создания национально-культурной или национально-территориальной автономии, что вызывало всплеск идентификационных процессов в среде коренных народов Сибири.

Существенную роль при этом играла историческая память как одна из составляющих идентичности, групповой солидарности в годы Гражданской войны. Память представляла собой одну из сторон социализации, объединяла людей в коллективы, становилась символом единства. Особенность исторической памяти заключалась в том, что она не претендовала на адекватную оценку прошлого, но воздействовала на конкретную ситуацию, поведение, как отдельных личностей, так и целых общностей, влияла на оценку настоящего и планирование будущего. Память формировала идентификационную символику, которую поддерживали элиты, политические лидеры. Она могла способствовать закреплению или изменению идентификации.

Механизмы формирования идентичности (лидеры и структуры). Весьма сложен процесс идентичности шел в условиях Гражданской войны, когда на него оказывали значительное влияние национальные лидеры народов Сибири, включая религиозных деятелей, а также национальные общества и организации – Бурятский национальный комитет (затем Бурятская народная дума), Алтайская горная дума (впоследствии – Главный национальный комитет алтайских народностей), Хакасская степная управа, Якутский национальный комитет. Деятельность всех этих структур была нацелена на консолидацию народов, формирование этнической идентификации и создание национально-территориальных образований на моноэтни-

ческой основе от национальных автономий (земств) на территории Сибири до государственных образований (Республика Ойрот у алтайцев, государство хакасов с включением ряда родственных этносов) (Сушко 2009: 95–108, 137–161). У всех коренных народов процесс национальной самоорганизации проявляется в начале XX столетия. Особый размах он приобретает после Февральской революции. Решение своего самоопределения коренные народы Сибири видели в период 1917–1918 гг. в рамках Российского государства и сибирского региона. Лидеры национальных движений сибирских народов поддерживали региональную автономию Сибири и Сибирскую областную думу. На 1-м областном сибирском съезде были представлены буряты и алтайцы. В решениях съезда содержалась поддержка самоопределения областей и национальностей автономной Сибири в составе Российской республики. В декабре 1917 г. алтайцы, буряты, якуты участвовали в Общесибирском чрезвычайном съезде. Некоторые представители коренных народов входили в состав региональных органов власти. Бурят Э.-Д. Ринчино стал министром просвещения во Временном правительстве Автономной Сибири, алтаец В.Т. Тибер-Петров – министром туземных дел (Нам 2009: 230, 235). В условиях советской власти национальные лидеры начинают новый поиск социальной, политической и этнической идентификации. Они связывали свои надежды с новым Временным Сибирским правительством, а затем правительством адмирала Колчака.

Особенности этнической идентификации бурят. Самые значительные изменения в идентификации произошли у бурят, которые проявили стремление к интеграции в суперэтническую общность на основе доктрины панмонголизма. Процесс национального самоопределения бурят, его идеологическое и организационное оформление начинается в 1905–1907 гг. После Февральской революции он приобретает новые черты и качественное содержание. Подобные изменения были связаны с модернизационными процессами в России. Это сказалось на судьбе народов Сибири, в том числе бурят, которые были включены в состав Российской империи в начале XVIII в. Монголоязычные племена Центральной Азии «были поделены» между Российским государством и Китаем. Внутренняя и Внешняя Монголии, Джунгария вошли в состав империи Цинь, а земли, населенные бурятскими племенами, – в Россию. Но близость языков, быта, способов ведения хозяйства, религии (буддизм ламаистского толка), историческая память в фор-

ме легенд, преданий сохраняли в сознании народов представление об общем происхождении и родстве.

До конца XIX в. внутренняя жизнь бурят (управление, суд, хозяйственная деятельность) оставалась практически неизменной. Затем российская власть начинает унифицировать административное устройство бурят. Родовое управление заменяется территориальным с подчинением крестьянским начальникам. Ликвидировались степные думы, родовая администрация, вводилось волостное управление, как у русских крестьян. Буряты переводились с кочевого вида хозяйствования на оседлое, земледельческое, что сопровождалось сокращением их земельных угодий. Землепользование устраивалось по образцу русских крестьян, буряты наделялись 15 десятинами земли на душу мужского пола. Православие многими бурятами воспринималось как вера, привнесенная властью, которая устанавливает «чужие» правила владения землей и отменяет «свою» власть. В результате «русское» и «чужое» становились синонимами (Строганова 2001: 49–50). Возник конфликт культур, неприятие православия усилилось. Существенные изменения происходили у западных бурят на территории Прибайкалья (Иркутская губерния). Большое влияние приобретало здесь христианство, но сохранялся и шаманизм. У восточных бурят в Забайкалье (Забайкальская область) хозяйственная жизнь подверглась меньшему реформированию, в духовной жизни преобладал ламаизм. Восточные буряты практически не подверглись христианизации. Наличие подобных различий сказывалось на формировании общей идентичности – этнической, религиозной, культурной. Еще одним обстоятельством, осложнявшим этот процесс, являлось отсутствие единства внутри бурятской интеллигенции.

Бурятская интеллигенция и решение бурятского вопроса.

Бурятская интеллигенция в этой ситуации не сформулировала единого подхода к новым явлениям. Часть бурят – «стародумцы» – были против правительственных реформ в управлении и землепользовании. Партия «прогрессивных бурят» признавала необходимость реформ. «Стародумцы» боролись за сохранение национального самоуправления на основе закона 1822 г. «Прогрессисты» выступали за выборность, демократизацию национального самоуправления по типу земства. Их объединяли вопросы развития национального образования, прекращения переселений на бурятские земли, возвращение отобранных земель у бурят. Еще одно обстоятельство воздействовало на идеологические построения и практику лидеров. Нацио-

нальная идеология бурятской интеллигенции вырабатывалась на стыке двух культурных систем – Запада и Востока, поэтому ее отличала внутренняя двойственность. В мировоззрении бурятской интеллигенции начала XX в. совмещались две противоположные традиции: восточная, тесно связанная с традициями буддизма и шаманизма, и западная, рационалистическая. Получившая светское образование интеллигенция не разорвала духовные связи с национальной средой (Строганова 2001: 50–51). Различие культурной ориентации приводило к тому, что часть из них связывала будущее с Россией, а другая часть – с Монголией, отношения с которой не прерывались. Буряты мигрировали в Монголию из-за ухудшения ситуации в России, но иногда они возвращались, что учитывали бурятские лидеры. Тесными были религиозные связи, философские и буддистские работы на монгольском и тибетском языках издавались в Монголии и распространялись в России.

Отсутствие внутреннего идеологического единства проявило себя как в 1905–1907 гг., так и в годы Гражданской войны. На съездах бурят в 1905–1907 гг. обозначились различия в подходах к решению проблем бурят. Предложены были разные проекты по самоуправлению на основе территориального обособления бурят от русских. В то же время была высказана необходимость объединения восточных и западных бурят, развития национальной культуры. Предполагалось широко пропагандировать буддизм среди иркутских бурят. Буддизм должен был стать религией всего бурятского народа, чтобы на его основе можно было объединить восточных и западных бурят.

Объединение и национальное обособление в политике бурятских лидеров в 1917–1919 гг. После Февральской революции бурятская интеллигенция взяла на себя инициативу по реализации своих идеологических установок и начала создавать органы национального самоуправления. Главными вопросами национального движения были содержание и форма национальной автономии, которые должны были стать едиными для бурят и Прибайкалья, и Забайкалья. Большая роль в процессах формирования национального самосознания и организационного оформления национального движения принадлежала лидерам Бурятского национального комитета – Э.-Д. Ринчино, М.Н. Богданову, Ш.Б. Бадмаеву, Ц. Жамцарано, Б.Б. Барадину и др.

Введение в июне 1917 г. Временным правительством на территории Сибири земства было взято за основу национального террито-

риального деления и управления. Обособленной территориальной единицей становились сомоны (сельские поселения), которые входили в хошуны (волости), а хошуны составляли аймак (уезд). Был сформирован единый орган управления – Бурятский национальный комитет. Таким образом формировался механизм по созданию этнической территориальной идентификации бурят. В его основе лежали идеи хозяйственной и языковой отличительности бурятского населения. Постепенно в этих территориальных рамках стали формироваться бурятские административные органы (управы), национальный суд, милиция. Таким образом национальное обособление усиливалось. Более значительным становился объем задач, которые ставил перед собой Бурнацком. Он претендовал на верховное руководство «всей национальной жизнью бурят и деятельностью всех национальных бурятских организаций» (Национальное движение 1994: 111).

Идентификация с Сибирью у бурят существовала в 1917 г. и позднее. Образованный в Петрограде Бурятско-калмыцкий комитет в апреле 1917 г. обратился со специальным воззванием к бурятам, в котором сформулировал следующие задачи – бороться с игнорированием местных интересов и «хищническим использованием» природных богатств Сибири, стремиться к организации самоуправления «сообразно с хозяйственно-правовыми и национально-духовными особенностями населения, добиваться представительства в Учредительном собрании для защиты интересов населения Сибири. Бурятам предлагалось созвать общий съезд», для выработки и решения «насуущих вопросов» (Национальное движение 1994: 12–13). Бурятское население самостоятельно определяло свои политические ориентации российского и регионального уровня. На съезде представителей хоринских бурят Верхнеудинского уезда в марте 1917 г. были отправлены приветственные телеграммы главе Временного правительства кн. Г.Е. Львову, председателю Государственной Думы М.В. Родзянко, министру А.Ф. Керенскому и «учителю свободной Сибири и защитнику сибирских инородцев Г.Н. Потанину» (Съезды ... в Забайкальской области ... 1991: 13). После падения Советской власти в специальном обращении в августе 1918 г. к населению Восточной Сибири Д. Сампило (председатель Иркутского бурятского национального комитета) призвал к работе по воссозданию государственно-национального единства России с сохранением свободы и автономии каждой из ее частей. В этой трудной задаче он просил поддержки Сибирского Временного правительства, оказания

помощи «своему правительству» добровольческими формированиями из бурят. Он подчеркнул, что «много горя принесла губернаторская Сибирь», но автономная Сибирь должна удовлетворить «наши требования» (Национальное движение 1994: 143–144).

Еще одним идентификационным и объединяющим фактором стало употребление этнокультурного маркера – бурят-монголы. Ранее бурят-монголами называли небольшую группу хоринских и селенгинских бурят. Национальные лидеры ставили задачу объединения бурят, бурят-казаков и тунгусов и подобный этноним формировал представление о широком единстве. Это проявилось в следующем. Уже в марте 1917 г. было проведено 2 совещания общественных (бурят-монгольских, как они себя подчеркнуто называли) деятелей Забайкальской области (Национальное движение 1994: 8). В апреле 1917 г. был принят Статус о временных органах (общенациональные съезды, национальный совет и Центральный национальный комитет) по управлению культурно-национальными, правовыми и экономическими делами бурят-монголов и тунгусов (казаков и неказаков) Забайкальской области и Иркутской губернии и подготовке «основных положений национальной автономии монголо-бурят и тунгусов». Первый общенациональный съезд бурят Прибайкалья и Забайкалья назывался монголо-бурятским. Иркутский отдел Национального комитета по этому положению избирался губернским съездом бурят-монголов. От имени бурят-монголов Забайкальской области был отправлен наказ о создании органов самоуправления в Учредительное собрание. Таким образом, термин «бурят-монголы» получал более широкое значение и относился уже не только к населению, но и к территории его проживания. Так поддерживалась региональная идентичность бурятского населения. Дополнялась она языковой идентичностью, поскольку язык обозначался как бурят-монгольский (Национальное движение 1994: 130). Началось преподавание бурят-монгольского языка в школах, на курсах. Обучение и командование в национальной гвардии Улаан-цагда велось на бурят-монгольском языке (Национальное движение 1994: 131). Термин «бурят-монголы» становится общеупотребительным, и его стали использовать в газетных статьях (Национальное движение 1994: 126).

Закреплению национальной обособленности и этнической идентификации способствовало внедрение новых понятий в обозначении органов национального управления (суглан, аймачный суд – шухэ-

тасалху-зурган), их руководителей (избранный председатель аймачного комитета – тайша, хошунного – закиракчи, сомонного – зайсан, начальник милиции в аймаке – зацоган) (Национальное движение 1994: 28). Решение о создании особого национального управления сопровождалось внедрением в делопроизводственную сферу новых символов. Так, на собрании хоринских бурят в марте 1917 г. было предложено «вместо ранее изображаемого орла или областного герба на печати изображать бурятский национальный герб – «Хи-Мори»». На съезде бурят Забайкалья и Прибайкалья в ноябре – декабре 1917 г. был утвержден проект национального гимна и флага. Бурятская народная дума и глава ламаистской церкви бандидо-хамбо-лама имели печати со знаком свастики «Хас-Тамга». Этот знак изображался в свое время на печатях и знаменах Чингис-хана. В пояснительной записке утверждалось, что подобный символ на знамени должен возбуждать в людях чувство «мужества, отваги, храбрости и геройства» (Демидов, Демидов 2001: 28, 42, 69). Подобные знаки появились в документах аймачных дум. Во «Временном положении о национальном суде бурят-монголов Восточной Сибири» содержался пункт, по которому «членам всех степеней национального бурят-монгольского суда присваивался знак, «состоящий из комбинации символов «Хас-Тамга» и «Вагир», которые означали твердость, верность, чистоту, непорочность». Члены суда обязаны были носить его на груди во время отправления судебных обязанностей. Каждая степень суда имела печать с обозначением «хас» (свастика) (НАРБ 1919б: 35).

Вводились новые виды поощрений и наград. В частности, генерал Р. Гайда «как освободитель от большевиков» был награжден серебряным изображением Будды. Добровольцев-бурят, которые вступали в национальные отряды «Цагда», Народная дума бурят-монголов Восточной Сибири благословляла от имени «Премудрого Будды» как «первых витязей», исполнивших священный долг «по защите родной земли для блага и мирного процветания своего народа». Этот указ удостоверялся печатью со знаком свастики (ГАРФ 1919: 3). Такие символы свидетельствовали о связи с прошлым, формировали общий историко-культурный контекст и консолидировали на этой основе. Одновременно этот процесс подчеркивал отличие бурят от русского населения.

На протяжении 1917–1918 гг. происходил переход в идентификации бурят от культурного аспекта к политическому, от националь-

ной земской автономии к республике. Такое решение было принято на съезде бурят Иркутской губернии в апреле 1918 г. В резолюции съезда было зафиксировано требование созыва Учредительного собрания для «немедленного осуществления автономии бурятского народа в форме республики, союза аймаков с постоянно действующим органом верховной власти, гарантированным общегосударственной конституцией России». Иркутскому бурятскому комитету предоставлялось право «распорядительной власти над всем бурятским населением губернии с функциями законодательного органа» (Съезды ... в Иркутской губернии ... 1991: 159–160). Осознание общих интересов проявило себя и в признании аймаков основным инструментом реализации культурно-национального возрождения бурят.

Изменения в идентификационной стратегии бурятских лидеров. В ситуации радикальных политических и социальных перемен идентичность бурят изменялась под воздействием национальной элиты. В начале 1919 г. новым значимой идентичностью становится панмонголизм. Использование концепта «бурят-монголы» являлось индикатором широкого понимания общности. Сам концепт рассматривался не только в качестве этнонима, но и в качестве самостоятельной идеологемы, предполагающей включение бурят в монголызычный мир и за пределами России. Составной частью такого единства стали общность языка бурят и монголов, культура, религия, прошлое. Одним из важнейших идентификационных факторов являлась историческая память о родстве, совместном проживании монголов в Центральной Азии до вхождения в Россию и Китай. Подобная идеологическая установка давала иллюзию культурного возрождения бурят в новом государстве – Великой Монголии. В докладной записке в Совет министров Российского правительства в конце 1919 г. бурятские политические лидеры обосновали особость бурят, которые по своим «этнографическим и историческим данным являются одной из ветвей Чингисханской Монголии». В документе объяснялось использование терминов сомоны, хошуны, аймаки как «древних монгольских названий административных единиц», «своих органов самоуправления».

В 1919–1920 гг. значимым компонентом политического процесса становится панмонголизм (НАРБ 1919а: 3), который означал призыв к государственному объединению монгольских народов, проживавших в России, Внутренней и Внешней Монголии. На съезде бурят и монголов в феврале 1919 г. было сформировано правительство нового государст-

ва. Участники этого процесса актуализировали таким образом общемонгольскую идентичность, что означало создание суперэтнического объединения и отказ от российской идентичности. Перемещению панмонголизма из культурной сферы в политическую способствовали внутренние и внешние обстоятельства, которые заключались в следующем: общий кризис российской государственности, неопределенность будущего бурят в России, стремление к более полной реализации своих культурных и экономических интересов, геополитическое ослабление России и Китая, поддержка со стороны Японии и атамана Г.М. Семенова. Успехи национального движения бурят, фактическое достижение автономии, приобретение опыта реальной этнической консолидации, создание определенных социально-политических структур привели бурятских лидеров к желанию закрепить достигнутое через политическую консолидацию всей монгольской общекультурной общности (Бурятская этничность... 2003: 104–106).

Выводы. Процесс модернизации в начале XX в. в России привел к унификации хозяйственной, управленческой, духовной жизни бурят, как и других коренных народов Сибири (хакасов, якутов, алтайцев), изменил культурное поле и вызвал стремление этносов сохранить свою уникальную религиозную, культурную и хозяйственную жизнь. В социально-политической практике актуализировались различные формы самоорганизации и идентификации, обращенные как к прошлому, так и к будущему. Значительную роль в процессах этнической идентификации сыграла национальная интеллигенция, создав для этого координирующие структуры и механизмы, определяя вектор идентификационных практик – от автономии до государственности. Эти процессы имели динамический характер, сочетая в себе идентификацию на российском, сибирском, региональном и этническом уровнях. Специфика бурятской идентичности определялась не только внутренними, но и внешними факторами. В результате она привела к интеграции в суперэтническую общность на основе идеи панмонголизма. В иерархии идентичностей этническая, определяемая культурой, оказалась самой значимой.

Источники и литература

1. *Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации* (конец XIX – четверть XX вв.). Иркутск: Оттиск, 2003. 244 с.

2. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 176. Оп. 3. Д. 80. Отношение Бурят-монгольской думы к управляющему Забайкальской области о грабежах и захватах земель у бурят белоказаками. 1919.
3. Губогло М.Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003. 764 с.
4. Демидов В.А., Демидов В.В. Бурятия: от степных дум к автономии. Новосибирск: СибАГС, 2001. 162 с.
5. Дробижеева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2006. С. 10–29.
6. Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 500 с.
7. НАРБ (Национальный архив Республики Бурятия). Ф. р-483. Оп. 1. Д. 57. 1919а.
8. НАРБ. Ф. р-483. Оп. 1. Д. 58. Временное положение в национальном суде бурят-монголов Восточной Сибири. 1919б.
9. Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 гг. Документы и материалы. Улан-Удэ: Изд-во ОНЦ «Сибирь», 1994. 198 с.
10. Строганова Е.А. Бурятское национально-культурное возрождение (Конец 80-х – середина 90-х годов XX века, Республика Бурятия). М.; Иркутск: Наталис, 2001. 150 с.
11. Сушко А.В. Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны. Омск: изд-во ОмГТУ, 2009. 336 с.
12. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Забайкальской области (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 204 с.
13. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Иркутской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 205 с.
14. Тишков В.А. Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997. С. 15–43.

Naumova Natalia I.

National Research Tomsk State University

TomNIN@yandex.ru

The problem of identification of the Indigenous Peoples of Siberia during the Civil war (the example of Buryat people)

Identification transformations, which were changing the image of Peoples life, became the important part of public - political and national life of the indigenous ethnic groups of Siberia in the early 20th century. That was encouraged by the range of factors.

The modernization of the end of the 19th – early 20th century in Russia had changed business activities and administrative arrangements of indigenous ethnic groups of Siberia – the Khakass, the Buryats, the Yakuts, the Altaians. In 1917–1920 there took place the change of the systems of the central and the local powers (from imperial to democratic and soviet). During the Civil war the structures of the provisional government have been operating. The provisional Siberian government, soviet system, the Directorate, the Russian government of Admiral Kolchak. They were creating their own rules in respect to ethnic groups, their

self organization (national-cultural, national-territorial). This stipulated the search of self-identification of the Indigenous Peoples: Russian, regional, ethnic, soviet. The peoples were eager to keep their cultural distinctiveness by means of integration into the whole-Russia area and maintained autonomous organization of Siberia. But at the same time the cultural egocentrism came into being. The ethnicity became the basic trait in the processes of identification under the influence of national leaders and created organizational structures of the Buryat national committee, the Altaian montane Duma (Assembly), the Khakass steppe board, the Yakut national committee. As a result there took place alterations in the form and the content of national self-determination – from autonomy within the frontiers of Russia and regional limits of Siberia – to the creation of the sovereign national state (Oyrot republic of the Ataians, the project of Khakass own state). In 1919 on the base of the doctrine of Pan-mongolism the Buryats (the Buryat leaders in the first place) started the creation of the Great Mongol State for the reunion of all the Mongols included in different states of the same territory.

Keywords: identification, historical memory, symbols, Indigenous Peoples of Siberia, Civil war.

References

1. *Buriatskaia etnichnost' v kontekste sotsiokul'turnoi modernizatsii (konets XIX – chetvert' XX vv.)* [Buryat ethnicity in the context of social and cultural modernization (late XIX – early XX centuries)]. Irkutsk: Ottisk, 2003. 244 p.
2. *GARF (State Archive of the Russian Federation)*, 1919, F. 176, In. 3, C. 80.
3. Guboglo M.N. *Identifikatsiia identichnosti. Etnosotsiologicheskie ocherki* [Identification of identity. Ethnosociological essays]. Moscow: Nauka, 2003. 764 p.
4. Demidov V.A., Demidov V.V. *Buriatiia: ot stepnykh dum k avtonomii* [Buryatia: from the Steppe dumas to the autonomy]. Novosibirsk: SibAGS, 2001. 162 p.
5. Drobizheva L.M. *Gosudarstvennaia i etnicheskaia identichnost': vybor i podvizhnost', Grazhdanskie, etnicheskie i religioznye identichnosti v sovremennoi Rossii* [Civil, ethnic and religious identities in the modern Russia]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta sotsiologii RAN, 2006, pp. 10–29.
6. Nam I.V. *Natsional'nye men'shinstva Sibiri i Dal'nego Vostoka na istoricheskom perelome (1917–1922 gg.)* [National minorities of Siberia and the Far East at the historic turn (1917–1922)]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2009. 500 p.
7. *NARB (National Archive of the Republic of Buryatia)*, 1919a, F. r-483, In. 1, C. 57.
8. *NARB*, 1919b, F. r-483, In. 1, C. 58.
9. *Natsional'noe dvizhenie v Buriatii v 1917–1919 gg. Dokumenty i materialy* [National movement in Buryatia, 1917–1919. Documents and materials]. Ulan-Ude: izd-vo ONTs «Sibir», 1994. 198 p.
10. Stroganova E.A. *Buriatskoe natsional'no-kul'turnoe vozrozhdenie (Konets 80-kh – seredina 90-kh godov XX veka, Respublika Buriatiia)* [Buryat national and cultural renaissance (end of 80-s – mid-90-s of XX century, the Republic of Buryatia)]. Moscow – Irkutsk: Natalis, 2001. 150 p.
11. Sushko A.V. *Protsessy suverenizatsii narodov Sibiri v gody Grazhdanskoi voiny* [Processes of sovereignization of peoples of Siberia during the Civil war]. Omsk: izd-vo OmGTU, 2009. 336 p.
12. *S"ezdy, konferentsii i soveshchaniia sotsial'no-klassovykh, politicheskikh, religioznykh, natsional'nykh organizatsii v Zabaikal'skoi oblasti (mart 1917 – noiabr'*

1918 gg.) [Congresses, conferences and meetings of social and class, political, religious, national organizations in Trans Baikal region (March 1917 – November 1918)]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo gos. unt-ta, 1991. 204 p.

13. *S"ezdy, konferentsii i soveshchaniia sotsial'no-klassovykh, politicheskikh, religioznykh, natsional'nykh organizatsii v Irkutskoi gubernii (mart 1917 – noiabr' 1918 gg.)* [Congresses, conferences and meetings of social and class, political, religious, national organizations in Irkutsk province (March 1917 – November 1918)]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo gos. unt-ta, 1991. 205 p.

14. Tishkov V.A. *Identichnost' i kul'turnye granitsy, Identichnost' i konflikt v postsovetskikh gosudarstvakh* [Identity and conflict in the post-soviet states]. Moscow, 1997, pp. 15–43.

УДК 94(47).084:323

DOI 10.172239785751123666/3

Д.А. Аманжолова

ЭТНИЧНОСТЬ И ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОГО НАРОДА

Анализируется, как взаимодействие политики и этничности влияло на формирование поликультурной гражданской общности – советский народ. Этот процесс рассматривается на примере реализации основных направлений советской национальной политики на разных этапах советской истории. Показана трансформация концепта «советский народ».

Ключевые слова: политика, этничность, советская национальная политика, советский народ, гражданская общность.

Этничность и интернационализация. Большевики стремились консолидировать общество на основе не просто лояльности к новой политической системе, но и идентификации с ней. Представлялось, что солидарность рабочих и крестьян поможет преодолеть все барьеры, в том числе этноконфессиональные. Меж тем последние потребовали гораздо большего внимания и особых инструментов управления. Подчинение национального вопроса классовому, интернациональная солидарность, самоопределение и равенство народов должны были укрепить власть и содействовать строительству социализма. О межкультурной интеграции в некую новую «нацию» речь тогда не шла. Проводились политизация этничности и этническое картографирование; поддержка народов в их всесторонней модернизации; большевизация бюрократии и «коренизация»; культурная революция.

Административно-территориальное переустройство страны внедряло этнокомпонент вплоть до микроуровня – национальных районов и сельсоветов. Это было условием советизации этноэлит, достижения фактического равенства народов. Но оказалось крайне затруднительно выделить и моноэтничные территории, и региональные «федералистские» объединения, обеспечить их национальными кадрами и т.д. Категоризация и дифференциация этносообществ сказывались на качестве управления и решении конкретных задач (Советское строительство 1927: 232; Хацкевич 1927: 50, 48–49, 143; 1929: 135; 1927: 84–87). Правительство РСФСР признавало: «При определении границ не могли быть полностью учтены все национальные и экономические моменты». Г.М. Кржижановский писал в ЦК партии: «Чем больше число управляемых единиц, чем разнообразнее они по предметам ведения и объему территории, чем сложнее передаточная цепь управления, тем менее эффективно управление, тем большая затрата сил и меньший полезный результат». А.С. Енукидзе отмечал, что единообразие в районировании сразу упрощает управление (ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос 2005: 521–525, 531–534).

В «ловушку национальной государственности» попали и большевики, и националы. Формы политического самоопределения содействовали институционализации этнических общностей, форсированной перестройке социальных структур и отношений, обновлению и интеграции этноэлит в систему власти. Но заданная центром иерархия территорий и их регламентация не означали подчинение пересекающихся и пластичных социально-культурных пространств жизнедеятельности народов. На межэтнические отношения и роль этнического в самосознании граждан влиял рост кросс-культурных контактов, в том числе из-за во многом искусственного характера внутренних границ. Доля «нетитульных» этносов в их пределах динамично менялась (Котов 2003: 206). В конце 1930-х гг. число национальностей с учетом ускоренной аккультурации и стремления к искусственно упорядоченной структуре сократилось до 120 (Кадио 2002: 177–206). Их иерархия была увязана с административно-территориальной организацией и отражала нацеленность власти на ясность управляемой и стабильной структуры, но исторически сложившаяся этнокультурная мозаика диктовала свои особенности.

Объективная потребность понуждала укреплять сложившиеся и развивать новые хозяйственные и транспортные связи. В Грузию в 1982 г. шли поставки от 100 отраслей экономики всех союзных республик, она же давала продукцию от 82 своих. Молдавия получала продукцию от 93 отраслей из 14 республик и отправляла им от 72 (Народное хозяйство СССР 1982: 74; Польшов 2008: 3–26). Техническая взаимопомощь и сотрудничество усиливали межкультурную интеграцию (Российская многонациональная цивилизация 2003: 158–181). Росли мультикультурность регионов и число смешанных браков (1959 г. – 10,2%, 1979 – 14,9%, 1989 г. – 17,5%). Удельный вес последних отличался в республиках, но рост был везде (Котов 2003: 206; Вдовин 2004: 249; Уманский, Шаболдин 1987: 291). Готовность людей жить вместе с представителями других народов, активные миграционные процессы, рост вертикальной и горизонтальной мобильности, господство общекультурных практик укрепляли навыки позитивного взаимодействия. Важную роль играло владение русским языком другими национальностями: 1970 г. – 48,7%, 1989 – 81,9%. В 1979 г. 16,3 млн их представителей назвали его родным, 61,3 млн одинаково свободно владели родным и русским языком (Польшов 2008: 12; Уманский, Шаболдин 1987: 283).

У многих народов впервые появились многочисленные кадры квалифицированных рабочих, научно-технической и гуманитарной интеллигенции, хотя включенность титульных этносов в индустриализацию и состав высококвалифицированных кадров была неравномерной. Происходило формирование новой внутриэтнической иерархии при доминировании бюрократических критериев социальной организации. Прежние ценности культивировались в семейно-бытовой сфере и межличностных отношениях, но и здесь сказывалась новая иерархия отношений. В хозяйственный механизм встраивались навыки организации труда в этносообществах, традиционные правила неформального социального контроля, межпоколенческих и гендерных отношений, статусной иерархии и т.д.

Интернационализация при централизации и унификации в 1960–1980-е гг. не остановила развитие этнического самосознания. Многолетние вложения государства привели к формированию нового качества национальной интеллигенции. Она обрела потребность и возможность влиять на настроения «соплеменников», возвышая познавательный интерес и эмоциональную чувствительность к самобытности. Для власти же ревитализация этих

ценностей была прямо связана с угрозой национализма. В итоге недовольство политикой унификации в массовом сознании сплеталось с представлениями о росте русификации.

Особое значение имели формирование и эволюция этнобюрократии. Объективные противоречия и борьба между политическими целями центра и наличным механизмом их реализации пронизывали всю историю ее становления (Чеботарева 2008: 3–25). Укрепление этноэлит определялось их ролью в конструировании «позитивной этничности», что выражалось в поддержке власти при сохранении своей культуры и традиций (Северный Кавказ... 2008: 16). Рост «националов»-выдвиженцев, подготовка кадров наряду с репрессиями создавали новое качество этнобюрократии, которая меж тем активно использовала дисциплину обычного права, борьбу против оппозиций во внутриэтническом соперничестве, обеспечивала перекодировку символов и атрибутов власти, форм и инструментов управления. В обучении бюрократии упор делался на идеологию. Этносоциальная специфика трактовалась как часть классовой борьбы и позже в рамках тезиса о решенности национального вопроса. Советские поколения чиновников-националов считались свободными от этнокультурных компонентов, а подготовка к так называемому кросс-культурному менеджменту в таких условиях не требовалась.

Административный аппарат в его высшем звене складывался как многонациональный (Сахаров, Жиромская 2010: 37), в 1960–1980-е гг. за этническим балансом в руководстве регионов вели контроль. «Институциональный плюрализм» обеспечивало включение в центральные органы власти представителей республик, их партийные лидеры стали посредниками между центром и массами. Численное преобладание русских в высшем руководстве СССР не означало усиления внимания к русской этничности. Во 2-й половине XX в. шло сокращение доли русских во всех республиках, в отличие от их роста в 1926–1939 гг., снижение численности русских в целом (1970 г. – 52,4%, 1989 г. – 50,8%). Принципиальным был рост занятых умственным трудом: в 1959 г. 4 народа имели равную с русскими долю, в 1979 г. у 6 из 15 титульных этносов союзных республик эта доля сравнивалась с русскими (эстонцы, грузины, армяне, латыши, казахи); к ним приближались литовцы, украинцы, белорусы (Дробижева 2012: 346, 348). Производственная интеллигенция стала самой многочисленной у большинства народов

союзных республик, вместе с научной и гуманитарной формируя нравственность и умонастроения народа. В партийно-государственном аппарате республик участие русских снижалось, особенно в Закавказье и Прибалтике: рост этносоциального потенциала стимулировал социальные и политические запросы (Дробижева 2012: 350, 352).

Республиканские лидеры обеспечивали согласованную и взаимовыгодную линию в отношениях с руководством страны, патронируя корректировки в ходе необъявленной коренизации. Не случайно в докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии появился раздел о межнациональных отношениях, республикам рекомендовалось учитывать культурно-бытовые интересы лиц некоренных национальностей и их представительство в органах власти. Но парторганы, приобретая все большее ощущение самодостаточности, не обрели одновременно ответственность за сохранение межэтнического согласия, недооценили накопившийся на местах конфликтный потенциал. Деление на нации и народности при фиксации их юридического и фактического равенства порождало у элиты автономий стремление возвысить статус своих регионов. Последствия механической картографии обусловили ирредентизм. С принятием Конституции СССР 1977 г. центр столкнулся с попытками автономий преобразоваться в союзные республики, а интеллигенция Закавказья пыталась национальным языкам придать статус государственных (Этнический и религиозный факторы... 2012: 337–344). Руководство КПСС не учло адаптивной способности этноэлит трансформировать содержание управленческих структур и использовать в них механизмы этносоциальной иерархии. Жесткое структурирование общества обуславливало приоритет именно общих установок и ценностей, а не этнических, кои должны были вписаться в «негомогенное целое» согражданство и в то же время оставаться выделенными. Государство одновременно решало две стратегические задачи: укрепление советского единства, нивелирующего национальные различия, и возвышение этничности.

Фундаментальное значение имели все культурные институты и новации. К 1939 г. на 1000 чел. со средним и высшим образованием насчитывалось: в Грузии – 165, Армении – 128, на Украине – 120, в Казахстане – 83, Узбекистане – 55, Киргизии – 46, Туркменистане – 65, Таджикистане – 40 (Советский народ – новая... 1975: 189). С учетом «коренизации» кадров, создания и унификации

письменности для 89 народов впечатляющий прогресс произошел у всех народов. Политико-массовая и культпросветработа, создание национальных СМИ и библиотек, радио, печать, архитектура и скульптура, театр, кино, телевидение прочно включали их в общесоветский контекст. В 1960-е гг. в школах союзных республик с обучением на родном языке внедряется двухкомпонентная система содержания образования, единая система учебников усиливала межкультурную интеграцию. Сохранялось образование в этношколах на бикультурной основе. Формирование негомогенного целого через относительно гомогенное образовательное, культурное, информационно-коммуникативное пространство, наряду с общими параметрами социальной стратификации вне связи с национальностью и последствия миграций укрепляли полиэтническое единство.

Вопрос о языке имел глубокое символическое и политическое значение. Важнейший инструмент этноидентификации служил маркером для допуска к привилегиям титульного этноса и закрепления его административно-территориального статуса. Дилемма – продолжать поддержку многочисленных языков с малым числом носителей и ограниченной сферой употребления или радикально расширять обучение русскому – была решена в пользу скреплявшего государство языка (ЦК ВКП(б) и национальный вопрос... 2009: 391–394). Во 2-й половине 1970-х гг. вновь принимаются меры по улучшению изучения русского языка, что вызывало недовольство части этноэлит. Поворот к укреплению русского языка и культуры не означал возвышение русскости. Заметно и стремление центра найти «ответ» на этносоциальные трансформации в союзных республиках.

Происходило «расслоение» этничности: традиционные способы ее реализации дискредитировались и замыкались в скрываемую от внешнего контроля область внутриэтнических отношений, а требуемые классовые параметры становились декларацией о лояльности, развивая социальную мимирию. Внутриэтнические факторы оставались неотъемлемой частью самоидентификации. Межэтнические коммуникации, опыт которых был многопоколенным и выработал способность уживаться и адаптироваться в разных условиях, прирастали новыми практиками надэтнической политики. Советское совмещалось с этническим и становилось национальным в гражданском смысле. Сохранялась многослойность идентичности, у большинства населения постепенно формировалась

новая система ценностей, трудовой мотивации, социальных установок.

Концептуальное оформление межэтнической интеграции. Термин «советский народ» использовался с 1930-х гг. (Константинов 2012: 110). 19 марта 1935 г. газета «Правда» в передовице «Советский патриотизм» характеризовала его как «пламенное чувство безграничной любви, беззаветной преданности своей родине, глубокой ответственности за ее судьбу и оборону» единого народа – «союза рабочих и крестьян всех наций СССР, объединенных советами». Было восстановлено историческое образование, образ Родины включал СССР в целом, а не «малую родину», традиционная метафора державности стала важным компонентом официального дискурса о советском патриотизме. Он дополнялся понятием «Большая семья» с ее лучшими сыновьями и дочерьми – передовиками и воинами разных национальностей, гордостью за армию и воинскую славу Отечества. Политическое и географическое пространство включало этническое разнообразие. Советский патриотизм предполагал политическую лояльность, а в коммуникативной практике коллективная идентичность формировалась через представления об особых ценностях, образе жизни как предмете общей гордости. Конституция 1936 г. сыграла важную роль в кристаллизации коллективной идентичности «советский народ», в 1935–1939 гг. она активно развивается. Но подавление этнонациональной идентичности как близкая перспектива не предусматривалось; признавалась этнокультурная сложность общества с возможностью и необходимостью сближения народов.

Западные ученые соотносят формирование концепта «советский народ» с утверждением сталинизма. Б. Эннкер указывает: введение всеобщего и равного избирательного права связано с конструированием социально-политически единого народного сообщества, которое получило «менталитет», позволивший большевикам вовлечь это согражданство в деление на «своих» и «чужих» и проводить массовый террор. Сталинское конструирование советского народа было направлено на мобилизацию населения под популистскими лозунгами, ликвидацию местных руководителей, унификацию структур власти и централизацию. Н. Верт пишет: репрессии – проявление социальной и этнической инженерии по созданию советского народа (Эннкер 2013; Верт 2011: 97).

Меж тем поликультурное наполнение гражданства было реальностью, постепенно и прочно утверждаясь в массовом сознании при обращении к этому понятию. Летом 1944 г. на совещании историков в ЦК КПСС М.В. Нечкина заявила: «Мы совсем не занимаемся ... еще не поставленной в науке ... проблемой формирования советского народа. ...этот вопрос как задача научного исследования и теоретического освещения должен обязательно встать в порядок дня. Формирование советского народа прошло большого значения этапы в Отечественной войне. Советский народ – это не нация, а какая-то более высокая, принципиально новая, недавно возникшая в истории прочнейшая общность людей. Она объединена единством территории, принципиально новой хозяйственной системой, советским строем, какой-то единой новой культурой, несмотря на множественность языков. Однако это не нация, а нечто более высокое. Это совершенно новое явление в истории человечества. Оно должно иметь свою теорию» (Тишков 2013: 293–294).

Великая Отечественная война показала новое качество гражданской консолидации (Героическое и трагическое лихолетье... 2000; Патриотизм – составляющая государственной национальной политики... 2010: 143–190). С 1945 г. в пропаганде акцент делается не только на братство народов, но и гражданское единство (Панкратова 1949; О советском патриотизме... 1950; Шатагин, Осипов 1950 и др.). Но до 1960-х гг. преобладало описание интеграции в рамках концепции «многонационального советского государства» и соответствующей «дружбы народов».

Дж. Брунстедт пишет, что после 1945 г. «для партийного руководства неэтническая, пан-советская идентичность стала приобретать все большее значение по сравнению с субгосударственной этнической принадлежностью», а идея «советский народ» основана лишь на кросс-этнической памяти о прошлой славе, указывая: Брудный, Р. Брубейкер, Р. Суни, Т. Мартин, Ю. Слезкин считают построение доминирующей «советской идентичности» несерьезным проектом или же вообще не входившим в планы руководства (Брунстедт 2013: 198, 213). Однако надо учитывать не только конструирующую мощь государства в лице руководства, но и его способность воспринимать изменения в обществе и реагировать на них, в том числе благодаря достаточно организованному и долгое время вполне дееспособному аналитическому и идеологическому аппарату.

Выражение «советский народ» использовалось для характеристики граждан СССР как политического целого, а идея советского патриотизма соотносилась с национальной лояльностью (Константинов 2012: 114–115). На XXI съезде КПСС Н.С. Хрущев определяет СССР как «многонациональное государство трудящихся, добровольный союз социалистических наций» (Комсомольская правда 1959). Впервые он заявил, что в ходе строительства коммунизма «успешнее будет идти процесс слияния народов в единую коммунистическую семью». Но при обсуждении проекта Программы КПСС в Президиуме ЦК КПСС 14 декабря 1959 г. Б.Н. Пономарев, А.И. Кириченко и М.А. Суслов не смогли разделить примордиальное и конструктивистское понимание нации, зайдя в методологический тупик (Тишков 2013: 297–298).

Реальная интеграция требовала нового концепта, и в докладе о программе КПСС (1961) отмечалось: «...В СССР сложилась новая историческая общность людей различных национальностей, имеющих общие черты – советский народ». В программу партии положение не вошло, а в разделе «Задачи партии в области национальных отношений» подчеркивалось расширение взаимного общения и складывание общего духовного облика (Программа КПСС 1965; Двадцать второй съезд КПСС 1972: 206–207; Продолжение доклада товарища Н.С. Хрущева 1961: 2; Брежнев 1965: 3; Константинов 2012: 116). Концепция развивалась на XXIV и XXV съездах КПСС, официальная трактовка дана в 1972 г. (Ленинизм и национальный вопрос... 1972: 227–228). Конституция СССР 1977 г. зафиксировала складывание «новой исторической общности», соединив социально-политическое единство с межэтнической интеграцией. Появление этой формулы – идеологический конструкт и отражение настроений в обществе, попытка в рамках советского дискурса ввести политическое понятие нации как гражданства – полиэтнической общности (Бугай, Зубкова 2012: 300). Советский народ выступал как результат социальных трансформаций, достижения юридического и фактического равенства, братского сотрудничества народов. Анализ функционирования советского социума позволил соединить в концепции «советского народа» исследование развития регионов, практик управления страной-«империей», социальной и межкультурной консолидации общества (Дробжишева 2012: 337–344).

Система общих социально-политических и культурных институтов и коммуникаций, единая идейно-политическая интерпретация и мифология, общегосударственные символы и ритуалы, сближившиеся параметры культуры наряду с полиэтническим составом населения многих регионов обеспечивали единство советского народа как политической нации. Это не исключало поощрения этнокультурного разнообразия в установленных политико-идеологических рамках. В паспорте указывалась национальность, понятие же «советский» было идентификатором принадлежности к особой общности. Этническое и гражданское сплетались, усложнялась и этноидентификация. Взаимодействие политики и этничности не было вертикально однонаправленным – происходило и обратное влияние по вертикали и горизонтали социальных отношений.

От 60 до 80% населения республик называли родиной СССР. Наибольшую приверженность надэтнической общности демонстрировали русские. В 1989 г. 30% русских в РСФСР самоопределились как советские, в Москве и Ленинграде – 38% (Дробижева, Аклаев, Коротеева 1996: 305–306). В декабре 1990 г. от 70 до 80 % русских в России и других союзных республиках воспринимали себя прежде всего как граждане СССР, представители титульных этносов в союзных республиках на 1-е место ставили свои республики (Дробижева 2012: 356; Русские 1992: 400, 415). Вряд ли советская идентификация использовалась этническими маргиналами, а советскость была защитой от этнодискриминации в быту (Барбашин 2013: 369). В идентификации людей усиливаются критерии общегосударственного единства, восприятие страны как единого принципиально ценного пространства общей Родины (Социально-культурный облик наций... 1986: 433). Для большинства хорошие межэтнические отношения были реальностью, но чувство общности все больше подвергалось испытаниям. Одно из доказательств состоявшегося советского народа – результаты референдума о судьбе СССР (1991). Критика формулировки вопроса важна, но единая великая держава – фундаментальная ценность основной части советского народа представлялась естественной необходимостью, а ее разрушение – недопустимым.

Источники и литература

1. *Барбашин М.Ю.* «Советскость» в этносоциальном пространстве: этнические и институциональные процессы // *Политика и общество*. 2013. № 3(99). С. 368–372.
2. *Брежнев Л.И.* Великая победа советского народа // *Правда*. 1965. 9 мая.
3. *Брунстедт Дж.* Роль официального увековечивания памяти о Великой Отечественной войне в разработке концепции «советского народа» // *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры*. 2013. № 2. С. 194–213.
4. *Бугай Н.Ф., Зубкова Е.Ю.* Этнополитика в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период (1941–1960-е гг.) // *Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства*. М., 2012. С. 263–331.
5. *Вдовин А.И.* Русские в XX веке. М.: ОЛМА-Пресс, 2004. 448 с.
6. *Верт Н.* Сталинизм и массовые репрессии // *История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции*. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. С. 93–101.
7. *Героическое и трагическое лихолетье: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 55-летию Победы сов. народа над фашист. Германией и милитарист. Японией*. Москва, 21–22 сент. 2000 г. / под общ. ред. В.С. Порохни. Смоленск: Смядынь, 2000. 352 с.
8. *Двадцать второй Съезд КПСС* // *Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК*. М.: Политиздат, 1972. Т. 8. 542 с.
9. *XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза*. Стенографический отчет. Т. 1. М.: Политиздат, 1981. 380 с.
10. *Дробизева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В. и др.* Демократия и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996. 382 с.
11. *Дробизева Л.М.* Мифы и реальность многонациональной семьи народов // *Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства*. М.: Новый хронограф, 2012а. С. 353–362.
12. *Дробизева Л.М.* Этнодемографические и социальные изменения в жизни национальностей в 1970–1980 гг. // *Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства*. М.: Новый хронограф, 2012б. С. 332–379.
13. *Кадио Ж.* Как упорядочивали разнообразие: списки и классификации национальностей в Российской империи и в Советском Союзе (1897–1939 гг.) // *Ab imperio*. 2002. № 4. С. 177–206.
14. *Комсомольская правда*. 1959. 28 янв.
15. *Константинов Н.Н.* Советский Союз 1944–1991 годов в историографии. Репрезентация полиэтнического политического сообщества. Екатеринбург: Гриф, 2012. 249 с.
16. *Котов В.И.* Межэтнические взаимодействия // *Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия*. М.: Наука, 2003. С. 181–213.
17. *Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях*. М.: Политиздат, 1972. 493 с.
18. *Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.* М.: Гриф и Ко, 2010. С. 11–47.
19. *Народное хозяйство СССР. 1922–1982*. М.: Финансы и статистика, 1982. 624 с.

20. *О советском патриотизме: сб. статей.* М.: Политиздат, 1952. 210 с.
21. *Панкратова А.М.* Великое прошлое советского народа. М.: Воениздат, 1949. 373 с.
22. *Патриотизм* – составляющая государственной национальной политики России: теория, практика / Кол. авторов; сост., авт. и рук. авт. кол. Н.Ф. Бугай; Ин-т российской истории РАН. М.: Голден-Би, 2010. 384 с.
23. *Полынов М.Ф.* Проблемы и противоречия в развитии национальных отношений в СССР в 1970-х – первой половине 1980-х гг. // *Общество. Среда. Развитие (TERRA HUMANA)*. Вып. № 2. 2008. С. 3–26.
24. *Программа КПСС.* Принята XXII съездом КПСС. М.: Политиздат, 1965. 143 с.
25. *Продолжение* доклада товарища Н.С. Хрущева // *Правда*. 1961. 19 окт.
26. *Российская многонациональная цивилизация. Единство и противоречия.* М.: Наука, 2003. 378 с.
27. *Русские* (Этносоциологические очерки). М.: Наука, 1992. 464 с.
28. *Сахаров А.Н., Жиромская В.Б.* Облик народа к началу Великой Отечественной войны // *Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.* М.: Гриф и К^о, 2010. С. 11–47.
29. *Северный Кавказ в национальной стратегии России* / под ред. В.А. Тишкова. М.: Росинформагротех, 2007. 384 с.
30. *Советский народ* – новая историческая общность людей. Становление и развитие / Отв. ред. М.П. Ким, В.П. Шерстобитов. М.: Наука, 1975. 520 с.
31. *Советское строительство.* 1927. № 10–11.
32. *Социально-культурный облик наций.* По результатам этносоциол. исслед. / отв. ред. Ю.В. Арутюнян, Ю.В. Бромлей; АН СССР, Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1986. 453 с.
33. *Тишков В.А.* Российский народ. История и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 649 с.
34. *Уманский Л.А., Шаболдин С.С.* Годы труда и побед, 1917–1987: Попул. справочник. М.: Политиздат, 1987. 368 с.
35. *Учительская газета.* 1938. 13 июня.
36. *Хацкевич А.* Общие итоги проведения белоруссизации к 10-й годовщине Октябрьской революции // *Советское строительство.* 1927. № 12(17). С. 48–143.
37. *Хацкевич А.* Работа национальных советов в БССР (По материалам местного обследования нацсоветов) // *Советское строительство.* 1927. № 7. С. 84–87.
38. *Хацкевич А.* Строительство Советов Белоруссии к ее десятилетию // *Советское строительство.* 1929. № 1. С. 135.
39. *ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос.* М.: РОССПЭН, 2005. Кн. 1. 784 с.
40. *ЦК ВКП(б) и национальный вопрос.* М.: РОССПЭН, 2009. Кн. 2. 1095 с.
41. *Шатагин Н.И., Осипов Ж.С.* Великая победа советского народа: к пятой годовщине разгрома гитлеровской Германии. М.: Политиздат, 1950. 140 с.
42. *Чеботарева В.Г.* Сталин и партийно-советские национальные кадры // *Вопросы истории.* 2008. № 7. С. 3–25.
43. *Энрикер Б.* «Советский народ», режим и сталинская конституция 1936 года: исследовательские подходы и теоретическая рефлексия над некоторыми вопросами политической истории Советского Союза. [Электронный ресурс]. – URL: <http://>

perspectivia.fafalter.de/content/publikationen/shdp/ennker_narod (дата обращения: 22.04.2014).

44. *Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства*. М.: Новый хронограф, 2012. 448 с.

Amanzholova Dina A.

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences

amanzholova19@mail.ru

Ethnicity and the formation of the Soviet people

The Bolsheviks were founded upon the principle of subordination of the national question to the class, the international solidarity of the workers and peasants, self-determination and equality of nations, in order to strengthen local authorities and promote the realization of the socialist project. National policies conducted in 4 areas: the politicization of ethnicity and ethnic mapping; socio-economic development and sponsorship of nationalities for their comprehensive modernization; Bolshevisation bureaucracy and the "korenizaciya"; ideology, propaganda, education and Kulprosvet as instruments of progress of peoples and intercultural integration.

The system of general socio-political, cultural institutions and communications, unified ideological and political interpretation and mythology, general state symbols and rituals, made friends parameters of the political and legal culture at the multiethnic composition of the population in many regions ensured the unity of the Soviet people as a political nation. This does not preclude the promotion of ethnic and cultural diversity, ethnic and civil evolved into a dynamic unity. The interaction of politics and ethnicity was not vertically unidirectional (from policy to ethnicity), and the inverse effect occurred both vertical and horizontal social relations.

Keywords: Policy, Ethnicity, Soviet national policy, Soviet people, civic community.

References

1. Barbashin M.Iu. «Sovetskost'» v etnosotsial'nom prostranstve: etnicheskie i institutsional'nye protsessy ["Sovietness" in ethnic-social space: ethnic and institutional processes], *Politika i obshchestvo*, 2013, no. 3(99), pp. 368–372.

2. Brezhnev L.I. Velikaia pobeda sovetskogo naroda [The Great victory of Soviet people], *Pravda*, 1965, May 9.

3. Brunstedt Dzh. Rol' ofitsial'nogo uvekovechivaniia pamiati o Velikoi Otechestvennoi voine v razrabotke kontseptsii «sovetskogo naroda» [The role of official perpetuation of memory of the Great Patriotic War in creation of concept of "Soviet people"], *Forum noveishei vostochnoevropeiskoi istorii i kul'tury*, 2013, no. 2, pp. 194–213.

4. Bugai N.F., Zubkova E.Iu. Etnopolitika v gody Velikoi Otechestvennoi voiny i v poslevoennyi period (1941–1960-e gg.), *Etnicheskii i religiozniy faktory v formirovanii i evoliutsii Rossiiskogo gosudarstva* [Ethnic and religious factors in formation and evolution of the Russian state]. Moscow: Novyi khronograf, pp. 263–331.

5. Vdovin A.I. *Russkie v XX veke* [Russians in XX century]. Moscow: OLMA-Press, 2004. 448 p.

6. Vert N. *Stalinizm i massovye repressii* [Stalinism and mass repressions], *Istoriia stalinizma: itogi i problemy izucheniia. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*.

Moskva, 5–7 dekabria 2008 g. [History of Stalinism: results and problems of studying. Proceedings of international science conference. Moscow. December 5–7, 2008]. Moscow: ROSSPEN: Fond «Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina», 2011, pp. 93–101.

7. *Geroicheskoe i tragicheskoe likholet'e: Materialy Mezhdunar. nauch. konf., posviashch. 55-letiiu Pobedy sov. naroda nad fashist. Germaniei i militarist. Iaponiei. Moskva, 21–22 sent. 2000 g.* [Heroic and tragic hard times: Proceedings of International Science conference devoted to 55th anniversary of Victory of the Soviet people over fascist Germany and militaristic Japan. Moscow, September 21–22, 2000], ed. by V.S. Porokhni. Smolensk: «Smiadyn'», 2000. 352 p.

8. *Dvadtsat' vtoroi S"ezd KPSS, Kommunisticheskaja partiia Sovetskogo Soiuza v rezoliutsiakh i resheniiakh s"ezdov, konferentsii i plenumov TsK* [The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decision of congresses, conferences and plenary sessions of the Central Committee]. Moscow: Politizdat, 1972. Vol. 8. 542 p.

9. *XXVI s"ezd Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soiuza. Stenograficheskii otchet* [The XXVI congress of the Communist party of the Soviet Union. Stenographic report]. Vol.1. Moscow: Politizdat, 1981. 380 p.

10. Drobizheva L.M., Aklaev A.R., Koroteeva V.V. et. al. *Demokratiia i obrazy natsionalizma v Rossiiskoi Federatsii 90-kh godov* [Democracy and images of nationalism in Russian Federation of the 1990s]. Moscow: Mysl', 1996. 382 p.

11. Drobizheva L.M. *Mify i real'nost' mnogonatsional'noi sem'i narodov, Etnicheskii i religiozniy faktory v formirovanii i evoliutsii rossiiskogo gosudarstva* [Ethnic and religious factors in formation and evolution of the Russian state]. Moscow: Novyi khronograf, 2012a, pp. 353–362.

12. Drobizheva L.M. *Etnodemograficheskie i sotsial'nye izmeneniia v zhizni natsional'nostei v 1970–1980 gg., Etnicheskii i religiozniy faktory v formirovanii i evoliutsii rossiiskogo gosudarstva* [Ethnic and religious factors in formation and evolution of the Russian state]. Moscow: Novyi khronograf, 2012b, pp. 332–379.

13. Kadio Zh. *Kak uporiadochivali raznoobrazie: spiski i klassifikatsii natsional'nostei v Rossiiskoi imperii i v Sovetskom Soiuze (1897–1939 gg.)* [How the diversity was regulated: lists and classifications of nations in the Russian Empire and the Soviet Union (1897–1939)]. *Ab imperio*, 2002, no. 4, pp. 177–206.

14. *Komsomol'skaia Pravda* [The Komsomol Truth]. 1959. January 28.

15. Konstantinov N.N. *Sovetskii Soiuz 1944–1991 godov v istoriografii. Reprezentatsiia polietnicheskogo politicheskogo soobshchestva* [The Soviet Union of 1944–1991 in historiography. Representation of the multi-ethnic political society]. Ekaterinburg: Grif, 2012. 249 p.

16. Kotov V.I. *Mezhetnicheskoe vzaimodeistvie, Rossiiskaja mnogonatsional'naia tsivilizatsiia: Edinstvo i protivorechiia* [Russian multi-national civilization: Unity and contradictions]. Moscow: Nauka, 2003, pp. 181–213.

17. *Leninizm i natsional'nyi vopros v sovremennykh usloviakh* [Leninism and the national question in modern conditions]. Moscow: Politizdat, 1972. 493 p.

18. *Narod i voina: ocherki istorii Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* [People and war: essays on the history of the Great Patriotic War, 1941–1945]. Moscow: Grif i Ko, 2010, pp. 11–47.

19. *Narodnoe khoziaistvo SSSR. 1922–1982* [National economy of USSR. 1922–1982]. Moscow: Finansy i statistika, 1982. 624 p.

20. *O sovetskom patriotizme. Sb. Statei* [Of Soviet patriotism. Collected papers]. Moscow: Politizdat, 1952. 210 p.

21. Pankratova A.M. *Velikoe proshloe sovetskogo naroda* [Great past of Soviet people]. Moscow: Voenizdat, 1949. 373 p.
22. *Patriotizm – sostavliaiushchaia gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossii: teoriia, praktika* [Patriotism is a consistent part of the state national policy in Russia: theory, practice]. Ed. by N.F. Bugai; In-t rossiiskoi istorii RAN. Moscow: Golden-Bi, 2010. 384 p.
23. Polynov M.F. Problemy i protivorechiia v razvitii natsional'nykh otnoshenii v SSSR v 1970-kh – pervoi polovine 1980-kh gg. [Problems and contradiction in the development of national relationship in USSR in the 1970s-the first half of the 1980s], *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (TERRA HUMANA)*, Vol. 2, 2008, pp. 3–26.
24. *Programma KPSS. Priniata XXII s"ezdom KPSS* [Program of the CPSU. Adopted at the XXII Congress of the CPSU]. Moscow: Politizdat, 1965. 143 p.
25. Prodolzhenie doklada tovarishcha N.S. Khrushcheva [Comrade Khrushchev's report continuation], *Pravda*, 1961, October 19.
26. *Rossiiskaia mnogonatsional'naia tsivilizatsiia. Edinstvo i protivorechiia* [Russian multi-national civilization: Unity and contradictions]. Moscow: Nauka, 2003. 378 p.
27. *Russkie (Etnosotsiologicheskie ocherki)* [Russians (Ethnosocial essays)]. Moscow: Nauka, 1992. 464 p.
28. Sakharov A.N., Zhiromskaia V.B. *Oblik naroda k nachalu Velikoi Otechestvennoi voyny, Narod i voina: ocherki istorii Velikoi Otechestvennoi voyny 1941–1945 gg.* [People and war: essays on the history of the Great Patriotic War, 1941–1945]. Moscow: Grif i Ko, 2010, pp. 11–47.
29. *Severnyi Kavkaz v natsional'noi strategii Rossii* [The North Caucasus in Russian national strategy], ed. by V.A. Tishkov. Moscow: Rosinformagrotekh, 2007. 384 p.
30. *Sovetskii narod – novaia istoricheskaiia obshchnost' liudei. Stanovlenie i razvitie* [Soviet people is a new historical unity of people. Formation and development], eds. M.P. Kim, V.P. Sherstobitov. Moscow: Nauka, 1975. 520 p.
31. *Sovetskoe stroitel'stvo* [Soviet construction]. 1927, no. 10–11.
32. *Sotsial'no-kul'turnyi oblik natsii. Po rezul'tatam etnosotsiol. issled.* [Social and cultural image of a nation. Based on the results of ethnosocial researches], eds. Iu.V. Arutiunian, Iu.V. Bromlei; AN SSSR, Institut etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaia. Moscow: Nauka, 1986. 453 p.
33. Tishkov V.A. *Rossiiskii narod. Istoriiia i smysl natsional'nogo samosoznaniia* [Russian people. History and meaning of national self-knowledge]. Moscow: Nauka, 2013. 649 p.
34. Umanskii L.A., Shaboldin S.S. *Gody truda i pobed, 1917–1987: Popul. spravochnik* [Years of labor and victories, 1917–1987: Popular reference book]. Moscow: Politizdat, 1987. 368 p.
35. *Uchitel'skaia gazeta* [The Teachers' newspaper]. 1938, June 13.
36. Khatskevich A. *Obschie itogi provedeniia belorussizatsii k 10-i godovshchine Oktiabr'skoi revoliutsii* [Overall results of belorussization by 10th anniversary of the October revolution], *Sovetskoe stroitel'stvo*, 1927, no. 12(17), pp. 48–143.
37. Khatskevich A. *Rabota natsional'nykh sovetov v BSSR (Po materialam mestnogo obsledovaniia natsovetov)* [Functioning of national soviets in BSSR. (Based on the materials of local research of national soviets)], *Sovetskoe stroitel'stvo*, 1927, no. 7, pp. 84–87.

38. Khatskevich A. Stroitel'stvo Sovetov Belorussii k ee desiatiletiu [Construction of Soviets in Byelorussia by its 10th anniversary], *Sovetskoe stroitel'stvo*, 1929, no. 1, pp. 35.
39. *TsK RKP(b)-VKP(b) i natsional'nyi vopros* [The Central Committee of RCP(b)-ARCP(b) and the national question]. Book 1. Moscow: ROSSPEN, 2005. 784 p.
40. *TsK VKP(b) i natsional'nyi vopros* [The Central Committee of RCP(b) and the national question]. Book 2. Moscow: ROSSPEN, 2009. 1095 p.
41. Shatagin N.I., Osipov Zh.S. *Velikaia pobeda sovetского naroda: k piatoi godovshchine razgroma gitlerovskoi Germanii* [The great victory of Soviet people: by 5th anniversary of the crushing defeat of Hitler's Germany]. Moscow: Politizdat, 1950. 140 p.
42. Chebotareva V.G. Stalin i partiino-sovetskie natsional'nye kadry [Stalin and party and soviet national cadres], *Voprosi Istorii*, 2008, no. 7, pp. 3–25.
43. Ennker B. «Sovetskii narod», *rezhim i stalinskaia konstitutsiia 1936 goda: issledovatel'skie podkhody i teoreticheskaia refleksii nad nekotorymi voprosami politicheskoi istorii Sovetskogo Soiuza* [“Soviet people”, regime and Stalin's constitution of 1936: research approaches and theoretical reflexion over some issues of political history of the Soviet Union]. Available at: http://perspektiva.fafalter.de/content/publikationen/shdp/ennker_narod. (Accessed 22 April 2014).
44. *Etnicheskii i religiozni faktory v formirovanii i evoliutsii rossiiskogo gosudarstva* [Ethnic and religious factors in formation and evolution of the Russian state]. Moscow: Novyi khronograf, 2012. 448 p.

УДК 94(57)+316.7

DOI 10.172239785751123666/4

Н.В. Гонина

«ПЛАНЕТА НОРИЛЬСК» И «МАТЕРИК»: ОСОБЕННОСТИ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ ИНТЕРВЬЮ И ОПУБЛИКОВАННЫХ ВОСПОМИНАНИЙ)

Норильск – уникальный город, что находит отражение в городской идентичности. Природа Заполярья, транспортная недоступность, долгая зима и полярная ночь – условия, к которым приходится адаптироваться. Постоянная борьба за выживание, сотрудничество в относительно тесном коллективе и высокий уровень ответственности порождают особый мир ценностей горожанина, который позволяет ощущать себя гражданином в полном смысле этого слова.

Ключевые слова: Норильск, город, городская идентичность, воспоминания.

Городская идентичность: подходы к определению понятия. В последние годы термин «идентичность» все чаще встречается в гуманитарных исследованиях. С одной стороны, это результат обновления научно-методологической базы, с другой стороны, возмож-

ность говорить о тех вещах, которые нельзя описать в традиционных терминах. Как живут горожане, что для них является важным? Как можно изучать городское сообщество и городское самосознание? Все эти вопросы, часто выходящие на проблемы психологии и социологии, могут найти ответ, если воспользоваться такими понятиями, как «идентичность» и «ментальность».

Согласно Л.Г. Ионину, «идентичность – категория социально-гуманитарных наук, применяемая для описания индивидов и групп в качестве относительно устойчивых, «тождественных самим себе» целостностей. Идентичность есть не свойство, но отношение. Она формируется, закрепляется (или, напротив, переопределяется, трансформируется) только в ходе социального взаимодействия (Ионин 2014).

Городская идентичность в научной литературе описывается по-разному в зависимости от целей и методов исследования, а также приоритетов научной отрасли. В то же время это понятие как нельзя лучше подходит к описанию такого сложного организма, как город и его население. Как заметил Т. Гланц, «идентичность, с одной стороны, касается сугубо индивидуальной основы человека. Но с другой стороны, это всегда коллективное явление, которое является именно одинаковостью, то есть самоотождествлением с неким социальным телом, с некой группой, с другими идентичными индивидуумами» (Гланц 2006: 303).

В диалектике этих отношений горожане по необходимости или по собственной воле вовлекаются в бесконечный, всегда не завершённый, непрерывный и открытый процесс конструирования идентичности. Из трех уровней структуры формирования и репрезентации идентичности, выделяемых Т. Черняевой, в данной статье предпочтительно сосредоточиться на первом – фундаментальном ценностно-смысловом, связывающем воедино место и тело (Черняева 2006: 116).

Также важно уточнить, что для городской идентичности большую роль играет эмоционально-насыщенное отношение человека к месту, возникающее в результате множественных взаимодействий с городской и социальной средой (Вендина 2012: 27).

Формирование городской идентичности происходит по нескольким каналам. Среди них – закрепившиеся практики регулирования социально-политического взаимодействия людей или осмысление (в том числе мифологизация) истории своего города, его значения в

прошлом и настоящем своей страны, образа группового прошлого. Идентичность также проявляется в языке, ритуале, мифе и материальной культуре. Все это позволяет определить границы городского сообщества (Пунина, Ромашова 2010).

Кроме этого, можно выделить несколько параметров, которыми в той или иной степени измеряется сила городской идентичности: способность горожан к видению и развитию уникальных черт и особенностей города; понимание горожанами принадлежности их города к каким-либо внешним контекстам (стране, региону, типам городов); позитивность восприятия города, внутренняя лояльность (степень любви и привязанности горожан к своему городу, интерес горожан к истории и культурной жизни города, уровень городского патриотизма); сплоченность городского сообщества (общность интересов горожан, степень осознания общих проблем развития города, готовность и способность к реализации совместных инициатив, уровень симпатии к землякам); практический потенциал идентичности (способность городского сообщества к самоорганизации, уровень социальной активности, действенное стремление сообщества к усилению городской идентичности, понимаемая и поддерживаемая местным сообществом суть, идея, стратегия развития города) (Визгалов 2011: 39).

Каждый город обладает уникальностью. Но Норильск выделяется среди всех. Это первый большой город в Заполярье с постоянным населением, многоэтажной застройкой и развитой инфраструктурой. Ряд систем, обеспечивающих жизнь и деятельность человека в суровых условиях Севера, впервые разрабатывались и апробировались именно здесь. Уникальны и разрабатываемое месторождение никеля, и само градообразующее предприятие – Норильский горно-металлургический комбинат (ГМК). В связи с вышесказанным изучение городской идентичности норильчан представляет особый интерес.

Источниковая база исследования включает документы городского архива, опубликованные воспоминания норильчан, местные норильские издания (преимущественно публицистика) и материалы индивидуальных интервью. Интервью носили неформализованный характер, применялся простой случайный отбор. Для проведения интервью была определена группа норильчан 1934–1964 гг. рождения. Преимущественным значением при выборке была долговременность проживания в Норильске. В группе представлены люди,

работающие в различных отраслях, имеющие высшее образование (последняя позиция не планировалась). Всего было опрошено 10 человек. Некоторые запретили публиковать материалы интервью и/или раскрывать их имена. Несколько человек в последний момент отказались от интервью, что не позволило достичь стандартного количества респондентов.

Особенности образа жизни норильчан. Специфика Норильска и городского образа жизни норильчан, в первую очередь, определяется удаленностью, оторванностью от основной зоны расселения и слабой транспортной связью с ней, что нашло отражение в понятии «материк». Первое, что можно услышать в интервью, – рассказ о том, как человек приехал «с материка», или противопоставление Норильск – «материк» в речи коренного норильчанина. Термин «материковый» можно трактовать как стабильный, надежный, хороший... (Интервью с Н.Г.). Также это состояние отражается в образах планеты или корабля, летящего в космосе (Планета культуры... 2006; Гражданин мира... 2006). Если понятие «материк» часто можно услышать в речи северян, то образ космического скитальца в Норильске встречается впервые.

Не менее важной особенностью, оказывающей определяющее воздействие на все сферы жизни горожан, является природа Заполярья – долгая и холодная зима, полярная ночь, тундра... Все это воздействует на физическую и психическую составляющие человеческой личности и формирует в процессе адаптации новые черты. Жизнь в Норильске, несмотря на определенный комфорт городских условий, это всегда баланс на грани жизни и смерти, тепла и холода, тьмы и света. Здесь представлен яркий пример фронта, проанализированный, в частности, в статье Н. Замятиной (Замятина 2014).

Еще одной особенностью городского населения Норильска является то, что здесь трудно найти норильчанина в третьем поколении (как принято в традиционной характеристике городского населения), что обусловлено активной миграционной подвижностью жителей и практически обязательным выездом пожилых людей «на материк» (некоторые остаются, но таких очень мало). Также это приводит к тому, что не работает механизм передачи опыта от поколения к поколению, так как старшее поколение покидает город, и его опыт остается невостребованным. Например, Н.Г. в своем интервью с грустью заметила: «Я скоро уеду, и сюда (на рабочее место) придут другие люди, и все изменится...» (интервью с Н.Г.).

Правда, постепенно число детей, рожденных в Норильске и оставшихся здесь, растет, что было обусловлено, в том числе, и сложностью ситуации в 1990-х гг. Так, в 1978 г. на Норильском ГМК работало 10% родившихся в Норильске, в 2003 г. – 21%. (Черняева 2006: 134).

Норильчане в целом очень мобильны, что служит преодолению замкнутости, изолированности города. Транспортные дотации и высокие зарплаты как в советский период, так и сегодня позволяют норильчанам съездить в отпуск в любую точку страны и даже слетать в Санкт-Петербург на премьеру спектакля или в Москву «попить пива» (интервью с Н.Г. и С.А.).

«Неукорененность» норильчан входит в противоречие со многими схемами изучения города (Вендина 2012: 27), так как не дает маргинальности в ее традиционных чертах. Норильчане любят свой город, гордятся им, вкладывают свой труд в его развитие, а когда уезжают – скучают и, если могут, приезжают в гости.

Следующие черты не являются спецификой Норильска, их можно встретить и в других городах, но здесь их влияние на формирование идентичности играет особую роль. В первую очередь назовем Норильский ГМК. В советском государстве было достаточно много городов при предприятиях государственного значения, в том числе в Восточной Сибири. Однако в условиях Севера жизнь города без завода немыслима, хотя бы потому, что только высокие доходы и постоянный цикл работы предприятия обеспечили рентабельность города и позволяют ему существовать до сих пор. ГМК не только основной работодатель, на его базе существует вся инфраструктура (например, нет частного жилого сектора) и все социальное обеспечение. Выезд из города как на отдых, так и в другое место жительства в старости тоже чаще всего обеспечивается заводом. Экология города и прилегающей тундры также определяются гигантом индустрии. Динамика жизни в Норильске практически полностью определяется рабочим циклом производства.

Однако считать город приложением к заводу будет серьезной ошибкой. Как раз наоборот, комбинат – это одна из составляющих бытия города. Именно так воспринимают его норильчане. Поэтому у людей особое отношение к истории поиска месторождений и строительства завода. Основная часть городских мифов и легенд связана с комбинатом. Особую роль в них играют личности А. Завенягина, который в 1938 г. возглавил строительство Норильского ГМК и считается его соз-

дателем, и Н. Урванцева – геолога, полярного исследователя, открывшего норильское месторождение медно-никелевых руд. Гордость вызывает сопричастность к производству государственного масштаба. По особому относятся даже к экологическим проблемам – выбросы заводов воспринимаются как неотъемлемая составляющая жизни в Норильске, наряду с холодом и полярной ночью.

В то же время следует подчеркнуть, что в воспоминаниях, произведениях искусства сам завод не занимает главного места. В первую очередь, когда говорят о заводе, – говорят о людях. Ярчайшим примером является знаменитая работа фотокорреспондента АПН В. Чин-Мо-Цая, получившая признание на международной выставке в 1971 г., которую можно считать выражением восприятия производства. Это портрет молодого человека в необычном ракурсе – полуоборотом назад, его волосы и лицо залиты потом, на коже отблески пламени, а взгляд тверд и ясен, в нем много силы и уверенности в себе (Чин-Мо-Цай 1971).

Невозможен разговор о Норильске без темы ГУЛАГа. Для жителей Норильска – это важнейшая составляющая создания города не только в материальном, но и в духовном плане. Поэтому нельзя согласиться с И. Ждановой в том, что ГУЛАГ не вписывается в норильскую мифологию (Жданова 2005: 87). В каждом интервью и воспоминании, при рассказе о любом социокультурном явлении упоминаются репрессированные деятели культуры и науки как основатели города и городского сообщества, как первоисточник культурной среды. Причем мифологизируются не только Урванцев, Жженов и Гумилев, но и простые заключенные – в воспоминаниях они всегда добрые, умные, высокообразованные и несчастные (О времени, о Норильске, о себе... 2001–2012; Планета культуры... 2006).

И только крайне редко в воспоминаниях и в архивных документах проскальзывает информация о другой, жуткой стороне жизни Норильска. Преступность, характерная для большинства рабочих городов (например, Братск, Черемхово, Ачинск), традиционно усиливалась соседством с лагерем. Но здесь она обострялась в силу изолированности и пребывания людей, совершивших особо тяжкие проступки. Пьянство и насилие, проституция, в том числе детская, и наркомания... (Ханжин 2013; МКУ «Норильский городской архив»). Все это – другая сторона «планеты Норильск», неотъемлемая часть диалектической целостности города.

В последнее время яркой тенденцией в городских исследованиях стал брендинг и такая его составляющая, как «столичность». Не миновало это направление и Норильск. Но и здесь, заметим, есть местная специфика. Норильск всегда считал себя столицей. Во-первых, это роль столицы Заполярья, которая отводилась ему в планах советского освоения Севера и нашла отражение как в архитектуре (Октябрьская площадь), так и в гербе города (белый медведь, держащий ключ к Северу). Норильчане совершенно серьезно считают свой город не частью Красноярского края, а в первую очередь – частью страны, третьей столицей России. А если и относят его к региону, то делают упор на словосочетание «культурная столица края», намекая на параллель с Санкт-Петербургом (Интервью с С.А. Стрючковым; Жданова 2005: 96–97).

Роль Ленинграда/Петербурга в истории Норильска огромна, и, учитывая естественную изолированность города, она намного выше, чем, например, для Красноярска или Усть-Илимска. Это миграционный обмен жителями, в их числе репрессированные ленинградцы и многие специалисты города. Большинство предприятий и организаций Норильска создавались в Ленинграде или руководились оттуда. Архитектура, вызывающая в памяти улицы и площади северной столицы. Многочисленные культурные связи, которые не прерывались ни на миг и обеспечили особое качество духовной среды города. Все это вместе обосновывает претензии на «столичность».

Названные характерные черты определяют уникальную городскую среду и задают параметры городской идентичности.

Городская культурная среда как отражение и источник идентичности. Когда мы говорим об удаленных населенных пунктах, привычно напрашивается тезис об изолированности, цикличности, замедленном развитии – явлениях, исторически характерных для многих поселений и относящихся к понятию «провинция». Однако в случае Норильска ситуация практически противоположна. Периферия, но не провинция – гордо говорит норильчанин о своем городе (Интервью с С.А. Стрючковым; Жданова 2005: 96–97).

Норильск в лице своей интеллектуальной элиты легко воспринимает и жадно перерабатывает новую информацию, демонстрируя открытость сознания. Ярким примером являются результаты деятельности Фонда Прохорова, в частности долгосрочного исследовательского проекта 2004–2005 гг. «Локальные истории: научный, ху-

дожественный и образовательный аспекты» (История места... 2005; Гражданин мира... 2006).

Культура имеет особое значение для норильчан. Недаром большинство из них не удовлетворяются только работой по профессии. Уже в 1960-х гг. различные творческие коллективы охватывали более 90 тыс. норильчан, или 73% населения города (Планета культуры... 2006: 18) Для рабочих завода и сегодня характерны занятия в театральных, танцевальных и хоровых студиях (Фоменко 2008: 12). И это не просто вид отдыха. Высокий профессионализм деятелей культуры, заложенный еще в период основания Норильска репрессированными (что составляет отдельный аспект гордости норильчан), определяет высокий уровень искусства. Даже концерты детских коллективов поражают своей яркостью и мастерством. Работа взрослых не уступает лучшим коллективам страны.

В городе много как самобытных, так и профессиональных деятелей искусства: поэтов, писателей, художников, музыкантов. Очень философичны, глубоки и многогранны, эстетически прекрасны и гармоничны их произведения. Причем наиболее полно они раскрываются, отражая свою локальную реальность – красоты тундры, человеческие отношения, развивающиеся в тесном коллективе и суровых испытаниях...

В 2006 г. в Норильске была издана книга с говорящим названием: «Планета культуры – Норильск» объемом в 876 страниц (Планета культуры... 2006). Какой еще город нашего региона может похвастать такой энциклопедией культурной жизни, написанной вдохновенно и с глубоким пониманием основ процессов культурной динамики?

Это понятие «планета Норильск» не просто фигура речи. Изолированные населенные пункты обычно быстро деградируют, теряют население, динамизм сменяется застоем и упадком. Но в Норильске даже в самые сложные периоды этого не было. Здесь присутствуют удивительная полноценность, духовная насыщенность. Творчество, саморазвитие, поиск и обретение смыслов существования, решение сложных задач, общение с близкими по духу людьми – все это создает особую, неповторимую ауру норильского городского сообщества, которую лучше всего можно почувствовать на культурных мероприятиях. Подкрепим тезис словами музыковеда, коренной норильчанки Е. Истратовой: «Творческой атмосферой пронизан город, являющийся отнюдь не сказочным городом мастеров, а огромным промышленным гигантом, к тому же выросшим из так называемого

исправительно-трудового лагеря... И какое счастье, что мы с детства заражены тотальной «творческой» нашего уникального города...» (Планета... 2006: 7–8, 853).

В Норильске сложилась благоприятная почва для издательской деятельности. В городе два частных издательства – «АПЕКС» и «Кактус». О Норильске за последние годы написано и издано больше, чем о Красноярске, Минусинске или Енисейске.

Еще одной стихией, в которую погружаются норильчане, является спорт. Так, согласно социологическим опросам, в 1970–1980-х гг. более половины опрошенных рабочих и ИТР Норильского промышленного района проводили свой досуг за городом, занимались охотой и рыбалкой. Туризмом, альпинизмом и другими видами спорта занимались 16,6% населения (Олейникова 1985: 145). Люди стараются максимально интенсивно использовать период, когда можно бывать на открытом воздухе – уходят в тундру на лыжах или ездят на машинах. Живут на турбазах или в построенных временках. В условиях Севера, по сути, любой спорт на открытом воздухе превращается в экстремальный. Несмотря на это, среди спортсменов-норильчан есть высокие достижения.

Традиция лыжных походов, характерная для 1970-х гг., продолжается и сейчас. Так, норильские школьники в 2000-х гг. неоднократно ходили в Путоранский заповедник. Организатору похода Т. Хвостовой принадлежат замечательные слова: «Стоит ли отделяться сейчас от природы, когда, возможно, ее красота и уникальность может стать тем недостающим звеном в процессе формирования идентичности горожан» (Замятина 2007: 190).

Культура Норильска, соединяя в себе реальное и идеальное, является одновременно результатом и основой городской идентичности.

Саморефлексия и историческая память как основа идентичности горожан. Общаясь с норильчанами и читая их публикации, нельзя не заметить высокий уровень самосознания, в том числе себя – как горожанина. Ярко выражено понятие городского сообщества как совокупности граждан, разделяющих чувство ответственности за судьбы города и солидарных в определении и решении общих проблем, что не характерно для многих других городов с укорененным населением.

Любовь норильчан к своему городу отметили социологи в 1983 г.: «Замечено, что редко кто от всей души так восторгается своим городом и заполярным краем, как это делает норильчанин, нахо-

дятся «на материке». Они назвали это явление «северным патриотизмом» (Дзюра 1985: 78). Большое значение придается историческому наследию – объектам коллективной памяти, которая сохраняет и вписывает жизнь и деятельность каждого горожанина в контекст истории города. Недаром норильчане в 1990-е гг. не позволили снести старые аварийные дома первой застройки города и добились их реставрации (Интервью с С.А. Стрючковым). Важную роль играет вопрос личного вклада, труда, который был отдан городу. Норильск заставляет жить и работать на пределе сил, и это делает его огромной ценностью для человека, независимо от времени и расстояния. Тезис «нигде не было так тяжело, как здесь, но нигде я не был так счастлив...» встречается во всех воспоминаниях и интервью. Все это, а также потребность в сохранении и передаче опыта, понимание его значимости находят отражение в значительном количестве опубликованных воспоминаний (например, О времени... 2001–2012). Таким образом, осуществляется связь времен.

С данным явлением связан и феномен землячества норильчан в Красноярске, Минусинске, Москве, Санкт-Петербурге, Сочи. Недаром московским землячеством было инициировано издание воспоминаний норильчан, которое сейчас насчитывает 12 томов (О времени... 2001–2012). За пределами Норильска люди становятся норильчанами больше, чем они были в городе. Интересно привести цитату из интервью Т. Зенгер, записанного Л. Фоменко: «Расставаться с этим городом, так мной любимым, очень трудно. Прощаюсь с легкой грустью и печалью. Полагаю, что вряд ли Норильск легко и просто отпустит меня в другую жизнь... не отдавала я Норильску ничего, это он мне дал столько, что заполнил лучшие годы мое жизни высоким смыслом и содержанием». Здесь четко выражено локальное сознание без этнического компонента: «Я норильчанин и очень своей национальностью горжусь» (Фоменко 2008: 79, 279). Наверное, под этими словами подписалось бы большинство норильчан.

Другой вариант саморефлексии – создание городских мифов. Наибольшее их количество связано с Норильским ГМК, строительством города, тундрой и лагерем. Интереснейший пример – указание на связь с российской культурой XIX века: «Заклученные – носители благородной дворянской культуры, именно они формировали культурную среду, ценности будущего Норильска» (Планета культуры... 2006: 17). Мифологическими фигурами стали А. Завенягин и Н. Урванцев.

Таким образом, вывод Н. Замятиной о том, что «полноценный город на Таймыре оправдывается только «особым духом», без него

город исчезает, остается одно месторождение», вполне оправдан (Замятина 2007: 189).

Заметим, что в Норильске (без прилегающих населенных пунктов) в течение всей истории наибольшее количество населения составляло 213 тыс. человек, сегодня в нем проживают 176,6 тыс. (Мой город). Однако если учесть всех людей, так или иначе связанных с городом, тех, кто называет себя норильчанами, то получится более 1 млн человек (Жданова 2005: 89), т.е. больше Красноярска или Иркутска. В масштабах страны это крупный город. Понятие «Норильск, норильчанин», имея конкретную территориальную привязку, выходит далеко за рамки территории и рассыпается по всей стране. Связи поддерживаются памятью о месте и общением, периодическими встречами, а также реконструированием прошлого. Таким образом, это уже не только точка фронта на Севере края и не столько комбинат с обслуживающим его производство рабочим населением, это значимое социокультурное явление в истории страны.

Источники и литература

1. *Альманах «Неизвестный Норильск»*. Норильск: АПЕКС, 2006–2014 гг.
2. *Вендина О.И.* Московская идентичность и идентичность москвичей // Известия РАН. Серия географическая. 2012. № 5. С. 27–39.
3. *Визгалов Д.В.* Брендинг города. М.: Фонд «Институт экономики города», 2011. 160 с.
4. *Гланц Т.* Почему идентичность // Гражданин мира или пленник территории? К проблеме идентичности современного человека: сб. материалов. М.: Фонд культурных инициатив, 2006. С. 302–321.
5. *Гражданин мира или пленник территории? К проблеме идентичности современного человека: сб. материалов.* М.: Фонд культурных инициатив, 2006. 432 с.
6. *Дзюра А.И.* Человек и город на Крайнем Севере (идеологический и социально-психологический аспекты) // Проблемы совершенствования образа жизни в условиях Севера. Красноярск, 1985. С. 74–80.
7. *Жданова И.* Способы определения уникальности Норильска // История места: учебник или роман? М., 2005. С. 85–99.
8. *Замятина Н.Ю.* Норильск – город фронта // Вестник Евразии. 2007. № 1. [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/norilsk-gorod-frontira> (дата обращения: 17.11.2014).
9. *Ионин Л.Г.* Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М., 1996. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Ionin/_07_2.php (дата обращения: 17.11.2014).
10. *Интервью с Н.Г.*, записано автором 11.04.2014 г. в 15 ч.
11. *Интервью с С.А.*, записано автором 19.04.2014 г. в 13 ч.
12. *Интервью с С.А. Стрючковым*, записано автором 14.04.2014 г. в 14 ч.
13. *«История места: учебник или роман?»*: сб. материалов. М.: Новое лит. обозрение, 2005. 320 с.

14. МКУ «Норильский городской архив». Ф.7. Оп.1. Д. 1, 5, 12, 16, 36, 55, 72, 82. Материалы по итогам выполнения планов годового развития народного хозяйства и культуры г. Норильска 1953–1980 гг.
15. *О времени, о Норильске, о себе: воспоминания*: в 12 т. М.: ПолиМЕдиа, 2001–2012.
16. Олейникова О.Л. Особенности норильского образа жизни в сфере досуга // Проблемы совершенствования образа жизни в условиях Севера. Красноярск, 1985. С. 144–147.
17. *Планета культуры* – Норильск. М.: ПолиМЕдиа, 2006. 876 с.
18. *Проблемы совершенствования образа жизни в условиях Севера*. Красноярск, 1985.
19. Пунина К.А., Ромашова М.В. Визуальные маркеры города: к вопросу формирования городской идентичности // Вестник Пермского университета. Серия политология. 2010. № 4(12). [Электронный ресурс]. – URL: http://www.polit.psu.ru/vestnik/punina_ramashova_v042010.htm (дата обращения: 17.11.2014).
20. Фоменко Л.П. Мои интервью: сборник интервью. Норильск, 2008. 320 с.
21. Черняева Т. Город: производство идентичностей // Гражданин мира или пленник территории? К проблеме идентичности современного человека: сб. материалов. М.: Фонд культурных инициатив, 2006. С. 116–137.
22. Чин-Мо-Цай В. Портрет металлурга. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rasterprint.ru/content/chin-mo-tsai-vladimir-ivanovich> (дата обращения: 17.11.2014).
23. Ханжсин В. Мой Норильск в законе, горе и любви: сборник. Норильск, 2013. 64 с.
24. *Мой город*. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mojgorod.ru/krsnjar_kraj/noriljsk/ (дата обращения: 17.11.2014).

Gonina Natalya V.

Krasnoyarsk State Agricultural University
nvg7@mail.ru

«Planet Norilsk» and «continent»: features of city identity (on materials of interview and the published memoirs)

Norilsk – the unique city that finds reflection in city identity. The Polar region nature, transport inaccessibility, long winter and polar night – conditions for which it is necessary to adapt. Continuous fight for a survival, cooperation in rather close collective and a high level of responsibility generate the special world of values of the citizen who allows to feel as the citizen in the true sense of the word.

Keywords: Norilsk, city, city identity, memoirs.

References

1. *Al'manakh «Neizvestnyi Noril'sk»* [Anthology “Unknown Norilsk”]. Noril'sk: izd-vo APEKS, 2006–2014.
2. Vendina O.I. Moskovskaia identichnost' i identichnost' moskvichei [Moscow identity and an identity of Moscow citizens], *Izvestiia RAN. Seriya geograficheskaya*, 2012, no. 5, pp. 27–39.
3. Vizgalov D.V. *Brending goroda* [City branding]. Moscow: Fond «Institut ekonomiki goroda», 2011. 160 p.

4. Glants T. *Pochemu identichnost'* [Why identity], *Grazhdanin mira ili plennik territorii? K probleme identichnosti sovremennogo cheloveka: sb. m-lov* [World citizen or prisoner of a territory? To the problem of modern man's identity: collected materials]. Moscow: Fond kul'turnykh initsiativ, 2006, pp. 302–321.

5. *Grazhdanin mira ili plennik territorii? K probleme identichnosti sovremennogo cheloveka: sb. m-lov* [World citizen or prisoner of a territory? To the problem of modern man's identity: collected materials]. Moscow: Fond kul'turnykh initsiativ, 2006. 432 p.

6. Dziura A.I. Chelovek i gorod na Krainem Severe (ideologicheskii i sotsial'no-psikhologicheskii aspekty), *Problemy sovershenstvovaniia obraza zhizni v usloviakh Severa* [Problems of the way of living improvement in the North]. Krasnoiarsk, 1985, pp. 74–80.

7. Zhdanova I. Sposoby opredeleniia unikal'nosti Noril'ska, *Istoriia mesta: uchebnik ili roman?* [History of a place: a textbook or a novel?]. Moscow, 2005, pp. 85–99.

8. Zamiatina N.Iu. Noril'sk – gorod frontira [Norilsk is a city of frontier], *Vestnik Evrazii*, 2007, no. 1. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/norilsk-gorod-frontira>. (Accessed 17 November 2014).

9. Ionin L.G. *Sotsiologiia kul'tury: put' v novoe tysiacheletie* [Sociology of culture: the way to the new millennium]. Moscow, 1996. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Ionin/_07_2.php. (Accessed 17 November 2014).

10. *Interv'iu s N.G.*, zapisano avtorom 11.04.2014 g. v 15 ch. [Interview with N.G., recorded by author on April 11, 2014, at 3 p.m.]

11. *Interv'iu s S.A.*, zapisano avtorom 19.04.2014 g. v 13 ch. [Interview with S.A., recorded by author on April 19, 2014, at 1 p.m.]

12. *Interv'iu s S.A. Striuchkovym*, zapisano avtorom 14.04.2014 g. v 14 ch. [Interview with S.A. Striuchkov, recorded by author on April 14, 2014, at 2 p.m.]

13. *«Istoriia mesta: uchebnik ili roman?»: sb. m-lov* [“History of a place: a textbook or a novel?”: collected materials]. Moscow: Novoe lit. obozrenie, 2005. 320 p.

14. MKU «Noril'skii gorodskoi arkhiv» [Municipal public institution “Norilsk city archive”], F. 7, In. 1, C. 1, 5, 12, 16, 36, 55, 72, 82.

15. *O vremeni, o Noril'ske, o sebe: vospominaniia. V 12 t.* [Of time, of Norilsk, of self: memoirs. In 12 volumes]. Moscow: PoliMedia, 2001–2012.

16. Oleinikova O.L. Osobennosti noril'skogo obraza zhizni v sfere dosuga, *Problemy sovershenstvovaniia obraza zhizni v usloviakh Severa* [Problems of the way of living improvement in the North]. Krasnoiarsk, 1985, pp. 144–147.

17. *Planeta kul'tury – Noril'sk* [Planet of culture – Norilsk]. Moscow: PoliMedia, 2006. 876 p.

18. *Problemy sovershenstvovaniia obraza zhizni v usloviakh Severa* [Problems of the way of living improvement in the North]. Krasnoiarsk, 1985.

19. Punina K.A., Romashova M.V. Vizual'nye markery goroda: k voprosu formirovaniia gorodskoi identichnosti [Visual markers of a city: to the question of city identity formation], *Vestnik Permskogo universiteta. Serii politologiya*, 2010, no. 4(12). Available at: http://www.polit.psu.ru/vestnik/punina_ramashova_v042010.htm. (Accessed 17 November 2014).

20. Fomenko L.P. *Moi interv'iu: sbornik interv'iu* [My interviews: collected interviews]. Noril'sk, 2008. 320 p.

21. Cherniaeva T. *Gorod: proizvodstvo identichnostei* [City: identity production], *Grazhdanin mira ili plennik territorii? K probleme identichnosti sovremennogo cheloveka: sb. m-lov* [World citizen or prisoner of a territory? To the problem of modern man's identity: collected materials]. Moscow: Fond kul'turnykh initsiativ, 2006, pp. 116–137.

22. Chin-Mo-Tsai V. *Portret metallurga* [Metallurgist's portrait]. Available at: <http://www.rasterprint.ru/content/chin-mo-tsai-vladimir-ivanovich>. (Accessed 17 November 2014).

23. Khanzhin V. *Moi Noril'sk v zakone, gore i liubvi: sbornik* [My Noril'sk in the law, in grief and in love: collection]. Noril'sk, 2013. 64 p.

24. *Moi gorod* [My city]. Available at: http://www.mojgorod.ru/krsnjar_kraj/noril'sk/. (Accessed 17 November 2014).

УДК 316.353/316.344.8

DOI 10.172239785751123666/5

Л.В. Дериглазова

«ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ РУССКИМ?» В ОТВЕТАХ СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ТГУ, 2006 И 2014 гг.¹

Анализируются представления молодых людей о том, что значит быть русским в России в настоящее время. Конкретной группой для изучения стали студенты, обучающиеся по специальности «международные отношения» в Томском государственном университете. Мотивом к проведению такого исследования стал заметный рост националистических настроений в России с начала 2000-х гг., особенно среди молодежи. Студенты-международники, априори профессионально ориентированные на изучение других культур, языков, на работу с гражданами других стран, представляют собой любопытную группу для проверки того, насколько их представления отражают общероссийские тенденции и подвержены изменению.

Формирование российской государственности после распада СССР привело к изменению отношения представителей титульной нации к содержанию и проявлениям российской идентичности, к широкому обсуждению вопроса: «Что значит быть русским?» В рамках исследования студенты давали ответы на заданный вопрос в виде эссе. Опрос, проведенный с разрывом в восемь лет, показывает наличие схожих тем и появление новых акцентов в ответе на данный вопрос. Ответы студентов должны пониматься в более широком контексте процессов формирования российской гражданственности и самосознания русских, что помогает увидеть совпадения и расхождения между взглядами молодых людей и общероссийскими тенденциями.

Ключевые слова: русскость, идентичность, молодежь.

Введение, или Причины проведения исследования. В 1994–1996 гг. я училась в университете в США, и мне нередко задавали

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.B25.31.0009).

одни и те же вопросы: «люблю ли я водку», «люблю ли я Горбачева» и «люблю ли я Ельцина». Так как ответы на эти вопросы были отрицательными, однажды я услышала достаточно характерную реакцию на свои ответы «What kind of Russian are you?». На что я ответила, пожав плечами, «My kind». Несмотря на то, что я являюсь русской и россиянкой по паспорту с рождения, никто из моих родственников не является этническим русским: поляки, украинцы, белорусы и даже, кажется, буряты или монголы. Как житель многонациональной страны я всегда воспринимала этот «этнический микс» с русским языком и сложной историей «вольных и невольных переселений» как основу для идентичности по месту рождения или проживания и как некую данность, которая не стоит особой аргументации и рефлексии. Именно поэтому мое обучение в США выкристаллизовало мою региональную идентичность «сибирячки», и теперь я характеризую себя именно так, представляясь за границей и в России.

Отношения между населением и государством в Советском Союзе были далеки от однозначности, и политическое пространство и население, как оказалось вскоре после распада СССР, не смогли сформировать устойчивую нацию «советский народ». Поэтому понятие нации в новой России достаточно долго определялось «местом» и языком общения и было скорее аморфным, если не сказать эфемерным. Неоднозначная реакция жителей России на активное использование термина «россияне» Б.Н. Ельциным и неукорененность этого термина до сих пор отражают сложность перехода от идентичности, определяемой местом рождения и языком общения, к гражданской национальной идентичности, что требует полиэтнический и многоконфессиональный характер нации.

В новой России (после 1991 г.) вопрос «Что значит быть русским?» обрел актуальность и полемическую остроту. Распад Советского Союза и функционирование России как отдельного государства вне рамок многонационального союза неизбежно привели к формированию национального государства с сопутствующим выяснением роли и места титульной нации, соотношения гражданской и этнической идентичности россиян. Если в 1990-е гг. процесс национального строительства российского государства являлся скорее спонтанным и слабо организованным, уступая место более важным и насущным экономическим и политическим проблемам, то 2000-е гг. знаменуются формированием явно выраженной политики в этой сфере на уровне политических элит и государственной власти.

Именно в 2000-е гг. были обновлены или заново созданы государственные символы, включая общенародные праздники и их новое толкование. Символично, что гимн «новой» России был утвержден в конце декабря 2000 г., а в ноябре 2004 г. появился новый национальный праздник – 4 ноября 2004 г. – День народного единства вместо 7 ноября – Дня Октябрьской революции. На рубеже 1990-х и 2000-х происходит активное «воцерковление» российской политической элиты, которая, публично принимая участие в жизни Российской православной церкви (РПЦ), посылает мощные сигналы населению страны о важной составляющей общероссийской идентичности.

В это же время наблюдаются усиление националистических проявлений и стремление к самоидентификации среди представителей титульной нации. Рост националистических, славянофильских, антизападных и антимигрантских настроений и появление соответствующих организаций отражают эти тенденции. Присоединение Крыма к России в марте 2014 г. показало такой рост патриотизма, какого современная Россия не знала.

Цель исследования и методология. Усиление национального чувства русских как титульной нации стало предметом обсуждения не только академического сообщества, но и более широких общественных кругов. Частью такого обсуждения была серия публикаций в аналитическом журнале «Коммерсант. Власть» в 2006 г. под названием «Проверьте себя на русскость» (Иддиатулин, Качуровская 2006). Именно этот полушутливый проект стал основой для проведения первого опроса среди студентов-международников ТГУ на тему того, что значит быть русским, в рамках курса общей социологии. Тест, заданный в журнале, послужил поводом разговора о том, как соотносятся различные формы идентичности в нашей стране и какое место занимает чувство национальной принадлежности представителей титульной нации и других национальностей. Дополнительным поводом для проведения такого рода исследования стал явный рост патриотических настроений среди студентов. Стоит отметить, что в большинстве своем студенты-международники априори ориентированы на зарубежные страны, иные культуры, видят в качестве своей будущей профессии жизнь или работу за рубежом. Поэтому такими удивительными и нелогичными показались десять лет назад растущие патриотические и даже националистические проявления.

Весной 2006 г. опрос был проведен в рамках курса социологии, когда обсуждались вопросы культуры, источников и форм идентичности, проблемы взаимодействия представителей разных культур. Я попросила студентов пройти тест, предложенный журналом в системе on-line, и, кроме того, они должны были попытаться сформулировать самостоятельно в форме эссе «Что значит быть русским?». Сорок семь студентов прошли самотестирование и 55 написали эссе. Студенты в большинстве своем представлены возрастной группой 19–20 лет.

В мае 2014 г. подобный же вопрос был задан студентам-международникам, всего 16 эссе, однако без проведения самотестирования. Месяц спустя в рунете развернулась шумная дискуссия на эту же самую тему, спровоцированная появлением в журнале «Сноб» публикации под названием «Пятнадцать вопросов русским»¹, в том числе: почему вы считаете себя русским (кровь, язык, что-то еще); испытываете ли вы радость от того, что вы русский; что хорошего в русских; как выглядит русский пейзаж; какова наша национальная трагедия; когда был наш золотой век; кто наш главный национальный герой, пророк; национальная игра, танец, одежда, блюдо; какая смерть считается достойной; какие народы являются братскими. Этот проект получил большое внимание разных СМИ, включая социальные сети, где реакция была самой разнообразной: от откровенно негативной до попытки ответить на эти вопросы и понять, зачем их задавали и зачем на них нужно попытаться ответить.

Промежуток времени в восемь лет позволил увидеть то, каким образом в представлениях молодых людей, изучающих зарубежные страны, владеющих двумя и более иностранными языками, имеющих опыт общения и зарубежных поездок, звучат ответы на этот вопрос. Временной промежуток при сохранении специфики группы позволяет выделить константы и переменные восприятия.

Несомненно, данное исследование носит характер частного выяснения особенностей самосознания и рефлексии достаточно узкой группы молодых людей, студентов университета, в возрасте 19–20

¹ Валерий Панюшкин: Пятнадцать вопросов русским // 01.07.2014. Всего реплик: 60. Участники дискуссии: Валерий Панюшкин, Катерина Мурашова, Лена Де Винне, Степан Пачиков, Алексей Федосеев, Саша Рязанцев, Ксения Чудинова, Надежда Рогожина, Эдуард Гурвич, Сергей Кондрашов, Liliana Loss, Сергей Мурашов, Александра Славянская, Алексей Буров, Андрей Васенев, Мария Бутина, Artem Sarafanov, Нелли Ляховски, Андрей Волков, Дмитрий Трофимов, Елена Пальмер. – URL: [http:// www.snob.ru/selected/entry/78015](http://www.snob.ru/selected/entry/78015).

лет. Так как студенты в 2006 г. прошли полушутливый тест, заданный в журнале, их результаты можно соотнести с выводами, к которым пришли авторы проекта. Кроме того, целью исследования является проверка адекватности субъективных ощущений о росте патриотических и националистических настроений среди молодых людей и их соответствии действительности.

В качестве метода выяснения представлений о содержании и маркерах понятия «русский» был выбран формат «открытого вопроса», что позволило выделить значимые составляющие идентичности, не направляя отвечающих. Метод открытого вопроса как способ получения данных был выбран для того, чтобы не предлагать респондентам готовых ответов, не задавать конкретных понятийных и концептуальных рамок, что обычно происходит при ответе на стандартный вопросник по выяснению «чувства принадлежности».

Открытый вопрос позволил увидеть рефлексии молодых людей на сам вопрос и проблему национальной идентичности в многонациональной стране в период изменения идеологической и политической структуры, в условиях усиления титульной нации, что в значительной степени нивелировалось в период СССР. Студенты писали эссе дома, и они могли потратить на это столько времени, сколько хотели. Внутренние темы в рамках открытого вопроса не обсуждались и не регламентировались. Структура эссе была свободной. Объем эссе должен был быть не менее одной страницы (рукописной или печатной), и в большинстве своем объем составил одну-две страницы, однако были и более развернутые рассуждения.

Когда я представляла на конференции результаты своего исследования, я услышала в качестве критики суждение о том: что студенты могли пытаться написать то, что хотел услышать преподаватель; или они могли выражать не то, что они думают на самом деле. Действительно, такие сомнения имеют основания, как и вообще любое исследование, связанное с выяснением мнения респондентов. Эта проблема всегда была частью «рисков» социологических исследований. Однако в качестве контраргумента можно заметить, что в рамках преподаваемого курса «Общей социологии» акцент делался именно на необходимость развития «культурного релятивизма», понимания разнообразия и богатства культур разных народов, осознания того, что многие ценности являются универсальными, а разнообразие жизненных практик народов определяется историческим или экологическим контекстом.

Целый ряд тем, которые обсуждали в своих эссе студенты, был их собственным выбором. Так как в рамках задания не предлагалось обсуждать темы стереотипов, желания эмигрировать, восприятия истории, положения страны в мире, отношения с другими народами и т.д. Примечательно, что многие эти темы обсуждались студентами в эссе 2006 и 2014 гг. Можно констатировать, что в эссе был обнаружен целый ряд тем, которые создали гораздо более широкий контекст понимания «русского», чем это могло бы быть при формализованном ответе. Особенностью эссе также была нередко ярко выраженная эмоциональность, что также не подразумевал и не ожидал преподаватель. Важно и то, на мой взгляд, что студенты не контактировали друг с другом или с преподавателем, когда они отвечали на этот вопрос.

Относя данный вид исследования к качественным, можно говорить о достаточной степени независимости высказанных мнений. Однако для тех, кто полагает, что на такую тему трудно получить действительно личную рефлексию, я могу заметить, что даже если известная доля влияния общественного мнения, родителей, друзей может быть обнаружена в ответах, то это показывает, как данный вопрос представлен в общественном дискурсе, с которым соглашались или спорили респонденты. Все эти обстоятельства позволяют утверждать, что содержание «русскости» в ответах студентов являлось самостоятельной рефлексией, определенной скорее рамками существующего публичного дискурса, и не было навязано преподавателем. Мнения, высказанные в данной группе респондентов, можно сравнить с общероссийскими тенденциями, которые проявляются в переписи населения и в опросах общественного мнения, что позволяет сделать выводы о «нормальности» или особенности тех или иных выявленных тенденций.

Тест «Проверь себя на «русскость» в журнале «Коммерсантъ. Власть», 2006 г. и результаты самотестирования студентов, 2006 г. Главным мотивом публикации в журнале «Коммерсантъ. Власть» были события в России, связанные с ростом правых и националистических настроений в российском обществе. Объективными причинами роста националистических настроений стала массовая трудовая миграция в центральные регионы России из стран СНГ и внутренняя миграция из республик Северного Кавказа вследствие незавершенной контртеррористической операции. В ноябре 2005 г. прошел первый «Русский марш», ироничным образом орга-

низованный Движением против нелегальной иммиграции (ДПНИ) и проведенный 4 ноября в центре Москвы в День народного единства. В 2006 г. попытки российского правительства привлечь массовую миграцию из стран СНГ, с выделением значительных средств федерального бюджета столкнулись с нежеланием регионов принимать массовую миграцию (Иддиатулин, Качуровская 2006). ДПНИ инициировало массовые акции против миграции в 2006 г.: 3 июня в Санкт-Петербурге прошел митинг в «поддержку Владимиру Путину в борьбе с преступностью»; 1 июля был проведен марш в г. Жуковка Брянской области «За русский порядок на русской земле». В Москве ДПНИ организовали митинги против установки памятника Гейдару Алиеву. Погромы в Кондопоге (Карелия) в начале сентября 2006 г. и ужесточение миграционного законодательства в России в 2006 г. показали призрачность толерантности принимающего российского общества.

Реакция властей была направлена на то, чтобы попытаться регулировать или пообещать регулировать миграцию, особенно нелегальную миграцию, которая, по заявлению высокопоставленных чиновников, может стать «угрозой национальной безопасности страны». Публикация в журнале была попыткой в шутиливой форме обратиться к очень серьезной проблеме роста националистических и ксенофобских настроений в обществе и активному участию в таких действиях молодых людей. Первый тест, по словам его авторов, был подготовлен в помощь Федеральной миграционной службе, чтобы показать, что «Родина начинается не с языка и закона, а со старой отцовской буденновки и песни, что пела нам мать. Россиянин – это носитель российской культуры, которая формируется колыбельными, сказками, надписью на форзаце «Книга очень хорошая» и выученными наизусть фильмами, общей историей и единым общественно-политическим контекстом» (Иддиатулин, Качуровская 2006).

Тест «на русскость» состоял из 5 уровней, которые должны были помочь ФМС определить «степень приобщенности человека к русской культуре». Первый уровень состоял из 47 вопросов, и тот человек, которые ответил правильно менее чем на 30 из них, получал определение «нелегал». Второй уровень включал 36 вопросов, и для прохождения на следующий уровень нужно было правильно ответить как минимум на 25 вопросов, и если этого не удавалось, то отвечающий получал категорию «временно понаехавший тут». Третий уровень из 38 вопросов нужно было пройти как минимум с 25 правильными ответами, не прошедший получал звание «понаехавший

тут». Четвертый уровень из 45 вопросов требовал не менее 30 правильных ответов, в случае неудачи – следовала квалификация как «почти русский». Пятый уровень из 35 вопросов нужно было пройти с не менее чем 20 правильными ответами и тогда получить поздравления и титул «истинный совок». Если на пятом уровне было дано менее 20 правильных ответов, то это соответствовало титулу «гражданин РФ».

Оценивая результаты самотестирования на сайте журнала, который прошли несколько сотен тысяч пользователей Интернета, его авторы писали, что из 154 тыс. человек – 67,4% ответивших оказались «нелегалами», т.е. не смогли преодолеть даже первый уровень, 21,4% – «временно понаехавшими тут»; 6,7% – «понаехавшими тут»; 3% – «почти русскими». Всего справившихся с вопросами четвертого и пятого уровней набралось только 1,5%, из них полноценных «граждан РФ» оказалось 0,7% и «истинных совков» – 0,8% (Проверьте себя... 2006).

Результаты самотестирования 47 студентов показали, что никто из студентов не прошел дальше 3 уровня. Всего оказалось 10 «нелегалов» (21,3%), 24 – «временно понаехавших тут» (51%) и 13 – «понаехавших тут» (27,7%). То есть владение советскими культурными кодами оказалось гораздо выше, чем в рамках тестирования читателей журнала. Сами организаторы объяснили полученный результат особенностью «интернет-аудитории», в массе своей принадлежащей к новому поколению. В статье, оценивавшей результаты теста, дано, на мой взгляд, очень точное определение особенностей нового поколения и его отличия от поколения родителей и дедов:

«Его представители достигли дееспособного возраста, не успев побывать не то что пионерами, но даже октябрятами. Они не застали времена, когда умение печатать на машинке было искусством избранных, беспроводная связь – фантастикой, пиво – только «Жигулевским» (если не считать местной экзотики вроде «Букета Чувашии»), да и партия была только одна. Они не знают, что такое финские стенки, монгольские марки, гэдээровские модели самолетиков, бутылка «чебурашка», политбюро, эмпириокритицизм и «Анти-Дюринг». И нельзя сказать, что в связи с этим они достойны сожаления, а не зависти.

Зато они могут общаться как минимум на одном неродном языке, быстро печатать двумя-пятью пальцами, выходить в Интернет несколькими способами, жить отдельно от родителей (находя деньги

не только на съемную квартиру, но и на прекрасный внешний вид), работать по 10–12 часов в сутки (выкраивая в те же сутки 2–3 часа для интенсивного публичного отдыха). Они знают все близлежащие клубы и кафе и еще знают, что никто ничего хорошего им не гарантировал. Они готовы к выживанию в разных условиях. И они умеют общаться с родителями, хотя те вообще ничего не понимают в жизни, до сих пор вспоминая о своих гдээрзовских стенках, очередях за выброшенным дефицитом, политбюро и «Жигулевском», которых нет и не будет никогда» (Проверьте себя... 2006).

Общаясь со студентами в аудиториях и вне их, поддерживая контакты с выпускниками, работая вместе с ними над общими академическими или образовательными проектами, могу подтвердить, что данное описание молодого поколения «новых русских» является одним из наиболее точных и вписанных в культурный контекст разных эпох, которые разделили россиян на тех, кто родился и вырос в Советском Союзе, и тех, кто не обладает обширными практиками советской социализации.

Темы, которые чаще всего упоминались в эссе студентов в 2006 г. Многие студенты отреагировали на суть теста, заданного в журнале «Коммерсантъ. Власть», а некоторые и на предложенный материал в журнале. Небольшая часть студентов негативно и даже с «возмущением» отреагировали на сам тест, его содержание и, конечно же, на те «титулы», которые они получили. Однако большинство совершенно справедливо полагало, что этот тест забавен и заставляет задуматься над таким сложным и неоднозначным вопросом «Что значит быть русским?».

Среди ожидаемых маркеров «русскости» чаще всего назывались место рождения, место проживания, гражданство, язык, культура, привычки и традиции. Почти во всех эссе отмечалась уникальность, неповторимость или непохожесть культуры. Многие студенты отмечали многонациональность страны. Нередко встречалось утверждение, что на этот вопрос трудно ответить. Большое место в эссе занимали понятия «*русской души*» (загадочной, глубокой, великой); *менталитета* как особого характера, складывающегося под воздействием природы (суровой), просторов (широкая душа, щедрость). Были отмечены *положительные качества русских*, причем иногда в исключительной степени, как присущие только русским. Неоднократно упоминалась тема готовности к самопожертвованию ради страны и *жертвенности* как важной черты русских. Были отмечены

такие черты, как коллективизм, стремление к общественному благу в ущерб личному благополучию. Достаточно часто звучала тема *нематериального характера ценностей* русских. Реже упоминались *отрицательные качества* русских (склонность надеяться на авось, пьянство, употребление матерных слов). Встречались и рассуждения об отрицательных стереотипах в отношении русских, как не соответствующих действительности.

Часто встречалась тема *истинных или настоящих и ненастоящих русских*. Среди атрибутов «настоящих» русских, по мнению студентов, должны быть: знание и правильное владение русским языком, знание истории, патриотизм, самоощущение/самосознание себя частью народа. В случае такого самосознания, как это было отмечено в ряде эссе, этническое и даже расовое происхождение не имеет значения. В одном эссе понятие патриотизма и любовь к отечеству было противопоставлено государству, как *«олигархической верхушке, разворовавшей почти все богатства и ресурсы России»*.

В ответах студентов 2006 г. нередко упоминалось то, что они родились не в России (приехали из Казахстана, являются этническими украинцами), но хотят стать гражданами России, при этом с ностальгией вспоминая свою «первую родину». Одна студентка описала свое возвращение домой на каникулы такими словами: «Я хотела бежать и целовать эту землю».

В ответах студентов отразились появление лозунга «Россия для русских» в политическом дискурсе того времени и отрицательное отношение к этому лозунгу, несогласие с ним. Один студент отметил, что не должно быть «разделения на «русских» и «нерусских», все должны называть себя «россиянами».

Многие студенты упоминали свой опыт пребывания за границей (США, Китай), что помогло им ощутить себя «непохожими» на других, усилить чувство национальной идентичности. Любопытно, что многие студенты отмечали свое желание жить и работать в России и не понимали тех, кто мечтает уехать из страны. *Это наблюдение контрастирует с распространенными представлениями об устремлениях молодежи покинуть страну*. Достаточно часто звучали и антизападные высказывания, утверждения о том, что нужно сопротивляться глобализации и западному влиянию, нужно сохранять самобытность русской культуры.

Постоянной темой, которая звучала во многих эссе, была тема *величия России*, сожаления по поводу утраты этого величия (*«было*

время, когда нас все боялись»), рассуждения о трудной судьбе России, страданиях. В целом можно говорить о том, что слова «великий», «великая», «самая», «уникальная», «богатая» были постоянно встречающимися эпитетами. Слово «гордость» за свою принадлежность к российскому народу присутствовало почти во всех эссе. Причем такую гордость отмечали и те студенты, которые этнически принадлежали другим народам (татары, ингуш).

Лишь одно эссе из пятидесяти пяти содержало утверждение – «я не русская». Главный смысл такого прямого заявления состоял в том, что у автора эссе нет этого «чувства». Это эссе примечательно той развернутой аргументацией, которая описывает такое состояние: «Мне сложно объяснить, что значит быть русским «внутри», так как «русскости» во мне, наверное, процентов на десять, а может, и меньше... и понять богатую русскую душу, о которой с такой гордостью говорят мои бабушки, родители, друзья, как бы это глупо ни звучало, мне не удастся... Благодаря своей наблюдательности я заметила, что любовь к той же самой березе существует только у русских людей, но объяснить словами ... также суровая действительность – любовь к алкоголю, на мой взгляд, – русская черта, необходимость употреблять хлеб, когда можно обойтись без него ... и дикость, как я недавно это поняла ... я была за границей всего лишь несколько раз ... но уже смогла понять, что такое иностранцы ... спокойствие в общественных местах, элементарное уважение к незнакомым людям, дружелюбность и открытость незнакомы русским людям, что порой обидно...».

Как видно из приведенного описания, автор эссе обращается к характерным проявлениям «русскости», что зафиксировано на уровне общественных практик, а также отражается в существующих стереотипах. Невозможность ассоциировать себя с этими представлениями и порождает у нее ощущение собственной отстраненности от принятых «стандартов» поведения и чувствования.

Результаты ответов 2014 г. и основные темы. Во многих эссе были отмечены важные маркеры идентичности (место рождения, проживания, языка и культуры) как важные атрибуты «русскости»: «Быть русским значит родиться русским, уважать свою культуру, свой язык, любить свой народ, так же как и другие народы, и осознавать свою принадлежность к русскому этносу». *Многонациональность* страны была отмечена многими, хотя ответы иногда представляли собой парадоксальные высказывания: «Сталин, который называл себя русским

грузинского происхождения»; или в виде присловий: «Папа – турок, мама – грек, а я русский человек». В целом, звучал постоянный рефрен о том, что русский это не только национальность.

Большая часть ответов содержала утверждения о *гордости* осознания себя русским, причем степень позитивного отношения к этому понятию могла быть выражена в диапазоне от «радости» до «гордости» и «высокого звания». Приведу пример самого яркого выражения такой позиции: «Порой встречаешь человека с русским гражданством, русской внешностью, верой ... но не русского душой. Ты осознаешь, что он скорее россиянин, а не русский. А иногда видишь представителя другой национальности, но с русским сердцем, и, несмотря на расовые различия, он становится тебе родным... Почему это происходит? Я думаю, что русский это не национальность, а состояние души. Состояние высокого благородства в сочетании с безграничным самопожертвованием, состраданием и добротой, уместившимися в одном человеке... Русский – это высокое звание отражающее совокупность всех лучших аспектов человеческой души... Русский – это человек, который может радоваться всей душой полёту птицы, восходу солнца, звукам прибоя. Русский человек не логичен и действует по велению души».

Тема *особенности русских* была ярко представлена в ответах 2014 г. Примерами могут быть следующие отрывки авторская орфография сохранена: «символ русского народа – совесть»; «на протяжении всей истории, именно русский народ говорил тогда, когда молчать было нельзя. Когда Наполеон захватывал Европу, когда Гитлер покорял мир, русские призывали к порядочности своих соседей на планете»; «быть русским – это значит быть настоящим: преданным друзьям, горячо любящим, бесшабашным, добрым, умелым». «Уважение к представителям других народов. Русские вообще достаточно миролюбивый народ, никогда не начинавший глобальных и не очень войн, зато постоянно являющийся целью иностранных агрессий».

Одной из ярко выраженных тем 2014 г. стало противопоставление России западным странам (Европе, США, Канаде) и отрицательное отношение к тем молодым людям, кто мечтает уехать из России. Примером может быть высказывание о «потоке русских студентов по Work and Travel в Америку, чтобы мыть там посуду и разносить еду, и считают это удивительной возможностью, хорошим опытом и еще черт знает чем!» Или следующее рассуждение: «Россия – страна щедрого и

радушного народа. Страна, привыкшая терпеть все, что ложится на ее плечи. Как можно не замечать этого? Как можно видеть только преграды? Бесконечно ворчать на государство и валить все беды на систему образования, которая «уже не та». Что вообще ждет там, на Западе? Зеленая трава на лужайке перед домом? Скорее те же проблемы. Потому что, куда бы ты ни ехал, ты берешь с собой себя».

В 2014 г. *более явно прозвучала тема православия и его роли в «русскости»*: «Самая главная особенность в том, что русская культура основана на фундаменте Православия. Любовь русского народа есть Христос, и он любит Его по-своему. Настоящий, исконный русский – это православный христианин, человек соборного (общинного) разума, для которого интересы семьи, общины, государства дороже личных. Настоящий русский человек любит ближних и готов ради них пожертвовать собой. Настоящий русский человек – это благодарный человек, прежде всего Богу, отцу и матери. Для настоящего русского духовные ценности превалируют над материальными, богатство не является главной самоцелью жизни. И только, в самую последнюю очередь, русский – это тот, кто родился в России и знает русский язык».

Другая большая цитата, которая также представляет этот подход: «Для меня быть русской – значит гордиться длинной историей нашей страны. Гордиться героическими поступками наших прадедов в Великой Отечественной войне, помнить и уважать кровавые события революций, помнить о славных победах русского народа, о подвигах, о сильных правителях, помнить ошибки истории и учиться на них тоже. Быть русским – значит быть православным. Православие, на мой взгляд, не только одна из многих религий мира, а точное знание о духовном устройстве России. Православие дает знание о смысле личной жизни, смысле истории и о смысле происходящего, учит добру, эта религия во многом направляла русского человека, она определяет русский национальный дух и характер: стремление к прощению, терпению, упорству и мужеству». Интересно, что здесь религиозное сознание в рамках православия является источником смысла не только для личной жизни, но и целого народа и для понимания его истории.

Темой, которая была отчетливо представлена в ответах 2006 г. и получила большее развитие в работах 2014 г., была тема «настоящих и ненастоящих русских». Эта тема по-разному звучала. Например, как необходимость сохранения национальной особенности в глоба-

лизирующемся мире, «когда слово русский уже стараются стереть из нашего лексикона». Указание на *особые положительные качества*, которых нет у других народов («широкая русская душа» – этим и знамениты жители нашей страны – даже врагу готовы протянуть руку помощи, если будет необходимо); *особые способности*, происходящие из сложной истории и сурового климата (выносливость, терпеливость). Более отчетливо прозвучали *положительные качества русских*: способность к сочувствию, состраданию, бескорыстие, доброта, открытость, беззаботность в отношении материальных и финансовых интересов. Было отмечено и усиление чувства патриотизма после поездки за границу. Любопытно, что в качестве отрицательного качества русских было названа склонность к самобичеванию. В одном эссе была представлена концепция «тихой и кроткой русскости», которая должна противостоять «глупому выпячиванию своей русскости», что автор сравнил с тем, «как если бы в женской бане одна из посетительниц начала сообщать другим, что она – женщина».

Новой темой стала идея о *необходимости оказания помощи государству*, необходимости защиты России в трудное время, готовности пожертвовать собой. Прозвучало негативное отношение к критике государства и политических лидеров, в частности в связи с проведением Олимпиады в Сочи в феврале 2014 г.

Однако два эссе из шестнадцати представили диаметрально противоположные мнения. Одно из них я бы квалифицировала как «просвещённый культурный релятивизм», второе □ как «подростковый нигилизм», яростно отрицающий нормы и практики общества, включая ценностные ориентиры, указывая на явные противоречия массового сознания и пользуясь заданным вопросом, транслированным в терминах антирусского негодования. Приведу две развернутые цитаты из эссе «просвещённого культурного релятивиста», которое условно можно назвать «Моя страна – это моя среда обитания»: «Русский – всего лишь слово, слово из 5 графы... Лично для меня, человека со сложной родословной и воспитанием без крайнего уклона в традицию отдельного народа, непонятны мотивы приверженцев культурного или примордиального этнического национализма». «Что такое для меня Россия? Я материалист и считаю свою страну не более и не менее чем своей средой обитания. В моих интересах заботиться о своей среде обитания и мне дорого то в культуре ее титульной нации, что полезно или просто эстетично. Но исключи-

тельность ее среди других для меня обусловлена лишь силой привычки и ее особым историческим путем, не более и не менее особым, впрочем, чем у других народов других великих держав. Моя страна – это моя среда обитания, мой дом, который нуждается порой как в уборке, так и в ремонте и перестройке».

Приведу также дословный текст эссе, который можно назвать «Я не хочу быть русским»: «Я не могу сказать, что я русский человек, так как во мне течет и немецкая, и мордовская, и украинская кровь, поэтому с точки зрения физиологии к русской национальности я себя причислить не могу. Если же говорить об образе русского человека, его менталитете, традициях, с течением времени мне все неприятнее ассоциировать себя с русской. Я могу рассказывать, что проживаю в России, говорю на русском языке, читаю литературу русских писателей, но я не хочу называть себя русской. Так мы подходим к тому, что для меня значит быть русским человеком.

Во-первых, настоящий русский – это человек в большей степени думающий стереотипами. Настоящий русский не может отказаться от навязанных стандартов и считает нужным влезть в чужую жизнь, научить, а иногда и физически наказать за «непохожесть». При этом русский человек ни разу не сомневается в своей правоте. «Как ты одеваешься, как ты воспитываешь детей, какую профессию ты выбрал, с кем ты общаешься – ты же должен делать так, как я считаю правильным и нужным». Возможно, поэтому многим приходится скрывать свое профессиональное, семейное положение от близких, друзей и коллег, чтобы защитить личное пространство. Опасно быть собой в России.

Во-вторых, русский человек – лицемер. Недавняя истерия, связанная с недостаточно эффективной, по мнению большинства россиян, деятельностью президента России, изобличением взяточничества, поношением Олимпиады, жалобами на неудовлетворяющие условия жизни, сменилась гордостью за «удачную» внешнюю политику, надеждой на возрождение СССР (!). После Олимпиады люди чувствовали эйфорию от многочисленных побед, забыв прошлые споры. «Пусть я живу плохо, пусть медицина и здравоохранение недостаточно развиты, пусть я получаю маленькую зарплату, но мы выиграли Олимпиаду, Крым – наш!».

В-третьих, псевдорелигиозность большинства русских, считающих себя истинно православными, смешит. Нарушив все возможные традиции и заповеди, русские смеют оценивать с позиции христиан

те или иные явления. Недавняя ситуация с победительницей конкурса Евровидения показала, сколько в русских нехристианской ненависти к, казалось бы, простому артисту, чей образ всего лишь нетрадиционен. Высказывания «православных» пропитаны страхом, омерзением, нетерпимостью. Но что это за общество, которое испугалось за свою «моральную чистоту», «сохранение духовности», увидев гея в женском платье? «Это грех, – утверждают русские, из общего числа которых 12 миллионов злоупотребляют алкоголем, около 4,5 млн являются наркоманами, согласно данным отчета НИИ Росстата. Дело даже не в гомофобии и трансфобии, а в том, что удобно выбирать то, что по душе. Есть куличи, не соблюдая поста, требовать отпевания, не будучи ни разу в церкви, оправдывать нежелание адаптироваться к давно уже не средневековым порядкам. Устраивать погромы во имя христианства, как это делают православные активисты «Энтео», – правильно. Иметь право на собственное мнение, свободу мыслей, самовыражение – это не для русских. Вот что для меня значит быть русским человеком».

Высказывания молодых людей можно сравнить с данными о национальной идентичности россиян на протяжении того же периода, приведенными в ежегодных докладах Левада-Центра «Общественное мнение». Можно увидеть, что для большинства россиян характерно чувство национальной «гордости». Так, в опросе 2006 г. 83% респондентов отметили, что они «гордятся тем, что живут в России», в 2013 г. – 70% (Общественное мнение... 2014: 35), в 2014 г. – 86% (Общественное мнение... 2015: 33). Отвечая на вопрос «Гордитесь ли Вы нынешней Россией?», 48% респондентов ответили утвердительно в 2006 г., 53% в 2013 г. (Общественное мнение... 2014: 35) и 69% – в 2014 г. (Общественное мнение... 2015: 33). Семьдесят восемь процентов респондентов в 2014 г. (Общественное мнение... 2015: 70% – в 2012 г.) полагали, что «лучше быть гражданином России, чем любой другой страны мира» (Общественное мнение... 2015: 34). Сорок четыре процента респондентов в 2003 г. и 64% в октябре 2014 г. считали, что «Россия лучше большинства других стран» (Общественное мнение... 2015: 34).

Ощущение особенности страны и пути ее развития было ярко выражено в начале 2000-х гг., с некоторым понижением показателя. Значительное большинство россиян (60%) в 2000 и 2008 гг. отмечали, что Россия должна «идти собственным путем, особым путем», однако в марте 2013 г. так считали только 37% и 46% – в марте

2014 г. (Общественное мнение... 2015: 36). Ощущение «особенности» России отражалось и в том, что большинство россиян, поддерживая идеи демократии (56% в 2006 г. и 62% в 2014 г.), считали, что в России должна быть «совершенно особая, соответствующая национальным традициям и специфике России» демократия – 48% в 2006 г. и 55% в 2014 г. (Общественное мнение... 2015: 41). Отрицательное отношение к эмиграции, которое отражено в ответах студентов, находит свое подтверждение в опросах общественного мнения. Желание уехать отмечали 15% респондентов в 1993 г., с максимальным подъемом в 22% в 2011 и 2013 гг. и 17% – в 2014 г. Однако «твердую готовность уехать» на постоянное место жительства указали только 4% респондентов и 76% – «никогда об том не думали» (Общественное мнение... 2015: 40).

Проявление националистических настроений в виде поддержки идеи «Россия для русских» в эссе не присутствовало в ответах студентов за исключением отдельных высказываний о недопустимости таких идей. Однако в опросах общественного мнения эти лозунги сохраняют свою популярность на протяжении последнего десятилетия. В разной степени эту идею поддерживали 50% респондентов в 2006 г. и 54% в 2014 г. Любопытно, что уровень осведомленности о проведении «русских маршей» в целом, согласно опросам Левада-Центра, был на низком уровне: о них «знали» – 23% респондентов в 2014 г. и 70% – не знали (Общественное мнение... 2015: 145).

В опросах Левада-Центра на первом месте были отмечены положительные качества русских, которые присущи только этому народу. Согласно опросам Левада-Центра в 2014 г., эти качества были ранжированы следующим образом: гостеприимные, открытые, простые (58%); терпеливые (52%); готовые прийти на помощь (49%), миролюбивые (45%), надежные, верные (33%); трудолюбивые (24%), непрактичные (15%). Примечательно, что, по мнению респондентов, ни одна другая нация (украинцы, американцы и немцы) даже близко не приближалась по своим качествам, которые были отмечены как «наиболее характерные для русских». Единственное исключение составила оценка немцев как трудолюбивых – 38% (Общественное мнение... 2015: 165).

Выводы. Сопоставление рефлексии студентов 2006 и 2014 гг. с данным опросов общественного мнения показывает, что в целом эти представления о «русскости» не противоречат общероссийским тенденциям. Сравнивая результаты эссе между собой, стоит отметить,

что при такой незначительной разнице в восемь лет, эти две группы молодых людей имеют разную степень соприкосновения с недавним советским прошлым. Те молодые люди, которым в 2006 г. было 20 лет, родились в самом начале перестройки и застали драматические изменения в экономике, политике, социальной сфере страны. Будучи школьниками, они были более «открыты» тем болезненным процессам изменений в стране, которые происходили в 1990-е гг. Взгляды и поиски этого поколения отражены в книге американского антрополога Джарретта Зигона (Zigon 2010).

Поколение родившихся после 1995 г., это новые «русские», так как они уже не знают даже на уровне детских воспоминаний о существовании СССР, они не застали идеологии уходящей эпохи. Их школьные годы пришлось уже на утвердившиеся стандарты обучения о новейшей истории страны, включая достаточно негативные оценки периода перестройки, приватизации и Ельцинского либерализма. Это поколение «новой сильной России, вставшей с колен». Это поколение высокой цены на нефть, культуры консюмеризма и гламура, активного туристического освоения Европы и Азии – всего того, что можно условно назвать эпохой «путинской стабильности». Именно это поколение не стесняется носить футболки (и не только) с надписью «Россия», «Рожден в СССР», «Я – русский», а также осваивать недавнюю моду на майки с «мужественным лидером страны», получившие огромную популярность после «освоения Крыма». Это поколение движения «Наших», «Молодой гвардии» и «Селигера», которое гордится своей страной или считает, что понятие настоящего русского требует такой гордости.

Источники и литература

1. Иодиатулин Ш., Качуровская А. Проверьте себя на русскость // Власть 25.09.2006 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kommersant.ru/doc/706972?isSearch=True> <http://www.kommersant.ru/vlast/29920> (дата обращения 14.11.2014).
2. Проверьте себя на RUсскость. 09.10.2006 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kommersant.ru/k-vlast/vlast-test2/test.asp> (дата обращения 14.11.2014).
3. *Общественное мнение* – 2013. М.: Левада-Центр, 2014. 252 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.levada.ru/sites/default/files/om13.pdf> (дата обращения 14.11.2014).
4. *Общественное мнение* – 2014. М.: Левада-Центр, 2015. 234 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.levada.ru/sites/default/files/om14.pdf> (дата обращения 14.02.2015).
5. Zigon J. Making the New Post-Soviet Person: Moral Experience in Contemporary Moscow. Leiden, Boston Brill, 2010. 257 p.

Deriglazova Larisa V.

National Research Tomsk State University

dlarisa@inbox.ru

«What does it mean to be Russian?»: in answers of students studying international relations at Tomsk State University, 2006 and 2014

The article analyses young people perception of what does it mean to be Russian in Russia today. The target group were students who study international relations at Tomsk State University. The study was prompted by observed growth of nationalistic sentiments in Russia from the beginning of 2000, specifically noticed among youth. Students who specialized on international relations have a priori professional focus on different cultures, languages, and are trained to work with representatives of various countries, thus these students are very particular group to check if their perception reflects all-Russia trends and is a subject of influence.

Russian state building after the collapsed of the USSR changed perception of titular nation towards content and markers of Russian identity, and generated public discussion on «What does it mean to be Russian?» Within the presented study students have answered this question in a form of essay. The comparison of the study results conducted in 2006 and 2014 allows to identify similar themes and to find out new accents in answers to the same question. Students' opinion should be understood in a broader context of Russia citizenship formation and self-consciousness of Russians what allows to observe convergences and divergences of young people opinion and all Russia trends.

Keywords: Russianness, identity, youth.

References

1. Iddiatulin Shamil', Kachurovskaja Anna. Prover'te sebja na russkost' [Check yourself for russkost' (having Russian character)], *Vlast'*, 25.09.2006. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/706972?isSearch=True>, <http://www.kommersant.ru/vlast/> 29920 (Accessed 14 November 2014).
2. Prover'te sebja na RUsskost' [Check yourself for RUsskost' (having Russian character)]. 9.10.2006. Available at: <http://www.kommersant.ru/k-vlast/vlast-test2/test.asp> (Accessed 14 November 2014).
3. *Obshchestvennoe mnenie – 2013* [Public opinion – 2013]. Moscow: Levada-Tsentr, 2014. 252 p. Available at: <http://www.levada.ru/sites/default/files/om13.pdf> (Accessed 14 November 2014).
4. *Obshchestvennoe mnenie – 2014* [Public opinion – 2014]. Moscow: Levada-Tsentr, 2015. 234 p. Available at: <http://www.levada.ru/sites/default/files/om14.pdf>. (Accessed 14 February 2015).
5. Zigon J. *Making the New Post-Soviet Person: Moral Experience in Contemporary Moscow*. Leiden, Boston Brill, 2010. 257 p.

В.В. Агеева

**«НЕИЗБЫВНОЕ БРЕМЯ ПОСТСОЦИАЛИЗМА»:
ИССЛЕДОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОМ
РОССИЕВЕДЕНИИ 1990–2010-х гг.¹**

Исследование национальной идентичности современного российского общества является одним из наиболее интенсивно разрабатываемых направлений западного россиеведения. К началу XXI в. в англоязычном россиеведении сформировалась солидная историографическая традиция изучения национальных идентификационных практик советской и постсоветской России. В 1990–2010-е гг. вышло в свет значительное количество фундаментальных британских и американских исследований, посвященных не только национально-государственной, региональной и гендерной российской идентичности, но и сравнительному анализу социокультурных репрезентаций национальной идентичности в советском и постсоветском обществе. Цель данной работы – выявление ключевых тенденций развития англо-американской историографии 1990–2010-х гг., посвященной вопросам национальной идентичности российского общества. Результатом исследования является определение ведущих методологических подходов и новаторских предметных полей в англо-американских исследованиях российской национальной идентичности.

Ключевые слова: национальная идентичность, россиеведение, историография, национальное самосознание, постсоветское пространство, методология истории.

Введение. Начиная с 1990-х гг. отечественная историческая наука решает задачу освоения масштабной историографической традиции Russian Studies, лидирующие позиции среди которых занимает англоязычная научная продукция. Существенные трансформации, которым подвергся образ России в американском россиеведении 1990–2000-х гг., нивелирование влияния тоталитарной теории и обращение к конкретно-историческим проблемам российской культуры и общества обусловили популярность в современной американской историографии вопросов, связанных с национальными идентификационными практиками постсоветской России. Внушительное количество фундаментальных работ в области трансформаций национальной идентичности, посвященных постсоветскому обществу

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Гранта РФФИ № 12-06-33018 мол_а_вед (соисполнитель).

и составивших корпус историографических источников данного исследования, неизвестны широкому кругу российских читателей, до сих пор не переведены на русский язык (e.g. Cracraft, Rowland 2003; Franklin, Widdis 2006; Gender 2006; Pilkington 1996; Rebounding... 2006). В первую очередь, неоправданно низким и избирательным является интерес отечественных исследователей к научной продукции последнего десятилетия (e.g. Balistreri 2013; Bouveng 2010; Marsh 2013). В этой связи представляется актуальным расширение и систематизация знаний о методологических новациях и ведущих тематических векторах, предложенных англоязычными Russian Studies в сфере исторических метаморфоз и современного состояния российской национальной идентичности.

Отечественная историография зарубежных Russian Studies, посвященная проблемам современной российской идентичности, сконцентрирована преимущественно на работах 1980–90-х гг. Попытки синтезировать западный опыт изучения коллективной идентичности российского общества активно предпринимались в 1990-е – первой половине 2000-х гг. (см., напр.: Лаптева 2004; Шашина 1993), в то время как второе десятилетие XXI в. характеризуется узкоспециальным, прикладным интересом российских авторов к изысканиям Russian Studies в данной области, созданием кратких аналитических обзоров без комплексного анализа методологических парадигм. На сегодняшний день не создано обобщающих работ, посвященных анализу причин и последствий изменений, произошедших в российской национальной идентичности в постсоветскую эпоху. Цель данной работы – выявление ключевых тенденций развития англо-американской историографии 1990–2010-х гг., посвященной проблемам национальной идентичности российского общества. Привлечение «взгляда со стороны» – опыта англо-американского россиеведения – позволит ответить на целый ряд вопросов, как правило, остающихся вне исследовательских приоритетов российских авторов: каковы взаимосвязи трансформаций и репрезентаций гендерной и национальной идентичности в современной России? Насколько успешными и долговременными можно считать современные политические стратегии по конструированию адекватной национальной идентичности? Каковы перспективы диалога зарубежного и отечественного россиеведения в изучении российской национальной идентичности? Новизна результатов исследования определяется выявлением ведущих методологических подходов и новаторских предмет-

ных полей в англо-американских исследованиях российской национальной идентичности 1990–2010-х гг.

«Бесконечные тревоги» бесконечного постсоветского периода. Первая половина 2000-х гг. в британском и американском социологии ознаменовалась появлением целого ряда солидных исследований по вопросам формирования и исторического развития российской национальной идентичности (e.g. Duncan 2005; Engelstein 2001; Forest, Johnson 2002). Отличительной чертой западных работ начала XXI в., посвященных постсоветской национальной идентичности, стала все более настойчивая констатация невозможности преодолеть кризисное, «постсоциалистическое» состояние национальной идентичности, конъюнктурная апелляция к переходности социально-экономических и политических процессов (Chari, Verdery 2009: 6–9). Подобное «застывание» на «пост»-идентичности, официальный дискурс которой на сегодняшний день насчитывает уже более двадцати лет, было наиболее удачно обозначено М. Лайт в 2003 г. как «неизбывное бремя постсоциализма» («inescapable post-socialism burden»), подразумевающее необходимость многократных возвратов к вопросам коллективной идентичности на постсоветском пространстве, национальной самоидентификации русскоязычного населения стран ближнего зарубежья, отношения к общесоюзному наследию и т.д. (Light 2003: 56).

Идейно-политический вакуум, образовавшийся после распада СССР и дискредитации марксистско-ленинской идеологии, на протяжении 1990-х гг. затруднял осмысление и артикулирование внешнеполитических приоритетов. Изъятие стабильной идеологической составляющей из официального дискурса власти усугубляло кризис идентичности: внешнеполитические концепции, выдвигавшиеся в 1990-е гг., не содержали ни описания прошлого как предмета общей гордости, ни плана идеального будущего, ни четкой характеристики средств, необходимых для достижения внешнеполитических целей России (Light 2003: 54–56; Bouveng 2010: 256–276). К концу 2000-х гг., на первый взгляд, наметились определенные сдвиги в дискуссии о российской национальной идентичности: за критикой «бездумного прозападнического либерализма» 1990-х гг. последовал консенсус внешнеполитических репрезентаций, основанный на рациональном анализе национальных интересов, более независимой по отношению к Западу политической линии. Динамика реконструкции российской национальной идентичности в постсоветский период,

как отмечают исследователи, тесно связана с отношением России к своим ближайшим географическим соседям – бывшим союзным республикам (Rebounding... 2006: 2–30). Так, в качестве свидетельства возрождения советской эстетики и «риторики дружбы народов» воспринимаются принципы отбора российских участников и исполняемых ими песен на конкурс «Евровидение», особенности организации конкурса «Новая волна» и др. (Platt 2013: 447–451; Johnson 2014: 24–25).

Однако, несмотря на внешние успехи определения роли и статуса страны в мире и строительства «новой» российской идентичности в 2000–2010-х гг., острота вопроса общенациональной самоидентификации, по мнению авторов, по-прежнему пронизывает российскую социокультурную сферу. Подобные утверждения о незавершенности процессов вызревания адекватной национальной идентичности обосновываются с привлечением нетрадиционной источниковой базы. К примеру, К. Балистрери анализирует репрезентации национальной идентичности в российской детской литературе 1990–2010-х гг. (Balistreri 2013: 9–34). Задача преодоления кризиса идентичности, вставшая перед детскими писателями в 1990-е гг., поставила под вопрос их позиции «взрослых» как наставников подрастающего поколения и «интеллектуалов» как нравственных лидеров общества. Формирование у юного читателя жизненной точки отсчета как важнейшая функция детской литературы исходит из установки, что взрослая жизнь является наиболее полным воплощением человеческого существования. О незавершенности построения собственной идентичности у авторов детской художественной литературы 2000–2010-х гг. свидетельствует отказ от данной установки в пользу противоположной повествовательной стратегии: идеализации беззаботной игры, «чуждачества» и счастливого детства как «золотой поры» человеческой жизни (Balistreri 2013: 14–22).

Коннотации напряженности, сомнения и тревоги обнаруживают, по мнению западных исследователей, многие социокультурные маркеры национальной идентичности. Выводы о до сих пор не преодоленных трудностях и незавершенности процессов формирования российской национальной идентичности строятся на основе анализа музыки и национального гимна, судьбы советского архитектурного и скульптурного наследия (Brooke 2007: 27–38; Forest, Johnson 2002: 524–528). Как не единожды было замечено в зарубежном руссифицировании, далеко не многие страны мира меняли свой национальный

гимн столько раз, сколько Россия. Предмет особого внимания для исследователей – судьба советского гимна в постсоветский период как свидетельство изменений, происходящих в национальной идентичности в 1990–2000-е гг. К. Брук анализирует движение от «проблемного и спутанного» чувства российской идентичности (принятие в 1993 г. бессловесного гимна на музыку М.И. Глинки) к укреплению гражданского самосознания через возврат в 2000 г. к старому гимну Советского Союза, не только позитивно и героически насыщенному, но и выполняющему функцию социального примирения благодаря трем возможным вариантам слов (Brooke 2007: 27–38).

И снова «Империя, раскинувшаяся между Западом и Востоком». Для англоязычных Russian Studies 1990–2000-х гг. общим местом является утверждение о взаимообусловленности, если не о синкретизме, национальных идентификационных практик имперской, советской и постсоветской России. Внимание исследователей сосредоточено вокруг концептов «Российская империя» и «Российская цивилизация», фигурирующих в руссееведении как неоднозначная, но на редкость устойчивая составляющая российской национально-государственной идентичности. Отказ от исторических великодержавных традиций и особой роли России в качестве моста между Европой и Азией, произошедший в начале 1990-х гг., в долгосрочной перспективе оказался нецелесообразным (Bouveng 2010: 1–14, 256–268). Постсоветский опыт показал, что тоска по восстановлению России как великой державы, империи обладает гораздо более мощным консолидирующим импульсом, нежели набравший популярность, но все же уступающий имперскому православный дискурс. Одним из популярных источников для изучения постсоветской национальной идентичности у американских руссееведов являются официальные заявления российских политических лидеров, Послания Президента России Федеральному Собранию, в которых авторы замечают наследие холодной войны, неудовлетворенность ее итогами (Ambrosio, Vandrovec 2013: 435–442; Bouveng 2010: 2–3; Roberts 2014: 295–313). Со второй половины 2000-х гг. внимание англоязычных Russian Studies сосредоточено на готовности россиян поддержать воссоединение с другими частями бывшего СССР (Rebounding... 2006: 2–30; Marsh 2013: 187–211).

Исторические метаморфозы российской национальной идентичности исследователи оценивают как важный индикатор социокультурных трансформаций, связанных с понятием «границы» – симво-

лом многонациональности и территориального единства (Bouveng 2010: 81–117). По мнению западных россиеведов, существенные успехи в формировании национально-государственной идентичности в начале XXI в. обусловлены целым рядом «благоприятных» факторов: относительно комфортным уровнем материального благосостояния населения и возрождением имперской риторики о бескрайних границах России на фоне политических событий 2013–2014 гг. (Engelstein 2001: 487–496; Ambrosio, Vandrovec 2013: 436–439). Ярким свидетельством отражения этих факторов в общественных настроениях является возрождение старого советского анекдота: «С какими странами граничит СССР? С какими *хочет*, с теми и граничит!», пользовавшегося популярностью во времена ввода советских войск в Венгрию (1956) и Чехословакию (1968). Однако даже эффективный и доминирующий дискурс «империи как перманентного геокультурного состояния России», по мнению зарубежных авторов, не преодолевает хрупкость и незавершенность процессов формирования национальной идентичности: подчас аморфные или апатичные взгляды россиян на будущее страны, недоверие к официальным репрезентациям прошлого, разочарование коррумпированной бюрократией и правительством (Bouveng 2010: 256–260; Sperling 2014: 591–601). В этой связи британские и американские исследователи сформулировали ряд вопросов, остающихся на сегодняшний день без ответов: действительно ли имперский дискурс является неотъемлемой и «наиболее жизнеспособной» составляющей российской национальной идентичности? Или после реализации временной и компенсаторной функции в постсоветском социуме «российский мессианский дискурс» все же уйдет в прошлое?

Постсоветская национальная идентичность сквозь призму гендера. С 1990-х гг., благодаря получению доступа в архивы и появлению возможности проводить независимые социологические исследования, в сфере Russian Studies наблюдается взрывной рост интереса к проблематике взаимосвязей гендера, гражданственности и империализма в постсоветской культуре. Исследователи синтезировали целостную хронологическую структуру исторических взаимосвязей гендерной и национально-государственной идентичности: 1) Революция 1917 г., политика гендерного и национального равенства в 1920-х гг.; 2) сталинизм, конструирование основ «классической» советской идентичности и советского «гендерного разрыва» в 1930–50-х гг.; 3) позднесоветский феномен «приватизации жизни»,

кризисные явления в национальной идентичности и нивелирование советского гендерного контраста в 1960–1980-х гг. (e.g. Pilkington 1996; Gender... 2006).

Еще в начале 2000-х гг. в англо-американских Russian Studies проявлялся неподдельный интерес к анализу демократических перемен в решении постсоветских гендерных вопросов. Однако уже со второй половины 2000-х гг. внимание англо-американских российских исследователей сосредоточено преимущественно вокруг процессов «ремаскулинизации» России, создания привлекательных образов национальной мужественности. Используя определения «нового гендерного консерватизма» и «новой гендерной идеологии», авторы делают акцент на политизации гендера в России последнего десятилетия (Marsh 2013: 187–201). Современные исследования существования феминизма в условиях политического давления постулируют, что феминизм при авторитарном или тоталитарном режиме зачастую развивается подпольно как в отношении форм активности, так и в отношении способов, которыми активисты могут сформулировать свои требования. В полуавторитарных государствах феминизм «уходит внутрь государства», выдвигая более умеренные требования, чем интернациональный женский активизм. Ряд авторов указывают на маргинализацию исследований феминизма и гендерных проблем в современной России: расцвет изучения гендерной идеологии в эпоху Перестройки и постепенный упадок к 2010-м гг. Актуализации гендерных исследований как основы для анализа социально-политических процессов в постсоветской России во многом способствовало дело «Pussy Riot», вызвавшее широкий международный резонанс. По мнению зарубежных российских исследователей, «феминистический проект Pussy Riot» является достаточным основанием для импликации западных категорий феминизма к российской действительности и пристального внимания к политической активности современных российских женщин (Sperling 2014: 591–598). Анализируя практику реконструкции российских гендерных отношений в постсоветский период, историки обращают внимание на противоречивость и незавершенность процессов формирования как гендерной, так и национальной идентичности.

Заключение. В разнотематических работах британских и американских исследователей XXI в., посвященных российской национальной идентичности, ведется активный методологический поиск. Теоретическими основаниями для изучения национальной идентично-

сти в российской истории и современности становятся междисциплинарный подход, внимание к изменениям в настроениях российского общества, рассматриваемым сквозь призму новых веяний в литературе, кинематографе, музыке. Обращение к традициям и новациям американской историографии позволяет провести комплексный анализ подходов зарубежного россиеведения к изучению российской истории и современности. Англо-американская историография представляет богатейший теоретический материал для анализа трансформаций национальной идентичности постсоветской России, причин и последствий этих изменений в социокультурной жизни страны, а материалы официальной пропаганды, публицистики и художественного творчества представляют пока еще не востребованную в научном обороте источниковую базу для изучения этих процессов.

Источники и литература

1. *Лантева Е.В.* Американское россиеведение: образ России. Екатеринбург: Пермь: Изд-во Урал. ун-та. 2004. 118 с.
2. *Шашина Е.Б.* Основные тенденции развития россиеведения в США, 1960 – начало 1990-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. 166 с.
3. *Ambrosio T., Vandrovec G.* Mapping the geopolitics of the Russian Federation: the Federal Assembly Addresses of Putin and Medvedev // *Geopolitics*. 2013. Vol. 18. Issue 2. P. 435–466.
4. *Balistreri C.* At play: the construction of adulthood and authorial identity in Russian children's literature (1990–2010). Thesis for the degree of Doctor of Philosophy. University of Exeter. 2013. 392 p.
5. *Bouveng K.R.* The role of messianism in contemporary Russian identity and statecraft. Thesis for the degree of Doctor of Philosophy. Durham University. 2010. 322 p.
6. *Brooke C.* Changing identities: the Russian and Soviet national anthems // *Slavonica*. 2007. Vol. 13, № 1. P. 27–38.
7. *Chari S., Verdery K.* Thinking between the posts: Postcolonialism, postsocialism and ethnography after the cold war // *Comparative studies in society and history*. 2009. Vol. 51. Issue 1. P. 6–34.
8. *Cracraft J., Rowland D.* Architectures of Russian identity: 1500 to the present. Ithaca and London: Cornell University Press, 2003. 272 p.
9. *Duncan P.* Contemporary Russian identity between East and West // *Historical Journal*. 2005. Vol. 48, no. 1. P. 277–294.
10. *Engelstein L.* New Thinking about the Old Empire: Post-Soviet reflections // *The Russian Review*. 2001. № 60. P. 487–496.
11. *Forest B., Johnson J.* Unraveling the threads of history: Soviet-Era monuments and Post-Soviet national identity in Moscow // *Annals of the Association of American Geographers*. 2002. Vol. 92, no. 3. P. 524–547.
12. *Franklin S., Widdis E.* National identity in Russian culture: an introduction. Cambridge; New York: Cambridge University Press. 2006. 260 p.

13. *Gender and national identity in the twentieth century Russian culture*. Ed. by H. Goscilo, A. Lanoux. DeKalb: Northern Illinois University Press. 2006. 267 p.
14. *Johnson E.D.* A new song for a new motherland: Eurovision and the rhetoric of Post-Soviet national identity // *Russian review*. 2014. Vol. 73. Issue 1. P. 24–46.
15. *Light M.* In search of an identity: Russian foreign policy and the end of ideology // *Journal of Communist studies and transition politics*. 2003. № 19(3). P. 42–59.
16. *Marsh R.* The Concepts of gender, citizenship, and empire and their reflection in Post-Soviet –culture // *Russian Review*. 2013. Vol. 72. Issue 2. P. 187–211.
17. *Pilkington H.* Gender, generation and identity in contemporary Russia. London; New York: Routledge, 1996. 306 p.
18. *Platt K.M.* Russian empire of pop: Post-Socialist nostalgia and Soviet retro at the "New Wave" competition // *Russian review*. 2013. Vol. 72. Issue 3. P. 447–469.
19. *Rebounding identities*. The politics of identity in Russia and Ukraine. Ed. by D. Arel, B.A. Ruble. Washington: Woodrow Wilson Center Press, 2006. 384 p.
20. *Roberts G.* Message on a bottle: packaging the Great Russian Past // *Consumption Markets and Culture*. 2014. Vol. 17, № 3. P. 295–313.
21. *Sperling V.* Russian feminist perspectives on Pussy Riot // *Nationalities Papers*. Jul. 2014. Vol. 42. Issue 4. P. 591–603.

Ageeva Vera V.

National Research Tomsk Polytechnic University
iforya@yandex.ru

«Inescapable post-socialism burden»: research in Russian national identity in English-American Russian studies of the 1990s – 2010s.

National identity of the modern Russian society has traditionally been an attractive scientific field in the western Russian studies. Throughout the 20th and 21st centuries anglophone Russian studies have accumulated a rich historiographical tradition devoted to national identification practices of Soviet and Post-Soviet Russia. In the 1990s and 2010s years, a significant number of fundamental English and American studies on Russian national identity were published. This scientific works are concerned not only with popular debating point of national, ethnical, regional and gender Russian identity, but also with comparative analysis of sociocultural representations of national identity in Soviet and Post-Soviet society. The objective of this article is to examine the main trends in studies of Russian national identity in the anglophone historiography of the end of 20th and the beginning of 21th centuries. The result of this study is an arrangement of general research approaches and an identifying of new thematic perspectives in anglo-phone studies of Russian national identity.

Keywords: national identity, Russian studies, historiography, national consciousness, the Post-Soviet space, methodology of history.

References

1. *Lapteva E.V.* *Amerikanskoe rossievedenie: obraz Rossii* [American Russian studies: Image of Russia]. Ekaterinburg, Perm': Izd-vo Ural univ-ta. 2004. 118 p.
2. *Shashina E.B.* *Osnovnye tendentsii razvitiia rossievedeniia v SSHA, 1960 – nachalo 1990-kh gg. Diss... kand. ist. nauk* [The main trends of development of Russian studies in

the USA, 1960 – the beginning of 1990. Dissertation for Candidate of Historical Sciences Degree] M., 1993. 166 p.

3. Ambrosio T., Vandrovec G. Mapping the geopolitics of the Russian Federation: the Federal Assembly Addresses of Putin and Medvedev, *Geopolitics*, 2013, Vol. 18, Issue 2, pp. 435–466.

4. Balistreri C. *At play: the construction of adulthood and authorial identity in Russian children's literature (1990–2010)*. Thesis for the degree of Doctor of Philosophy. University of Exeter. 2013. 392 p.

5. Bouveng K.R. *The role of messianism in contemporary Russian identity and statecraft*. Thesis for the degree of Doctor of Philosophy. Durham University. 2010. 322 p.

6. Brooke C. Changing identities: the Russian and Soviet national anthems, *Slavonica*, 2007, Vol. 13, no. 1, pp. 27–38.

7. Chari S., Verdery K. Thinking between the posts: Postcolonialism, postsocialism and ethnography after the cold war, *Comparative studies in society and history*, 2009, Vol. 51, Issue 1, pp. 6–34.

8. Cracraft J., Rowland D. *Architectures of Russian identity: 1500 to the present*. Ithaca and London: Cornell University Press. 2003. 272 p.

9. Duncan P. Contemporary Russian identity between East and West, *Historical Journal*, 2005, Vol. 48, № 1, pp. 277–294.

10. Engelstein L. New Thinking about the Old Empire: Post-Soviet reflections, *The Russian Review*, 2001, № 60, pp. 487–496.

11. Forest B., Johnson J. Unraveling the threads of history: Soviet–Era monuments and Post–Soviet national identity in Moscow, *Annals of the Association of American Geographers*, 2002, Vol. 92, № 3, pp. 524–547.

12. Franklin S., Widdis E. *National identity in Russian culture: an introduction*. Cambridge; New York: Cambridge University Press. 2006. 260 p.

13. *Gender and national identity in the twentieth century Russian culture*. Ed. by H. Goscilo, A. Lanoux. DeKalb: Northern Illinois University Press. 2006. 267 p.

14. Johnson E.D. A new song for a new motherland: Eurovision and the rhetoric of Post-Soviet national identity, *Russian review*, 2014, Vol. 73, Issue 1, pp. 24–46.

15. Light M. In search of an identity: Russian foreign policy and the end of ideology, *Journal of Communist studies and transition politics*, 2003, № 19(3), pp. 42–59.

16. Marsh R. The Concepts of gender, citizenship, and empire and their reflection in Post-Soviet culture, *Russian Review*, 2013, Vol. 72, Issue 2, pp. 187–211.

17. Pilkington H. *Gender, generation and identity in contemporary Russia*. London, New York: Routledge, 1996. 306 p.

18. Platt K.M. Russian empire of pop: Post-Socialist nostalgia and Soviet retro at the "New Wave" competition, *Russian review*, 2013, Vol. 72, Issue 3, pp. 447–469.

19. *Rebounding identities. The politics of identity in Russia and Ukraine*. Ed. by D. Arel, B.A. Ruble. Washington: Woodrow Wilson Center Press, 2006. 384 p.

20. Roberts G. Message on a bottle: packaging the Great Russian Past, *Consumption Markets and Culture*, 2014, Vol. 17, № 3, pp. 295–313.

21. Sperling V. Russian feminist perspectives on Pussy Riot, *Nationalities Papers*, Jul. 2014, Vol. 42, Issue 4, pp. 591–603.

Л.А. Андропова

ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ¹

Рассматривается феномен регионализма в Республике Корея на примере функционирования партийной системы. Основное внимание уделяется конструированию региональной идентичности в политическом поле южнокорейского общества. Задаются вопросы возникновения региональной идентичности в государстве, рассматриваются как историко-культурные, так и социально-экономические предпосылки, способствовавшие укоренению региональной идентичности в современном южнокорейском обществе.

Ключевые слова: регионализм, Республика Корея, политическая культура, выборы.

Введение. По мнению южнокорейских специалистов, в период становления выборной демократии (середина 1980-х – середина 1990-х гг.) цикл появления и распада политических партий был особенно интенсивным (Lee Jung B. 2001: 156). И, как следствие, партийная система стала еще более непоследовательной и нестабильной, а политическое общество – фрагментарным и беспорядочным.

Многие южнокорейские исследователи (Пак Чханук, Ли Б. Чон, Киль Сонхым др.) считают, что с 1987 г. перед политическими партиями Южной Кореи встала существенная проблема: отсутствовал политический дискурс, который мог бы объединить различные социальные требования и сформировать ясную политическую программу. Они оставались кадровыми партиями. Продолжали доминировать личности, а не политические институты (Croissant 2002: 250). Легитимизация выборной демократии не принесла качественных улучшений в политике. Партии были всего лишь инструментами в руках сильных региональных лидеров, служащими их личным амбициям.

По мнению многих исследователей, как российских (К.В. Асмолов, В.М. Мазуров), так и южнокорейских (Ким Бёнук, Пак Чха-

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

нук), политические партии Южной Кореи по своим характеристикам можно отнести к кадровым партиям, так как у них нет признаков институционализма: идеологической базы, организационных связей и институциональной стабильности (Асмолов 2003; Мазуров 1996; Kim Byung-Kook 2000; Park Chan Wook 1994). Политические партии формировались до создания гражданского общества, до активного развития инфраструктуры, коммуникаций, рынков и образовательной системы.

Особенности партийной системы Южной Кореи. Недолгая история существования политических партий и отсутствие опыта у политических руководителей сыграли свою роль в особенностях партийной системы РК. Можно условно выделить два основных аспекта, присущих южнокорейским партиям: институциональную нестабильность и отсутствие политических и идеологических установок.

Типичная политическая партия Южной Кореи ориентирована на личность и спланируется вокруг конкретного лидера. Не будет преувеличением сказать, что судьба партии, ее распад и создание новой зависят от решений, принимаемых лидером (Park Chan W. 2002: 334).

Для формирования конкретной партийной программы, как и для создания партии, необходима достаточно сплоченная по какому-то признаку группа людей, которая при помощи данного политического института и будет выражать свои интересы. В Европе и Америке такими группами были в основном классы в классической трактовке К. Маркса, либо, что характерно для современной Европы, представители религиозных течений.

Но в Северо-Восточной Азии религия никогда не противостояла государству, поэтому партии не могли создаваться на религиозной основе, а культура семейственности мешала развитию организованных классов: определение места каждого человека в соответствии с кровными, школьными, региональными и др. связями предотвращало разделение общества на враждебные блоки. Корейская война также отвратила граждан Республики Корея от самого понятия «класса», так как все ее кровавые события ассоциировались с классовой борьбой (Kim Byung-Kook 2000: 67).

Таким образом, неспособность религиозных и классовых различий стать основой для массовых организаций и политических действий сыграла двоякую роль для демократической консолидации. С одной стороны, общество избежало острых социальных конфликтов и потрясений. С другой стороны, отсутствие влиятельных классовых

или религиозных групп породило отсутствие твердой и четкой идеологии.

Точно так же и противоречия между городом и деревней не смогли стать основой для формирования партий: Южная Корея быстро превратилась в развитое индустриальное государство, где 78,5 % населения проживает в городах (Статистическая служба Кореи). Переход от аграрной страны к индустриальному обществу в Республике Корея произошел в течение одного-двух поколений.

Единственная проблема, которая долгое время служила камнем преткновения для правящей элиты и оппозиции, – это противопоставление демократии и экономического благополучия. Поэтому правящая партия обычно выступала за экономические реформы, улучшение благосостояния населения даже в ущерб его правам и свободам, тогда как оппозиция ратовала за демократию, либерализацию политики и уничтожение диктатуры власти. Но авторитарная власть сама подготовила почву для своего крушения: в РК, достигшей впечатляющих успехов в экономике, сформировался средний класс, который теперь нуждался также и в политических свободах.

В период демократизации южнокорейского общества дилемма: индустриализация либо демократизация – потеряла свою остроту, а вместо нее не появилось ни одного такого же острого идеологического или политического противоречия. Такой проблемой мог бы стать вопрос об объединении двух государств Корейского полуострова, но все партии выступают за постепенное и мирное осуществление данного процесса. Конечно, по некоторым политическим проблемам существующие партии имеют различные позиции даже в таком ограниченном идеологическом спектре. Но ни одна партия полно и последовательно не преобразует свою идеологическую позицию в конкретную политическую программу. Основа избирательной платформы любой партии – это регион, из которого вышел ее лидер. Термин «регионализм» кратко, но точно характеризует партийную политику Южной Кореи.

Нельзя считать, что регионализм появился только при демократизации общества: он был заложен первыми президентами Республики Корея, а его истоки следует искать в политической культуре общества, которая формировалась веками.

В период быстрого экономического развития в Корее распределение ресурсов и дотаций между регионами происходило непропорционально. Сама природа территориальных различий являлась след-

ствием политико-экономических несоответствий между провинциями Кёнсан на юго-востоке и Сеульским регионом (так называемый Ённам), с одной стороны, и провинциями Чолла на юго-западе и центральной провинцией Чхунчхон, известными как Хонам. Между юго-востоком и юго-западом существовали не только экономические расхождения, но и политические, социальные противоречия, которые были обусловлены историческими причинами.

Существует несколько точек зрения на причины появления регионализма в Южной Корее. Согласно одной из них, регионализм имеет глубокие корни, и его признаки можно увидеть уже во время существования Трёх государств. С этой точки зрения Северная Корея рассматривается как преемница государства Когурё, Ённам – это Силла, а Хонам – Пэкче (Steinberg 1995: 398). Согласно другим исследователям, причины регионализма лежат в традиционной клановой системе, в сильных связях как между близкими родственниками, так и между жителями одной деревни, выпускниками одной школы и т.д. (Helgesen 1998: 199).

Также часть исследователей видит истоки регионализма в неравномерном развитии различных регионов Корейского полуострова в период японского колониального господства. Это несимметричное распределение финансов и властных полномочий было закреплено в период президентства Пак Чонхи. В 1960–1970-е гг. произошло резкое разделение в объемах производства между юго-восточными провинциями и столичным регионом и юго-западными и центральными провинциями (Yea Sallie W. 1994: 8). Как следствие, значительное уменьшение населения на юго-западе, дисбаланс в распределении доходов. Например, в 1991 г. доля населения провинций Чолла составляла 11% от общего населения страны, а их доля в общем доходе составляла 8,9 %, тогда как население провинций Кёнсан занимало 28,7 %, а его доля в доходе – 30 % (Kang David C. 2003: 172).

Регионализм в политике. Действия политического руководства с самого начала существования Южной Кореи как самостоятельного государства были направлены на увеличение дисбаланса между юго-восточными и юго-западными провинциями. Например, в экономических планах пятилетнего развития 1960-х гг. внимание обращалось на несколько секторов экономики и на несколько отдельных регионов. Территориальная структура развития была в основном результатом склонностей и предпочтений политических элит, т.е. регионализм в Корее носит не столько объективный, сколько субъек-

ективный характер – это результат взаимодействий государства, учредительной деятельности и мотиваций, которые направляют политические действия элит.

Исторически регионализм являлся основным механизмом для развития социальных взаимоотношений в корейском обществе. Истоки данного явления лежат все в той же конфуцианской этике семьи, особенно в важности кровных, родственных и географических уз. Как уже отмечалось выше, человек идентифицирует себя, исходя из сложных и запутанных связей родственников, друзей, коллег по работе, односельчан. Эта система социальных взаимоотношений была перенесена на территорию Корейского полуострова из Китая, согласно которой семейные общины образовывали родовую деревню, чье географическое название идентифицировалось с социальным статусом семьи и входило в часть имени семьи. То есть семья теперь соотносила себя с определенным географическим местом, и в зависимости от него определялся ее социальный статус.

В XX в. внутренняя структура государства также строилась на региональных, личных, школьных узах, что отражало исторически сложившиеся взаимосвязи семьи и места. Например, Пак Чонхи и Чон Духван создавали политическую базу для своего правления, назначая на стратегически важные посты людей с юго-востока, откуда сами были родом. Традиционная политическая культура способствовала этому, так как опиралась на регион, а не на класс, и региональные узы оказывали значительное влияние на политическую организацию государства. Можно назвать данный процесс, происходивший в 1960–1980-е гг. в Корее, регионализацией государства: назначением на ключевые посты политиков с одного региона – юго-восточных провинций Кёнсан.

Регионализм в экономике. Регионализм проявлялся не только в политике. Следствием данного явления было взаимодействие между государством и отдельными экономическими и территориальными группировками, целью которого было получение поддержки в том или ином регионе (Yea Sallie W. 1994: 15). То есть политические коалиции стремились к тому, чтобы ассоциироваться со своим родным регионом. Регион становился не столько территориальным, сколько уже политическим образованием.

При выборе предприятий, которые получали дотации от государства, также большую роль играл географический фактор и родственные узы. Государство благоволило к провинциям Кёнсан и Се-

ульскому региону, что не удивительно, если учесть, что большинство политического истеблишмента были выходцами с юго-востока. Поэтому и экономически юго-западные провинции были развиты слабее, с меньшим объемом государственного и частного финансирования.

Социальные и политические связи между руководящими семьями чеболь и важными политиками обеспечивали консолидацию экономических привилегий на юго-востоке и стали важным фактором сохранения существующего неравенства. Союз чеболь и государства был взаимовыгодным: частные предприниматели получали финансовые и административные привилегии (субсидии, кредиты под небольшие проценты, низкие налоговые ставки), а государство – поддержку этого региона на выборах. Поэтому инвестиции направлялись на юго-восток, не попадая в юго-западные провинции. В провинциях Чолла продолжало развиваться сельское хозяйство, в котором в 1985 г. было занято 60 % населения, тогда как в провинциях Кёнсан активно шли процессы индустриализации, и доля занятых в аграрном секторе составляла 40 % (Yea Sallie W. 1994: 20).

Что касается выборов, то нетрудно предположить, что успех кандидата полностью зависел от того, поддержит ли его родной регион. Еще с 1963 г. на президентских выборах Пак Чонхи позиционировал себя как единственного представителя своего родного региона Кёнсан, манипулируя региональным самосознанием. Следующие выборы стали еще более регионализированными. Регионализм стал главным фактором в вопросе политического выбора для регионов юго-востока и юго-запада.

Таким образом, государство основывалось на укоренившихся связях и социальных отношениях правящей элиты, происходившей из одного региона. Результатом данного политического процесса стало региональное государство. Региональные узы сформировали культурную и идеологическую основу властных институтов. Территория в Республике Корея стала основной величиной, определяющей властные отношения и структуру, социальные и политические организации.

Заключение. Из всего вышеизложенного понятно, почему основой любой избирательной программы корейских партий становится регион, в котором политический лидер всегда может рассчитывать на успех. Этот успех затем должен быть оплачен льготами при распределении государственных средств или расстановкой своих людей

на доходные места. Взамен же политикам необходимы деньги на свои избирательные кампании. Данная ситуация очень напоминает отношения инвестора и клиента: в политика вкладывают деньги или услуги, отрабатываемые за счет властных ресурсов, которые он получает, добившись победы на выборах (Асмолов 2003: 50).

Таким образом, партийная система РК остается одним из наиболее слабых мест южнокорейской демократии. По мнению одних исследователей, политические партии Южной Кореи продолжают находиться на низком уровне по трем показателям: представительству интересов различных групп населения, внутренней структуре управления и стабильности (Jaung Hoop 2000: 70). С точки зрения других специалистов, партийная система РК остается достаточно аморфной, в ней отсутствуют социальная база и идеологические платформы (Kim Byung-Kook 2000: 67).

Источники и литература

1. Асмолов К.В. Политические партии в Республике Корея // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 4. С. 46–63.
2. Мазуров В.М. От авторитаризма к демократии (практика Южной Кореи и Филиппин). М.: Восточная литература, 1996.
3. Статистическая служба Республики Корея (КоСтат) [Электронный ресурс]. – URL: <http://kostat.go.kr> (дата обращения: 15.05.10).
4. Croissant A. Electoral politics in South Korea / Electoral politics in Southeast and East Asia. Singapore, 2002. P. 250.
5. Helgesen G. Democracy and authority in Korea: the cultural dimension in Korean Politics. GB: Curzon, 1998. P. 199.
6. Kang David C. Regional politics and democratic consolidation in Korea // Korea's democratization / ed. by Samuel S. Kim. USA: Cambridge University Press, 2003. P.172.
7. Kim Byung-Kook. Party Politics in South Korea's Democracy: The Crisis of Success // Consolidating Democracy in South Korea. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 2000.
8. Lee Jung B. The Political Process in Korea // Understanding Korean Politics: An Introduction. New York: State University of New York Press, 2001. P. 156.
9. Park Chan W. Change Is Short but Continuity Is Long: Policy Influence of the National Assembly in Newly Democratized Korea // Legislatures: Comparative Perspectives on Representative Assemblies. An Arbor: The University of Michigan Press, 2002. P. 334.
10. Park Chan W. Financing Political Parties in South Korea: 1988–1991 // Comparative Political Finance Among the Democracies. Boulder: Westview Press, 1994.
11. Steinberg David I. Politics in developing countries: comparing experience with democracy. London: Lynne Rienner Publishers, 1995. P. 398.

12. Yea Sallie W. Regionalism and Political-Economic Differentiation in Korean Development: Power Maintenance and the State as Hegemonic Power Block // Korea Journal. 1994. Vol. 34, № 2. P. 8.

Andronova Larisa A.

National Research Tomsk Polytechnic University

laruka@yandex.ru

Evolution of Regional Identity in the Republic of Korea

During the second half of the 20th century the phenomenon “regionalism” was originated in South Korea, later it have became the hallmark of “Korean democracy.” There are several points of view on the causes of regionalism in South Korea. Historically, regionalism is the primary mechanism for the development of social relationships in Korean society. The origins of this phenomenon lie in the Confucian ethics of the family, especially in the importance of blood, kinship and geographical ties. The man identifies himself, based on complex and intricate relationships between relatives, friends, colleagues, fellow villagers. In the 20th century the internal structure of the state has been building on regional, personal, school bonds, reflecting the historical linkage of family and place. In 1960 - 1980s the process of regionalization was going actively: for example, the appointment to political key positions from the south-eastern province of Gyeongsang. Political coalition sought to associate with its native region. Region becomes less territorial, more political entity. Social and political ties between leading chaebol families and important politicians ensure the consolidation of economic privileges in the southeast and have become an important factor in the preservation of existing inequalities. Thus, the state is based on deep-rooted ties and social relations of the ruling elite, who came from the same region. The result of such political process has become a regional state. Regional ties formed a cultural and ideological basis of government institutions. The territory of the Republic of Korea was the main quantity that determines the power relations and structure.

Keywords: regional identity, the Republic of Korea, political culture, regionalism.

References

1. Asmolov K.V. Politicheskie partii v Respublike Koreia [Political parties in the Republic of Korea], *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2003, no. 4, pp. 46-63.
2. Mazurov V.M. *Ot avtoritarizma k demokratii (praktika luzhnoi Korei i Filippin)* [From autocracy to democracy (practice of the South Korea and the Philippines)]. Moscow: Vostochnaia literatura, 1996.
3. *Statisticheskaya sluzhba Respubliki Koreia (KoStat)* [Statistics service in the Republic of Korea (KoStat)]. Available at: <http://kostat.go.kr>. (Accessed 15 May 2010).
4. Croissant A. Electoral politics in South Korea, *Electoral politics in Southeast and East Asia*. Singapore, 2002, pp. 250.
5. Helgesen G. *Democracy and authority in Korea: the cultural dimension in Korean Politics*. GB: Curzon, 1998, pp. 199.
6. Kang David C. Regional politics and democratic consolidation in Korea, *Korea's democratization*, ed. by Samuel S. Kim. USA: Cambridge University Press, 2003, pp. 172.
7. Kim Byung-Kook. *Party Politics in South Korea's Democracy: The Crisis of Success, Consolidating Democracy in South Korea*. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 2000.

8. Lee Jung B. The Political Process in Korea, *Understanding Korean Politics: An Introduction*. New York: State University of New York Press, 2001, pp. 156.

9. Park Chan W. Change Is Short but Continuity Is Long: Policy Influence of the National Assembly in Newly Democratized Korea, *Legislatures: Comparative Perspectives on Representative Assemblies*. An Arbor: The University of Michigan Press, 2002, pp. 334.

10. Park Chan W. Financing Political Parties in South Korea: 1988-1991, *Comparative Political Finance Among the Democracies*. Boulder: Westview Press, 1994.

11. Steinberg David I. *Politics in developing countries: comparing experience with democracy*. London: Lynne Rienner Publishers, 1995, pp. 398.

12. Yea Sallie W. Regionalism and Political-Economic Differentiation in Korean Development: Power Maintenance and the State as Hegemonic Power Block, *Korea Journal*, 1994, Vol. 34, no. 2, pp. 8.

УДК 94 (327.33)

DOI 10.172239785751123666/8

Г.С. Климова

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ И ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ НАДНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Анализируются возможности примордиализма, инструментализма и конструктивизма с точки зрения формирования европейской идентичности в рамках Евросоюза. Инструментализм и конструктивизм не вступают в логическое противоречие при создании структуры наднациональной общности и самоопределения. В то же время границы примордиализма чрезвычайно ограничены в этой области.

Ключевые слова: Евросоюз, европейская идентичность, политическая идентичность, культурная идентичность.

Постановка проблемы. Границы Европы. Европа – это понятие не менее текучее, чем «идентичность». Что такое Европа? Что это: географическая, политическая или культурная общность? Ответ на этот вопрос не так прост, как кажется на первый взгляд.

По мнению британского историка П. Бёрка, Европа – это не столько место, сколько идея. И идея относительно молодая: понятие «Европа» в близком современному значении вошло в оборот только после 1700 г. (Burke 1980: 21). По вопросу о происхождении и значении термина нет устоявшейся академической позиции. Понятие «Европа» возводят и к греческим «europs» (широкий) и «ор(s)» (глаз), и к семитским языкам, переводя его как «западные земли». Первый этимологический подход превращает Европу в самодостаточный,

92

независимый проект, тогда как второй определяет ее в рамках дихотомии Восток – Запад.

Границы Европы также неопределенны. Они подвижны, как и ее центр. Сегодня мы связываем с этим концептом ряд международных организаций, прежде всего Совет Европы и Европейский Союз, что прекрасно иллюстрирует размытость географических и культурных пределов Европы. Даже расширение ЕС само по себе поднимает вопрос об объеме понятия.

Очевидно, что до недавнего времени Европа не была политическим или экономическим единством. Именно интеграционный процесс второй половины XX в. позволил говорить о европейском единстве в политической и экономической сферах. Однако культурная, прежде всего языковая, общность остается расплывчатой.

Неопределенность представлений о содержании понятия «Европа» усложняет и без того противоречивый и трудный процесс определения и, как следствие, формирования «европейской идентичности». Тем не менее отказаться от этой задачи, по крайней мере в рамках Евросоюза, практически невозможно. Беспрецедентное интеграционное образование переживает в настоящий момент непростые времена очередной трансформации. Пережив институциональный кризис, связанный с провалом проекта конституции, и преодолевая последствия мирового финансового кризиса, поставившего под угрозу устойчивость евро и Единого рынка, ЕС столкнулся с повсеместными обвинениями в дефиците демократии (Bottici, Challand 2014: 25). Самым последовательным критиком выступил немецкий философ и сторонник интеграции Ю. Хабермас. В книге «Кризис Европейского Союза. Ответ» он рассуждает о «правах человека» и манипуляциях ими на международном уровне, отмечая необходимость расширения полномочий граждан ЕС и формирования Союза как совместного продукта отдельных граждан и народов. Обсуждая с автором эту публикацию, Ф. Фукуяма соглашается с немецким мыслителем, говоря, что «из-за кризиса евро Европа движется в сторону политического союза совершенно иного типа, но ошибочным образом работа над этим ведется как над связанным с элитами технократическим вопросом, который может быть решен без прямого обращения к европейской общественности» (Фукуяма, Хабермас 2012: 71).

Необходимо отметить, что существует оживленная дискуссия о «дефиците демократии» в ЕС. Сам термин в отношении европейского интеграционного процесса возник в научной литературе в 1970-е

гг. Наиболее ярко аргументы оппонентов, на наш взгляд, выразили А. Моравчик, А. Фоллесдал и С. Хикс (Moravcsik 2002; Follesdal, Nix 2005).

Отношение граждан ЕС к интеграционному процессу в посткризисные годы демонстрировало отрицательную динамику. Количество граждан, имеющих в целом положительный образ ЕС, снизилось с 52 % в 2007 г. до 31 % в 2013 г., в то время как число граждан, отрицательно относящихся к Союзу, увеличилось за данный период с 15 до 28 %. В 2014 г. динамика несколько изменилась: число граждан, положительно оценивающих ЕС, выросло на 4%, а количество граждан, отрицательно относящихся к ЕС, сократилось на 3 %. (Eurobarometer 2014: 8). Хотя ЕС возвращает расположение граждан в последний год, данные Евробарометра свидетельствуют скорее о росте недоверия Брюсселю, в том числе связанного с дефицитом демократии.

Преодолеть текущие противоречия и осуществить очередную амбициозную стратегию «Европа 2020» ЕС можно только при широкомасштабной поддержке европейцев. Одним из средств может быть реализация давней цели интеграционного процесса – формирования наднациональной европейской идентичности.

Примордиализм, инструментализм и конструктивизм: границы наднациональной идентичности. В научной традиции принято выделять три подхода к изучению идентичности, одновременно определяющих механизмы ее формирования: примордиализм, инструментализм и конструктивизм. Существующие модели обладают разным потенциалом как в условиях глобализации, так и в рамках складывания наднациональной идентичности.

Несмотря на глубокие исторические корни идеи «Объединенной Европы», примордиалистский подход и как научная парадигма, и как базис наднациональной самоидентификации представляется ограниченным. В определенном смысле к сторонникам данного взгляда можно отнести авторов, возводящих общее европейское социально-культурное пространство к христианской традиции и опыту Просвещения (Weiler 2003). Конечно, когда в ходе спора о включении или не-включении фразы о христианском наследии в преамбулу проекта Конституции ЕС Дж. Вейлер пишет, что именно в христианских корнях мы можем найти то, что является исключительно европейскими духовными ценностями, он не говорит о примордиализме. Но при этом он использует риторику определенно примордиалистского толка (Weiler

2003). К. Боттици и Б. Шаллан предлагают два основания для критики данных отсылок. Во-первых, сужение европейской политической идентичности до культурных общностей ограничивает ее возможности. Во-вторых, они предупреждают, что любые поиски единых корней грозят обернуться софизмом (Bottici, Challand 2014: 28–29). В любом случае представления об исконности наднациональной идентичности европейцев не имеют под собой достаточных оснований, как минимум, по причине несформированности данного явления.

Обращаясь к инструментализму (который мы понимаем не только как метод решения индивидом определенных потребностных задач посредством определения своей принадлежности к группе, но и как метод социальной политики, целенаправленного воздействия на человека и общество), можно отметить, что в контексте формирования европейской наднациональной идентичности этот подход очень легко проследить на уровне работы Брюсселя. Существует целый комплекс документов и программ, нацеленных на создание европейской общности. Одним из первых была Копенгагенская декларация, сформулировавшая общеевропейские ценности еще в 1973 г. Определяя идентичность Европы в дихотомии «свой – чужой», авторы этого документа обосновывают особость Европы через приверженность к ряду ценностей: в политической сфере – демократии и правам человека; в экономической – рыночной экономике и свободе предпринимательства; в области социальных отношений – принципам социальной солидарности и сплоченности. Б. Страт справедливо отмечает, что европейская идентичность была разработана и избрана именно на Копенгагенском саммите в декабре 1973 г. (Strath 2002). Схожую функцию формулирования общеевропейских ценностей выполняет и Хартия Европейского Союза об основных правах. Хартия конкретизирует ценностное поле ЕС и европейской идентичности в его версии. По сути, определение круга ценностей Евросоюза способствует созданию некоего интеллектуального поля осознания общности. Однако следует признать, что это поле довольно виртуально и лишь относительно влияет на формирование у граждан ощущения общности. Прежде всего, Хартия и изменение ее статуса благодаря Лиссабонскому договору направлены на развитие у европейцев гражданской идентичности – осознания принадлежности европейскому гражданству. Важно, что ст. 11 Лиссабонского договора законодательно закрепила право на гражданскую инициативу, направленное на усиление прямой демократии и снятие обвинений в ее

дефиците. Успехи на этом направлении могут трактоваться по-разному: в среднем только около 20 % граждан ЕС ощущают себя таковыми, около 40 % ощущают себя гражданами «до определенной степени» (Eurobarometer 2014: 30), что в совокупности дает 60 %. По сути, все реформы структуры ЕС и развитие института общеевропейского гражданства, равно как и культурно-образовательные программы, могут быть рассмотрены как инструменты формирования наднациональной идентичности. Но парадоксальным образом, как отмечает Ф. Фукуяма, ЕС *de facto* осуществляет политику отделения граждан от процесса принятия решений, чем нивелирует достижения в области формирования евроидентичности (Фукуяма, Хабермас 2012: 72). С позиции американского исследователя можно спорить, но она имеет под собой достаточные основания.

Существует также целый ряд программ, целью которых является появление Европейца. Культурная политика ЕС представляет собой яркий пример. Первая официальная фаза культурных мероприятий Союза началась в 1994 г. В 1998 г. было решено заменить имеющиеся программы на единую программу «Культура 2000», цель которой поддержание культурного разнообразия в странах Евросоюза и мобильность культуры в пределах ЕС. Программа «Культурная столица Европы» является удачным примером формирования условий для межкультурного диалога, равно как и серия конференций, посвященных общему культурному пространству (например, «Душа Европы» 2004 г.).

Важное значение в расширении личных границ идентичности играют образовательные программы, например ERASMUS, стимулирующие мобильность граждан ЕС и знакомство с культурами государств-членов. Под эгидой Еврокомиссии работает организация CiCe (Детская идентичность и гражданство в Европе), являющаяся ассоциированным филиалом академической сети ERASMUS. Культурные и образовательные программы призваны обеспечить Европу общим прошлым и общезначимыми местами памяти, помимо Античности, христианства и Просвещения. Процесс конструирования общего прошлого в исторической ретроспективе европейских конфликтов представляется простым. Тем не менее существует ряд проектов учебников истории. В 2007 г. Германия, председательствующая в ЕС, продвинула проект создания единого учебника истории для средних школ на территории Евросоюза. EUROCLIO, организация, созданная при содействии Совета Европы, поддержала эту

инициативу ЕС по созданию общеевропейского учебника истории. На данный момент проект все еще не реализован. Создан германо-французский учебник истории, но официальных данных по широте его применения нет.

Важным инструментом формирования наднациональной идентичности является языковая политика ЕС. Существует целый ряд международных документов, защищающих языковое и культурное многообразие: Всемирная декларация лингвистических прав, Всеобщая декларация о культурном разнообразии, Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств. Далеко не все они ратифицированы государствами-членами ЕС. ЕС принял в 1995 г. решение по языковому разнообразию и языковому плюрализму. Статус региональных языков и языков меньшинств касается не только правового положения граждан ЕС, но и включения или невключения иммигрантов в европейское сообщество. Как отмечает М.А. Марисенко, «Европейский союз является прообразом многоязычия, которое он навязывает формируемому на национальном уровне образовательным системам государств-членов» (Марисенко 2014: 21), но «*de facto* в его органах сложилась языковая иерархия на основе свободных рыночных отношений или сиюминутных прагматических решений» (Марисенко 2014: 31). Фактический дефицит языковой демократии ставит стену на пути активного участия граждан в управлении. Языковой плюрализм – очень дорогое удовольствие, а дрейф к моноязычию можно расценивать и как утрату национальных особенностей, и как жесткое конструирование языковой общности с единой идентичностью.

Несмотря на обширность институциональных действий, их эффективность и успех противоречивы и ограничены. ЕС пытается выстроить как политическую идентичность (в границах гражданства ЕС), так и культурную, создавая общие места памяти и культурные мифы. Формирование первой наталкивается на функциональные противоречия, связанные с механизмом принятия решений в ЕС. Вторая же является чрезвычайно сложным конструктом, поскольку опирается на концепцию единства в многообразии.

В данном контексте конструктивизм оказывается чрезвычайно перспективной моделью. Интеракция и коммуникативный дискурс обладают высоким потенциалом с точки зрения формирования национальной идентичности, поскольку создают знаковое поле, культурные маркеры на уровне самого сообщества и индивидов, в него

входящих. Во многом именно об этом пишет в своей последней книге Ю. Хабермас, отмечая, что преодоление кризиса интеграционного процесса невозможно без расширения вовлеченности граждан в процесс принятия решений (Habermas 2012). А это осуществимо только, если граждане ЕС будут ощущать себя европейцами, по крайней мере, не в меньшей степени, чем французами, итальянцами или немцами. Региональная и национальная идентичности в целом не противоречат европейской идентичности.

Конструктивизм в формировании наднациональной идентичности сложнее проследить. Эта модель требует времени, как ни одна другая. Тем не менее этому процессу способствуют межличностные отношения в рамках ЕС, а также примеры публичных действий и свободные ассоциации граждан. Увеличивающееся количество межэтнических браков граждан ЕС в результате создания Единого рынка способствует формированию если не космополитизма, то сложной европейской идентификации у детей в таких браках, а также билингвизму, расширяющему границы индивидуальной идентичности. Европейская комиссия уделяет этим вопросам особое внимание. Очевидно, что влиять на межличностные отношения напрямую институты ЕС практически не могут, но они посвящают значительные ресурсы их изучению. Так, проект EUROIDENTITIES, спонсированный Еврокомиссией, был посвящен процессу формирования кросснациональных связей. Результаты этой работы, опирающейся на биографический метод, представляют огромный интерес. Также интересен исследовательский проект ELDIA, посвященный динамике взаимодействия миноритарных языков и титульных языков в Восточной Европе.

Гражданские инициативы в поддержку ЕС свидетельствуют о возможностях конструктивизма. Интересным примером является деятельность молодежных организаций. Так, Молодые европейские федералисты осуществили в 2013 г. проект в поддержку «Года европейского гражданства». Они организовали занятия в школах ЕС, направленные на расширение знаний учащихся о правах и обязанностях гражданина ЕС, а также об общеевропейской истории. Участники ассоциации полагают, что существует несколько ключевых путей по формированию европейской идентичности, и один из них — «объяснять». Схожие позиции занимают и другие подобные организации, например Европейский гражданский форум и ассоциация

«Граждане за Европу». Как уже отмечалось, сегодня ЕС стремится поддерживать гражданскую инициативу законодательно.

По меткому замечанию У. Эко, «единство, которое Европа не умеет обрести в себе самой, навязывается ей извне объективной эволюцией событий» (Эко 2007: 69). Так, на наш взгляд, примером общегражданской солидарности стали массовые выступления в Европе в 2003 г. против ввода войск ЕС в Ирак. В этой ситуации граждане продемонстрировали свою политическую позицию на уровне ЕС. Это событие повлекло за собой другое, не менее знаковое явление. Группа европейских философов во главе с Ж. Деррида и Ю. Хабермасом опубликовала в ведущих европейских газетах так называемый «Манифест» (Habermas, Derrida 2003). Его идея заключалась в том, что общественная реакция европейцев на вторжение в Ирак внесла свой вклад в рождение «Европейской общественности» и подняла вопрос о европейской идентичности. Несмотря на значимость и высокую оценку данного публичного действия, необходимо признать, что таких масштабов общеевропейские акции после 2003 г. не достигали.

Политическая vs культурная идентичность. Заключение. В целом, насущная задача формирования наднациональной европейской идентичности распадается для институтов ЕС и его граждан на две: политическую и культурную. Политическая идентичность является не только первостепенной для преодоления дефицита демократии, но и вполне достижимой в краткосрочный период. Формирование же культурной имеет на своем пути ряд структурных препятствий: конфликты интересов и формирование общей памяти; языковая дифференциация и стремление к сохранению культурного многообразия. Это не означает провальность проекта культурной европейской идентичности, но это длительный процесс (особенно в условиях современных миграционных потоков), требующий больших усилий как со стороны институтов ЕС, так и со стороны граждан. В этом контексте инструменталистский подход не вступает в конфликт с конструктивизмом. Напротив, только системные действия органов ЕС при активном участии граждан, равно как и конструирование населением ЕС новой общей мифологии при поддержке институтов, могут сделать проект наднациональной идентичности реальностью.

Источники и литература

1. Марусенко М.А. Языковая политика Европейского Союза: институциональный, образовательный и экономический аспекты. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. 288 с.
2. Фукуяма Ф., Хабермас Ю. Гражданин Европы: только миф? // Логос. 2012. № 4. С. 71–80.
3. Эко У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ. М.: Эксмо, 2007. 592 с.
4. Bottici C., Chaland B. Myth, Memory, and Identity. NY.: Cambridge University Press. 2013. 205 p.
5. Burke P. Did Europe Exist before 1700? // History of European Ideas. 1980. № 1. P. 21–29.
6. Chevée J. Construire une identité européenne, oui, mais comment? // Le Taulrillon. 2013. [Электронный ресурс]. □ URL: <http://www.taurillon.org/Construire-une-identite-europeenne-oui-mais-comment,05502> (дата обращения: 26.10.2014).
7. Eurobarometer Standard 81. Spring 2014 [Электронный ресурс]. – URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb81/eb81_first_en.pdf (дата обращения: 25.09.2014).
8. Follesdal A., Hix S. Why There Is a Democratic Deficit in the EU: A Response to Majone and Moravcsik [Электронный ресурс]. □ URL: http://edoc.vifapol.de/opus/volltexte/2011/2454/pdf/egp_connex_C_05_02.pdf (дата обращения: 1.11.2014).
9. Habermas J. The crisis of the European Union. A response. Cambridge: Polity. 2012.
10. Habermas J., Derrida J. February 15, or What binds Europeans together [Электронный ресурс]. – URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb81/eb81_first_en.pdf (дата обращения: 13.09.2010).
11. Leeuw Roord J. A Common textbook for Europe? Utopia or Crucial Challenge? [Электронный ресурс]. – URL: http://culturahistorica.es/joke/textbook_for_europe.pdf (дата обращения: 01.11.2014).
12. Moravcsik A. In Defense of Democratic Deficit: Reassessing Legitimacy in the European Union // Journal of Common Market Studies. 2002. № 40. P. 603–624.
13. Présentation du manuel d'histoire franco-allemand à Péronne [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.education.gouv.fr/cid4070/presentation-du-manuel-d-histoire-franco-allemand-a-peronne.html> (дата обращения: 15.09.2014).
14. Strath B. A European Identity: To the Historical Limits of a Concept // European Journal of Social Theory. 2002. Vol. 5. P. 387–401.
15. The Development of European Identity/Identities: Unfinished Business. A policy review. 2012 [Электронный ресурс]. – URL: http://ec.europa.eu/research/social-sciences/pdf/policy_reviews/development-of-european-identity-identities_en.pdf (дата обращения: 17.10.2014).
16. Weiler J. European Democracy and the Principle of Constitutional Tolerance: The Soul of Europe // A Soul for Europe. 2003. Vol. I. P. 33–54.

Klimova Galina S.

Moscow State Pedagogical University

galina1584@gmail.com

European Union and the problem of the supranational identity formation

Uncertainty of the concept "Europe" complicates already contradictory process of definition and formation of "the European identity". However, supranational European identity is a necessary condition of overcoming of the current problems in the European Union. Considering that the EU citizens' attitude to integration in post-crisis years showed negative dynamics, the importance of the European identity forming increases. Only large-scale support of the Europeans, who understand their community, can provide realization of the tasks set by the EU.

Prospects of formation of the European community can be analysed within the approaches to the identity studying: primordialism, instrumentalism and constructivism. These approaches are at the same time defining mechanisms of its formation

Despite deep historical roots of "the United Europe", ideas of vernacularity of supranational identity of Europeans have no sufficient bases. At least as the forming of this phenomenon has not finished yet. Though we can speak about potential limit of the primordialism in the process of building European identity.

In the history of the European Union there is the complex of the documents and programs aimed at creation of the European community. For example, the Copenhagen declaration or the Charter of the EU on basic rights play special role in the formulation of the all-European values. Cultural and educational programs (ERASMUS, Culture 2000) are urged to provide Europe common past. But despite extensiveness of institutional actions, their efficiency and success are contradictory and limited.

Thus, constructivism appears to be extremely perspective model. This model demands time, as any other. Nevertheless, this process is promoted by the interpersonal relations within the EU and public actions of free associations of citizens.

In general, the essential problem of the formation of supranational European identity breaks up for EU institutes and his citizens to two: political and cultural. In this context instrumentalism doesn't clash with constructivism. On the contrary, only systematic actions of the EU with active participation of citizens can bring the project of supranational identity into reality.

Keywords: European Union, European identity, political and cultural identity.

References

1. Marusenko M.A. *Iazykovaia politika Evropeiskogo Soiuz: institutsional'nyi, obrazovatel'nyi i ekonomicheskii aspekty* [Language policy of the European Union: Institutional, educational and economic aspects]. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. Un-ta. 2014. 288 p.
2. Fukuiama F., Khabermas Iu. Grazhdanin Evropy: tol'ko mif? [The European citizen: Just a myth?], *Logos*, 2012, no. 4, pp. 71–80.

3. Eko U. *Polnyi nazad! «Goriachie voyny» i populizm v SMI* [Turning back the clock: “Hot wars” and media populism]. Moscow: Eksmo. 2007. 592 p.
4. Bottici C., Challand B. *Myth, Memory, and Identity*. NY.: Cambridge University Press. 2013. 205 p.
5. Burke P. Did Europe Exist before 1700?, *History of European Ideas*, 1980, no. 1, pp. 21–29.
6. Chevée J. Construire une identité européenne, oui, mais comment?, *Le Taurillon*, 2013. Available at: <http://www.taurillon.org/Construire-une-identite-europeenne-oui-mais-comment,05502>. (Accessed 26 October 2014).
7. *Eurobarometer Standard 81. Spring 2014*. Available at: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb81/eb81_first_en.pdf. (Accessed 25 September 2014).
8. Follesdal A., Hix S. *Why There Is a Democratic Deficit in the EU: A Response to Majone and Moravcsik*. Available at: http://edoc.vifapol.de/opus/volltexte/2011/2454/pdf/egp_connex_C_05_02.pdf. (Accessed 1 November 2014).
9. Habermas J. *The crisis of the European Union. A response*. Cambridge: Polity. 2012.
10. Habermas J., Derrida J. *February 15, or What binds Europeans together*. Available at: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb81/eb81_first_en.pdf. (Accessed 13 September 2010).
11. Leeuw Roord J. *A Common textbook for Europe? Utopia or Crucial Challenge?* Available at: http://culturahistorica.es/joke/textbook_for_europe.pdf. (Accessed 1 November 2014).
12. Moravcsik A. In Defense of Democratic Deficit: Reassessing Legitimacy in the European Union, *Journal of Common Market Studies*, 2002, no. 40, pp. 603–624.
13. *Présentation du manuel d'histoire franco-allemand à Péronne*. Available at: <http://www.education.gouv.fr/cid4070/presentation-du-manuel-d-histoire-franco-allemand-a-peronne.html>. (Accessed 15 September 2014).
14. Strath B. A European Identity: To the Historical Limits of a Concept, *European Journal of Social Theory*, 2002, Vol. 5, pp. 387–401.
15. *The Development of European Identity/Identities: Unfinished Business. A policy review*. 2012. Available at: http://ec.europa.eu/research/social-sciences/pdf/policy_reviews/development-of-european-identity-identities_en.pdf. (Accessed 17 October 2014).
16. Weiler J. European Democracy and the Principle of Constitutional Tolerance: The Soul of Europe, *A Soul for Europe*, 2003, Vol. I, pp. 33–54.

А. Верцинска

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ЧУЖОГО. РУССКОЕ МЕНЬШИНСТВО В НОРВЕГИИ КАК ПРИМЕР СЛОЖНОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В МНОГОКУЛЬТУРНЫМ ОБЩЕСТВЕ

Основной предмет исследования в данной статье – повсеместный феномен все возрастающей на протяжении последних десятилетий миграции между государствами. Усилившееся столкновение культур породило широко признанный в современном мире вопрос идентичности. На примере русского меньшинства в Скандинавии в статье представлены внутренние изменения, с которыми сталкивается эта группа и которые могут быть использованы в транснациональном контексте по отношению к более широкому кругу национальностей и культур.

Однако это не будет попытка унификации всех эмигрантов, а только представление возможных реакций людей, переезжающих в другие страны, на процессы аккультурации. Некоторые элементы культуры в новой стране могут очень отличаться от нашей родной культуры. Тем не менее эмигранты должны принять или хотя бы уважать нормы и обычаи, которые воспроизводятся в определённом обществе и являются привычными для его членов.

В связи с этим эмигранты «присматриваются» к своей культуре более внимательно, что часто приводит к укреплению принадлежности к своей национальной группе. Однако можно отметить также и противоположное явление – отказ от ценностей, признаваемых до сих пор, и восприятие, полностью или частично, культуры другого народа. Это сложный процесс, и потому часто невозможно дать однозначного ответа по поводу идентичности определенных групп и отдельных лиц.

Русские особенно интересны тем, что большое влияние на них оказывала культура стран Востока, а также огромные пространства Российского государства и его внутреннее многообразие. Кроме этого, внешний вид русских для европейцев бывает обманчивым, и часто они не обращают внимания на их «экзотику» во время первой встречи. Эта статья является попыткой найти ответ на вопрос: насколько интенсивен процесс аккультурации русских в Норвегии, а также с какими культурными проблемами они здесь встречаются.

Ключевые слова: русские, Норвегия, меньшинство, идентичность, столкновение культур, национализм, границы.

Introduction. The number of immigrants in Norway has increased dramatically during the last two decades. According to Statistisk sentralbyrå (Statistics Norway) the population in Norway reached 5 109 100

residents in the last year, including 483 200 foreign nationals¹. They are representatives of many different cultures all over the world (about 221 different countries²). The Russian minority is placed among the ten biggest groups of foreigners including about 16,5 thousands of immigrants with Russian background.

Norway is a young nation-state taking into consideration the time of establishment of independence of the country and territorial borders. A short-term uprising in 1814 to obtain full independence was subdued by Sweden in the same year. It is worth mentioning that during the period of the personal union between those two countries, today's borders between Russia and Norway were established already in year 1826 (Brochmann, Kjeldstadli 2008: 88-89). In 1905 the parliament declared Norway fully independent and the Russian government was the first one that officially recognized Norway's independence at that time (Norsletten, Panov 2004: 16–17).

From the beginning the Norwegian country has had a special attitude to foreigners. In 1905, neither the new king, nor queen, were native Norwegians (Princess Maud of England and Prince Carl of Denmark (Haakon VII). Also the present king, Harald, is an immigrant, as his mother Märtha, was Swedish (Brochmann et al. 2008).

We should also remember that 100 years ago as today, there were always some criteria for immigrants that could define who can become a citizen and who can not. However, they have never been as strict as for example „the blood-right” in Germany in XIX century.

It is important to note that becoming a citizen does not mean that somebody's identity is changed dramatically. Various privileges are granted, in different countries, in the name of citizenship. Nevertheless, these artificial boundaries between nations that makes some changes in the statistics as well as in the state economy, do not tell much about individuals and their perception of the world.

The area of research. When in the 90's the borders between Norway and Russia became partially opened, it caused the first bigger wave of immigration to Scandinavian country. Mostly they were engineers, students or persons who got married to Norwegians (Scherbakov 2004: 458). It was natural that the biggest part of Russian immigrants had come from

¹ Data from 1st of January 2014. <http://www.ssb.no/befolkning/statistikker/folkemengde>.

² However the number of representatives of foreign countries is not relevant to the number of the cultures.

Northern Russia at that time - especially from Oktyabrskiy (Murmansk) and Solombalskiy okrug (Arkhangelsk).

In fact, the southern and northern part of Norway differs in numerous terms and it required more complex research. The presented paper puts attention on the South as a result of an opportunity of taking direct contact with participants of the research, as well as lack of numerous publications about Russians who live in this part of Norway.

Although objectivity remains a utopian dream to scientists, while conducting the research as many various and available sources of information as possible were used to get closer to „the truth” about chosen minority and their way of perceiving the world. The article is based on historical, sociological and anthropological sources, but also reportages written by people travelling or living in Russia. 'Guide books' written by Russian authors that have tried to explain 'the Russian Soul' and contribute towards better cooperation between Russians and representatives of another countries – in the professional and private spheres. It is worth to mention that both presented books and informants pay special attention to their “otherness” that is not noticed by Europeans during first, superficial contacts. It can lead to many misunderstandings connected to wrong interpretations of some kind of behaviors that can seem banal for us, like for example the meaning of a smile, but that can be burdensome in further communication. While talking about Russia it is necessary to take into account the geographical spread of a land that is significantly larger than whole European continent, and the internal diversity. The complex history and influence of both Middle and Far East have had an important impact on shaping the awareness of Russian inhabitants that should not be forgotten. However, external features of Russians can be misleading towards Europeans and the 'exoticism' of Russians can be forgotten easily by inhabitants of the western countries (Sergejeva 2008: 32–35).

Above all, the most important source of information was conducted research: interviews with representatives of the Russian minority without who it would not been possible to write anything about the present situation in Norway. Direct and indirect contact was made with representatives of the Russian minority from the southern part of Norway. Meetings, call phones, questionnaires were significant source of information during the research. Contact with Russian associations like Troika and Russisk Rogaland has been also made.

The method for recruiting informants for the research was the so-called 'snowball method'. The interviews help to identity situations and

processes by which acculturation among Russians is made problematic. This kind of material is regarded as highly valuable, because it contains people's understanding of themselves and each other, including how these understandings are put into practice (Flemmen 2009: 114). What is more, the research is based on direct and actual/present information that applies to the situation that takes place 'here and now'. However, drawing conclusions requires taking into consideration a broader context.

Initially „a common denominator” of the study group was the country of origin. Nevertheless, while conducting the research some modifications were made to the target group. After few first interviews it was clear that today's Russian borders are not equivalent to the sense of „feeling Russian”. People who participated in the research almost always were surprised that in Norway there have been living only about 17 000 Russians. They used to treat as „Russians” all of their friends who speak Russian or have come from Eastern Europe. Citing one of the Russian writers, Sergej Dovlatov, *“90% of personality is in the language”* (Sergejeva 2008: 135), and it reflects the current situation associated with taking care of one's own language that is considered a mirror of every culture.

In the case of Russia there is one more very significant aspect that is obvious for Russians but is forgotten or ignored by Europeans. They have two different words describing “Russian” in the Russian Federation. Namely “ruskij” is an ethnic Russian, but “rossijanin” a citizen of the Russian country and can be representative of any other nation. The European way of thinking usually tries to combine both of these meanings into one although there are no uniform countries in Europe as well as all over the world.

No wonder that many members of associations like Troika or Russisk Rogaland are not “Russians” in European meaning and those “non-Russians” were also interviewed. They come from Post-Soviet countries like Ukraine, Belarus, Kazakhstan, and the Baltic countries. They are associated with a common, sophisticated history and language. Most of these lands have their own native language that is recognized as an official one. However, a great part of these societies is still able to communicate in Russian and children continue learning this language at school. There are about 145 million people who use Russian as the first language. According to the United Nations the total number of speakers is estimated to be more than 300 million (Fokina 2013).

At the time of conducting the research one incident also occurred that gave a lot of to think about. It was namely publishing a post on the web-

site of Russisk Rogaland that concerned the research and was written in English. Firstly, use of this language raised a lot of controversy, offensive comments and quarrels. What is noteworthy – only men expressed themselves in a negative tone. It is hard to judge why so an innocent thing like a published request to the Russian minority caused so emotional a reaction. Is it nationalism, attitude to women, education, popularity in this society or the way of expression on the internet? It is not possible to get unequivocal answer and it requires further research among Russian men. Above mentioned incident applies only to a few persons and it is not a basis for general conclusions concerning men from Russia. Nevertheless, many of the informants emphasized strong boundaries between genders, the more traditional, patriarchal pattern of family in Russia and attitude towards women. For some of the interviewees it was also one of the reasons for moving abroad:

“Russian men don’t believe women can be equal or good in their profession. They still think women should sit at home and raise kids while a man can do whatever they want to without much commitment to family” (Serafima, Engineer).

The most of participants were women in age 30-40 years (80%), well-educated, with good jobs. Many of them were engineers, but among the interviewees were also self-employed persons, students, waitresses, asylum-seeker and mothers during their maternity leave. There have been collected 20 interviews and among the informants was found only one man.

About 50% of them come from Moscow or surrounding areas, then from Ural, middle – west Siberia, North, with no one from the eastern part of Russia. They have been living in Norway for 4–10 years (a few of them longer, about 5 newcomers).

They did not make any plans to move especially to Norway. Usually it happened because of recruitment to a job. It has been adventure for many of them, new experience, curiosity about living abroad. Some of them have moved because they were married or were following their husbands’ job.

It was significant to the research to get information about their feelings and sensations at the beginning of their immigration and how they have been feeling in Norway in the present time. Have they changed a lot their point of view, values, or do they maybe feel more Russian than ever before?

It was a specific group that had not many problems with employment because many of them had gotten an invitation before they moved to Norway. In addition, the international environment at work made the process of integration easier in the first phase. At the same time an international surrounding made it more difficult for some of them to become part of Norwegian society.

Obviously the problem with language has appeared. It is a very significant factor that challenges society in every country. It is impossible to become part of society without language skills. But until today, even those who are fluent in Norwegian or have Norwegian families, still have not many friends from this country. They think about Norwegians that “*they are nice, friendly and helpful colleagues, but they not let you so close*” (Tanja, engineer).

It is quite common that indigenous inhabitants separate family life from work, and rather spend free time very active in nature, with family, and not so often with friends. It is also quite common that they are members of various sport clubs where they spend afternoons or weekends – they do not invite each other to their houses, but it is of course difficult to generalize. It is how Russians explain the lack of closer familiarity with Norwegian society. However, we can find deviations from this viewpoint or can discuss about inhabitants who come from this specific part of the land. We have to remember that Norway, which was inhabited by numerous separated small societies during centuries, differs in terms of culture and varieties of Norwegian language until today.

Norwegian people (...) are mostly focused on their families and local friends, so it is complicated to get to Norwegian society, but if you are active, open and an interesting person and speak proper Norwegian/English, you will make it” (Ekaterina, student).

Although Russians have friends among their compatriots, they are typically not very close and it looks like they are rather in an international environment. Some of them are also members of Russian associations, but tend to be rather passive ones.

We can also observe some tensions between minorities, as well as with Norwegians, in terms of job competition where Norwegian language skills have a significant role. In that context, Russians feel also a little bit discriminated against by Norwegians who are native speakers and the indigenous population. Some respondents think that in comparison to other countries, Norway has less of such nationalism than other countries, but opinions are divided.

For those who have decided to have a family in Scandinavia, it is significant to speak Russian at home. Nevertheless, they pay special attention to the father's language or country where they have settled down. According to some of them, these two aspects should be taken into account first when deciding the main language to be used at home.

Another 'banal' aspect of the culture is a native costume. It is common in Norway to wear national dresses during holy days and national feasts, especially on the 17th of May, but also Sundays and family feasts like for instance weddings. Many foreigners wear this kind of clothes as well, although they have not Norwegian roots. It can be treated as manifestation of their affiliation to Norwegian society. Some of the interviewees admitted to think about buying these kind of clothes for themselves or about the idea of wearing their own traditional costume on such feast days. Their children, mostly from Russian-Norwegian families, use these costumes, but a significant part of Russians thinks that it is not necessary. In their opinion, it is more proper if their children wear just elegant clothes on those days. Nevertheless, it can be important for children to be dressed like other children at the same age and it can be a reason for some tensions between them and their parents. It seems to be a very superficial thing, but those elements of every culture that remain about own, native culture, are really significant for building identity. It is a kind of banal nationalism that in a very innocent way has an influence on the people. Probably that is why many of Russians who decide to dress up in *bunad*, make also some modifications in costumes – to emphasize their individual identity.

The case is analogous for celebrated feasts. According to the informants, the most important days for them are New Year's Eve, 8th of May, Easter and 9th of May. However, the 9th of May is not celebrated as spectacularly as some people would expect. They meet with their compatriots, watch the parade on TV or tell the history of that day to their children.

Diversity. While conducting the research it was observed that the participants make strong boundaries between themselves and the native inhabitants of Norway. It is not a new discovery that it is easier to notice differences in one's own culture, when we have the chance to compare 'banal' elements of this culture to another one. The elements that are difficult to observe while we live in our homeland can become highly distinctive when we are abroad.

Although the interviewees come from many different parts of Russia and Post-Soviet countries, they have a similar opinion on differences be-

tween their home country and Norway. Different patterns of family, the roles of man and woman, childhood, education, work, senility, attitude to culture and books, fashion, the way of showing respect, customs or even behavior by the table. They claim that in Russia many things are stricter than in Norway, that there are defined borders of proper behavior while in Norway there are almost no limits that in their opinion does not work very well. On the other hand, it was said that is hard for them to follow the Norwegian bureaucratic system in the same way that Norwegians do. In Russia everything is 'more human', there are not so many regulations and procedures, there is always an option to find 'a way around'. They are able to perceive 'the human in a man', where an individual is above the system and regulations. But at the same time this free interpretation can be seen by some observers as a kind of an anarchy.

Conclusions. Today, at the time of migrations and virtual flow, when countries seem to be more and more similar to each other, it is very difficult to find distinct boundaries between the cultures. The postmodernists have claimed that at the time of so-called globalization, everything is blurred and not clearly defined. *However, we can observe an increased diversity within national frontiers.* It happens that immigrants pay special attention on their culture and roots. They care about their own heritage much more seriously as immigrants than they did when living in their own homeland. They are faced with many changes, shocks or even a kind of trauma at the new place of living. What is more, can feel like they are guests, and as a result they can feel less confident, lonely, full of imperfections; they are new and uncertain. Then they can turn to the values that are well-known to them, which can provide a sense of security and stabilization.

There are no doubts that the process of acculturation has begun, but it depends on individuals how deep it has proceeded or how fast. Of course we have to take into consideration all the contexts that are necessary to get more general picture of this community. The presented research is only an introduction to the problem with identity today. However, in many cases it seems that people determine increasingly strong boundaries to their cultures, and it does not apply only to immigrants, but also to the native inhabitants of the country. As far as the phenomenon of taking care of a native culture is positively interpreted nowadays, we should remember that a dangerous boundary exists between patriotism and nationalism. This 'thin line' is not strictly placed and deals with '*concealment of nationalist consciousness*' (Billig 1995: 136), which can become awoken

during holy days or conflicts. Sometimes the border can be exceeded unconsciously and not noticed at the first sight, but the effects can be devastating. Therefore, it is most significant to respect other cultures and not to value them by our own measure.

References

1. Anderson B. *Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism*. London/New York: Verso, 1991. 224 p.
2. Appadurai A. *Fear of small numbers: an essay on the geography of anger*. Durham and London: Duke University press, 2006. 176 p.
3. Appadurai A. *Modernity at large: cultural dimensions of globalization*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. 248 p.
4. Billig M. *Banalny nacjonalizm*. Kraków: Wydawnictwo Znak, 2008. 317 p.
5. Brochmann G., Kjeldstadli K. *A history of immigration. The case of Norway 900-2000*. Oslo: Universitetsforlaget, 2008. 322 p.
6. Dmochowska, H. (Ed.), *Terytorium i ludność, Rocznik statystyki narodowej 2012*. Warszawa: Zakład Wydawnictw Statystycznych, 2012, pp. 68–102. Available at: <http://stat.gov.pl/obszary-tematyczne/roczniki-statystyczne/roczniki-statystyczne/rocznik-statystyki-miedzynarodowej-2012,10,2.html>, 2012 (Accessed 8 October 2014).
7. Edensor T. *National identity, popular culture and everyday life*. Oxford: Berg Publishers, 2002. 224 p.
8. Flemmen A.B., Lotherington A.T. (Eds.), *Transnational marriage migration. Russian-Norwegian Encounters*. Saarbrücken: VDM Verlag Dr. Müller, 2009. 137 p.
9. Fokina K. *Russian language returning: number of Russian speaking grows*. Available at: http://voiceofrussia.com/news/2013_11_21/Russian-language-returning-number-of-Russian-speaking-grows-0346/, 2013 (Accessed 29 September 2014).
10. Geertz C. *After the fact: two countries, four decades, one anthropologist*. Cambridge: Harvard University Press, 1995. 208 p.
11. Geertz C. *Local knowledge: further essays in interpretive anthropology*. New York: Basic Books, 2000. 256 p.
12. Kofta M., Jasińska-Kania A. (Eds.), *Stereotypy i uprzedzenia. Uwarunkowania psychologiczne i kulturowe*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe SCHOLAR, 2001. 310 p.
13. Norsletten Ø., Panov A. Trekk fra de diplomatiske forbindelser mellom Norge og Russland, Büchten D, Dzjakson T., Nielsen J.P. (Eds.), *Norge-Russland. Naboer gjennom 1000 år*. Oslo: Scandinavian Academic Press, 2004, pp.16–19.
14. Nowicka E. *Swoi i obcy. Tom I*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 1990. 266 p.
15. Olszewska-Dyoniziak B. *Człowiek-kultura-osobowość. Wstęp do klasycznej antropologii kulturowej*. Kraków: Universitas, 1991. 297 p.
16. Schlebakov A. Utvandring fra Russland til Norge I den postsovjetske perioden, Büchten D, Dzjakson T., Nielsen J.P. (Eds.), *Norge-Russland. Naboer gjennom 1000 år*. Oslo: Scandinavian Academic Press, 2004, pp. 458–459.
17. Sergejeva A. *Koden til det russiske hodet. Russerne: Væremåte, tradisjoner, mentalitet*. Kirkenes: Barentsforlag AS, 2008. 214 p.
18. Smetanina K. *Russland og russere. En guide til vårt nabofolk i øst*. Oslo: ORION FORLAG AS, 2006. 343 p.

19. Smolicz J., Demokracja kulturowa po australijsku – w poszukiwaniu narodu wielokulturowego, Kapciak A. (Ed.) *Komunikacja międzykulturowa. Zderzenia i spotkania*. Warszawa: Stowarzyszenie Wolnego Słowa Dom Księgarski, 1996, pp. 105-128.

20. *Statistikk sentralbyrå*. Folkemengden., 2014. Available at: [http:// www. ssb. no/befolkning/statistikker/folkemengde](http://www.ssb.no/befolkning/statistikker/folkemengde) (Accessed 9 October 2014).

Wiercinska Aleksandra

Museum Host at Museum of Archaeology, University of Stavanger
wiercinska.aleksandra@gmail.com

The ambivalence of 'the Stranger'. Russian minority in Norway as an example of a complex situation of building identity in the multicultural society

Norway varies significantly in terms of nationalities nowadays. The large culture clash and mutual influence of different cultures have highlighted the question of identity. According to Statistisk sentralbyrå (Statistics Norway), in the first part of 2014 number of immigrants has achieved almost 15% of population in Norway, including almost 16,5 thousands of immigrants with Russian background.

The division based on the territory where people were born or where their ancestors came from, tells not much about their own identity and perception of the world. However, it is the first, meaningful aspect that is taken into consideration when immigrants come to a new country

The main reason for this complex situation associated with our self-consciousness is 'cultural boundaries' that have been changing all the time and which are very flexible. Cultures are influenced by each other, and as a result we deal with uncertainty of clear separation between them. This phenomenon was present also in the past, but it has never achieved so great a size as today.

In the presented paper the attention is paid to the occurred changes of self-perception among Russians who have settled down in Norway during the last two decades. For the purpose of the research it is necessary to recognize Russian minority as an entity although they come from many different administrative districts (raions) from Russia. It is worth to mention that Norway, that was inhabited by numerous separated small societies during centuries, differs in terms of culture and varieties of Norwegian language until today.

The paper based on field-research conducted by the author and literature referring to problems associated with identities, minorities, perception of a stranger on the example of relations between Russian and indigenous inhabitants of Norway.

Keywords: Russians, Norway, minority, identity, culture clash, nationalism, boundaries.

СЕКЦИЯ 2

СИБИРСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

УДК 930.2

DOI 10.172239785751123666/10

Н.Г. Суворова

«СИБИРСКАЯ НАЦИЯ» В ИСТОРИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАКТИКАХ XIX ВЕКА¹

Охарактеризованы механизмы конструирования сибирской идентичности в крестьянской среде. Вопрос о «сибиряке» или «сибирстве» – вопрос, преимущественно, дискурсивных практик общественно-политического и колониального контента второй половины XIX – начала XX в. В качестве субъекта конструирования выступают имперские эксперты и их оппоненты, создатели колониальных проектов, их реализаторы и критики. Раскрыто влияние «идеологических / бюрократических» конструкторов непосредственно на крестьянскую среду, точки пересечения между интеллектуальными проектами и собственно крестьянским пространством. Показаны также внутренние факторы формирования территориальной идентичности. На основе материалов волостного делопроизводства зафиксированы наиболее часто используемые номинации крестьян в отношении самих себя на протяжении XIX – начала XX в., обоснованы этапы формирования надлокальной (территориальной) идентичности – сибирский крестьянин, а также показано влияние административных практик (принципы формирования волости, характер размещения переселенцев и ссыльных) на эти процессы.

Ключевые слова: сибирская идентичность, сибирская нация, крестьянское общество, локальная общность, старожилы, переселенцы.

Введение: от науки к административной практике и обратно.
Проблема формирования идентичностей в крестьянской среде имеет специфические источниковедческие и методологические сложности. Особенности населения Сибири, обусловленные именно террито-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ, в рамках государственного задания вузам в части проведения научно-исследовательских работ на 2014–2016 гг., проект № 2619.

рией, так называемое сибирство или сибирячество фиксировались, прежде всего, внешними наблюдателями и не были характерны на ранних этапах для самого сельского населения (Ремнев 2011: 112–113; Савельева 2005: 191; Сибирь 2003: 6). Идеологические конструкции второй половины XIX в., «воображая» русскую или сибирскую нации, искали доказательства «естественности», «древности», «стихийности» народной общности, которая и послужит фундаментом построения современной нации. Связь между идеологическими проектами и реальными носителями новых общих «представлений, ценностных ориентаций, образов, мифов, концептов» видится взаимной, хотя и весьма опосредованной (Сибирь 2003: 5). Взаимный и разнонаправленный характер этой взаимосвязи предполагает не только обращение к сибирским реалиям со стороны экспертов, но и воздействие на эти реалии с помощью прессы, исследовательских программ и административных практик. Эксперты (исследователи, чиновники, публицисты), описывая, характеризуя население, создавали новые классификации, исходя из собственных теоретических представлений, и тем самым оказывали воздействие и на само население, и на административные, социально-экономические и культурные программы, принимаемые в отношении этого населения.

В качестве промежуточного результата консолидации населения могут рассматриваться самономинации крестьянских сообществ, зафиксированные в материалах официального делопроизводства. Очевидно, что бюрократическая реальность волостного правления и суда, в частности в сфере самономинаций, могла существенно отличаться от незафиксированной, устной реальности. На официальное делопроизводство влияли нормативно-правовые документы, сложившиеся шаблоны документов и нормы канцелярского языка (Суворова 2006: 53–58, 2009: 54–62). Задача заключается в том, чтобы «услышать» собственные крестьянские представления, учитывая при этом, что для официального делопроизводства существуют достаточно жесткие формы номинаций. Кроме того, представляется значимым сопоставить делопроизводственную лексику, обозначающую общности сельского населения, используемую в документах, составленных чиновниками и собственно крестьянами. Пространство волостного делопроизводства видится в этом случае как особый канал внедрения новой лексики (язык запросов), а с другой стороны – как источник, позволяющий услышать крестьянские голоса.

Вопросы объединения или разукрупнения волостей, принятия в состав общества переселенцев, жалобы на однообщественников и соседей решались административно с помощью волостного правления, но, как правило, при этом требовалось изложить мнение общества. Мотивационное решение предполагало высказывание общего мнения, причем оно не обязательно было связано только с формальным статусом однообщественника, но могло отражать и иные (сословные, конфессиональные, этнические, языковые и др.) общности. В условиях сложных групповых конфликтов (старожилы – переселенцы; инородцы – крестьяне) в документах может отразиться иерархия коллективных идентичностей, значимая именно для данных обстоятельств.

Локализм, как важнейшее качество крестьянского социума, территоризация, жесткая дифференциация на «своих» и «чужих» не только не способствовали, но и препятствовали установлению горизонтальных, надлокальных связей. Крестьянский мир ограничивался рамками небольшого однородного коллектива, для которого была характерна связь личного типа, в значительной степени усиливавшаяся за счет родственных, клановых и хозяйственных отношений. Следует отметить в качестве основного направления административной политики в сибирской деревне первой половины XIX в. унификацию низовых административно-территориальных единиц и сословных групп сельского населения, концентрацию социально значимых функций в рамках легализованного крестьянского общества. В территориальном разделении различных сословных, этнических и конфессиональных групп администраторы видели вполне действенный рычаг преодоления конфликтности. Но уже со второй половины XIX в. такое решение не всегда представлялось возможным. Кроме того, удобство управления и хозяйственные интересы сельских общин в таком варианте расселения явно начинали противоречить колонизационным целям империи на окраинах, а именно созданию зоны сплошного заселения однородным, хотя бы с точки зрения управления и налогообложения, населением.

Во второй половине XIX в. под влиянием массовых приселений отмечается встречное движение снизу, по инициативе самих крестьянских обществ, направленное на разукрупнение волостных поземельных общин, «постепенная замена сложных и неопределенных форм землевладения замкнутою односеленною общиной» (Кауфман 2011: 396, 399). Передел волостной земельной дачи на одnodеревен-

ские общины исследователи объясняли стремлением переселенцев «остаться при тех формах, к которым они привыкли на родине», к полному обособлению своего землевладения, а также разногласиями со старожилами (Материалы 1894: 24–25, 145–152). Именно наличие общественной инициативы и совместных действий доказывает формирование общества на основе совместного проживания, хозяйственной деятельности, общих угодий, в целом общего образа жизни, укрепляемого единством национальным и конфессиональным. Кроме того, важным является тот факт, что общество могло складываться как в рамках формальных (административных, хозяйственных или административно-хозяйственных) единиц, так и вне или внутри легализированных территориальных единиц. Именно это условие и позволяет относить существовавшие различные уровни и формы крестьянских обществ к локальным сообществам, т.е. объединениям людей, ведущих совместное хозяйство на определенной территории и осознающих свою общность.

Этапы, механизмы и факторы формирования идентичности сельского населения Сибири. В конце XVIII в. сословие государственных крестьян еще окончательно не оформилось, существовали различные категории сельского населения, которые являлись держателями казенных земель, но были обложены различными видами обязательной государственной службы и тягла. Кроме государственных крестьян, на территории слободы проживали и занимались землепашеством, но не являлись членами крестьянского общества, мещане, купцы, служилые казаки. Самостоятельные общества составляли ямщики, экономические крестьяне и однодворцы, даже если их земли располагались чересполосно с крестьянскими.

Разделение пользователей казенными землями в обособленные общества, подчинение их различным ведомствам приводило к такой ситуации, когда слободская община была составлена из селений, разбросанных по всему уезду. Населенные пункты, стихийно возникавшие при переселении, были обычно небольшими по размеру, в основном двух- трехдворные, и разносословными по составу. Новые деревни возникали либо как выселки, либо как заимки, часто на расстоянии десятков верст от старых населенных мест и административных центров. Жители таких селений из-за малочисленности отдельных обществ не составляли, в то же время по отдаленности их нерационально было приписывать к соседним обществам. Поэтому администрация требовала, чтобы крестьяне селились большими де-

ревнями, а не однодворками. Переселенцам запрещалось образовывать мелкие селения и водворяться вблизи татарских юрт. Столкновения, конфликты в условиях даже совместного, чересполосного размещения при наличии значительных земельных резервов были ограничены.

Большинство селений Западной Сибири до 80-х гг. XVIII в. были неоднородными по сословному составу и незначительными по численности (Бояршинова 1964: 46–56; Жеравина 1964: 3–16; Рабцевич 1980: 3–27; Русакова 1976: 43). По данным М.М. Громыко, из 40 селений Тюменского уезда к 1780 г. только 8 были сословно однородными (Громыко 1965: 30). Наиболее крупные населённые пункты Тарского уезда в 70-е гг. только на 65 % были крестьянскими по сословному составу (Апполова 1976: 135). В.В. Рабцевич обратила внимание на тот факт, что представители различных категорий держателей казённых земель проживали совместно на территории одного селения, и это приводило к стихийному складыванию социального организма общины (Рабцевич 1980: 24–26). Появление неформальной общности сельских обывателей в рамках волости (с установившейся структурой внутренних отношений, соседской организацией) подтверждается фактами недовольства крестьян при реформировании низовой административно-территориальной единицы (Рабцевич 1983: 32). Это утверждение, на наш взгляд, несколько сомнительно для конца XVIII в., поскольку в этот период реорганизация волостей проводилась достаточно часто, а также учитывая значительные и слабозаселенные пространства низовой административно-территориальной единицы. Однако административные практики первой половины XIX в. (коммутация ренты и слияние волостей различных сословных групп, попытки объединения крестьянских и инородческих волостей, подселение переселенцев и ссыльных в старожильческие волости) способствовали «сживанию» и «сближению» в рамках волости сельского населения.

Для периода первой половины XIX в. в документах волостного делопроизводства самое широкое распространение получили разнообразные наименования однообщественников. Сельские обыватели, характеризуя свою причастность к коллективу, определяли себя как «одножительцы», «односельцы», «общественники» (ГАТО 1814: 1–4; ГАО 1820: 44, 1843: 89). В сибирских документах этого времени почти не используется понятие «мирское общество», или «община», оно заменяется более формализованными – «однотоварищество»,

«общество крестьян деревень ...»; «крестьяне сельского общества...». В большинстве случаев сельское население в официальных документах определяет себя через сопричастность к сословной группе: «казенные крестьяне», «государственные крестьяне», «окладные крестьяне».

В начале XIX в. в документах частных комиссаров крестьяне, переселившиеся из других мест, определяются не как переселенцы, а как те же крестьяне (ГУТО ГАТ 1818: 280–286). Приселенных немного, поэтому администрация не фиксирует их промежуточное положение, особенно если отсутствовали дополнительные этнические, национальные, конфессиональные границы.

В первой половине XIX в. номинация «сибирский» чаще всего употреблялась в связке с сословной категорией «инородец», его инвариантами (например, сибирские киргизы) (ГАТО 1826: 2–2об.). Исключительные случаи заявленной «сибирской идентичности» у выходца из российских внутренних губерний наблюдаются за пределами сельского общества и объясняются отсутствием этой приписки: «Проживая здесь в сибирии ... будучи почти постоянным сибирским жителем, я ли виновен в том, что никуда не причислен» (ГАТО 1859: 326).

В материалах волостного делопроизводства этого времени отсутствует не только слово «сибиряк», но и «русского» в сельском пространстве немного. В конце XVIII – начале XIX в. русские селения противопоставляются иноверческим, подчеркивая приоритет конфессиональной общности при определении качества группы. Категория «русский ясашный крестьянин» – особое промежуточное правовое состояние, определяемое характером территории (земельных угодий), на которой селится крестьянин (ГУИсА 1836: 21; Крих 2012: 121). Локальность сословной идентичности определялась статусом той земли, на которой размещалась данная группа.

Масштаб преобразований инородческих волостей был незначительным и по ходатайствам инородцев, опасаясь возмущений или уже разрешая конфликты, ясачная комиссия разрешила инородцам сохранять собственное внутреннее управление «в отвращение притеснений от русских». Даже малочисленные волости оседлых татар (по 300–500 чел.) предпочитали сохранять особое положение, не присоединяясь к русским волостям, отстаивая, таким образом, конфессиональную, языковую, культурную идентичность. В случае с объединением волостей, понятие «русская/российская волость» оз-

начало не состав населения или особую русскую общинную модель, но форму управления (конкретно, «по образу внутренних российских губерний» или позднее – «по Положению 19 февраля 1861 г.»). «Российская модель» волостного управления рассматривалась местной администрацией в качестве идеальной основы для интеграции сельского и инородческого населения. При этом главным достоинством данной модели была ее адаптация к общеимперскому законодательству и аппарату управления.

Расширяясь, имперское пространство не консервировало традиционное общество и его институты, а трансформировало, разрывая локализм и замкнутость «малого» общества, выстраивая горизонтальные, укрепляя вертикальные. Государство практически не использовало насильственных методов интеграции, заменяя их символическими, ментальными практиками, позволяющими привыкать и властям, и самому обществу к новым отношениям. Этап конца XVIII – первой половины XIX в. может быть определен как этап формирования локальной сословной идентичности. Общая территория проживания, однородный характер деятельности порождали общие интересы. Сибирская «крестьянская программа» первой половины XIX в. вполне вписывалась в большой общеимперский проект «постепенной интеграции составных частей империи и их совместного плавного продвижения по пути модернизации без какого-либо качественного расширения сферы имперской унификации» (Каспэ 2001: 113).

Со второй половины XIX в. и местное сельское население, и прибывающие в Сибирь переселенцы становятся участниками новых государственных и общественных проектов. С одной стороны, согласно идеологии так называемого внутреннего империализма, крестьяне-переселенцы должны были превратить «чужую» землю в «русскую», «сделать физиономию Сибири русской», а с другой – областники рассматривали сибирское пространство как место развития новой «сибирской нации» (Ремнев 2002: 15–28). Конструирование новых идентичностей, точнее переход от локальных, сословных к национальным и территориальным (сделать крестьянина русским или сделать крестьянина сибиряком), предполагает активное включение населения в пространство письменной культуры. Научное освоение окраинных регионов, многочисленные научные, этнографические, статистические экспедиции, публикации, в том числе и специальные для сельского населения, должны были подтолкнуть мест-

ных жителей к рефлексии на тему собственной этничности, а также предлагали готовые клише – номинации.

Волость с обязательным письменным делопроизводством являлась мощнейшим каналом административной официальной информации, а со временем – и неофициальной (нелегальной). Во второй половине XIX – начале XX в. в волостные правления, помимо делопроизводственных документов, от вышестоящих органов идет все увеличивающийся поток периодической литературы, всевозможных анкет и «вопросных листов». Крестьянские начальники контролировали и рекомендовали «правильные» издания, оберегали от «противоправительственных» материалов (ГУИсА 1910: 81, 153, 175). До сибирских волостных правлений «добрались» самые различные издания и, прежде всего, специальные издания для крестьян-переселенцев, в которых особым «крестьянским языком» ученые и чиновники описывали сибирскую действительность в рамках заданной перспективы: или «обрусения», или «осибирачивания» (Сибирь 1897; Описание Тобольского переселенческого района 1911; Сельский вестник 1897).

Не менее важным фактором, влияющим на консолидацию сельского сообщества, станет массовый приток переселенцев и изменение практики размещения ссыльных (приселение и причисление). В отношении переселенцев старожильское общество обладало большими правами, оно могло самостоятельно принимать решение о причислении переселенцев. В случае приселения к старожильской волости переселенцы были обязаны получать разрешение в виде приемных приговоров. Принимая переселенцев, старожилы не только наделяли их землей, но и включали в податную общность, беря на себя ответственность за исправную выплату податей и повинностей. Наблюдатели основу конфликта между старожилами и новоселами видели не только в узкохозяйственных проблемах перераспределения угодий, но и в столкновении «в корне различных порядков землепользования», например великорусской общины (у русских, вятичей, пермяков) и белорусского, польского подворного владения (Материалы 1895: 19, 36, 46). Возникающее же «ненавидство», усиленное традиционными фобиями по отношению к чужому, стало проявляться в самых разных сферах деятельности крестьянского общества, в общинных практиках.

Массовый характер переселений конца XIX – начала XX в. предполагал формирование однородных групп переселенцев еще на

этапе выдворения. Столкновение хозяйственных, бытовых интересов старожилов и переселенцев на этом этапе усугублялось их «разнородностью» в этническом и конфессиональном отношениях. Хозяйственные конфликты, «ссоры, разрастающиеся до взаимных побоищ, разорения изб и других бесчинств», высвечивали характерные особенности не вполне сложившегося сибирского старожильского общества и активно формирующегося переселенческого. Однако, даже осознавая усугубление конфликтности, местным властям было предписано переселенцев нерусского происхождения водворять на одних участках с лицами русского происхождения (РГИА 1897: 9). Идеи образцовых или лютеранских колоний, самостоятельных этнических, конфессиональных или даже сословных локальных сообществ и административно-территориальных единиц постепенно уступают место идее интегрированного, унифицированного общеимперского и общегражданского пространства.

Переселенцы имели право образовывать самостоятельное сельское общество, в том числе с «зачислением в число сибирских крестьян-старожилов (ГУИсА 1897: 2). Превалирующий процесс (механического) объединения волостей для снижения нагрузки на крестьян по выплате жалованья администрации по инициативе последней во второй половине XIX в. уступает место дроблению волостей, для образования самостоятельных сельских обществ из переселенцев. Для противопоставления переселенцев («непричисленных», «прибывших» и «прибывающих» и «водворенных» – временные характеристики, с очевидным итогом – причислением в старожилы) местным крестьянам-старожилам используются уточнения: российские переселенцы и сибирские старожилы (ГУИсА 1897: 1, 21).

Положение «прибывших душ» в общине значилось в качестве самостоятельного вопроса практически во всех анкетах. Исследователей интересовали, прежде всего, социально-экономические параметры нового хозяйства: места выдворения, время причисления, размеры хозяйства и средств, состав семьи (Алексеев 1905). При этом национальные, конфессиональные характеристики переселенцев и их влияние на взаимоотношения со старожилами, скорость и прочность водворения возникают уже не на уровне статистических обзоров, а при системном, поволостном описании. Фиксируя историю формирования поселков, исследователи впервые отмечали не только сословные характеристики новоселов, но и «этнографические слагаемые». Новизна предпринимаемых попыток отражалась в отсутствии

каких-либо устоявшихся и однозначных классификаторов и использовании тех этнонимов, которые употреблялись самим населением. Этнические характеристики колонизаторов включали их способности к адаптации на новых местах, хозяйственную и бытовую восприимчивость, общинные навыки (Суворова 2008: 189–199). В материалах по Тобольской губернии как преобладающая и ассимилирующая этнографическая группа старожильского населения указывались сибиряки («исконные» или «коренные»). Группы переселенцев, «утрачивающих свои этнические и хозяйственные черты», конструировались, преимущественно, как этнотерриториальные (гродненские поляки, курские хохлы, казанские черемисы) или конфессиональные (католики, «которые затрудняются себя отнести к полякам или белорусам», лютеране, включавшие остзейских и финляндских латышей, чухонцев, шведов и немцев).

В конце XIX – начале XX в. классификации «русских переселенцев» усложняются: «водворенные переселенцы», «переселенцы, ожидающие водворения», «крестьяне старожилы из переселенцев», «новоселы», «новоприбывшие домохозяева» (ГУИСа 1910а: 11, 1897: 2, 20, 55). Их «русскость» тоже носит территориальный характер: «переселенцы из русских губерний», «переселенцы-великоруссы», «переселенцы из коренной России». Через противопоставление хозяйственных особенностей (сибирская колесуха, сибирская порода скота, завтракают по-сибирски, сибирский распорядок работ – русские сохи, русских рогалюхи) наблюдатели приходят к противопоставлению «сибиряка» и новоселов-переселенцев. Справочные и периодические издания для российских крестьян конца XIX – начала XX в., исходя из задачи показать специфику Сибири, последовательно акцентируют внимание на особенностях хозяйства и быта сибиряков в условиях сибирского климата. В официальных изданиях, представляя «старых сибирских крестьян», их отделяют от переселенцев временем прибытия и местом развития хозяйства (Сибирь 1897: 3). Данное деление носит временный характер и преодолевается административными мерами причисления или зачисления в волостное общество (РГИА 1908: 8–11).

Развивая традиции областников, большое внимание специфике сибиряков уделяют авторы народнического направления (например, Успенский 1891; Остафьев 1891; Клеменц 1908). Используя преимущественно социально-экономические категории и классификации населения («бедняки», «батраки», «кулаки»; «бездомовные»,

«без скота», «без земли», «без посева»), авторы, сострадая «россейцам», описывают сибирского крестьянина как уже социально чуждого (а не просто территориально отдаленного или этнокультурно иного) крестьянской среде. Крестьянин с землей, «сибиряк» приобретает дополнительные негативные социальные характеристики: «чистокровный стяжатель», «хищный, отвратительный тип» (Марусин 1895: 323). Национально-конфессиональный дискурс для данных авторов становится вторым планом социальному, народническому образу русского переселенца, колонизатора. Изменение ракурса наблюдения было вызвано неожиданным и достаточно болезненным осознанием проблем интеграции русского крестьянства в старожильское общество, опасением «осибиричивания» или утраты русскости.

В это время характерно использование в качестве однопорядковых понятий: «русский крестьянин» и «коренной крестьянин-старожил» (причем номинация «старожил» имеет расширенный характер, так как распространяется не только на русских крестьян, но и на укоренившихся колонистов) (ГУИсА 1877: 43–53). При этом «старожилами» называют вне зависимости от этнического критерия и правового статуса не только давно проживающих русских крестьян в Сибири, но и, например, лютеранских колонистов («оседлого общества колонии старожилов»).

Нерусское население определяется через этнические группы (киргизы, башкиры, евреи), либо через сословную принадлежность – «инородец», либо, преодолевая сословность обобщенно, – «туземное население» (ГАКО 1899: 246). Важно отметить, что характерная для первой половины XIX в. номинация «сибирский инородец», сохраняясь в правовом пространстве, в делопроизводственном языке рождает новое устойчивое противопоставление: «инородцы» – «сибирские крестьяне» (ГАТО 1884: 8). Наиболее часто встречаемая оппозиция: «крестьяне сельского общества»; «крестьяне русских волостей»; «сельские обыватели Сибири» (Новомбергский 1903: I) и «обитатели из инородцев», «инородцы», «сибирские киргизы», «киргизские общества»; «кочующие инородцы» и «оседлые инородцы»; «инородцы Сибири»; «инородцы остяцкого происхождения» (ГАТО 1884: 13).

В конце XIX в. очередная попытка объединения крестьянских и инородческих волостей предварялась сбором сведений об образе жизни инородческого населения, в частности о характере хозяйст-

вания (оседлые или кочевые), вероисповедании, имеющихся недомимках, «о принадлежности к народности». Рассматривалось также административно-территориальное устройство волости: ее близость и «тяготение» к ближайшим крестьянским волостям. Предварительные вопросы определяли круг претензий со стороны государства, но окончательное решение о причислении зависело от согласия с инородными управами. Готовность к причислению к крестьянским волостям связывалась чиновниками с переходом к земледелию, изменением характера податной повинности (трехрублевый подушный сбор); принятием православия и даже ассимиляцией («принадлежали жители когда-то к татарской народности, но в настоящее время тип их совершенно русский»; «обрусели», произошло «смешение и племенных типов») (РГИА 1910: 1–5). Преимущества вхождения в состав крестьянской волости для инородческого населения объяснялись более эффективным волостным устройством, в частности наличием волостного суда. При этом «платой» за возможности судиться с крестьянами в одном суде было увеличение и подушной подати в два раза, и волостных повинностей. Понятно, что инородные управы крайне редко высказывались за объединение: неочевидные преимущества быть крестьянином реально дорого обходились инородцам. Менее интегрированные и ассимилированные инородческие общества выдвигали развернутую аргументацию в пользу сохранения своего прежнего статуса и самостоятельной волости. В качестве доводов приводились и официально-правовые аргументы (наличие более 300 р.д., позволяющих иметь свою волость), и фискальные (своевременная уплата податей, исполнение наряду с крестьянами губернских и волостных повинностей), и административные (подчинение инородной управы тем же учреждениям, что и волостные органы управления), и даже хозяйственные (занятия земледелием) (ГАТО 1884а: 1–10, 1891: 1–5; РГИА 1910: 6–6 об.). Все вместе должно было укрепить мнение властей о совершенном сходстве инородческой и крестьянской волости. Тем не менее в ходатайствах обществ отмечались и принципиальные различия «между ... магометанами и христианами» не только по вере, но и «в языке, образе жизни и самом характере».

Выводы. Вторую половину XIX – начало XX в. можно охарактеризовать как незавершенный этап формирования надлокальных территориальных идентичностей сельского населения: «русский» и «сибиряк».

Выявленные номинации (самономинии) сельского населения в документах официального делопроизводства позволили обосновать этапы и охарактеризовать наиболее значимые (как внутренние, так и внешние) факторы, влияющие на формирующуюся идентичность. Конкурирующие идеологические проекты («внутреннего империализма», «большой русской нации», «областничества») через практики научного и административного освоения колонизируемой территории, расширение письменного пространства предлагали разнообразные иерархии идентичностей населению. Данные процессы конструирования «сверху» («полезных» идентичностей для власти, общества, территории) сталкивались с естественными и стихийными процессами формирования коллективных идентичностей снизу, значительно усилившихся в условиях массового переселения, стеснения населения, изменения практик причисления ссыльных и инородцев.

Источники и литература

1. *Алексеев В.В.* Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний. СПб., 1905. Ч. 1.
2. *Аполлова Н.Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. Новосибирск, 1976.
3. *Бояришинова З.Я.* О формировании сословия государственных крестьян в Сибири (XVII– первая четверть XIX в.) // Вопросы истории Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1964. Вып. 1. С. 44–56.
4. *ГАНО (Государственный архив Новосибирской области).* Ф. 78. Оп. 1. Д. 46. Списки и переписка о выборах на должности на 1820 г., 1820.
5. *ГАНО.* Ф. 78. Оп. 1. Д. 96. Переписка Кайлинского волостного правления, 1843.
6. *ГАКО (Государственный архив Курганской области).* Ф. 129. Оп. 1. Д. 93. Переписка Глядянского волостного правления с крестьянскими начальниками 2-го участка Курганского уезда и тобольским губернатором, 1899.
7. *ГАТО (Государственный архив Томской области).* Ф. 3. Оп. 19. Д. 58. О переселении крестьян во внешние округа Омской области, 1826.
8. *ГАТО.* Ф. 3. Оп. 19. Д. 790. Об открытии в Омске Управления государственных имуществ, 1884.
9. *ГАТО.* Ф. 3. Оп. 19. Д. 792. По представлению Томского губернского правления об уменьшении числа инородных волостей в Нарымском крае, 1884а.
10. *ГАТО.* Ф. 3. Оп. 19. Д. 867. О причислении кочующих инородцев к оседлым селениям по Западной Сибири, 1891.
11. *ГАТО.* Ф. 3. Оп. 20. Д. 20. О самовольных переселенцах Томской губернии для выселения их в Киргизскую степь, 1859.
12. *ГАТО.* Ф. 58. Оп. 1. Д. 19. Тетрадь на записку общественных приговоров..., 1814.

13. *Громыко М.М.* Западная Сибирь в XVIII в. Новосибирск, 1965.
14. *ГУИСА* (Государственное учреждение Исторический архив Омской области). Ф. 3. Оп. 8. Д. 14452. По предложению генерал-губернатора ЗС военному губернатору Акмолинской области о собрании сведений о ссыльных, поселенных в лютеранской колонии, 1877.
15. *ГУИСА*. Ф. 183. Оп. 3. Д. 38. Полевой журнал дачи села Орлова с деревнями и заимками казенного ведомства крестьян, 1836.
16. *ГУИСА*. Ф. 20. Оп. 1. Д. 103. Циркуляры, постановления, предписания, прошения, списки Акмолинского губернатора, Омского уездного начальника 1-го участка Омского уезда, Любомировской волости Омского уезда о строительстве школьных зданий..., 1910.
17. *ГУИСА*. Ф. 20. Оп. 1. Д. 106. Приговоры Любомировского, Ярмоксеевского, Весело-Рошинского сельских сходов..., 1910а.
18. *ГУИСА*. Ф. 386. Оп. 1. Д. 5. Айлинский участок. Административные дела, 1897.
19. *ГУТО ГАТ* (Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»). И-7. Оп. 1. Д. 26. Л. 280–286. Ведомость о входящих в составление годового отчета частях за 1818 г.
20. *Жеравина А.Н.* Рост крестьянского населения Западной Сибири в XVIII в. // Вопросы истории Сибири. Томск, 1964. Вып. 1. С. 3–16.
21. *Каспэ С.И.* Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М., 2001.
22. *Кауфман А.А.* Русская община в процессе ее зарождения и роста. Изд. 2-е. М., 2011.
23. *Клеменц Д.* Население Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб., 1908. С. 38–78.
24. *Крих А.А.* Этническая история русского населения Среднего Прииртышья (XVII–XX в.). Омск, 2012.
25. *Марусин С.* В степях и предгорьях Алтая. Шатуны // Вестник Европы. 1895. Кн. 9.
26. *Материалы* для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 г.). Т. 1. Историко-статистическое описание 100 поселков. М., 1895.
27. *Материалы* для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. 21: Экономический быт государственных крестьян Курганского округа Тобольской губернии. Т. 2 / исследование Н.О. Осипова. СПб., 1894.
28. *Новомбергский Н.Я.* По Сибири: сб. статей по крестьянскому праву, народному образованию, экономике и сельскому хозяйству. СПб., 1903.
29. *Описание* Тобольского переселенческого района. Справочная книжка для ходоков и переселенцев на 1911 г. СПб., 1911.
30. *Остафьев В.* Переселенцы в Сибири: очерк устройства переселенцев в Сибири в Тобольской и Томской губерниях на казенных землях и статистические данные их экономического, хозяйственного роста // Юридический вестник. 1891. Год двадцать третий (третьего десятилетия). Т. VIII. Кн. первая и вторая. № 5–6. Май – Июнь. С. 111–137.

31. *Рабцевич В.В.* Крестьянская община как орган управления сибирской деревни в 80-х гг. XVIII – первой половине XIX вв. // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, НГПИ, 1980. С. 3–27.
32. *Рабцевич В.В.* Участие сибирских крестьян в самоуправлении как элемент политической культуры феодальной эпохи // Образ жизни сибирского крестьянства периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск: НГПИ, 1983. С. 20–34.
33. *РГИА* (Российский государственный исторический архив). Ф. 391. Оп. 2. Д. 48. По записке Степного генерал-губернатора о ходе переселенческого дела во вверенном ему крае, 1897.
34. *РГИА*. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1464. О возложении обязанностей крестьянских начальников на заведующих водворением в степных переселенческих районах, 1908.
35. *РГИА*. Ф. 391. Оп. 3. Д. 744. О перечислении кочевых инородцев Томской губернии в разряд оседлых, 1910.
36. *Ремнев А.В.* Сделать Сибирь и Дальний Восток русскими. К вопросу о политической мотивации колонизационных процессов XIX – начала XX в. // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2002. С. 15–28.
37. *Ремнев А.В.* Национальность «Сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // Полития. 2011. № 3(62). С. 109–128.
38. *Русакова Л.М.* Сельское хозяйство Среднего Зауралья на рубеже XVIII–XIX вв. Новосибирск, 1976.
39. *Савельева Л.* Истоки сибирского регионального сознания, или О конструировании воображаемой реальности // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность. М.; Иркутск, 2005. Вып. 5.
40. *Сельский вестник*: сборник статей «Сельского вестника» о Сибири и переселенцах «Сведения о Сибири». СПб., 1897.
41. *Сибирь*. Справочное издание Переселенческого управления МВД. СПб., 1911. Вып. 1.
42. *Сибирь*. Проблемы сибирской идентичности / под ред. проф., акад. РАЕН А.О. Бороноева. СПб., 2003.
43. *Суворова Н.Г.* Делопроизводственная документация сибирской волости XIX – начала XX в.: практика использования в исторических исследованиях // Документ в контексте истории: тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции. Омск, 2006. С. 53–58.
44. *Суворова Н.Г.* Этнографическая выставка В.Л. Дедлова: новый образ российского переселенца на сибирской окраине // Дедлов В.Л. Переселенцы и новые места. Панорама Сибири. Художественная публицистика. М., 2008. С. 189–199.
45. *Суворова Н.Г.* Канцелярия земского комиссара: формирование «письменного пространства» сибирской волости // Документ в контексте истории. Материалы II Международной научной конференции. Омск, 2009. С. 54–62.
46. *Успенский Г.И.* Поездки к переселенцам // С-чинения Глеба Успенского: в 3 т. СПб., 1891. Т. 3.

Suvorova Natalia G.

Omsk State University n.a. F.M. Dostoevsky

sng19911@rambler.ru

«Siberian nation» in historic structures and administrative practices of the XIX century

This study characterized the mechanisms by Siberian identity among the peasants. The question of "Siberian" or "sibirstvo" – the question mainly discursive practices of socio-political content and colonization of the second half of XIX – early XX century. As the subject of design are the imperial experts and their opponents, the creators of the colonization projects and their implementers and criticism. Shows the effect of "ideological / bureaucratic" constructs directly to the peasant environment, the point of intersection between intellectual projects and peasants' own space. Also shown are the internal factors of territorial identity. On the basis of materials parish office recorded the most commonly used category of peasants for themselves during XIX - early XX century., Justified the step of forming nadlokally (territorial) identity – a Siberian peasant, and shows the influence of administrative practices (principles of Parish, character placement immigrants and exiles) on these processes.

Keywords: Siberian identity, Siberian nation, peasant society, the local community; old-timers, immigrants.

References

1. Alekseev V.V. *Materialy po obsledovaniiu pereselencheskogo khoziaistva v Stepnom krae, Tobol'skoi, Tomskoi, Eniseiskoi i Irkutskoi gubernii* [Materials on inspection of the resettlement farms in the Steppe region, Tobolsk, Tomsk, Eniseisk and Irkutsk provinces]. Vol. 1. St. Petersburg, 1905.
2. Apollova N.G. *Khoziaistvennoe osvoenie Priirtysh'ia v kontse XVI–pervoi polovine XIX v.* [Economic development of the Irtysh area in the end of XVI – the first half of XIX centuries] Novosibirsk, 1976.
3. Boiarshinova Z.Ia. O formirovaniĭ sosloviia gosudarstvennykh krest'ian v Sibiri (XVII–pervaia chetvert' XIX v.) [On formation of the estate of state peasants in Siberia (XVII–first quarter of the XIX centuries)], *Voprosy istorii Sibiri*. Tomsk, TGU, 1964, Vol. 1, pp. 44–56.
4. *GAO (State Archive of Novosibirsk region)*, 1820, F. 78, In. 1, C. 46.
5. *GAO*, 1843, F. 78, In. 1, C. 96.
6. *GAO (State Archive of Kurgan region)*, 1899, F. 129, In. 1, C. 93.
7. *GATO (State Archive of Tomsk region)*, 1826, F. 3, In. 19, C. 58.
8. *GATO*, 1884, F. 3, In. 19, C. 790.
9. *GATO*, 1884a, F. 3, In. 19, C. 792.
10. *GATO*, 1891, F. 3, In. 19, C. 867.
11. *GATO*, 1859, F. 3, In. 20, C. 20.
12. *GATO*, 1814, F. 58, In. 1, C. 19.
13. Gromyko M.M. *Zapadnaia Sibir' v XVIII v.* [Western Siberia in the XVIII century]. Novosibirsk, 1965.
14. *GUISA (State Institution Historical Archive of Omsk region)*, 1877, F. 3, In. 8, C. 14452.
15. *GUISA*, 1836, F. 183, In. 3, C. 38.
16. *GUISA*, 1910, F. 20, In. 1, C. 103.
17. *GUISA*, 1910a, F. 20, In. 1, C. 106.
18. *GUISA*, 1897, F. 386, In. 1, C. 5.
19. *GUTO GAT (State Institution of Tyumen region "State Archive in Tobolsk")*, I-7, In. 1, C. 26, S. 280-286.

20. Zheravina A.N. Rost krest'ianskogo naseleniia Zapadnoi Sibiri v XVIII v. [The growth of the peasant population of Western Siberia in the XVIII century], *Voprosy istorii Sibiri*, Vol. 1. Tomsk, 1964, pp. 3–16.
21. Kaspe S.I. *Imperiia i modernizatsiia: Obshchaia model' i rossiiskaia spetsifika* [The empire and modernization: General model and Russian specificity]. Moscow, 2001.
22. Kaufman A.A. *Russkaia obshchina v protsesse ee zarozhdeniia i rosta. Izd. 2-e* [Russian community in the process of its origination and growth. 2nd Edition]. Moscow, 2011.
23. Klements D. *Naselenie Sibiri, Sibir', ee sovremennoe sostoianie i nuzhdy* [Siberia, its current state and needs]. St. Petersburg, 1908, pp. 38–78.
24. Krikh A.A. *Etnicheskaia istoriia russkogo naseleniia Srednego Priirtysh'ia (XVII–XX v.)* [Ethnic history of the Russian population of the Middle Irtysh area (XVII–XX centuries)]. Omsk, 2012.
25. Marusin S. V stepiakh i predgor'iakh Altaia. Shatuny [In the steppes and foothills of the Altai], *Vestnik Evropy*, 1895, Book 9.
26. *Materialy dlia izucheniia byta pereselentsev, vodvorennykh v Tobol'skoi gubernii za 15 let (s kontsa 70-kh godov po 1893 g.). Vyp. 1. Istoriko-statisticheskoe opisaniie 100 poselkov* [Materials for the study of the life of settlers housed in the Tobolsk province for 15 years (since late 70s until 1893). Issue. 1. Historical and statistical description of the 100 settlements]. Moscow, 1895.
27. *Materialy dlia izucheniia ekonomicheskogo byta gosudarstvennykh krest'ian i inorodtsev Zapadnoi Sibiri. Vyp. 21: Ekonomicheskii byt gosudarstvennykh krest'ian Kurganskogo okruga Tobol'skoi gubernii. T. 2: issledovanie N.O. Osipova* [Materials for the study of the economic life of state peasants and indigenous dwellers of Western Siberia. Issue. 21: Economic life of state peasants of the Kurgan okrug (district) of Tobolsk province. Vol. 2: N.O. Osipov's study]. St. Petersburg, 1894.
28. Novombergskii N.Ia. *Po Sibiri: sb. statei po krest'ianskomu pravu, narodnomu obrazovaniiu, ekonomike i sel'skomu khoziaistvu* [In Siberia: collected articles on the peasant law, public education, economics and agriculture]. St. Petersburg, 1903.
29. *Opisaniie Tobol'skogo pereselencheskogo raiona. Spravochnaia knizhka dlia khodokov i pereselentsev na 1911 g.* [Description of the Tobolsk resettlement area. Reference book for the peasant petitioners and settlers of 1911 year]. St. Petersburg, 1911.
30. Ostaf'ev V. *Pereselentsy v Sibiri: ocherk ustroistva pereselentsev v Sibiri v Tobol'skoi i Tomskoi guberniakh na kazennykh zemliakh i statisticheskie dannye ikh ekonomicheskogo, khoziaistvennogo rosta* [Settlers in Siberia: an essay on the arrangement of settlers in Siberia in Tobolsk and Tomsk provinces on the public lands and statistical data of its economic growth], *Iuridicheskii vestnik*, 1891, year twenty-third (third decade), vol. VIII, book 1 and 2, no. 5–6, May–June, pp. 111–137.
31. Rabtsevich V.V. *Krest'ianskaia obshchina kak organ upravleniia sibirskoi derevni v 80-kh gg. XVIII–pervoi polovine XIX vv., Krest'ianstvo Sibiri perioda razlozheniia feodalizma i razvitiia kapitalizma* [Siberian peasants in the period of decay of the feudalism and development of the capitalism]. Novosibirsk, NGPI, 1980, pp. 3–27.
32. Rabtsevich V.V. *Uchastie sibirskikh krest'ian v samoupravlenii kak element politicheskoi kul'tury feodal'noi epokhi, Obraz zhizni sibirskogo krest'ianstva perioda razlozheniia feodalizma i razvitiia kapitalizma* [The way of life of the Siberian peasants in

the period of decay of the feudalism and development of the capitalism]. Novosibirsk: NGPI, 1983, pp. 20–34.

33. *RGIA* (*Russian State Historical Archive*), 1897, F. 391, In. 2, C. 48.

34. *RGIA*, 1908, F. 391, In. 3, C. 1464.

35. *RGIA*, 1910, F. 391, In. 3, C. 744.

36. Remnev A.V. Sdelat' Sibir' i Dal'nii Vostok russkimi. K voprosu o politicheskoi motivatsii kolonizatsionnykh protsessov XIX – nachala XX v., *Kul'tura russkikh v arkhеologicheskikh issledovaniakh* [Russian culture in archeological studies]. Omsk, 2002, pp. 15–28.

37. Remnev A.V. Natsional'nost' «Sibiriak»: regional'naia identichnost' i istoricheskii konstruktivizm XIX v. [The nationality “Sibiriak” (Siberian): regional identity and historical constructivism in XIX century], *Politika*, 2011, no. 3(62), pp. 109–128.

38. Rusakova L.M. *Sel'skoe khoziaistvo Srednego Zaural'ia na rubezhe XVIII-XIX vv.* [Agriculture of the Middle Trans-Ural region at the turn of XVIII-XIX centuries]. Novosibirsk, 1976.

39. Savel'eva L. Istoki sibirskogo regional'nogo soznaniia, ili o konstruirovanii voobrazhaemoi real'nosti, *Baikal'skaia Sibir': iz chego skladyvaetsia stabil'nost'* [Baikal Siberia: of what the stability is composed]. Moscow, Irkutsk, 2005, Vol. 5.

40. *Sel'skii vestnik: Sbornik statei «Sel'skogo vestnika» o Sibiri i pereselentsakh «Svedeniia o Sibiri»* [Country bulletin: Collection of articles of the “Country bulletin” about Siberia and settlers “Report about Siberia”]. St. Petersburg, 1897.

41. *Sibir'. Vyp. 1. Spravochnoe izdanie Pereselencheskogo upravleniia MVD* [Siberia. Vol. 1. Reference book of the Resettlement department of the Ministry of the Interior]. St. Petersburg, 1911.

42. *Sibir'. Problemy sibirskoi identichnosti* [Siberia. Problems of the Siberian identity]. Ed. by A.O. Boronoev. St. Petersburg, 2003.

43. Suvorova N.G. *Deloproizvodstvennaia dokumentatsiia sibirskoi volosti XIX – nachala XX v.: praktika ispol'zovaniia v istoricheskikh issledovaniakh* [Office documentations of Siberian volost (rural district) of XIX – early XX centuries: practice of using in historical studies], *Dokument v kontekste istorii: tezisy dokladov i soobshchenii Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Document in the context of history: abstracts and reports of the International scientific conference]. Omsk, 2006, pp. 53–58.

44. Suvorova N.G. Etnograficheskaia vystavka V.L. Dedlova: novyi obraz rossiiskogo pereselentsa na sibirskoi ukraine, *Dedlov V.L. Pereselentsy i novye mesta. Panorama Sibiri. Khudozhestvennaia publitsistika* [Dedlov V.L. Settlers and new places. Panorama of Siberia. Art publicism]. Moscow, 2008, pp. 189–199.

45. Suvorova N.G. *Kantseliariia zemskogo komissara: formirovanie «pis'mennogo prostranstva» sibirskoi volosti* [Office of the county commissioner: the formation of “writing space” in Siberian district], *Dokument v kontekste istorii. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Document in the context of history: Proceedings of 2nd International scientific conference]. Omsk, 2009, pp. 54–62.

46. Uspenskii G.I. Poezdki k pereselentsam, *Sochineniia Gleba Uspenskogo: v 3-kh t.* [Works of Gleb Uspenskii: in 3 vol.]. St. Petersburg, 1891, Vol. 3.

В.В. Шевцов

СИБИРЬ И СИБИРЯКИ НА СТРАНИЦАХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ¹

Рассмотрен процесс самоидентификации сибирской провинции на страницах губернских ведомостей конца 50-х – начала 60-х гг. XIX века. В неофициальных частях этих первых сибирских газет тема особого территориального, экономического и культурно-исторического положения Сибири была представлена в виде эпизодических ситуативных суждений, предложений о переносе на ее территорию пореформенных общественных институтов и развитии высшего образования, критики низкого уровня общественного самосознания в Сибири и ее неполноправного экономического положения, конструирования образа «сибирства» с целью возможного изменения ее статуса в составе России.

Ключевые слова: губернские ведомости, история Сибири, региональная идентичность.

Постановка проблемы. Губернские ведомости, просуществовавшие восемьдесят лет в Европейской России и шесть десятилетий в Сибири, длительное время являлись единственными провинциальными печатными органами по месту своего выхода – в Тобольске, Иркутске, Красноярске и Томске. Общая ситуация оживления общественной жизни в стране, правительственная политика «управляемой гласности», участие в организации и развитии газеты сибирского «культурного меньшинства» способствовали появлению в неофициальных частях ведомостей Сибири второй половины 1850-х – середины 1860-х гг. оригинальных авторских текстов публицистического, исторического, этнографического и литературного характера в качестве способа самоидентификации и проявления самосознания сибирского образованного общества.

Актуализация представлений об особом положении Сибири. Представления об «особости» Сибири и ее жителей можно обнаружить при обращении ко всему массиву разнообразных текстов неофициальных частей ведомостей. Они могли иметь вид фрагментарных

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.B25.31.0009).

суждений, вводимых автором в связи с основной темой изложения. Например, чиновник Г.А. Варлаков в своих исторических очерках в «Тобольских губернских ведомостях» делал замечания, которые можно было проецировать на современную автору окружающую действительность: «... эти выходцы [русские в Сибири] селились вдали от взоров правительственных лиц и жили себе, долго не зная никаких податей и повинностей, никакой десятины, пока правительство уследило за ними» (Варлаков 1858); «Трудно было жить сибирскому крестьянину [в конце XVIII века]. Беспрестанные разъезды разных чинов по разным дорогам и поставка лошадей измучили их и изнурили» (Варлаков 1861). Некто, писавший из Омска под псевдонимом «Говорун», поставил перед тобольскими читателями вопрос (однако оставшийся без ответа): «Тождествен ли совершенно сибирский крестьянин великорусскому или между ними есть разница?» (Говорун 1858). Вступались местные уроженцы за свой край и при появлении в центральной печати статей «панегиристов» или, напротив, «порицателей» Сибири. Так, тобольский чиновник В.И. Ильин упрекал своего земляка Г.В. Колмогорова в недобросовестности и введении в заблуждение «нездешнего читателя», который якобы в Сибири не увидит «ни обмана, ни лжи, ни воровства, ни грабежа, ни насилия, ни тунеядства» и должен подражать «жизни, нравам и добродетелям сибиряков» (Колмогоров 1859). Мещане в сибирских городах ходят в сюртуках и во фраках, а кедровый орех по своим вкусовым качествам превосходит миндаль и прованское масло (В.И. 1859). Против сочинения Колмогорова, «изобретающего» собственные сведения о Сибири, в «Современнике» выступил и другой тоболяк – Г.З. Елисеев (Грыцько 1858). «Описание Западной Сибири» читинского поселенца И.И. Завалишина Н.М. Ядринцев определил как яркий и вредный пример деятельности «панегиристов», которые «своими медовыми писаньями не столько исследуют страну, сколько романтизируют». В этой связи актуальной становилась задача создания сибирской журналистики, которая «будет исследовать страну нашу, разрабатывать ее вопросы, предьявлять ее интересы...» (Ядринцев 1865). Публикация в «Тобольских губернских ведомостях» «Путевых заметок» И.И. Завалишина предварялась предупреждением редактора И.Н. Юшкова, что автор «утопист и все хотел бы видеть в стройном виде, в розовом свете» (Юшков 1863). Тюменский купец Н.М. Чукмалдин, со свойственной его публицистическим выступлениям пря-

мотой, заявил, что «ворочают огромными цифрами не тюменские купцы, а сам г. Завалишин» (Чукмалдин 1864).

Сибирские вопросы. Профессор Иркутской духовной семинарии М.В. Загоскин, бывший в 1859–1860 гг. редактором неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей», связывал дальнейшее развитие Сибири с открытием университета: «Нам хотелось бы самим сделаться людьми образованными, зажечь своею разумною жизнью, иметь своих судей, исполнителей, знатоков дела и т.д. Словом, нам необходимо средоточие умственной жизни, необходима светлая точка, куда бы взоры наши всегда обращались с любовью и надеждой; нам необходим свой университет» (Загоскин 1863). Основное содержание статьи было воспроизведено в центральных газетах – «Санкт-Петербургских ведомостях» (Разные известия... 1863), «Голосе» (Обозрение газет... 1863) и «Журнале Министерства народного просвещения» (Необходимость высшего учебного заведения 1863: 159–163). Профессор Пермской семинарии А.И. Иконников, сосланный в Березов за распространение антиправительственной прокламации, в «Тобольских губернских ведомостях» выступил с аналогичным призывом: «Нет, господа, если мы дорожим нашей Сибирью, которую зовут золотым дном России, если мы не хотим, чтобы ее сокровища и богатства лежали втуне или доставались в чуждые, а тем паче недостойные руки, мы должны умножить наши низшие и средние учебные заведения, училища и гимназии, но еще более должны позаботиться о том, чтобы основать свой сибирский университет или, еще лучше, для двух частей Сибири два университета – восточный и западный» (Иконников 1863). В дальнейшем идеологами областничества Г.Н. Потаниным и Н.М. Ядринцевым в «Томских губернских ведомостях» были высказаны схожие мысли в отношении необходимости высшего образования в Сибири и введения для этой цели особого налога (Ядринцев 1864, 1865; Потанин 1865). Одновременно с томской газетой университетский вопрос был поднят и в «Енисейских губернских ведомостях»: «А не может быть, чтобы не достало средств в Сибири на открытие его; средства есть и огромные, только мы не умеем пользоваться ими, да, главное, до сих пор не является никого, кто бы мог сделать первый шаг к осуществлению этого предприятия» (Козлов 1865).

В обосновании необходимости создания в Сибири образовательных и общественных учреждений, которые уже существовали и развивались в столицах и центральных губерниях в пореформенное

время, «Иркутские губернские ведомости» выступили совместно с официозной газетой Восточной Сибири «Амуром», перепечатав из нее полемическую статью «Сибирь – та же Русь». Этими словами председатель Русского географического общества наследник престола Николай Александрович заключил одно из заседаний, обсуждавшее вопрос об отношениях России и Сибири. «Особенности Сибири вовсе не так велики, – писал «Амур», – чтобы можно было считать ее колонией России <...> она – дитя одной и той же Руси – матери...; в Сибири живут те же русские люди, как и в России, та же в ней вера, язык, обычаи, даже поверья, одежда народная» (– й 1861). «Иркутские губернские ведомости» добавляли: «... от Петербурга до Иркутска не близко – почти 6000 верст. Но что же из этого следует? Есть страны на земном шаре, которые от Петербурга и еще дальше, нежели Сибирь. Неужели же вывести из этого правило: чем дальше, тем хуже, или чем ближе, тем лучше...» (Иркутские губернские ведомости 1862: 24 нояб.).

Первая развернутая характеристика сибирского вопроса в сибирских газетах принадлежала М.В. Петрашевскому. Восточной окраине он отводил роль усиления России как в возможном столкновении с Западом, так и в обеспечении своего влияния на страны Востока: «Сибирь по положению своему призвана добыть нам диплом на звание народа истинно европейского!» (Петрашевский 1857). Такая задача для «русского в Сибири или Сибиряка» могла решаться «мыслящей частью населения этой страны», препятствиями же к этому были слабое развитие образования, административно-бюрократические методы управления, неразвитость общественной жизни. Читатели-сибиряки приглашались автором к обсуждению поднятых вопросов путем высказывания своих мнений в газете, которая должна была стать выразителем «желаний и требований общественных». Сибирские губернии Петрашевским трактовались не как рядовые провинциальные, а как образующие некоторую общность, «страну», отличную от российских губерний, а «сибиряк», или «русский в Сибири», рассматривался в отдельности от «европейского русского».

На «особенный взгляд сибиряков на Сибирь» в «Иркутских губернских ведомостях» обратил внимание публицист Н.В. Шелгунов, который совершил поездку в Сибирь к М.И. Михайлову, сосланному на каторгу по делу о распространении революционных прокламаций. В очерке «Гражданские элементы Иркутского края», опубликован-

ном в 1863 г. в «Русском слове», Н.В. Шелгунов утверждал, что Сибирь «совсем не та же Русь», в силу ее природных особенностей, промышленной отсталости, штрафной колонизации, сословного состава и «племенной разницы русского и сибиряка», которой еще предстоит дать научное описание. Однако это вовсе не означало, что в составе Российской империи Сибирь должна находиться на особом, ограничивающем ее экономическое и правовое развитие, положении: «... для Сибири нужны справедливый суд и образование совсем не по ее родственным отношениям с кем-либо, а сами по себе, потому что без них невозможно гражданское существование страны. Странно было бы убеждать, что сибирякам нужны воздух и вода, потому что в России люди дышат воздухом и пьют воду» (Шелгунов 1863: 40). Картины неустроенности Сибири важны были для Н.В. Шелгунова не сами по себе, а как материал для критических высказываний в адрес всей государственной системы управления: «Действительно, заезжий чиновник не имел связи с Сибирью; он не жил интересами местных жителей; он смотрел на них свысока, пренебрегая общественным мнением; но все это он делал не столько потому, что он заезжий, сколько потому, что он чиновник <...> Сибири следует радоваться, что у нее нет своего туземного чиновничества, а не желать его. В России все чиновничество туземное – но легче ли ей от этого?» (Шелгунов 1863: 33–35).

На статью в «Русском слове» «Иркутские губернские ведомости» ответили импровизированным диалогом одного из недоброжелателей газеты с ее редактором:

« – Отделали, наконец, и наши “Губернские ведомости”, отнесся в разговоре к нам с иронией и худо скрытым злорадством господин из “читателей” <...>

– Напротив, мы видим скорее живое участие его к нашей газете и желание ей лучшего <...> и хотя он [Шелгунов] опровергает нас, доказывая, что “Сибирь – не та же Русь”, все-таки благодарим, что он коснулся предмета, так нам близкого, затрагивая его в таком журнале, посредством которого вопрос этот будет более подробно обсужден литературой, и, конечно, не без пользы для далекой Сибири и сибиряков» (Иркутские губернские ведомости 1863: 14 дек.).

«Томские губернские ведомости» высказались более по существу поднятых в «Русском слове» вопросов. В качестве ответа на вы-

зов столичного публициста была поднята тема влияния природного и этнографического состава Сибири на формирование особого типа сибиряка, отличного от великоросса (Потанин 1865; Ядринцев 1865)¹. Пытаясь объяснить причину резкости и даже оскорбительности для сибиряков содержащихся в «Русском слове» суждений, Г.Н. Потанин писал о штрафной колонизации, меркантильном духе томских и тюменских «лавочников», «микроскопическом мирозерцании» чиновников, сводящих местное самоуправление к предоставлению только им возможности обирать «сибирского мужика». Вскользь делался намек на метрополию как причину такого положения: «Мы ли сами удручаем наше положение или кто другой удручает его» (Потанин 1864). По вопросу о преодолении описанного Шелгуновым положения Сибири, предоставлении ей более широких возможностей для всестороннего развития «Томские губернские ведомости» разошлись в своих воззрениях с «Иркутскими губернскими ведомостями» – последние возлагали более надежд на правительство, первые – на местную печать и сибирскую образованную молодежь (Потанин 1864; Ядринцев 1865).

Формирование сибирского областничества. В разрозненных и различных по тематической направленности публикациях на страницах неофициальной части «Томских губернских ведомостей», в период работы в ней Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева в конце 1864 – середине 1865 г., можно выделить следующие черты в конструировании образа «сибирства»:

- отсталость Сибири по отношению к Европейской России и Западу, включая в это понятие и Северо-Американские штаты;
- негативные характеристики прошлого и настоящего Сибири, описание перспектив ее развития;
- особые черты в характере сибиряков в ранней сибирской печати;
- объединение различных категорий населения Сибири, ее различных регионов в категорию «мы» с помощью топонимических идентификаторов².

¹ Подобные теоретические построения стали популярны в 1940–50-х гг. в Европе и России под влиянием работ Карла Риттера, ставшего одним из основателей географического направления в социологии (Иванов 1963).

² Региональный патриотизм вырабатывался и в региональных изданиях «внутренней» Европейской России, которым, казалось бы, с точки зрения неполноправной колонии не на что было обижаться. Так, Н.А. Гуторова на основе анализа содержания газет, издавав-

Таким образом, прошлое, настоящее и будущее Сибири описывались как её шаги по пути отсутствия, возможности и пробуждения прогрессивного развития. Основная «указующая» и руководящая роль в движении «народа Сибири» по этому пути отводилась еще не созданной областнической печати, способной формулировать свои, отличные от столичных изданий, задачи и оценки, оказывать влияние на политику центральных и местных властей: «Кому же должна принадлежать роль указать будущее Сибири и вывести народ ее на путь цивилизации и исторического прогресса? Эта роль должна принадлежать местной литературе, которую до сих пор наша бедная Сибирь не имеет <...> Создание местной литературы будет зачатком осмысленной жизни и началом умственного развития массы» (Ядринцев 1865).

Деятельность Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» – первое серьезное проявление «сибирской идентичности» со стороны местного образованного меньшинства, которое взяло на себя роль руководителя еще не сформированного сибирского общественного мнения. При отсутствии частной прессы неофициальная часть официальной томской газеты должна была сыграть роль информационного канала для формулирования и пропаганды идей «сибирского патриотизма», стать координатором в объединении сибирской молодежи как в самой Сибири, так и в университетских городах России (Петербурге, Москве, Казани). Статьи неофициальной части «Томских губернских ведомостей» носили адресный характер, т.е. в основном были ориентированы на заведомо известного читателя, и были призваны служить целям консолидации и поддержки связей внутри круга сибирской интеллигенции. На «вольнодумный» характер содержания некоторых статей газеты власти обратили внимание только в контексте более серьезного дела «Об отделении Сибири от России» в 1865 г. (Дело об отделении... 2002).

сихся в Рязани, делает вывод, что определяющей целью для «эталонного образа местного печатного органа» было «служение местным интересам, просвещение населения, сохранение традиций края» (Гуторова 2009: 10–11, 23). Ю.В. Лучинский, исследуя «Кубанские войсковые ведомости», пишет, что «лицо первой кубанской газеты и специфика подбора материалов» определялись на основе «особого пути Кубани». В доказательство приводится программное заявление редактора газеты Г.Я. Есаулова, перекликающееся со взглядами сибирских областников: «Мы, кубанцы, народ совершенно отдельный, должны иметь собственный свой говорящий орган, а не пересаживать все делающееся у нас на чужую почву, должны его “как что-то родное” самостоятельно разводить и поддерживать...» (Лучинский 2003: 12–13).

Выводы. Итак, обращение к содержанию губернских ведомостей конца 1850-х – середины 1860-х гг. вносит вклад в изучение развития общественного самосознания, формирования субкультуры сибирской интеллигенции, процессов хозяйственного и научного освоения края, особенностей и тематики «сибирского текста», что, в конечном итоге, способствует расширению и детализации картины истории и культуры Сибири. На страницах неофициальных частей губернских ведомостей Сибири были осуществлены первые реконструкции создания историко-культурного пространства региона его жителями, попытки самоидентификации провинции (определение местных нужд и интересов), опыты печатной фиксации своего прошлого и настоящего. Эта самопрезентация носила ограниченный и избирательный характер (в зависимости от доступных источников, выходящих из общего ряда повседневности событий, личных впечатлений и убеждений автора), однако способствовала формированию представлений о Сибири, создавала некий коллективный образ современного и прошлого «сибиряка».

Источники и литература

1. – *й*. Сибирь – та же Русь // Амур. 1861. № 84. 28 окт.
2. *В.И.* Несколько слов об описателях Сибири // Тобольские губернские ведомости. 1859. № 20. 16 мая.
3. *Варлаков Г.А.* Город Ялуторовск // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 16. 19 апр.
4. *Варлаков Г.А.* Тобольская старина (из архивных дел Боровского волостного правления) // Тобольские губернские ведомости. 1861. № 2. 14 янв.
5. *Говорун.* Независимый листок. Этнография. Провинциализмы. Юридические обыкновения. Политический быт податного сословия // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 44. 2 нояб.
6. *Грыцько [Елисеев Г.З.]* О Сибири (по поводу статей г. Колмогорова, преимущественно же статьи его «Собственность и община», помещенной в 10-й книжке «Отечественных записок» 1858 г.) // Современник. 1858. № 12.
7. *Гуторова Н.А.* Печать Рязанской губернии (1838–1917 гг.): зарождение, развитие, типология: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 24 с.
8. *Дело об отделении Сибири от России:* архивная публикация / А.Т. Топчий, Р.А. Топчий; сост. Н.В. Серебrenников. Томск, 2002. 388 с.
9. *Загоскин М.В.* Что нам необходимо в особенности // Иркутские губернские ведомости. 1863. № 13. 30 марта.
10. *Иванов А.Н.* Константин Дмитриевич Ушинский в Ярославле. Исследования и документы о научно-педагогической и литературной деятельности. Ярославль, 1963.
11. *Икоников А.И.* Литературно-музыкальный вечер в Березове и несколько слов, сказанных к публице одним из учредителей вечера // Тобольские губернские ведомости. 1863. № 33. 17 авг.

12. *Иркутские губернские ведомости*. 1862–1863.
13. *Козлов Н.* 24 декабря 1864 г., Минусинск. Статья из г. Минусинска // Енисейские губернские ведомости. 1865. № 3. 16 янв.
14. *Коломогоров Г.В.* Очерк простонародного быта в уездных городах и селах Сибири // Северная пчела. 1859. № 67. 27 марта.
15. *Лучинский Ю.В.* «Провинциальные братья»: кубанская модель губернских ведомостей // Журналистика: историко-литературный контекст: сборник статей и материалов. Краснодар, 2003. Вып. 2. С. 9–21.
16. *Необходимость* высшего учебного заведения в Сибири // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1863. Ч. 118. Отд. 6.
17. *Обозрение* газет и журналов // Голос. Газета политическая и литературная. 1863. № 118. 14 мая.
18. *Петрашевский М.В.* Несколько мыслей о Сибири // Иркутские губернские ведомости. 1857. № 9. 11 июля.
19. *Письма Г.Н. Потанина*. Иркутск, 1987. Т. 1, № 6.
20. *Потанин Г.Н.* Воспоминания // Литературное наследство Сибири. 1983. Т. 6.
21. *Потанин Г.Н.* Г. Шелгунов перед судом образованной Сибири (Посвящается Н.М. Ядринцеву) // Томские губернские ведомости. 1864. № 40. 9 окт.
22. *Потанин Г.Н.* Гражданское увлечение Сибири // Томские губернские ведомости. 1865. № 16. 30 апр.
23. *Потанин Г.Н.* Климат и люди Сибири // Томские губернские ведомости. 1865. № 12. 26 марта; № 13. 2 апр.
24. *Разные известия и заметки* // С.-Петербургские ведомости. 1863. № 118. 11 мая.
25. *Чукмалдин Н.* Заметки на заметки // Тобольские губернские ведомости. 1864. № 2. 11 янв.
26. *Шелгунов Н.В.* Гражданские элементы Иркутского края // Русское слово. 1863. Сентябрь.
27. *Юшков И.Н.* От Редактора // Тобольские губернские ведомости. 1863. № 42. 19 окт.
28. *Ядринцев Н.М.* По поводу Сибирского Университета // Томские губернские ведомости. 1864. № 5. 31 янв.
29. *Ядринцев Н.М.* Сибирь в 1-е января 1865 г. // Томские губернские ведомости. 1865. № 1. 8 янв.
30. *Ядринцев Н.М.* Общественная жизнь Сибири // Томские губернские ведомости. 1865. № 5. 5 февр.
31. *Ядринцев Н.М.* Сибирь перед судом русской литературы // Томские губернские ведомости. 1865. № 9. 5 марта.
32. *Ядринцев Н.М.* Этнологические особенности сибирского населения // Томские губернские ведомости. 1865. № 15. 23 апр.; № 17–18. 7–14 мая.

Shevtsov Viacheslav V.

National Research Tomsk State University

totleben@yandex.ru

Siberia and Siberians on pages of provincial sheets

The article is devoted to the studying of a process of self-identification of the Siberian province in “Provincial sheets” (the end of the 1850s – beginning of the 1860s). The Siberian “Provincial sheets” that had been publishing for 80 years in European part of Russia and for 6 decades in Siberia, for a long time was the only printed matter in the places where they were released – in Tobolsk, Irkutsk, Krasnoyarsk and Tomsk. Revival of the social life, government policy of the “controlled publicity”, the fact that Siberian “cultured minority” participated in organization and development of the paper conduced to appearing of the original publicistic, historical, ethnographic and literary articles in the informal part of the Siberian “Provincial sheets”. In these first Siberian newspapers the theme of territorial, economical, cultural and historical state of Siberia was represented in brief and random comments, suggestions about bringing of Post-Reform institutions to its territory and development of the higher education there, criticism of the low rate of public consciousness and underprivileged economical position of the region, in creating the image of “siberianess” with the aim of possible changing Siberia's status as a part of Russia. Such self-presentation was limited and selective (depending on the available sources, outstanding events, author's personal experience and beliefs) but it made its contribution to the formation of representation of Siberia, created a collective image of past and present of a “siberian”.

Keywords: Provincial sheets of Siberia, history of Siberia, regional identity.

References

1. –i. Sibir' – ta zhe Rus' [Siberia is the same Rus'], *Amur*, 1861, no. 84, 28 October.
2. V.I. Neskol'ko slov ob opisateliakh Sibiri [A few words about descriptors of Siberia], *Tobol'skie gubernskie vedomosti*, 1859, no. 20, 16 May.
3. Varlakov G.A. Gorod Ialutorovsk [Ialutorovsk city], *Tobol'skie gubernskie vedomosti*, 1858, no. 16, 19 April.
4. Varlakov G.A. Tobol'skaia starina (iz arkhivnykh del Borovskogo volostnogo pravleniia) [Tobolsk antique (from archival files of Borovskoe volost government)], *Tobol'skie gubernskie vedomosti*, 1861, no. 2, 14 January.
5. Govorun. Nezavisimyi listok. Etnografiia. Provintsializmy. Iuridicheskie obyknoveniia. Politicheskii byt podatnogo sosloviia [Independent sheet. Ethnography. Provincialisms. Legal habit. Political life of tax estate], *Tobol'skie gubernskie vedomosti*, 1858, no. 44, 2 November.
6. Gryts'ko [Eliseev G.Z.] O Sibiri (po povodu statei g. Kolmogorova, preimushchestvenno zhe stat'i ego «Sobstvennost' i obshchina», pomeschennoi v 10-i knizhke «Otechestvennykh zapisok» 1858 g.) [About Siberia (concerning Kolmogorov's articles, especially about «Property and Community» in the 10th book of «Homeland notes» 1858)], *Sovremennik*, 1858, no. 12.
7. Gutorova N.A. *Pechat' Riazanskoi gubernii (1838–1917 gg.): zarozhdenie, razvitie, tipologiia: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Ryazan province press (1838–1917): origin, development, typology: abstract of dissertation for candidate of philological sciences degree]. St. Petersburg, 2009. 24 p.
8. *Delo ob otdelenii Sibiri ot Rossii: arkhivnaia publikatsiia* [The case about separation of Siberia from Russia: archival publication], A.T. Topchii, R.A. Topchii; compiled by N.V. Serebrennikov. Tomsk, 2002. 388 p.
9. Zagoskin M.V. Chto nam neobkhodimo v osobennosti [What we need in particular], *Irkutskie gubernskie vedomosti*, 1863, no. 13, 30 March.

10. Ivanov A.N. *Konstantin Dmitrievich Ushinskii v Iaroslavle. Issledovaniia i dokumenty o nauchno-pedagogicheskoi i literaturnoi deiatel'nosti* [Constantine D. Ushinskii in Yaroslavl. Studies and documents on scientific, educational and literary activity]. Iaroslavl', 1963.
11. Ikonikov A. I. Literaturno-muzykal'nyi vecher v Berezove i neskol'ko slov, skazannykh k publike odnim iz uchreditel'ei vechera [Literary and musical evening in the Berezov and a few words said to the public by one of the founders of the evening], *Tobol'skie gubernskie vedomosti*, 1863, no. 33, 17 August.
12. *Irkutskie gubernskie vedomosti* [Irkutsk province bulletin]. 1862–1863.
13. Kozlov N. 24 dekabria 1864 g., Minusinsk. Stat'ia iz g. Minusinska [December 24, 1864, Minusinsk. Article from Minusinsk], *Eniseiskie gubernskie vedomosti*, 1865, no. 3, 16 January.
14. Kolomogorov G.V. Ocherk prostonarodnogo byta v uezdnykh gorodakh i selakh Sibiri [Essay about demotic life in county towns and villages in Siberia], *Severnaia pchela*, 1859, no. 67, 27 March.
15. Luchinskii Iu.V. «Provintsial'nye brat'ia»: kubanskaia model' gubernskikh vedomostei, *Zhurnalistika: istoriko-literaturnyi kontekst: sbornik statei i materialov* [Journalism: historical and literary context: collected articles and materials]. Krasnodar, 2003, Vol. 2, pp. 9–21.
16. Neobkhodimost' vysshego uchebnogo zavedeniia v Sibiri [The necessity of a higher education institution in Siberia], *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniia*. St. Petersburg, 1863, part 118, sect. 6.
17. Obozrenie gazet i zhurnalov [Review of newspapers and magazines], *Golos. Gazeta politicheskaiia i literaturnaia*, 1863, no. 118, 14 May.
18. Petrashevskii M.V. Neskol'ko myslei o Sibiri [A few thoughts about Siberia], *Irkutskie gubernskie vedomosti*, 1857, no. 9, 11 July.
19. *Pis'ma G.N. Potanina* [The letters of G.N. Potanin]. Irkutsk, 1987, Vol. 1, no. 6.
20. Potanin G.N. Vospominaniia [Memoirs], *Literaturnoe nasledstvo Sibiri*, 1983, Vol. 6.
21. Potanin G.N. G. Shelgunov pered sudom obrazovannoi Sibiri (Posviashchaetsia N.M. Iadrintsevu) [Shelgunov facing the court of educated Siberia (Dedicated to N.M. Yadrintsev)], *Tomskie gubernskie vedomosti*, 1864, no. 40, 9 October.
22. Potanin G.N. Grazhdanskoe uvlechenie Sibiri [Civil passion of Siberia], *Tomskie gubernskie vedomosti*, 1865, no. 16, 30 April.
23. Potanin G.N. Klimat i liudi Sibiri [Climate and people of Siberia], *Tomskie gubernskie vedomosti*, 1865, no. 12, 26 March; no. 13, 2 April.
24. Raznye izvestiia i zametki [Various news and notes], *S.-Peterburgskie vedomosti*, 1863, no. 118, 11 May.
25. Chukmaldin N. Zametki na zametki [Notes on the notes], *Tobol'skie gubernskie vedomosti*, 1864, no. 2, 11 January.
26. Shelgunov N.V. Grazhdanskii elementi Irkutskogo kraia [Civil elements of Irkutsk region], *Russkoe slovo*, 1863, September.
27. Iushkov I.N. Ot Redaktora [From the Editor], *Tobol'skie gubernskie vedomosti*, 1863, no. 42, 19 October.
28. Iadrintsev N.M. Po povodu Sibirskogo Universiteta [Concerning Siberian University], *Tomskie gubernskie vedomosti*, 1864, no. 5, 31 January.
29. Iadrintsev N.M. Sibir' v 1-e ianvaria 1865 g. [Siberia at the January 1, 1865], *Tomskie gubernskie vedomosti*, 1865, no. 1, 8 January.

30. Iadrintsev N.M. Obshchestvennaia zhizn' Sibiri [Social life of Siberia], *Tomskie gubernskie vedomosti*, 1865, no. 5, 5 February.

31. Iadrintsev N.M. Sibir' pered sudom russkoi literatury [Siberia facing the court of Russian literature], *Tomskie gubernskie vedomosti*, 1865, no. 9, 5 March.

32. Iadrintsev N.M. Etnologicheskie osobennosti sibirskogo naseleniia [Ethnological features of the Siberian population], *Tomskie gubernskie vedomosti*, 1865, no. 15, 23 April; no. 17–18, 7–14 May.

УДК 94(571.16)"1905/1917"

DOI 10.172239785751123666/12

О.А. Харусь

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ СИБИРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (1914–1916 гг.)¹

Представлен анализ опыта консолидации населения Сибири по территориальному принципу в годы Первой мировой войны. Определены основные факторы актуализации и особенности процесса конструирования региональной идентичности в этот период. Раскрыты причины неэффективности социальных технологий репрезентации сибирской идентичности, предлагавшихся либерально настроенным инициативным меньшинством.

Ключевые слова: Сибирь, региональная идентичность, конструирование, институционализация.

Постановка проблемы. В исследованиях, посвященных процессу формирования сибирской идентичности, зафиксирована его двойственность, определявшаяся стихийным характером этого процесса на уровне массового сознания, с одной стороны, и целенаправленной деятельностью интеллектуальной элиты, общественных и политических акторов, сознательно конструировавших действительность – с другой. Предметом научных исследований стали проблемы региональной самоидентификации населения Сибири, основные этапы «функционирования» сибирской идентичности с конца XVII в. и до настоящего времени (Зайнутдинов 2012; Дутчак, Кашпур 2013; Shevtsov 2013 и др.). Вместе с тем социальные практики инициатив-

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.B25.31.0009).

ного меньшинства, в которых нашел отражение процесс конструирования региональной идентичности, представлены фрагментарно. В частности, в исследованиях, освещающих этот процесс в хронологических рамках второй половины XIX – начала XX в., соответствующая проблематика рассматривается почти исключительно в контексте истории областничества (Бороноев 2010; Ремнев 2011). Безусловно, такой акцент оправдан, поскольку именно в публицистическом, научном и литературно-художественном дискурсе областников процесс конструирования сибирской идентичности воплотился наиболее отчетливо. Однако ориентация на комплексный подход предполагает учет множественности форм и способов репрезентации региональной идентичности, оценку их в контексте конкретных обстоятельств, влиявших на динамику процесса конструирования. Определенные перспективы расширения исследовательского пространства открывает, на наш взгляд, изучение социальных практик, связанных с попытками политических и общественных акторов консолидировать население региона в условиях Первой мировой войны.

Анализ опыта деятельности по организационному оформлению группового единства на основе территориального принципа в 1914–1916 гг. имеет своей целью выявление мотивов её инициаторов, факторов актуализации процесса конструирования региональной идентичности в условиях военного времени, определение особенностей институционализации этого процесса в конкретный исторический период и оценку его результатов. Привлечение в качестве источников материалов периодической печати, неопубликованных документов местных органов самоуправления, губернских жандармских управлений, резолюций областных съездов городов региона обеспечивает необходимые условия для реализации исследовательского замысла.

Факторы и мотивы актуализации процесса конструирования региональной идентичности. Вступление России в Первую мировую войну вызвало всплеск «местного патриотизма», продиктованного стремлением общественности Сибири подчеркнуть свою готовность внести вклад в обеспечение победы, несмотря на удаленность от театра военных действий. При этом важным условием реализации потенциала сибирского общества либерально настроенные круги считали учет специфики региона. Такая позиция стала одним из побудительных мотивов к созданию «Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны»

(Сибиртета) и областных союзов городов Сибири как структур, максимально приближенных к местным условиям и заинтересованных в решении региональных проблем. Эти проблемы отнюдь не растворились в общегражданском патриотическом порыве, и намерение добиваться их решения являлось дополнительным стимулом к консолидации общественности в рамках новых организаций. На фоне искреннего стремления к объединению всех сил страны во имя победы проявления неравноправия в отношениях центра и окраин воспринимались местной интеллигенцией, общественными и политическими деятелями с особой остротой. Отсутствие в регионе земства, нерешенность вопроса о суде присяжных для Восточной Сибири, неразвитость сети просветительных, образовательных, лечебных учреждений, отсутствие необходимых условий для развития промышленности, торговли и сельского хозяйства края, чрезмерность бюрократической регламентации – таков был далеко не полный перечень проблем, требовавших своего решения.

В этих условиях проявления общественной инициативы должны были подтвердить подготовленность населения региона к реформам. Вместе с тем с созданием новых форм социального взаимодействия либерально настроенная интеллектуальная элита связывала перспективы развития гражданского сознания, активности и ответственности населения как необходимой основы правового строя.

Институционализация региональной идентичности: опыт реализации проектов консолидации населения Сибири. Первой региональной организацией, призванной содействовать решению проблем военного времени, стало созданное в сентябре 1914 г. «Сибирское общество подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны». Энергичные действия руководителей и активистов общества по формированию отделов не только в крупных городах, но и в уездах, селах, деревнях увенчались успехом: Сибиртет превратился в довольно крупную организацию и к августу 1916 г. насчитывал в своем составе 52 отдела (Сибирская мысль 1916: 24 авг.). Вступительными взносами, пожертвованиями, ассигнованиями поддержку Сибиртету оказывали коммерческие предприятия, правления кредитных товариществ, купеческие и мещанские общества, гласные городских дум, частные лица – представители самых различных слоев и групп населения вне зависимости от их политических взглядов и предпочтений (Харусь 2014: 19).

Успешная в целом реализация этого социального проекта побудила руководство организации задуматься о перспективах пролонгирования её деятельности на послевоенный период при расширении функций. В марте 1915 г. был утвержден новый устав Сибиртета, который предусматривал включение в сферу его деятельности вопросов местного городского управления (Мосина 1978: 134). Намерение выйти за рамки задач по оказанию помощи раненым и пострадавшим от войны проявилось и в практических действиях: летом 1915 г. Сибиртет представил в Государственную думу и Государственный Совет докладную записку о необходимости срочного введения земства в регионе (Сибирская жизнь 1915: 20 авг.).

Однако основные надежды на развитие системы местного самоуправления инициативная общественность региона связывала с созданием областных союзов городов.¹³ 13 февраля 1915 г. омская городская дума приняла постановление о созыве съезда представителей городов Западной Сибири и разослала думами других городов положение о съезде, его программу и приглашения принять в нем участие. По замыслу организаторов, на съезде должно было состояться обсуждение мер по оказанию помощи возвращающимся из действующей армии больным и раненым воинам, по предупреждению инфекционных заболеваний и эпидемий в связи с размещением в городах военнопленных, по организации материальной поддержки семьям призванных в армию. Для решения этих вопросов предстояло объединить усилия западносибирских городов, создав на съезде областную организацию (ГАТО 1915: 325; ГАОО 1915–1916: 9).

Поскольку в формат областного союза городов не вписывалось сельское население, либеральная общественность края поставила вопрос о необходимости возбудить на съезде ходатайство о немедленном введении земства в Сибири. В редакционной статье газеты «Сибирская жизнь» отмечалось: «Организация помощи увечным воинам и санитарного надзора за пленными в деревне требует определенной системы, планомерности, применения к местным условиям и живейшего участия в деле широких слоев населения, а всё это возможно лишь при общественной самостоятельности сибирского крестьянства, земского самоуправления» (Сибирская жизнь 1915: 1 марта). Таким образом, в ходе обсуждения повестки съезда обнаружилось намерение инициативного меньшинства расширить сеть горизонтальных связей, включив в сферу активной общественной деятельности всё население региона.

Съезд представителей 12 городов Западной Сибири состоялся в Омске 11–13 апреля 1915 г. Помимо гласных городских дум и лиц, занимавших должность городского головы, с правом совещательного голоса участие в работе съезда приняли представители омской интеллигенции, члены различных общественных организаций и учреждений (ГАОО 1915–1916: 7). В кулуарах активно обсуждались вопросы введения земства в регионе, отмены правовых ограничений по Сибири, расширения круга избирателей в городские думы, предоставления гласным большей самостоятельности в решении вопросов бюджета и городского благоустройства, продолжения деятельности Всероссийского союза городов (ВСГ) после окончания войны (Мосина 1978: 141). Однако данные проблемы не нашли отражения в принятых резолюциях из-за опасения руководства съезда вызвать недовольство властей и, тем самым, заблокировать возможность положительного решения вопроса об учреждении областной организации западносибирских городов. Главную же свою задачу – формирование организационных основ для консолидации общественных сил региона – съезд выполнил, приняв резолюцию об образовании Западносибирской областной организации ВСГ (ГАТО 1915: 377).

Вопрос о создании областного союза городов являлся центральным и в повестке съезда представителей городов Восточной Сибири, открывшегося в Иркутске 15 апреля 1916 г. Миссия Союза, по замыслу инициаторов и руководителей съезда, должна была заключаться, прежде всего, в выяснении нужд региона и подготовке материалов, необходимых для решения его проблем в законодательных учреждениях (Алтайское дело 1916: 23 апр.; Сибирская мысль 1916: 22 апр.). В числе первоочередных мероприятий намечались: введение земства в Сибири на широких демократических началах; реформа Городового положения; обеспечение свободы деятельности организаций, защищающих интересы рабочих; создание общественного органа для решения проблем с продовольствием; объединение деятельности всех национальных, общественных и других организаций, оказывающих помощь беженцам, «под флагом Всероссийского Городского Союза» (ГАНИИО 1916: 3,7).

Обеспечение координации действий общественности возлагалось на областные союзы городов. В Восточной Сибири было решено создать, исходя из «чисто практических соображений» (обширность территории, огромные расстояния, недостаточное развитие

системы путей сообщения), две областные организации: Восточно-сибирскую в границах Иркутского генерал-губернаторства и Дальневосточную в границах Приамурского генерал-губернаторства (ГАНИИО 1916: 4). В последний день работы съезда, 19 апреля, были сформированы областные комитеты этих организаций (Иркутский и Благовещенский – соответственно) (ГАИО 1916а: 64, 1916б: 26). «В целях объединения работ, касающихся в одинаковой степени всех районов Сибири», съезд высказался и за создание общесибирской организации, предложив решить этот вопрос в ближайшее время на съезде городов всего региона (ГАНИИО 1916: 4).

Избранные общественными и политическими акторами Сибири способы и формы репрезентации региональной идентичности не предполагали противопоставления идентичности общероссийской и воспринимались как инструмент, позволявший решать не только специфические проблемы региона, но и проблемы общественного переустройства в государственном масштабе. Резолюции как западносибирского, так и восточносибирского съездов однозначно определяли статус областных союзов в качестве составных частей ВСГ (ГАТО 1915: 377–378; ГАНИИО 1916: 4). Обсуждение на съездах вопросов, связанных с реформой городского самоуправления в стране, демократизацией процедуры выборов в земство, отменой правовых ограничений для лиц еврейского происхождения и иудейского вероисповедания, организацией противодействия попыткам разжигания национальной розни в России, введением ответственного министерства (ГАОО 1915–1916: 23; ГАНИИО 1916: 10), свидетельствовало о ярко выраженной общероссийской идентичности организаторов и участников этих форумов. Будучи направленным на акцентирование специфических особенностей региона, процесс конструирования сибирской идентичности имел своей целью создание благоприятных условий для его развития в качестве неотъемлемой составной части страны.

Вместе с тем сама по себе постановка на областных съездах вопроса о необходимости социально-экономических и политических реформ в общероссийском масштабе свидетельствовала о появлении тенденции к политизации форм и способов репрезентации региональной идентичности. По мере обострения общенационального кризиса в стране всё более явно обнаруживались наметившиеся особенности процесса конструирования региональной идентичности,

связанные с расширением его рамок и выходом из сферы повседневности в пространство публичной политики.

Эффекты и эффективность социальных практик конструирования сибирской идентичности. Усилия либералов по созданию региональных структур были рассчитаны на достижение определенного социокультурного эффекта. Стремление сформировать региональную общность поверх социальных, национальных и этнических, партийно-политических границ для решения насущных проблем Сибири соответствовало либеральной системе мировоззренческих координат, предусматривавшей общественный консенсус на основе солидарных действий сознающих свою ответственность и способных к самодеятельности граждан. Организаторы областного съезда представителей городов Восточной Сибири, члены кадетской партии М.А. Кроль, П.И. Федоров, С.В. Востротин особо подчеркивали его «громадное моральное пропагандирующее значение в смысле будирования масс городского и уездного населения» и развития общественного самосознания (ГАИО 1916а: 64, 65).

Предусматривавшееся резолюцией восточносибирского съезда отсутствие какого-либо ценза и практики утверждения членов должно было открыть доступ представителям различных слоев населения в состав местных отделов ВСГ, областных организаций и их руководящих органов (ГАНИИО 1916: 4.). Бюро Западно-сибирского областного комитета ВСГ разослало в декабре 1916 г. местным комитетам и органам городского самоуправления региона циркуляр с предписанием привлекать к деятельности отделов ВСГ «широкие слои населения путем введения в состав комитетов представителей всех общественных организаций данного города» (ГАОО 1916: 60, 63, 68). В целях демократизации состава организации руководство Сибиртета признало необходимым допустить рассрочку членских взносов (Сибирская жизнь 1914: 18 нояб., 19 нояб., 13 дек.). Принятые меры обеспечили участие в деятельности отделов Сибиртета и ВСГ представителей различных социальных групп и слоев, людей с различными политическими воззрениями и предпочтениями. Однако именно разнородный состав организаций стал основной причиной неэффективности их деятельности по реализации намеченных целей.

По мере обострения общенационального кризиса в стране усиливались социальная поляризация и партийно-политическая конфронтация. В этих условиях постоянные конфликты между либера-

лами и левым крылом организаций фактически парализовали их деятельность. Дополнительным фактором, не позволившим организовать на постоянной основе деятельность региональных структур, ориентированных на развитие местного самоуправления, стало противодействие со стороны властей. Министерство внутренних дел запретило созыв второго съезда городов Западной Сибири, где планировалось рассмотреть вопрос о расширении прав и компетенции организаций ВСГ (Енисейский край 1916: 1 дек.). Не признавая правомочность действий областных комитетов ВСГ ввиду их намерений решать вопросы, не связанные непосредственно с нуждами военного времени, и продолжить свою деятельность в послевоенный период, органы губернского управления и городские думы отказывали в выделении необходимых ассигнований (ГАОО 1915–1916: 70; ГАИО 1916б: 6; Сибирская мысль 1916: 16 окт.; Енисейский край 1916: 29 окт.; Омский телеграф 1917: 4 янв.).

Административные запреты и ограничения усугубляли внутриорганизационные проблемы, связанные с разнородностью социального состава и конфликтом партийно-политических позиций участников местных отделов ВСГ. Идея консолидации населения по региональному принципу стремительно утрачивала свою актуальность, а вместе с ней и поддержку в обществе. Предлагавшиеся либералами практики оказались неэффективными в условиях социальной и политической поляризации общества, делавшей невозможным выстраивание горизонтальных связей взаимодействия различных групп и слоев населения Сибири. Начавшиеся же в 1917 г. революционные потрясения резко изменили вектор деятельности общественных и политических акторов, вытеснив проблемы группового единства по территориальному принципу за рамки актуальной повестки.

Выводы. Предпринятые либерально настроенной общественностью в 1914–1916 гг. попытки конструирования сибирской идентичности убедительно продемонстрировали несостоятельность надежд на его успех при отсутствии социально-политической стабильности и правового государства, способного адекватно реагировать на сигналы регионов. Тем не менее сама технология репрезентации региональной идентичности, сущность которой определялась ориентацией на развитие институтов местного самоуправления, представляется продуктивной по своему замыслу. Применение подобных технологий может оказаться перспективным не только в плане возможности четкой формулировки и отстаивания интересов развития региона,

учета их специфики при решении общегосударственных проблем, но и с точки зрения развития общественной инициативы и формирования институтов гражданского общества.

Источники и литература

1. *Алтайское дело*. Новониколаевск, 1916.
2. *Боронов А.О.* Проблемы динамики сибирской идентичности // Общество, среда, развитие. 2010. № 3. С. 81–85.
3. *ГАИО* (Государственный архив Иркутской области). Ф. 600. Оп. 1. Д. 884. Донесение начальника ИГЖУ Иркутскому генерал-губернатору. 1916а.
4. *ГАИО*. Ф. 609. Оп. 1. Д. 5. Дневник И.И. Серебренникова. 1916 б.
5. *ГАНИИО* (Государственный архив новейшей истории Иркутской области). Ф. 300. Оп. 1. Д. 357. Резолюции первого областного съезда представителей городов Восточной Сибири. 1916.
6. *ГАОО* (Государственный архив Омской области). Ф. 270. Оп. 1. Д. 652. Переписка об общественном движении и прессе в гор. Омске и Степном крае. 1915–1916.
7. *ГАОО*. Ф. 172. Оп. 1. Д. 350. Журналы заседаний бюро Западносибирского областного и омского комитетов ВСГ. 1916.
8. *ГАТО* (Государственный архив Томской области). Ф. 127. Оп. 1. Д. 2969. Журналы заседаний Томской городской думы за 1915 г.
9. *Дутчак Е.Е., Кашиур В.В.* «Русский сибиряк», или Парадоксы региональной идентификации // Общественные науки и современность. 2013. № 4. С. 116–129.
10. *Енисейский край*. Красноярск, 1916.
11. *Зайнутдинов А.Э.* Цивилизационная идентичность Сибири: от областничества рубежа XIX–XX веков к современному сибирству // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15, № 2(61). С. 81–97.
12. *Мосина И.Г.* Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. 170 с.
13. *Омский телеграф*. Омск, 1917.
14. *Ремнев А.В.* Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // Полития. 2011. № 3(62). С. 109–128.
15. *Сибирская жизнь*. Томск, 1914–1916.
16. *Сибирская мысль*. Красноярск, 1916.
17. *Харусь О.А.* Сибиртет как организационная форма актуализации региональной идентичности в условиях Первой мировой войны // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 1(29). С. 15–23.
18. *Shevtsov V.V.* The regional identity of the Siberian community: major formation factors and reconstruction problems // *Europolis: Journal of Political Analysis and Theory*. 2013. Vol. 7, № 1. P. 77–92.

Kharus Olga A.

National Research Tomsk State University

kharus-olga@sibmail.com

Social practices of constructing of Siberian identity under the conditions of the I World War (1914-1916)

The article analyses social practices in which process of constructing of Siberian identity under the conditions of the I World War was realized. Boost of 'local patriotism' caused by the desire of community of Siberia to emphasize its willingness to contribute to the victory regardless of its remoteness from the theatre of war was one of the factors determining the actuality of this process. Intention of the initiative minority to solve specific problems of Siberia caused by inequality between the centre and outlying districts with the help of Sibir-tet, Western Siberian and Eastern Siberian provincial town organizations became an additional stimulus to consolidate different social strata of population in the frames of these specific provincial structures. Besides, liberally-minded intellectual elite associated the perspectives of civic activity development and responsibility of the population with the establishment of new forms of a social interconnection. This was considered to be the necessary foundations of a legal state.

These specific "Siberian" structures manifested provincial, but not separatist tendencies. All-Russian identity of public and political agents forming these structures found its reflection in their desire to set and solve the problems of state development, important for the whole country. Being directed at putting an emphasis on specificity of a province, the establishment of favorable conditions for its development as an inseparable constituent part of the country was the purpose of a constructing process of Siberian identity.

Aim at the development of local self-governing institutions was an important characteristic of representation technologies of provincial identity offered by liberally-minded intellectual and political elite in 1914-1916. Under the conditions of social and political polarization of the society as well as lack of legal state able to react to signals from provinces adequately, the experience of building the horizontal interconnection links of different groups and walks of life did not justify expectations of its initiators, which, however, does not exclude the possibility of its use under the other, more favorable circumstances.

Keywords: Siberia, provincial identity, constructing, institutionalization.

References

1. *Altai skoe delo* [Altai case]. Novonikolaevsk, 1916.
2. Boronoev A.O. Problemy dinamiki sibirskoi identichnosti [Problems of dynamics of Siberian identity], *Obshchestvo, sreda, razvitie*, 2010, no. 3, pp. 81–85.
3. *GAIO (State Archive of Irkutsk region)*, 1916a, F. 600, In. 1, C. 884.
4. *GAIO*, 1916b, F. 609, In. 1, C. 5.
5. *GANIO (State Archive of Contemporary History of Irkutsk region)*, 1916, F. 300, In. 1, C. 357.
6. *GAOO (State Archive of Omsk region)*, 1915-1916, F. 270, In. 1, C. 652.
7. *GAOO*, 1916, F. 172, In. 1, C. 350.
8. *GATO (State Archive of Tomsk region)*, 1915, F. 127, In. 1, C. 2969.
9. Dutchak E.E., Kashpur V.V. «Russkii sibirskii», ili Paradoxy regional'noi identifikatsii [«Russian Siberian» or paradoxes of regional identification], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2013, no. 4, pp. 116–129.
10. *Eniseiskii krai* [Yenisei region]. Krasnoiarsk, 1916.
11. Zainutdinov A.E. Tsivilizatsionnaia identichnost' Sibiri: ot oblastnichestva rubezha XIX–XX vekov k sovremennomu sibirstvu [Civilizational identity of Siberia: from regionalism of XIX–XX centuries to modern sibirstvo], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 2012, Vol. 15, no. 2(61), pp. 81–97.
12. Mosina I.G. *Formirovanie burzhuazii v politicheskuiu silu v Sibiri* [Formation of the bourgeoisie into a political force in Siberia]. Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta, 1978. 170 p.

13. *Omskii telegraf* [Omsk telegraph]. Omsk, 1917.
14. Remnev A.V. Natsional'nost' «sibiriak»: regional'naia identichnost' i istoricheskii konstruktivizm XIX v. [Nationality «Siberian»: regional identity and historical constructivism of XIX century], *Politiia*, 2011, no. 3(62), pp. 109–128.
15. *Sibirskaiia zhizn'* [Siberian life]. Tomsk, 1914–1916.
16. *Sibirskaiia mysl'* [Siberian thought]. Krasnoiarsk, 1916.
17. Kharus' O.A. Sibirtet kak organizatsionnaia forma aktualizatsii regional'noi identichnosti v usloviiakh Pervoi mirovoi voyny [Sibirtet as the organizational form of actualization of regional identity in the First World War], *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*, 2014, no. 1(29), pp. 15–23.
18. Shevtsov V.V. The regional identity of the Siberian community: major formation factors and reconstruction problems, *Europolis: Journal of Political Analysis and Theory*, 2013, Vol. 7, no. 1, pp. 77–92.

УДК 394

DOI 10.172239785751123666/13

М.А. Жигунова

ВЛИЯНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА СПЕЦИФИКУ КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ СИБИРИ)¹

Исследуется региональная идентичность и социокультурная специфика Сибири. Статья основана на имеющихся публикациях, архивных и статистических данных, а также на материалах историко-этнографических, этносоциологических и музееведческих исследований автора, проведенных в 1984–2014 гг. во всех административно-территориальных областях Западной Сибири и в европейской части России (Москва, Краснодар, Тверь). В работе рассматриваются особенности формирования населения Сибири, анализируются различные подходы к понятию «сибиряк». Приводятся оригинальные примеры современной региональной и этнической самоидентификации. Отдельное внимание уделяется межэтническим контактам и взаимодействиям, различным конкретным формам трансляции историко-культурного наследия и региональной идентичности. Выявляются истоки и особенности сибирского характера, основополагающие ценности региональной сибирской идентичности и факторы, лежащие в основе ее формирования. Приводятся существующие представления о Сибири и сибиряках. Выявляется специфика традиционно-бытовой культуры сибиряков и причины, породившие ее многообразие.

Ключевые слова: региональная идентичность, культура, Сибирь, сибирский характер.

Введение. В период кардинальных трансформаций одновременно с меняющимися объективными условиями происходят и значи-

¹ Выполнено в рамках работ по проекту № 14-50-00036, грант РНФ «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии».

мые перемены в сознании людей, в их системе ценностей, в ориентациях на контакты с теми или иными группами, видении своей роли и места в новой системе общественных связей и т.п. Всё это актуализирует исследования различных типов идентичности. Понятие «идентичность» в самом общем смысле означает осознание индивидом своей принадлежности к какой-либо группе, а также существующие представления о типичных чертах ее характера и культуры. Поиск современной цивилизационной специфики России невозможен без осмысления её региональной составляющей. Это обусловлено тем, что «именно конкретное географическое пространство со всеми его социокультурными, художественными, политико-экономическими коннотациями задает основные параметры, условия репрезентации и интерпретации практически всех возможных в данном месте и в данное время дискурсов» (Замятин 2006: 488).

Впервые в отечественной политике попытка обосновать региональную специфику была предпринята сибирскими областниками, развивавшими концепцию Сибири как особой области с присущими ей географическими, этнокультурными, политическими особенностями, а также специфическим региональным самосознанием. С той поры прошло немало лет, но вопрос о самобытности сибиряков по-прежнему относится к дискуссионным и активно обсуждается учеными различных специальностей как в нашей стране, так и за рубежом. Актуальность исследований по этой теме особенно возросла в конце XX – начале XXI в., о чем свидетельствует целый ряд научных конференций и публикаций (Н.Н. Аажей, А.А. Анисимова, А.А. Андюсов, А.О. Бороноев, Д.Н. Верхотуров, У.А. Винокурова, М.А. Жигунова, О.Г. Ечевская, А.И. Пальцев, А.В. Ремнёв, Н.Н. Родигина, Л.П. Савельева, Н.В. Сверкунова, Н.Г. Суворова, В.И. Супрун, М.В. Шиловский и др.). Сибирь является не только важнейшим геополитическим регионом России, энергетический и природно-ресурсный потенциал которого сложно переоценить. Не менее значимым является то, что это «территория многовекового взаимодействия славянских, тюркско-монгольских, угро-финских, палеоазиатских народов, пространство диалога христианства, мусульманства, буддизма, шаманизма, взаимодействия земледельческого и кочевнического хозяйственного укладов, доиндустриального, индустриального и постиндустриального обществ» (Россия как цивилизация... 2008: 6).

Основной источниковой базой для нашей работы послужили имеющиеся публикации, архивные и статистические данные, а также

материалы историко-этнографических, этносоциологических и музееведческих исследований автора, проведенных в 1984–2014 гг. во всех административно-территориальных областях Западной Сибири. Для сравнения полученных данных были проведены обследования в европейской части страны (Москва, Краснодар, Тверь). В результате было собрано более 8 тысяч опросных листов.

Региональная сибирская идентичность. В 1986–1988 гг. сибиряками называли себя 15 % респондентов, в 2000 г. – 32 %, в 2010 г. – 75 %. Кроме того, значительная часть опрошенных использовала топоним «сибиряк» при ответах на вопрос: «Как бы Вы себя называли?»: *«сибирячка, россиянка», «сибирский старожил», «сибиряк-чалдон», «сибирский казак», «православный сибиряк», «чисто русская сибирячка», «сибиряк-метис»* и даже – *«комнатный сибиряк»*. В настоящее время идентифицируют себя с сибиряками около 80 % опрошенных (самых разных национальностей), так как родились и живут в Сибири, считают, что обладают сибирским характером, любят свою малую родину. Остальные респонденты чаще всего не считают себя сибиряками, так как родились в другом регионе, переехали и живут в Сибири относительно недавно. Следует отметить, что в сельской местности сибирская идентичность более осознана, чем в крупных городах. Своеобразный «центр сибирства» фиксируется в полосе первичного земледельческого освоения Западной Сибири.

Встречаются респонденты, родившиеся и выросшие в Сибири, но не считающие себя «настоящими сибиряками», так как *«не любят холод / испытывают от него неудобства»* или *«не соответствуют всем чертам сибирского характера»*. Истоки «сибирского характера» нужно искать в начальном периоде освоения Сибири, с походов легендарного атамана Ермака, с проникновением за Урал наиболее активных, предприимчивых, склонных к авантюризму мужественных, стойких и бесстрашных личностей. Одним из значимых источников формирования этих качеств выступает природно-климатический фактор. Важную роль в истории Сибири сыграло казачество, которое, по меткому замечанию А.И. Солженицына, являлось «исторической драгоценностью России». Сибирских казаков всегда отличали смелость, воля, патриотизм, сила, храбрость, мужественность, удаль, смекалка.

Кто такие сибиряки? Существенную сложность при изучении сибирской идентичности создает отсутствие единого мнения по по-

воду самого термина «сибиряки», несущего различную смысловую нагрузку. Учитывая данные исторических, этнографических и лингвистических источников, автор выделила 5 основных подходов к определению этой дефиниции:

1) топонимический: «Сибиряки – это все люди, живущие на территории Сибири» (без этнической окраски);

2) историко-хронологический: «Сибиряки – это коренные, местные жители Сибири (аборигены), живущие здесь издавна», «Сибиряки – это люди, родившиеся и долго живущие в Сибири, но не те, которых насильственно заставляли в Сибирь ехать»;

3) психологический: «Сибиряки – это особый тип людей, обладающих сибирским характером: крепкие, сильные, здоровые, крупного телосложения, трудолюбивые, гостеприимные, демократичные, добрые, с хорошими адаптационными способностями и др.»;

4) антропологический: «Сибиряки – это «винегрет народов», особая смешанная общность, сложившаяся на основе русских, с вкраплениями казахских, татарских, украинских и многих других черт»;

5) этнокультурный: «Сибиряки – это субэтническая группа русского народа».

В начале 1990-х гг. автор зафиксировала первые варианты самоидентификации «сибиряк» в качестве национальной (этнической) принадлежности. Таким образом, сибиряки – это не просто топоним, обозначающий принадлежность к определенной географической местности, а историко-культурная общность людей, проживающих в специфичных природно-климатических условиях и обладающих особыми личностно-психологическими и этнокультурными характеристиками. Кроме того, термин «сибирский» часто используется для обозначения других этнокультурных групп Сибири. Так, например, среди казачества выделяются сибирские казаки, среди русских старообрядцев – сибирские кержаки, существуют сибирские татары, сибирские украинцы, сибирские немцы и т.д. Летом 2012 г. в Президиуме СО РАН прошла презентация исследования «Сибиряк: составляющие образа/особенности идентичности», которое проводилось при поддержке фонда Фридриха Эберта (Германия). Его итоги подтвердили неоднозначность дефиниции «сибиряки» и существование знаменитого «сибирского характера».

Выступление автора с приглашенным докладом в Красноярске на выездном заседании Общественной палаты Российской Федерации «Гражданское общество как ресурс развития Сибири» 21 ноября

2007 г., где говорилось о росте региональной сибирской идентичности и возможности перерастания топонима сибиряк в этноним, было встречено с большим вниманием. С 2008 г., при поддержке Администрации губернатора Красноярского края А.Г. Хлопонина, начал издаваться ежегодный альманах «Национальность – сибиряк», который был призван помочь в сохранении атмосферы межнационального согласия как залога социальной стабильности, этнокультурного просветительства, воспитания толерантности и гражданского патриотизма. (Правда, уже в 2011 г. было принято решение о смене названия этого журнала на «Этно-Мир. О народах Красноярского края»). В материалах Всероссийской переписи населения 2010 г. среди вариантов национального самоопределения впервые были зафиксированы «сибиряки». В сибирском Интернете на специальном сайте была организована акция «Запишись сибиряком». Отношение в современном российском обществе к этому факту неоднозначно: от чувства гордости за сформировавшееся и официально зафиксированное региональное самосознание жителей сибирского региона до обвинения их в национализме и сепаратизме (Жигунова 2011; Ремнев 2011). В свое время Н.М. Ядринцев писал: «Нас обвиняли в пропаганде, в составлении воззвания, в том, что мы написали в Томских Губернских Ведомостях (официальном органе) сепаратистские статьи, в том числе о необходимости для Сибири университета... В нашем сердце было искреннее желание блага для нашей забытой родины; нашу мечтою было ее просвещение, гражданское преуспевание... Что было преступного горячо любить свою родину? Но здесь патриотизм был принят за сепаратизм...» (Ядринцев 2002: 27–33). Сталкивалась с подобным и автор статьи. Неоднократно меня обвиняли в том, что я конструирую новую национальность – сибиряк, хотя для этого нет никаких оснований. Но я не придумываю и не конструирую, а фиксирую и озвучиваю те реальные изменения, которые происходят в современном сибирском сообществе. Главным является самоопределение человека. И если человек считает себя сибиряком, значит, так оно и есть! Как есть и реальные основания для этого: общая история, территория проживания, язык, общесибирские черты в культуре и менталитете, знаменитый «сибирский характер», который можно считать своеобразным автостереотипом и инструментом выявления сибирской культурной идентичности (Сверкунова 1996: 92).

Самоопределение себя сибиряком – это, прежде всего, любовь к своей малой Родине, а не сепаратизм. В самоидентификации «сибиряки» не обязателен отказ от «природной» этничности, что приводит к

появлению составных определений: «коренной сибиряк» и «русский сибиряк», «сибирский казак» и «сибирский татарин», «сибирский немец» и «сибирский украинец». Современная политическая наука допускает трактовку сибиряков в качестве особой нации. Но следует отметить, что призывы записываться «сибиряками» были направлены не только на то, чтобы «разбудить» самосознание жителей Сибири, но и дать сигнал центру, что он проводит в отношении Сибири неадекватную политику (Жигунова, Ремнев, Суворова 2014: 62).

Межэтнические взаимодействия. В настоящее время в Сибири проживают представители около 200 различных народов. Массовые этнокультурные, соседские, дружественные и родственные отношения людей самых разных национальностей обусловлены совместным проживанием, тесными хозяйственными, торговыми и культурными связями, межнациональными браками. Наиболее активно эти процессы протекают в городах. Около 80 % опрошенных нами в 1985–2014 гг. русских отмечают различные праздники и семейные события с людьми разных национальностей. Между тем, именно совместные праздники являются одним из существенных факторов, влияющих на формирование толерантности и способствующих этнокультурной компетенции, взаимопроникновению и взаимообогащению различных этнических культур. Своеобразным показателем стабильности межэтнических отношений являются национально-смешанные браки. Согласно данным архивов ЗАГС, в 1950–1970-е гг. в отдельных регионах Западной Сибири такие браки составляли от 38 до 73 %. В 1970–1980-е гг. их количество стало сокращаться и уже к началу XXI в. не превышало 20 % от всех заключенных браков. Данные наших этносоциологических исследований свидетельствуют о том, что в семьях 70 % опрошенных русских имеются близкие родственники других национальностей, чаще всего это украинцы, немцы, татары, казахи, белорусы, чуваша, поляки, армяне, азербайджанцы, башкиры.

На вопрос: «За человека какой национальности Вы предпочли бы выдать замуж свою дочь?» более половины опрошенных в 1985–2014 гг. жителей Сибири ответили: «*Не имеет значения*», «*Лишь бы человек был хороший да любили б друг друга*». Таким образом, мы приходим к выводу о том, что для сибиряков определяющую роль играют личностно-психологические характеристики человека, а не его этническая принадлежность. Интересно, что в настоящее время чаще русские женщины (а не мужчины, как на ранних этапах сибирской истории) вступают в брак с партнером другой национальности.

В силу различных причин, в таком браке либо русская женщина перестраивается под традиции другой культуры (учится готовить блюда национальной кухни, осваивает обычаи и обряды, принимает религию мужа), либо разные этнические культуры мирно сосуществуют, причудливо переплетаясь.

С каждым годом растет количество людей, затрудняющихся четко определить свою этническую/национальную принадлежность (*«Сложно сказать, много в нас всякой крови намешано»*) либо указывающих смешанную и множественную идентичность. Обычно символом этнической принадлежности является язык. Но в современном мире не всегда совпадают языковая и этническая принадлежность. В фонде русской сибирской лексики имеются заимствования из селькупского, кетского, эвенкийского, эвенского, нанайского, юкагирского, чукотского, корякского, ительменского, а также хакасского, якутского, тувинского, алтайского, бурятского, монгольского, ненецкого, хантыйского и мансийского языков, из языков прибалтийско-финских, саамского, пермских, татарского, турецкого, крымско-татарского и др. (Аникин 2000: 9–10). В 2005 г. впервые было объявлено о создании сибирского языка (Катренко 2009).

Представления о Сибири и сибиряках. Следует отметить, что у жителей европейской части России часто встречается пренебрежительное отношение к Сибири (как краю отдаленному, дикому, месту ссылки и каторги) и к сибирякам (как людям грубым, необразованным/некультурным). Наиболее часто из бытующих о Сибири представлений встречаются следующие: *«В Сибири всегда холодно», «Там медведи по улицам ходят»*. Интересно, что многие существующие стереотипы о Сибири неизменно бытуют на протяжении нескольких столетий (Образ Сибири... 2006). В советский период Сибирь была представлена во многих художественных фильмах и литературных произведениях, существовали всесоюзные комсомольские стройки и студенческие отряды, общесоюзная система распределения молодых специалистов, активные профессиональные и творческие контакты. Это способствовало распространению знаний о Сибири и сибиряках. В настоящее время эти представления формируются в основном СМИ и зачастую носят крайне негативный характер. В качестве исключения можно назвать вышедший в 2011 г. на телевизионные экраны художественный фильм «Сибиряк» (режиссер Игорь Москвитин). Главную роль в этом российском боевике сыграл Егор Позенко – красивый, сильный, крепко сложенный,

голубоглазый актер. В начале фильма звучит фраза: «Сибиряк – молчаливая порода». Герой ленты демонстрирует сибирский характер и закалку, крепкое здоровье, физическую и моральную стойкость, преодолевает все невзгоды и восстанавливает справедливость.

Крупнейший специалист по сибирской истории и областничеству, профессор М.В. Шиловский, отвечая на мой вопрос о том, какие ассоциации возникают у него со словом «Сибирь», ответил так: «Регион, место жительства сибиряков, место ссылки, неустроенность, произвол чиновников, сибирский характер, сибирский арсенал, сибирский тыл. В период Великой Отечественной войны фашистам удалось захватить в СССР огромную территорию, вплоть до Волги. Благодаря Сибири и Уралу мы получили Победу». С этим авторитетным мнением нельзя не согласиться. Воинская слава сибиряков является сегодня общепризнанным историческим и социальным феноменом. Выдающиеся боевые качества сибиряков всегда высоко ценились полководцами, поскольку они прославились далеко за пределами своей малой Родины героизмом и патриотизмом, мужеством и стойкостью, выносливостью и упорством, высокой боевой выучкой, преданностью Отечеству и воинскому долгу. Широкую известность получило высказывание маршала Р.Я. Малиновского: «... лучших воинов, чем Уралец и Сибиряк, бесспорно, мало в мире. Поэтому невольно рука пишет эти слова с большой буквы».

Существенную роль в трансляции современной региональной идентичности играют музейные и другие экспозиционно-выставочные проекты. В качестве примеров можно назвать следующие. В Омске на базе Государственного областного художественного музея «Либеров-центр» начиная с 2000 г. было воплощено несколько проектов, направленных на поэтапное выявление художественных способов воплощения отдельных черт образов Сибири. В конце 2013 г. в Омском областном Экспоцентре состоялось торжественное открытие региональной художественной выставки «Сибирь – XI», посвященной грядущему 300-летию города Омска. Уникальность ее в том, что она являлась частью федерального проекта «Россия – XII» и включала более 1200 произведений, выполненных 720 сибирскими авторами за последние 5 лет. Эти произведения, созданные в высоких традициях классического академического и реалистического искусства, русского и мирового авангарда, демонстрировали удивительные образцы не только изобразительного, но и монументального, храмового, ювелирного, декоративного творчества. В них

была представлена вся мощь, красота и многообразие не только сибирской природы, но и проживающих здесь людей, их культуры и быта. В январе 2014 г. в Новосибирском государственном краеведческом музее открылась новая выставка «Сибиряки», на которой были представлены фотографии, шаманская коллекция, выставка костюмов коренных народов Сибири, а также переселенцев. Экспозиция, расположенная в двух залах, представляла культуру алтайцев, белорусов, долган, мордвы, нганасан, ненцев, русских, татар, украинцев, хакасов, хантов, чувашей, шорцев, эвенков.

Среди гетеростереотипов сибиряков лидируют следующие характеристики: здоровые, крепкие, стойкие, закаленные, деловитые, суровые, молчаливые, угрюмые, красивые, дружелюбные, гостеприимные, патриотичные, самобытные. За рубежом существует довольно устойчивый позитивный образ Сибири и сибиряков. Это подтвердили и все иностранные участники секции по идентичности на X конгрессе этнографов и антропологов в Москве в 2013 г.

Заключение. В настоящее время по сравнению с национальной, конфессиональной, социальной, гражданской именно региональная сибирская идентичность осознается жителями Сибири наиболее четкой и зачастую – более значимой. Известна существующая доверительность в отношениях людей, проживающих на одной территории, определенная преемственность в воспроизводстве их традиций и культурных ценностей. Постоянно действующими факторами (лежащими в основе формирования менталитета сибиряков) остаются: геополитическое положение Сибири; своеобразие ее природно-климатических условий; уникальная практика освоения Сибири представителями различных народов, религий, культур; героическое прошлое; характер формирования культурного пространства сибирской интеллигенцией. Наряду с исторической памятью (общие события, история, известные и героические личности) в качестве основополагающих ценностей для сибирской идентичности выступают экономические межрегиональные связи, особый менталитет и психологические особенности (сибирский характер), этническая и конфессиональная толерантность, заключающаяся в уважительном отношении к живущим рядом «иным» народам. Следует отметить, что при этом русская культура и русский язык (язык межнационального общения и государственного образования) служат своеобразным стержнем, вокруг которого формируются своеобразные механизмы национального согласия.

Чрезвычайное многообразие культурных традиций населения сибирского региона обусловлено: 1) историей заселения (сюда переселялись выходцы практически из всех губерний Европейской России и Урала, ссылки и каторжане, репрессированные, мигранты из различных областей и бывших республик Советского Союза); 2) проживанием в разнообразных природно-географических условиях (от тундры и тайги на севере до степей и гор на юге); 3) многообразием форм хозяйственной деятельности (земледелие и животноводство, охота и рыболовство, пчеловодство и собирательство, различные промыслы и ремесла); 4) пестрым этническим, религиозным и социальным составом населения; 5) активными межэтническими контактами. Несмотря на существующее многообразие и синкретизм различных культурных традиций, у жителей Сибири постепенно сформировались общесибирские черты менталитета и традиционно-бытовой культуры.

Основой национального единства Российской Федерации является общегражданская российская идентичность. Но отсутствие общей национальной идеи, наличие множества социальных страт, имеющих разные ценностные ориентации, существенно усложняют ее формирование. Учитывая специфику России, где единство обеспечивается многообразием, можно сделать предположение о том, что устойчивая региональная идентичность послужит своеобразным «мостом» на пути дальнейшего формирования общероссийской гражданской идентичности. Общность культурных и морально-нравственных ценностей – тот необходимый единый стержень, который может объединить и сплотить всех россиян.

Источники и литература

1. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.
2. Замятин Д.Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.
3. Жигунова М.А. Сибиряк как новая национальность: миф или реальность? // Родина. 2011. № 11. С. 11–15.
4. Жигунова М.А., Ремнёв А.В., Суворова Н.В. Сибирский ракурс региональной идентичности // Национальные приоритеты России: Научный и научно-публицистический журнал. 2014. № 2(12). С. 48–63.
5. Катренко Н. Говорите по-сибирски! Томский бизнесмен считает, что нам нужен собственный язык // Аргументы и факты. Сибирь. 2009. № 21. С. 22.

6. *Образ Сибири в общественном сознании россиян XVIII – начала XXI в.*: Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной памяти проф. И.В. Островского / под ред. В.А. Зверева. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. 266 с.

7. *Ремнев А.В.* Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // *Полития*. 2011. № 3(62). С. 109–128.

8. *Россия как цивилизация: сибирский ракурс*. Новосибирск, 2008. 261 с.

9. *Сверкунова Н.В.* Феномен сибиряка // *Социум*. 1996. № 8. С. 90–94.

10. *Ядринцев Н.М.* К моей автобиографии // *Дело об отделении Сибири от России*. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 388 с.

Zhigunova Marina A.

The Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

marizh.omsk@rambler.ru

Effect of regional identity on specifics of cultural development (the example of Siberia)

The paper is devoted to the regional identity and sociocultural specific of the Siberian region. The article is based on present publications archival and statistically given, and also - materials of the historical-ethnographic, ethno-sociology, museology researches of author, conducted in 1984-2014 in all administrative-territorial areas of Western Siberia and in European part of Russia (Moscow, Krasnodar, Tver). The paper discusses the features of the formation of the population of Siberia, various approaches to the concept of "Siberian". Original examples of modern regional and ethnic self-definition are made. Separate attention is spared to the contacts between ethnic groups and interaction, different certain forms of transmission of Historical and Cultural heritage and regional identity. Reveals the origins and characteristics of the Siberian nature, the fundamental values of the Siberian regional identity and the factors underlying its formation. Given existing notions of Siberia and the Siberians. Revealed specifics traditional consumer culture Siberians and the reasons that gave rise to its diversity.

Keywords: regional identity, culture, Siberia, Siberian character.

References

1. Anikin A.E. *Etimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri: Zaimstvovaniia iz ural'skikh, altaiskikh i paleoaziatskikh iazykov* [Etymological dictionary of Russian dialects of Siberia: Loan-words from the Ural, Altai and Paleo-Asiatic languages]. Moscow – Novosibirsk: Nauka, 2000. 768 p.

2. Zamiatin D.N. *Kul'tura i prostranstvo: modelirovanie geograficheskikh obrazov* [Culture and space: modeling of geographical images]. Moscow: Znack, 2006. 488 p.

3. Zhigunova M.A. Sibirskii kak novaia natsional'nost': mif ili real'nost'? [Siberian as a new nationality: myth or reality?], *Rodina*, 2011, no. 11, pp. 11–15.

4. Zhigunova M.A., Remnev A.V., Suvorova N.V. Sibirskii rakurs regional'noi identichnosti [Siberian perspective of regional identity], *Natsional'nye prioritety Rossii: Nauchnyi i nauchno-publitsisticheskii zhurnal*, 2014, no. 2(12), pp. 48–63.

5. Katrenko N. Govorite po-sibirski! Tomskii biznesmen schitaet, chto nam nuzhen sobstvennyi iazyk [Speak Siberian! Tomsk businessman believes that we need our own language], *Argumenty i fakty, Sibir'*, 2009, no. 21, pp. 22.

6. *Obraz Sibiri v obshchestvennom soznanii rossiian XVIII – nachala XXI v.: Materialy Regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi pamiati prof. I.V. Ostrovskogo* [The image of Siberia in the public consciousness of Russians in XVIII – beginning of the XXI century: Proceedings of the Regional scientific and practical conference dedicated to the memory of Professor I.V. Ostrovskiy], ed. by V.A. Zverev. Novosibirsk: Izdatel'stvo NGPU, 2006. 266 p.

7. Remnev A.V. Natsional'nost' «sibiriak»: regional'naia identichnost' i istoricheskii konstruktivizm XIX v. [Nationality «Siberian»: regional identity and historical constructivism of XIX century], *Politiia*, 2011, no. 3(62), pp. 109–128.

8. *Rossiiia kak tsivilizatsiia: sibirskii rakurs* [Russia as a civilization: Siberian perspective]. Novosibirsk, 2008. 261 p.

9. Sverkunova N.V. Fenomen sibirika [The phenomenon of Siberian], *Sotsium*, 1996, no. 8, pp. 90–94.

10. Iadrintsev N.M. *K moei avtobiografii, Delo ob otdelenii Sibiri ot Rossii* [Case about the separation of Siberia from Russia]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2002. 388 p.

УДК 316.344.8

DOI 10.172239785751123666/14

А.А. Анисимова, О.Г. Ечевская

СИБИРСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК НАРРАТИВНАЯ В ИСТОРИЯХ ЖИЗНИ ЖЕНЩИН СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ¹

Изложена и апробирована методология исследования сибирской региональной идентичности в категориях нарративного анализа. Использованный методологический подход предполагает выявление в структуре нарративов конструкторов само-описания, объясняющих формирование сибирской идентичности в биографической перспективе, и их последовательное раскрытие в трех измерениях: социальном, рефлексивном, темпоральном. Проведен детальный анализ текстов трех историй жизни сибиряков, демонстрирующий возможности этого подхода.

Ключевые слова: биография, нарративная идентичность, сибирская идентичность, Сибирь.

Введение. Сибирская идентичность представляет интерес как культурный и политический феномен и как один из эффективных инструментов закрепления населения на территории региона в усло-

¹ Работа выполнена при частичной поддержке Научного фонда ДВФУ.

виях возросшей мобильности и растущей региональной дифференциации. Предыдущие исследования показывают, что ключевой для формирования сибирской идентичности является деятельность на территории Сибири. Другим важным, и при этом малоизученным, аспектом формирования сибирской идентичности является биографический; он находится в фокусе данной статьи и анализируется при помощи категории «нарративная идентичность».

Нарративная идентичность (Рикер 2008) в общем виде понимается как представление человека о себе, артикулированное в контексте истории своего прошлого и настоящего, рассказанной в определенный момент времени, в специфической ситуации интервью. С одной стороны, нарративная идентичность – конструкция, основанная на опыте человека или собранная из значимых его фрагментов; с другой стороны, нарратив – это рассказанная история, предполагающая выстраивание логической последовательности событий и наличие сюжета, объясняющего логику этой последовательности. И только в связке с логикой выстраивания сюжета события, отобранные для рассказа, становятся осмысленными в контексте целостной картины жизни информанта.

В литературе выделяются три ключевых измерения нарративной идентичности (Рождественская 2010; Ярская-Смирнова 1997 и др.):

- *социальное*, которое отражает позиции субъекта в социальном пространстве и согласовывает ролевые ожидания;
- *рефлексивное*, касающееся «самообоснований», представлений о целостности жизни и связанности различных аспектов и фрагментов биографии;
- *темпоральное*, связывающее события, опыт и смыслы с временным изменением.

Три измерения в совокупности позволяют понять и логику выстраивания нарративной идентичности, и событийное содержание биографического повествования, и обоснование значимости отобранных для рассказа событий.

Социальное измерение биографического нарратива включает как ключевые события, которые информант отбирает в качестве важных составляющих истории жизни, так и значимые другие, во взаимодействии с которыми идентичность осознается, выстраивается, оформляется.

Рефлексивное измерение отсылает к обоснованию значимости описываемых событий: почему именно эти события важны для ин-

форманта, какие оценки даются событиям, каким образом обосновывается их ценность. Как показывают предыдущие исследования, сибирская региональная идентичность представляет собой вариант преимущественно позитивной идентификации, основанной как на собственных достижениях, так и на оценке исторических событий и личностных качеств сибиряков. Анализ рефлексивного измерения нарративной идентичности также позволяет выявить моральные основания, на которых выстраивается сибирская идентичность.

Темпоральная организация нарратива, с одной стороны, увязывает события и логику их выстраивания при помощи определенной хронологической последовательности; с другой стороны, анализ темпоральных аспектов повествования позволяет выявить способы и основания периодизации различных версий сибирских биографий.

Информационная база исследования. С учетом опыта проведенных исследований (Анисимова, Ечевская 2014) можно говорить о значимости семейной истории (часто истории переселения предков информанта в Сибирь) и личной биографии для формирования идентичности сибиряка. В данной работе анализ сибирской идентичности осуществляется на основе выявления в структуре нарративов конструкторов самоописания, объясняющих формирование сибирской идентичности в биографической перспективе.

Сибирская идентичность во многом определяется продолжительностью проживания на данной территории, историей семьи и ее перемещений, а также степенью и характером включенности индивида в процессы, происходящие на данной территории. Отбор информантов осуществлялся с учетом таких различий. Соответственно, ключевыми критериями для отбора информантов являлись:

- город рождения и проживания информанта, миграционная биография информанта;
- профессиональная деятельность (траектория) информанта, отражающая характер включенности в социально-экономические процессы на территории;
- этническая принадлежность (с учетом региональной специфики этнической ситуации);
- семейные истории (сколько поколений назад переехали в Сибирь предки респондента, каков был их род деятельности, особенно места проживания и т.д.).

Всего было проведено 60 лейтмотивных интервью в трех городах (Омск, Новосибирск, Иркутск) в 2011–2012 гг.

Для задач данного текста были отобраны три интервью с женщинами близкого возраста (60–70 лет), родившимися в Сибири и проживающими в разных сибирских городах (Омск, Новосибирск, Иркутск). Выбор информантов старшего поколения важен для нас методологически: эти люди, уже будучи взрослыми, пережили смену общественного строя, разрушение привычного и понятного мира и столкнулись с необходимостью приспосабливаться к новым условиям. Такой разрыв способствует и рефлексии о себе и окружающем мире, и личностным изменениям: люди осмысливают изменяющиеся обстоятельства и меняются вместе с ними, что потенциально дает богатый нарративный материал для анализа.

Далее представлен детальный анализ трех историй жизни с применением описанной методологии по трем измерениям: социальному, рефлексивному и темпоральному.

Результаты исследования: три истории. История 1. О былом величии и падении Сибири. Г., 59 лет, Омск. Рассказ начинается с краткого экскурса в историю семьи, обозначающего социальное происхождение информантки, – она сразу называет себя сибирячкой:

«Я местная. Сибирячка, причем в полном смысле. Потому что бабушка моя была из староверов... это поселение – с конца 17 века, и это моя родословная по материнской линии, коренные сибиряки. А по отцовской линии – строительство железной дороги».

Сибиряк – позитивная идентичность, в рассказах о советском прошлом «сибиряк – это звучит гордо». Поскольку Сибирь была значимой частью советского проекта, краем освоения в рамках большой страны, в зоне внимания центральной власти – позитивная идентичность сибиряка основана на особой роли Сибири и сибиряков в истории страны:

«В Белоруссии довольно долго была, и вот там я ходила, нос задрал, что я сибиряк... В советское время «сибиряк» – это волшебное слово. Сибиряки были в партизанах, сибиряки освобождали, так что когда я говорила, что из Сибири, – это открывало все двери».

А в других местах?

«На Юге помню, что о сибиряках хорошее было мнение, вообще о сибиряках хорошее мнение было в стране советской».

Связка позитивной сибирской идентичности и поколенческого компонента проговаривается как принадлежность к общности людей с общими ценностями:

«На помощь у нас соседи друг другу придут. Но, может, это периферийность... пока мы периферия, она в нас обостряет вот это чувство неудовлетворения, и как противовес – сохранение коммунальности... Среди моего поколения это точно есть, причем именно среди моего поколения сибиряков».

Кроме того, сибирская идентичность является непроблематичной частью российской/имперской идентичности (поскольку сибиряки представляют собой территориальную, а не этническую общность) и раскрывается через комбинацию территориальной идентичности, человеческих качеств и социально-экономических условий жизни:

«Сибирь – от Урала и до самых дальних рубежей. Но это территориальная общность, а этнически – пестрый состав. Коммунальное сожительство, без отсылки к этнической принадлежности».

«Мы жили хуже, в общем, у нас более затратная жизнь. И мы всегда были более экономными, расчетливыми. Одно дело у них на юг поехать, другое – у нас, деньги накопить, целая эпопея».

Важной характеристикой социально-экономических условий жизни в Сибири оказывается колониальный формат отношений региона и центра, и именно артикуляция колониального, периферийного положения Сибири в сложившейся системе запускает *рефлексивное измерение рассказа*. Тема вновь возникшего неравенства (в контексте метрополия – колония, центр – периферия) неприятна для самооценки, и сегодняшние обоснования производятся через прошлое, «утраченное величие» и акцентируют чувство острой депривации, несправедливости сегодняшнего положения Сибири, требования признания:

«Я все время подчеркиваю, что мы тут, в Сибири, колонисты... Мы периферия ... меня возмущает феодальность эта, не может быть два города на всю Россию».

...И каково Ваше видение роли Сибири в этой новой России?

«На поклон чтобы шли. Потому что она определяет будущее. Особенно сейчас, когда вся Россия превращена в сырьевую базу, вся сырьевая база – это Сибирь».

Травматичное переживание разрыва (советский – постсоветский периоды) и последовавшего изменения статуса Сибири с ведущего на периферийный подкреплено *темпоральной организацией нарра-*

тива: рассказываемая история делится на «до» и «после», на два отличительных периода, четко не определенных по времени, но резко отличающихся в части величия Сибири и признания ее роли в развитии страны:

«Раньше у нас в институт на элитарный факультет приезжали космонавты, приезжали конструкторы. Теперь нет. У нас в городе... погубило будущее».

То есть в советской империи вы были хоть чем-то...

«Да можно сказать, что мы были и всем. Более того, мы всегда жили лучше, чем вы, чем жили в Свердловске... Мы были первыми. И если где-то что-то открывалось – к нам к первым приезжали. А потом мы эту гонку проиграли».

Таким образом, социальное измерение нарратива выстраивается на событиях прошлого, отражающих величие Сибири и выгодное отличие сибиряков. Настоящее описывается в терминах кризиса и утраты, вследствие которых лидирующее положение Сибири сменилось периферийным, сибиряк из «лучшего среди равных» превратился в жителя колонии, а новой позитивной идентичности не сформировалось. Травматичность настоящего и ненаполненность социального измерения нарратива сегодняшними событиями компенсируется артикуляцией (в рефлексивном измерении) заслуг и величия прошлого.

Что касается темпорального измерения нарратива, информантка не выстраивает временных последовательностей вдоль «привычных социальных ориентиров». Трудовая биография, семейный быт и повседневность, история страны – все это в рассказе о настоящем практически отсутствует. Темпоральное измерение истории вырастает из рефлексивного: драматичность разрыва с прошлым артикулируется в терминах утраты Сибирью былого величия и признания и подчеркивается через выделение двух контрастных временных периодов: героического прошлого и трагического настоящего.

История 2. Рабочая биография: «Мы строили Академгородок». Н., 70 лет, Новосибирский Академгородок. В центре рассказа этой информантки находится ее трудовая биография. История жизни строится вокруг нее и по стилю напоминает ответы на вопросы анкеты по трудоустройству: родилась, училась, устроилась, поехала, уволилась, перевелась. Семья, дети, родители в рассказе упоминаются мало. Значительно чаще в рассказе в качестве значимых фигур выступают друзья, коллеги по работе, начальство. Рабочая биогра-

фия и трудовая мобильность описываются в контексте советских проектов освоения Сибири, в частности, таких проектов, как освоение целины и строительство Новосибирского Академгородка.

В соответствии с логикой изложения истории жизни как трудовой биографии в качестве основных категорий самоидентификации выступают понятия «труженик», «рабочий», «человек труда». Кроме этого, для самоидентификации используется категория «советский интернационалист»:

«Мы вообще тогда не разделяли национальности, республики, регионы, мы все были жители одной большой страны».

Сибирь в рассказе возникает как край рождения, данный изначально: *«Это наш край, мы другого и не знали»*. Себя информантка считает сибирячкой по рождению и по характеру. Высказывает мнение о том, что Сибирь закаляет, формирует характер, который отличается от характера жителей других регионов. При этом «характер», качества сибиряков информантка описывает в терминах труда:

«Мы (сибиряки) привыкли много, тяжело работать, на юге люди так не работают».

Трудолюбие сибиряков преподносится в рассказе как их позитивное отличие от жителей других регионов. Отмечается, что это качество пригодилось и в рамках советского проекта освоения Сибири (в данном случае строительства Академгородка).

Характерно, что и описание сибирского характера в данном нарративе дается через понятия труда, трудолюбия, что соответствует общей логике его построения как трудовой биографии.

Трудовая этика, представленная в нарративе такими понятиями, как достойный труд, гордость рабочего человека, признание (или непризнание) трудового вклада, вознаграждение за труд, присутствует и в рефлексивном измерении нарратива.

В плане самообоснований акцент делается на ощущении себя нужным человеком, получавшим достойное вознаграждение за свой труд. Эти самообоснования относятся преимущественно к советскому периоду трудовой жизни, ощущение собственной нужности и значимости усиливается благодаря восприятию характера отношений на рабочем месте в тот период как эгалитарных, коллективным характером труда. Подчеркивается отсутствие (по крайней мере, в субъективном восприятии информантки) статусных и классовых различий, наличие неформальных отношений в трудовом коллективе:

«Мы делали одно большое важное дело все вместе – и доктор наук, и лаборант – не было никаких различий».

«Бывало, у меня ребенок болеет, я звоню своему шефу (академику Ш.), опять вот у меня заболел, так он – счетную машинку на плечо и ко мне домой».

В перестроечный и постсоветский период эти характеристики трудовой деятельности размываются, при этом изменение социально-экономического строя в стране совпадает с наступлением пенсионного периода в личной биографии. Поскольку собственная востребованность и возможность влиять на жизнь общества связываются исключительно с работой, ощущение собственной нужности утрачивается: *«Сейчас мы пенсионеры, и от нас уже ничего не зависит».*

Как и в первом нарративе, наблюдается рефлексивный разрыв в жизне- и самоописании «до» и «после» перестройки, есть схожий переход от гордости за причастность к советским проектам освоения Сибири как части большой страны и ощущения собственной нужности к депривации жителя полуколонии, сырьевого придатка: сегодня «заброшены» и люди, и проекты: *«Сегодня городок заброшен и не нужен властям», «Сибирь грабят».*

Однако, в отличие от первой истории, этот разрыв частично преодолевается с помощью ретроспективной оценки личной и трудовой биографии:

«Мы честно работали, мы хорошо, честно прожили жизнь».

Рефлексивный разрыв находит отражение и в темпоральном измерении нарратива, однако, в отличие от первой истории, периодизация включает в себя не только два ключевых периода – «до» и «после», – но и этапы личной и трудовой биографии, а также более детальную периодизацию в социально-политической сфере: история соотносится со сменой политических режимов и событиями в стране, такими как хрущевская оттепель, брежневский застой, ввод войск в Афганистан, перестройка.

Наполненность социального измерения нарратива событиями в приватной сфере, такими как участие в жизни детей, воспитание внуков, сглаживает рефлексивный разрыв между «до» и «после» и ощущение депривации в сфере публичной.

История 3. «История моего рода». Х., 58 лет. Иркутск. В центре рассказа – история рода, большой многонациональной семьи, переселения предков информантки в Сибирь. Нарратив также содержит описание организации повседневности, быта разных семей большого

клана в различные периоды истории нашей страны. Именно посредством описания событий семейной истории информантка репрезентирует и себя, и исторические события и периоды жизни страны. События, отобранные для рассказа о себе, по сути, рассказывают о тех или иных членах большого родственного клана: *«После школы я поехала в Питер, потому что там была мамина сестра»* (и далее следует большой рассказ о сестре и ее семье).

Темпоральное измерение нарратива строится вокруг смены поколений расширенной семьи, периодизации жизни родительской семьи и семей других членов родственного клана. К тому же, в отличие от двух предыдущих историй, большое внимание уделяется периоду детства.

Таким образом, базовым для информантки является самоопределение через семью. Она считает себя частью клана сибирских переселенцев и именно отсюда берет начало ее сибирская идентичность, которая включает в себя и самоощущение, и личные качества.

Поскольку в нарративе Сибирь представлена, прежде всего, как край переселенцев, как плавильный котел народов, то в плане личных качеств сибиряк – это, прежде всего, толерантный мультикультуралист. Это качество информантка приписывает и себе.

«Быть сибирячкой для меня – это значит быть причастной к чему-то глобальному, позитивному. И здесь не было шовинизма никогда».

«Надо понимать, что Сибирь – это конгломерат народов, попавших сюда вольно или невольно».

«Жили в одной деревне мусульмане, русские, буряты, были школы на разных языках и медресе, дети учили разные языки, включая арабскую вязь, жили дружно. Все праздники отмечали вместе всем селом, Пасху все, включая мусульман».

Идея мультикультурности как ключевого качества Сибири и сибиряков в данном нарративе является своеобразным мостиком между прошлым Сибири (включая досоветский и советский периоды), ее настоящим и будущим. Наряду с преобладанием самоидентификации через семью это дает информантке возможность не испытывать кризиса самоопределения, связанного с общественными трансформациями, который мы наблюдаем в двух предыдущих историях. В ее случае смыслообразующие основы идентичности не затронуты общественными переменами, которые у двух предыдущих информантов ассоциируются, прежде всего, «с гибелью империи» и утратой

тех основ самопонимания, которые им давала принадлежность к империи в том или ином качестве (я сибирячка, а Сибирь – важная часть великой страны; я русская и горжусь этим, потому что Россия, Русь – это ядро империи).

Сегодняшняя сибирская идентичность героини третьей истории строится как мультикультурная, что уводит ее от травмы «гибели империи».

Можно предположить, что именно поэтому в ее случае нет кризиса идентичности, связанного с переходом от советской эпохи к постсоветской, хотя есть критичное, но при этом конструктивное отношение к сегодняшней социально-экономической ситуации в Сибири и в России в целом. Она – единственная из трех информанток – видит не только проблемы, но также и пути их решения. Мультикультурализм как основа сибирской идентичности присутствует в нарративе не только на индивидуальном уровне, но и на социальном, рассматривается как основа построения новой постсоветской Сибири и как база для политического активизма.

Заключение. Результаты проведенного анализа позволяют говорить о том, что в случае кризиса идентичности, вызванного внешними обстоятельствами, тяжесть кризиса и способность к его преодолению зависят от того, насколько сильно внешние трансформации задевают смыслообразующие основы идентичности. В случае сибирской идентичности людей старшего поколения в наиболее трудной ситуации оказываются те, ядро идентичности которых было связано с советской империей и Сибирью как ее значимой частью. Если же ядром сибирской идентичности является мультикультурность, то закат империи не задевает ее основ, поскольку сибирское общество после кризиса становится только более этнически многообразным. Также более устойчивыми к внешним общественным трансформациям оказываются те, чья идентичность основывается на базовых ценностях, таких как труд и семья.

Источники и литература

1. Анисимова А.А., Ечевская О.Г. Социологический анализ биографических нарративов как способ изучения механизмов формирования сибирской региональной идентичности // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 2. С. 44–55.
2. Рикёр П. Я – сам как другой. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2008. 416 с.

3. Рождественская Е.Ю. Нарративная идентичность в автобиографическом интервью // Социология: 4М. 2010. № 30. С. 5–26.

4. Ярская-Смирнова Е.Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 38–61.

Anisimova Alla A.

Far Eastern Federal University

alla.anisimova@inbox.ru

Echevskaya Olga G.

Novosibirsk State University

echevskaya@gmail.com

Siberian regional identity in the narratives of the last generation of Soviet adults

The article focuses on the study of Siberian regional identity in the framework of narrative analysis based on the interviews with the women of the last generation of Soviet adults. We apply the methodology which explores the formation of Siberian regional identity in the biographical perspective based on the exploration of self-descriptive concepts and their complex analysis along the three dimensions: social, reflexive and temporal. The interrelations of the three dimensions allow understanding the logic of narrative identity construction, the eventful composition of the biographical narrative, and the principles of justification explaining the importance of the narrated events.

The detailed analysis of three biographical narratives demonstrates the capacities of methodological approach. Three interviews with women of elder generation born in Siberia and inhabited in three Siberian cities were selected for the analysis. The selection of the elder generation informants is methodologically significant, for these people had to overcome the destruction of their habitual lifeworld caused by societal transformations and adapt to new conditions of life. Such crisis fosters the process of reflexivity regarding the self and the surrounding world, as well as personality transformation, and provides rich data for the analysis of narrative identity.

The results of the analysis suggest that in the case of identity crises caused by external circumstances, the severity of the crisis and the ability to handle its consequences depends on the extent to which the transformations affect the core of identity. Those of the elder generation whose identity was rooted in the Soviet empire (and Siberia as its key part) are facing the hardest challenge. Those who have multiculturalism at the core of Siberian identity handle the transformation better because the core of their identity is not damaged: Siberia after the crisis becomes even more multicultural than it used to be under socialism. Those whose identity is based on fundamental values, such as work and family, also handle the consequences of the crisis easier.

Keywords: biography, narrative identity, regional identity, Siberian identity, Siberia.

References

1. Anisimova A.A., Echevskaya O.G. Sotsiologicheskii analiz biograficheskikh narrativev kak sposob izucheniia mekhanizmov formirovaniia sibirskoi regional'noi identichnosti [Sociological analysis of biographical narratives as a way of study the mechanisms of formation of the Siberian regional identity], *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2014, no. 2, pp. 44–55.

2. Riker P. *Ia – sam kak drugoi* [I am myself like “the Other”]. Moscow: Izd-vo gumanitarnoi literatury, 2008. 416 p.

3. Rozhdestvenskaia E.Iu. Narrativnaia identichnost' v avtobiograficheskom interv'iu [Narrative identity in the autobiographical interview], *Sotsiologiia*: 4M, 2010, no. 30, pp. 5–26.

4. Iarskaia-Smirnova E.R. Narrativnyi analiz v sotsiologii [Narrative analysis in the sociology], *Sotsiologicheskii zhurnal*, 1997, no. 3, pp. 38–61.

СЕКЦИЯ 3

ПРИНИМАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО И МИГРАНТЫ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМНОЙ АДАПТАЦИИ

УДК 94(470) «19/...»:572
DOI 10.172239785751123666/15

Л.А. Кутилова

ПРОБЛЕМА РАЗРУШЕНИЯ/СОХРАНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ГРАНИЦЫ В ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ В СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – XX В. (НА ПРИМЕРЕ УКРАИНСКОГО СООБЩЕСТВА): ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКТЫ, ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ

На основе анализа процессов ассимиляции в среде переселенцев-украинцев в Сибири в конце XIX – XX в. выявлены и в систематизированном виде рассмотрены факторы этнической трансформации. Представление о дуализме идентичностей в украинской среде и о необходимости включения в состав переселенческого украинского сообщества разных групп принудительных мигрантов стало основанием для рассмотрения влияния этих факторов в группах условно западных и восточных украинцев. Процесс ассимиляции представлен не линейно, а с формированием, например, надэтнических связей или факкультативной этничности. В результате сопоставления сделаны и проиллюстрированы на конкретном материале выводы о том, что основные маркеры этничности (язык, религия и др.) формируют диффузность этнической границы для восточных украинцев и в то же время консолидируют группу западных украинцев, а также о разной степени этнической толерантности в этих группах.

Ключевые слова: украинцы в Сибири, миграции, принудительные мигранты, этническая граница, этническая консолидация, ассимиляция.

Введение. Речь пойдет о факторах сохранения или размывания этничности в переселенческой украинской среде в Сибири в конце XIX – XX в. Современные исследователи колонизации Сибири в XIX–XX вв. сходятся на том, что в стратегической перспективе политика власти ориентировалась на постепенную хозяйственно-культурную ассимиляцию разных этносов в Сибири, восприятие русской культуры и языка выступало в качестве императива россий-

ской государственности. М.В. Шиловский подтверждает, что «одним из последствий колонизации стала русификация самих переселенцев (украинцев, немцев, чувашей, белорусов, мордвы и др.) с утверждением общерусской идентичности» (Шиловский 2005: 36). А.В. Ремнев, анализируя имперскую политику в Сибири, не только соглашался с тем, что она имела целью «географии придать русскую физиономию» (Н.И. Надеждин), но продвижение за Урал рассматривал как целенаправленный процесс «конструирования империи» «однородным единоверным населением» (Ремнев 2005: 8). А.В. Ремнев отмечал, что «украинцы и белорусы, хотя и сохраняли довольно долго свой язык, черты бытовой культуры в условиях Сибири», будучи расселены среди по большей части русских переселенцев и старожилов, оказались более «восприимчивы к культурным заимствованиям и проявляли более высокий уровень этнической и конфессиональной толерантности, демонстрировали большую, чем на исторической родине, приверженность идее общерусской идентичности» (Ремнев 2005: 13).

Некоторые из факторов сохранения/размывания этничности в украинской переселенческой среде уже рассматривались историками (Карих 2009; Коровушкин 2006; Новоселова 2004; Украинцы в Сибири... 2004), но в целом они не систематизированы, посвящены изучению отдельных вопросов адаптации и последующей ассимиляции. В них нет попыток не только сопоставить, но и включить в украинский миграционный поток принудительных мигрантов, например спецпоселенцев 1940–1950-х гг., которые дают совсем иную, чем привычная, картину украинского мира и отношения к этничности.

Обсуждение. Тезис о том, что политика российской власти в Сибири ставила задачу утверждения общерусской идентичности, не вызывает споров в исследовательском сообществе. Однако этот процесс конструирования окраин империи однородным населением требует безусловной конкретизации. Целью настоящей работы стали как систематизация и анализ факторов этнической толерантности, которые не стали препятствием или даже способствовали смене идентичности в украинской переселенческой среде, так и анализ феноменов, консолидирующих этническую группу.

Первое. Языковая близость была важнейшим фактором взаимодействия между русскими старожилами и украинскими переселенцами в Сибири, ускоряя процесс ассимиляции. Однако необходимо отметить некоторые нюансы. В статистике национальностей важ-

нейшими остаются данные переписи населения 1897 г. Но, используя их, мы не имеем возможности точно определить язык и национальность тех, кто назван выходцами из южных или юго-западных губерний. Согласно этим данным, не во всех губерниях выхода – Полтавская, Черниговская, Киевская, Херсонская (отсюда, по данным исследователей (Липин 1998: 84), поток украинских переселенцев был особенно велик) – украинцы безоговорочно преобладали. Данные по Херсонской губернии, например, свидетельствуют, что русских и украинцев было практически поровну.

Часть переселенцев говорила не на украинском, а на смеси украинско-русского языков, особом южно-русском наречии. Такой язык был распространен также в смешанном украинно-русском пограничье (Чижикова 1988). Отсюда поток украинских переселенцев также был значителен. Так, крестьяне, заселившие Томский и Мариинский округа Томской губернии, были выходцами из пяти уездов Курской губернии – Грайворонского, Корочанского, Обоянского, Суджанского и Белгородского. Многие деревни в Сибири с названием Курск или Курское были украинскими по этническому составу. Так, по документам Минусинского окружкома ВКП(б) 1928 г., деревни Курское в Абаканском и Курагинском районах являются преимущественно украинскими (Межэтнические связи... 2007: 161). Переселенцы-куряне указывали на свое отличие от великороссов, что явствует из результатов подворных обследований, проведенных А. Кауфманом еще в конце XIX в. Нередко в качестве этнонима употреблялось название «хохлы». «Мы их за хохлов считаем», т.е. за своих, говорили информаторы, отвечая на вопросы анкеты и объясняя причину мирных отношений с выходцами из Курской губернии (Кауфман 1895: 294). Е.В. Леонтьев, изучая украинское население Минусинского округа, отмечал, что в старожильческом восприятии украинцы и русские из юго-западных губерний России не различались, а представляли одну общность под названием «хохлы» (Леонтьев 2010: 98). Считающееся оскорбительным прозвище «хохлы» (Бабенко 2013: 193) некоторыми группами украинских переселенцев использовалось в качестве самоназвания. Однако исследователи указывали на неоднозначность этого термина. А.А. Новоселова отмечает, что он использовался как для наименования разных групп переселенцев, в том числе белорусов, старожилами, так и для самоназвания потомками переселенцев; употреблялся также в качестве факультативного самоназвания наряду с самоназванием русские при воспоминаниях

об этнической родине (Новоселова 2003, 2004). Представляется, что самоназвание «хохол» вполне может выступать свидетельством переходного (факультативного) характера идентичности в украинской переселенческой среде, маркером подвижности, диффузности этнической границы. Соотнесение себя с названием «хохол» иногда становилось следствием языковой идентичности, когда переселенцы подчеркивали отличие своего разговорного языка и от русского, и от украинского, его диалектность. Факультативность феномена подтверждается часто встречающейся формулой, которой раскрывают информаторы свои самоощущения по поводу идентичности: «По паспорту я русским... в душе хохлом остаюсь» (Прохорова 2013). Рассмотренные обстоятельства подтверждают незавершенность процесса формирования идентичности на украинском пространстве в конце XIX – начале XX в. По словам А. Миллера, «вплоть до Первой мировой войны разговор о национальной идентичности имеет смысл лишь применительно к элитным группам и части городского населения» на Украине (Миллер 2007), в нашем случае речь идет исключительно о переселенцах из крестьянской среды. Поскольку этническая граница в рассматриваемый период в местах выхода продолжает формироваться и зачастую носит плавающий характер, это обстоятельство, безусловно, находит свое отражение в процессах ассимиляции в среде переселенцев из украинских губерний в Сибири. Помним при этом, что в самой Украине дуализм стратегий идентификации связан как раз с ориентацией на общерусское или украинское (Миллер 2007).

Отмечая языковую близость в качестве фактора этнической толерантности, напомним, что процесс утраты родного языка не был прямолинейным. На начальном этапе адаптации характерно было формирование билингвизма. Потомки переселенцев отмечали, что в Сибири «с земляками общались на украинском, с местными – на русском» (Гончарова 2010: 75). В то же время понятно, что это обстоятельство не меняло характера процесса этнотрансформации, а лишь замедляло его.

Объявленная властью в 1920-е гг. украинизация не встретила особенного отклика среди украинцев в Сибири. Документы архивов рассказывают о нежелании открывать школы на родном языке, хотя «советская власть не ограничивает права нацменьшинств» (ГАКК 1926: 29). Показательна «Выписка из протокола общего собрания граждан села Ольгина Уярского района Красноярского округа»

1926 г. В селе, где треть населения украинцы, власть спрашивает их согласия на открытие школы на родном языке, чтобы «дать полную возможность росту украинской нации». Постановление говорит о нежелании отделяться от русских и открывать школу на родном языке (там же). Нежелание открывать собственную школу было связано и с объективными обстоятельствами: отсутствием украиноязычных учителей, нехваткой учебников, недостатком помещений для школы и для проживания учителя. Обучение в такой школе сужало перспективы для последующего жизнеустройства в русскоязычной в целом Сибири.

В итоге по переписи 1926 г. часть украинцев уже назвала русский язык родным. «Что касается украинцев, белорусов и литовцев, то они уже в большинстве обрусели, и среди них вся работа ведется на русском языке по их личному желанию. По своему общему развитию, а также во всем остальном находятся наравне с русскими» – свидетельствует «Доклад о положении национальных меньшинств в Енисейской губернии» (ГАКК 1924: 136). Среди других причин обрусения украинцев архивные документы 1920-х гг. называют непонимание «нацполитики работниками некоторых уездных и районных учреждений» (ГАКК 1924: 136). Поскольку для реализации политики украинизации не хватало квалифицированных кадров, помещений и учебников, ответственные за подачу статистических сведений в Губнац снижали численность украинского населения. Им проще было сказать, что сами меньшинства не хотят учреждать школу на родном языке. Так, информатор Минусинского окружкома ВКП(б) сообщал в 1928 г., что при сборе сведений по национальным меньшинствам районные исполкомы «часто считают украинцев... за русских... В Курагинском районе РИК... по д. Курской показал одного нацмена, тогда как там большинство украинцы» (Межэтнические связи... 2007: 161).

Украинцы-спецпоселенцы 1940–50-х гг. из западных областей Украины демонстрировали иную картину отношения к языку и традициям. Е.Л. Зберовская отмечает, что при отсутствии сферы функционирования языка, репрессивных усилиях власти в отношении «неблагонадежных» главную роль в сохранении языка стала играть семья: «Носителем этнокультурных ценностей, как правило, выступало старшее поколение» (Зберовская 2014: 253). Приспосабливаясь к суровым сибирским условиям, депортированные западные украинцы сохраняли свой язык и культуру (Зберовская 2014: 254).

Второе. Отсутствие большой культурной дистанции между украинцами и русскими, схожесть культурных традиций, соционормативной культуры способствовали ассимиляции.

Третье. Ускоренное размывание этнической границы связано было с многовековыми тесными контактами в повседневной жизни украинцев и русских в местах выхода, вследствие чего не возникало предубеждений в общении на новом месте.

Четвертое. Проживание по соседству в местах выхода, близость природно-географической среды, механизмы адаптации к которой были одинаковы, также становились факторами быстрой ассимиляции. Адаптация к условиям Сибири практически всех переселенцев заставляла ориентироваться на опыт русских старожилов. Сознательно во всем следуя сибирякам, украинцы отмечали: «Вся справа у нас, как у сибиряков» (Кауфман 1895: 277). Речь в данном случае идет о приобретении не русской, а сибирской хозяйственной традиции и о формировании «сибирскости». При переезде в другие регионы украинцы вполне могли рассчитывать на собственный земледельческий опыт и с успехом его применяли. Так, при переезде на Южный Урал «украинцы принесли в регион высокую культуру земледелия...Выходцы из разных историко-этнографических районов Украины, крестьяне были носителями разного агротехнического опыта со своими локальными особенностями, но в целом традиционный хозяйственно-культурный тип украинцев не изменился» (Черниенко 2013: 138). Однако в Сибири ситуация была иной. Даже на Алтае или в Минусинской котловине, самых благоприятных районах Сибири, ярко выраженный континентальный климат, «весенние возвраты холодов, неожиданные перепады температур, засухи...дожди в период сбора урожая» (Пожарская 2008: 217) усугубляли трудности хозяйственной адаптации, что «ориентировало на активное заимствование хозяйственного опыта старожилов» (Пожарская 2008: 218). Таким образом, исключая немногие благоприятные для занятий земледелием районы Сибири, ее природно-климатические условия настолько отличались от южно-российских, что заставляли перенимать хозяйственный опыт сибиряков-старожилов. Это позволяет говорить о феномене «сибирскости» как о связях, сформированных поверх этнической группы. О такой «новой общности» писал, например, А. Ремнев (Ремнев 2005: 16): «Оно могло стать максимально широким, включив всех жителей Сибири». Он подчеркивал переходный характер процесса: «“Осибирячивание”

разных народов объективно открывало путь к более мягкому вхождению в “русскость”, не сопряженному с резкой утратой самобытности» (Ремнев 2011: 119).

Е. Карих отмечает сплочение переселенцев и старожилов перед необходимостью освоения ландшафта как главного фактора жизнеобеспечения. С другой стороны, она отмечает отличия хозяйственных практик: «Русский крестьянин, существовавший в условиях рискованного земледелия, никогда не ограничивал себя одним занятием. Вот эти занятия у переселенцев и старожилов были разными. Русское старожильческое население по преимуществу было промысловым...» (Карих 2009: 70–71). Стесненные обстоятельства переселенцев заставляли их активно осваивать рыболовство, охоту, практиковать сбор ягод, грибов, орехов, ремесло и отходничество, развивая, таким образом, комплексное хозяйство. Переселенцы-украинцы стремились расширить посевы гречихи, подсолнуха, проса, разводить фруктовые сады (по большей части неудачно). Стремление выращивать кукурузу и фасоль тоже было тщетным: все гибло из-за поздних заморозков (Кауфман 1895: 277).

Итак, природно-климатические условия, заимствование типа хозяйствования стали сплачивающим фактором, формируя локальную идентичность, наднациональный вариант идентичности – сибиряки. Для украинцев формирование такой границы носило временный характер, но позволяло менее болезненно пережить процесс этнотрансформации. Изменение характера взаимодействия со средой и формирование «сибирскости» способствовали размыванию сельскохозяйственной календарной обрядности – украинские черты она постепенно утрачивала. О. Рындина подчеркивает, что украинская хозяйственная культура «приобретала сибирский облик» (Рындина 2010). Не все исследователи соглашались с таким выводом. Д.Г. Коровушкин утверждает, что «традиционные формы хозяйства, присущие материнскому этносу в местах выхода, были практически без изменений перенесены в Сибирь», но его позиция довольно противоречива, поскольку одновременно он отмечает стремительный характер адаптации: «Хозяйство переселенцев претерпело значительные изменения, весьма активно адаптируясь к изменившимся условиям» (Коровушкин 2006: 129).

Пятое. Фактор компактного проживания увеличивал период сохранения культурно-языковой среды, дисперсность проживания,

напротив, способствовала более быстрому растворению в принимающем сообществе.

Шестое. Религиозное единство играло важную роль в нивелировании этнокультурных различий и стабилизации этнической ситуации в Сибири. Это обстоятельство изучено явно недостаточно. Утверждение о том, что в иерархии маркеров идентичности конфессиональный уступает другим (язык, культура), явно требует уточнения, особенно по отношению к украинцам. Православная вера как показатель «русскости» играла важную роль в создании условий для трансформации украинской идентичности в среде переселенцев в Сибирь. Если рассматривать Сибирь как «плавильный котел» для переселенцев, в том числе украинцев (Сибирский плавильный котел... 2004), то православная вера в нем стала катализатором формирования общерусской идентичности. Однако в сообществах репрессированных западных украинцев внутриэтническая сплоченность, напротив, цементировалась их религиозной принадлежностью к греко-католической церкви. Греко-католическая вера стала главным маркером этнического самосознания и стимулом защиты этнической границы, причем защищали ее особенно рьяно. Исполнение религиозных обрядов, например обрядов перехода (крестины, венчание, похороны), способствовало консолидации группы и приобретало особый смысл. Большую роль играли священники как символы, персонифицирующие украинскую этничность. В этом смысле иная, чем православие, религия выполняла консолидирующую роль. Е. Зберовская отмечает: «В 1950-х гг. для переселенцев из Западной Украины исполнение религиозных обрядов (несмотря на запреты властей) воспринималось как способ национальной консолидации» (Зберовская 2014: 253). В отчетах партийных руководителей сообщалось, что «отправление украинцами обрядов принимает форму массовых национальных действий» (Докладная записка... 1955).

Седьмое. Невысокий культурно-образовательный уровень переселенцев конца XIX – начала XX в., отсутствие этнической интеллигенции, вообще образованных на родном языке людей, способствовали размыванию этнической границы. И, напротив, более высокий образовательный уровень спецпереселенцев 1940–1950-х гг. (среди репрессированных участников украинских националистических организаций довольно много было студентов и офицеров разных украинских армий) консолидировал группу.

Восьмое. Модернизация, индустриализация, урбанизация и формирование городской среды с ее усредненным городским стилем жизни, увеличение числа смешанных браков в городской среде – все это нивелировало этнические отличия. Мероприятия в рамках коллективизации, в последующем курс на укрупнение колхозов также привели к нарушению замкнутости этнически однородных украинских сел и постепенному стиранию границы с русским окружением.

Девятое. Анализируя процесс адаптации украинцев в Сибири, нужно помнить о дуализме идентичности в украинском обществе и о том, что наиболее массовые миграции из украинских губерний происходили из той среды, где еще не завершился процесс формирования украинской национальной идентичности, что повлияло на довольно быстрое протекание процессов этнической трансформации. Как уже отмечалось, даже попытки украинизации в 1920-е гг. не встретили энтузиазма в украинских переселенческих селах. Дуализм идентичностей на Украине, о котором пишет, например, А. Миллер (Миллер 2007), разделение на условно западных и восточных украинцев, безусловно, сказались на различии в поведении групп переселенцев конца XIX – начала XX в. и переселенцев 1930–1950-х гг. Причем во втором потоке речь идет и о так называемой кулацкой ссылке, и о принудительном переселении репрессированных, осевших в Сибири в качестве ссыльнопоселенцев, и о заключенных разных подразделений ГУЛАГа.

Протекание этнических процессов в этих последних группах украинцев – принудительных мигрантов – исследовано недостаточно. Так, ссылка по Указу 21.02.1948 г. «О направлении особо опасных государственных преступников на отбытие наказания в ссылку на поселение в отдаленные места СССР» привела к значительному увеличению украинского компонента в составе населения Приенисейского края. Частично ссыльные из этапов, выгруженных в Красноярске, остались на местных лесозаводах. Других отправили из Красноярска или на юг, в предгорья Саян, или вниз по Енисею, в г. Енисейск и в «Ярцевский субрегион», который располагался по Енисею и его притокам вблизи села Ярцево. Это традиционное место ссылки называли Туруханским краем, причем население здесь настолько увеличилось за счет ссыльных, что власти вынуждены были образовывать новый Ярцевский район. Многих оставляли в ссылке рядом с лагерем после освобождения из Норильлага, «соответственно, в Норильске, Дудинке, Курейке, Подтёсово... Часть "освобождённых"

узников Норильлага и Горлага отправляли в ссылку, как тогда говорили, "в тундру": по таймырским посёлкам или в геологоразведочные партии» (Бергер).

Десятое. Среди других факторов, удерживающих границу в группах депортированных западных украинцев, отмечу иной исторический опыт на протяжении веков. Их динамичная национальная жизнь в Австро-Венгрии, а затем в Польше, «навыки национальной мобилизации» (Миллер 2007), которые усиливало униатское духовенство, фактор принудительного водворения в Сибири, репрессивный характер переселений, более высокий уровень образования, отрицательное отношение к советской власти играли консолидирующую роль. Особенно спланивала антисоветскость. Именно украинцы были в числе инициаторов восстания 1953 г. в Норильлаге, которое может рассматриваться как один из примеров национальной мобилизации. Вообще в истории Норильлага и других подразделений Краслага велика была роль украинских групп. По подсчетам бывшего узника Норильлага Б.А. Шамаева, в 3-м каторжном отделении Горлага почти 90% заключенных были украинцами, по свидетельствам самих участников восстания 1953 г. в Норильлаге, в 6-м женском отделении Горлага украинки составляли 70% (Макарова а). А.Б. Макарова отмечала, что в восстании большую роль сыграли западные украинцы, которые никогда не жили при советской власти. Проанализировав большой массив источников, она подчеркивала, что у сопротивления в Норильлаге были явные украинские национальные корни: «Советская власть сама выковала себе противника – твердого, уверенного в своих силах, в том, что Украина должна быть независимой» (Макарова б).

В мире их истории западные украинцы были противопоставлены не столько русским (от них они отделены государственной границей), сколько полякам, венграм и немцам. В Российской же империи не было жесткого этнического противопоставления, русские для украинцев – свои. Таким образом, в группах переселенцев из российских губерний в Сибирь этническая граница предстает вполне подвижным феноменом, диффузной, как ее называет А. Миллер. Гораздо более прочной она является для западных украинцев.

Последние замечания и выводы. В некоторых исследованиях последних лет сделан вывод о возрождении украинской культуры в Сибири, о возрождении украинства и даже о продолжении после лет забвения функционирования украинской диаспоры (Гончарова

2008). Эти выводы представляются преувеличенными, а по отношению к перспективам существования украинцев в Сибири слишком радужными. Сегодня украинство в Сибири – это скорее милое сердцу воспоминание о мове, о вышиванках, галушках, ностальгия по прошлому, которая не связана с настоящим, а тем более не проецируется в будущее. Тезис о функционировании украинской культуры в Сибири вызывает большие сомнения. Функционирование украинской этнической культуры в диаспоре – это уникальный социальный феномен, имеющий место в США, Канаде или Австралии.

По твердому убеждению, в Сибири не сложилась украинская диаспора, черты диаспоральности не были сформированы. Быть диаспорой – это большая и ответственная, каждодневная работа по подтверждению своей этничности. Диаспора демонстрирует устойчивое существование, причем довольно изолированно от принимающей среды, устойчивые внутренние связи разного характера, разного рода институты, даже политические, например, отстаивающие интересы группы во власти или перед властью. То, что исследователи по отношению к Сибири называют украинской диаспорой, рассказывая о фольклорных коллективах, об участии украинцев в мероприятиях, организуемых местной властью, в выставочной, презентационной деятельности, не имеет отношения к функционированию этнической культуры и диаспоры. Такая культурная деятельность, обращенная во вне, для этнического сообщества особой роли, тем более регуляторной, не играет. Для некоторых – это просто работа в культурно-национальных центрах, для тех, кто участвует по зову сердца, – это скорее ностальгия по утраченному, идентичность, обращенная в прошлое. В то же время нельзя не обратить внимание на существование феномена факультативной этничности. Исследователи отмечают, что в ходе работы с информаторами некоторые из украинцев называли себя русскими, но после добавляли, что в душе они украинцы. Существование такого рода феномена требует изучения, но это обстоятельство в конечном итоге лишь замедляет, а не останавливает тенденцию к интеграции, результатом которой становится ассимиляция для большинства украинцев в Сибири.

Источники и литература

1. *Бабенко В.Я.* Быт и культура как фактор сохранения этнической идентичности украинцев Башкортостана // Трансформация этнической идентичности в России и в Украине в постсоветский период. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 150–195.

2. *Биргер В.* Обзор ссыльных потоков и мест ссылки в Красноярском крае и Республике Хакасия [Электронный ресурс]. – URL: www.memorial.krsk.ru (дата обращения: 13.11.2014).

3. ГАКК (Государственный архив Красноярского края). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 812. Планы работы и отчеты о работе подотдела нацменьшинств, отчеты о работе татарской, латышской, эстонской секций, циркуляры по работе среди нацменьшинств. 1924–1925 гг.

4. ГАКК. Ф. Р-1205. Оп.1. Д. 84. Выписки из протоколов заседаний президиумов исполнительных комитетов районных Советов Красноярского округа. 1926–1928 гг.

5. *Гончарова Т.А.* Историческая динамика этнической культуры (на примере украинцев Томской области) // Вестник ТГПУ. 2010. Серия: Гуманитарные науки. С. 76–78.

6. *Гончарова Т.А.* Формирование украинской диаспоры в Томской области в последней четверти XIX – XX в. // Археология и этнография Приобья: Материалы и исследования. Томск, 2008. Вып. 2. С. 14–23.

7. *Докладная записка о ксендах* [Электронный ресурс]. – URL: www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/People/550623.htm (дата обращения: 13.11.2014).

8. *Зберовская Е.Л.* Спецпоселенцы из Западной Украины в Красноярском крае (1945 – начало 1960-х): процесс социокультурной адаптации // Вестник КрасГАУ. 2014. № 5. С. 250–254.

9. *Карих Е.В.* Восточнославянские народы в процессе освоения Сибири // Славянский мир Сибири: новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 51–106.

10. *Кауфман А.А.* Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии. СПб., 1895. Т. 1.

11. *Коровушкин Д.Г.* Очерки этнокультурной адаптации поздних переселенцев в Западной Сибири. Новосибирск, 2006.

12. *Коровушкин Д.Г.* Адаптация хозяйства и материальной культуры украинских переселенцев конца XIX – начала XX в. к природно-климатическим условиям Западной Сибири // Вестник НГУ. 2006. Т. 5, вып. 3. С. 124–130.

13. *Леонтьев Е.В.* К истории формирования украинского населения на юге Приенисейского края в XIX веке // Мартъяновские краеведческие чтения. Минусинск: Минусинский региональный краеведческий музей, 2010. Вып. VI. С. 98–101.

14. *Липин А.М.* Проблемы украинских переселений в Западную Сибирь в современной отечественной историографии // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 81–87.

15. *Макарова А.Б.* Эти имена достойны памяти потомков. [Электронный ресурс]. – URL: www.memorial.krsk.ru (дата обращения: 13.11.2014).

16. *Макарова А.Б.* Норильское восстание. Май-август 1953 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.memorial.krsk.ru/memuar/Kasabova/07/Makarova.htm> (дата обращения: 13.11.2014).

17. *Межэтнические связи Приенисейского региона.* Красноярск, 2007. Ч. 1–2.

18. *Миллер А.* Дуализм идентичностей на Украине // Отечественные записки. 2007. № 1 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.strana-oz.ru/2007/1/dualizm-identichnostey-na-ukraine> (дата обращения: 13.11.2014).

19. *Новоселова А.А.* Сибирские «хохлы»: к вопросу об этнической принадлежности // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2003. Вып. 5. С. 27–28.

20. *Новоселова А.А.* Украинцы в среднем Прииртышье: идентификация и самоидентификация в конце XIX – XX в. (по полевым этнографическим материалам)

[Электронный ресурс]. – URL: <http://ethnography.omskreg.ru/page.php?id=1026> (дата обращения: 12.11.2014).

21. *Пожарская К.А.* Природно-климатический фактор в хозяйственной адаптации столыпинских переселенцев на Алтае // Известия АлтГУ. 2008. № 3–4. С. 215–218.

22. *Прохорова Е.А.* Употребление этнонимов «хохол» и «украинец» в семьях украинского населения Алтайского края // Ломоносовские чтения на Алтае. Барнаул, 2013 [Электронный ресурс]. – URL: <http://sfrik.omskreg.ru/page.php?id=373> (дата обращения: 12.11.2014).

23. *Прядко И.А.* Украинская диаспора в структуре населения Приенисейского края: исторический аспект (XIX–XX вв.) // Традиции экономических, культурных и общественных связей стран Содружества (история и современность): сб. науч. трудов. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. Вып. 3. С. 117–125.

24. *Ремнев А.В.* Славянские народы как колонизационный ресурс имперской политики в Сибири и на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. // Традиции экономических, культурных и общественных связей стран Содружества (история и современность): сб. науч. трудов. Омск: Омский ун-т, 2005. Вып. 3. С. 4–20.

25. *Ремнев А.В.* Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // Политика. 2011. № 3(62). С. 109–128.

26. *Рындина О.* Святочная обрядность украинцев Томского края // Вестник ТГУ. История. 1912. № 4(8). С. 152–159.

27. *Сибирский* плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI–XX века. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004.

28. *Черниченко Д.* Украинцы на Южном Урале: история и современные этнокультурные процессы // Трансформация этнической идентичности в России и в Украине в постсоветский период. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 131–149.

29. *Чижикова Л.Н.* Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры. М.: Наука, 1988. 256 с.

30. *Шиловский М.В.* Этносоциальные процессы в Сибири на рубеже XIX–XX вв. в современной историографии (1991–2004 гг.) // Традиции экономических, культурных и общественных связей стран Содружества (история и современность): сб. науч. трудов. Омск: Омский ун-т, 2005. Вып. 3. С. 30–48.

Kutilovalva Larisa A.

Siberian Federal University

kutilovalva@rambler.ru

The problem of destruction / preservation of ethnic boundaries in the resettlement environment in Siberia at the end of XIX-XX centuries (example of Ukrainian community): theoretical constructs historiographical tradition and experience of research

On the basis of analysis of the processes of assimilation among immigrants, Ukrainians in Siberia at the end of XIX and XX centuries throughout, identified in a systematic form the basic factors of preservation or destruction of Ukrainian ethnic boundaries. The notion of duality of identities in the Ukrainian environment and the need for inclusion in the resettlement Ukrainian community of different groups of forced migrants (deported, special settlers, "OUN" et al.) Was the basis for the consideration of these factors in the groups conventionally western and eastern Ukrainians conditionally. The process of assimilation is presented is not linear, and the formation of, for example, supra-ethnic ties or optional ethnicity. Made and are illustrated by concrete material findings that the main markers of

ethnicity (language, religion, and others.) Form the diffuseness of ethnic borders to eastern Ukrainians and at the same time consolidating a group of western Ukrainians; of varying degrees of ethnic tolerance in these groups; about different ethnic transformation process flow; unfounded allegations about the existence of the Ukrainian diaspora in the modern conditions of Siberia.

Keywords: Ukrainians in Siberia, migration, forced migrants, ethnic boundaries, assimilation.

References

1. Babenko V.Ia. Byt i kul'tura kak faktor sokhraneniia etnicheskoi identichnosti ukraintsev Bashkortostana, *Transformatsiia etnicheskoi identichnosti v Rossii i v Ukraine v postsovetskii period* [Ethnic identity transformation in Russia and in Ukraine during post-Soviet period]. Moscow: IEA RAN, 2013, pp. 150–195.
2. Birger V. *Obzor ssyl'nykh potokov i mest ssylki v Krasnoiarskom krae i respublike Khakasia* [A review of the flows of deportees and the places of exile in Krasnoyarsk region and the republic of Khakasia]. Available at: www.memorial.krsk.ru. (Accessed 13 November 2014).
3. GAKK (*State Archive of Krasnoyarsk region*), 1924–1925, F. P-1, In. 1, C. 812.
4. GAKK, 1926–1928, F. R-1205, In. 1, C. 84.
5. Goncharova T. A. Istoricheskaia dinamika etnicheskoi kul'tury (na primere ukraintsev Tomskoi oblasti) [Historical dynamics of ethnic culture: the Ukrainians of Tomsk region case study], *Vestnik TGPU, 2010, Seriia: Gumanitarnye nauki*, pp. 76–78.
6. Goncharova T.A. Formirovanie ukrainskoi diaspory v Tomskoi oblasti v poslednei chetverti XIX–XX v., *Arkheologiya i etnografiia Priob'ia: Materialy i issledovaniia* [Archaeology and ethnography of the Ob region: Materials and studies], Vol. 2. Tomsk, 2008, pp. 14–23.
7. *Dokladnaia zapiska o ksendzakh* [A report on Roman Catholic priests]. Available at: [www.memorial.krsk.ru /DOKUMENT/People/550623.htm](http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/People/550623.htm). (Accessed 13 November 2014).
8. Zberovskaia E. L. Spetsposelentsy iz Zapadnoi Ukrainy v Krasnoiarskom krae (1945–nachalo 1960-kh): protsess sotsiokul'turnoi adaptatsii [Resettlers in from Western Ukraine in Krasnoyarsk region (1945 – the beginning of 1960s): the process of social-cultural adaptation], *Vestnik KrasGAU*, 2014, no. 5, pp. 250–254.
9. Karikh E.V. Vostochnoslavijskie narody v protsesse osvoeniia Sibiri, *Slavianskii mir Sibiri: novye podkhody v izuchenii protsessov osvoeniia Severnoi Azii* [Slavic world of Siberia: new approaches to the study of Northern Asia exploration]. Tomsk: izd-vo TGU, 2009, pp. 51–106.
10. Kaufman A.A. *Khoziaistvennoe polozhenie pereselentsev, vodvorennykh na kazennykh zemliakh Tomskoi gubernii* [Economic situation of the resettlers moved to public lands of Tomsk province]. Vol. 1. St. Petersburg, 1895.
11. Korovushkin D. G. *Ocherki etnokul'turnoi adaptatsii pozdnykh pereselentsev v Zapadnoi Sibiri* [Essays on ethnic and cultural adaptation of late resettlers in Western Siberia]. Novosibirsk, 2006.
12. Korovushkin D.G. Adaptatsiia khoziaistva i material'noi kul'tury ukrainskikh pereselentsev kontsa nachala k prirodno-klimaticheskimi usloviiam Zapadnoi Sibiri [Adaptation of Ukrainian resettlers' households and material culture to climatic conditions of Western Siberia], *Vestnik NGU*, 2006, Vol. 5, issue 3, pp. 124–130.
13. Leont'ev E.V. *K istorii formirovaniia ukrainskogo naseleniia na iuge Prieniseiskogo kraia v XIX veke* [To the issue of history of Ukrainian inhabitants in the South of

Transnistria in XIX century], *Mart'ianovskie kraevedcheskie chteniia* [Mart'yanov's reading in local lore, history and economy]. Vol. VI. Minusinsk: Minusinskii regional'nyi kraevedcheskii muzei, 2010, pp. 98–101.

14. Lipin A.M. Problemy ukrainskikh pereselenii v Zapadnoi Sibir' v sovremennoi otechestvennoi istoriografii, *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri* [Current issues in the history of Siberia]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1998, pp. 81–87.

15. Makarova A.B. *Eti imena dostoiny pamiati potomkov* [These names deserve to be remembered by offsprings]. Available at: www.memorial.krsk.ru. (Accessed 13 November 2014).

16. Makarova A.B. *Noril'skoe vosstanie. Mai-avgust 1953 g.* [The Norilsk uprising. May-August, 1953]. Available at: <http://www.memorial.krsk.ru/memuar/Kasabova/07/Makarova.htm>. (Accessed 13 November 2014).

17. *Mezhetnicheskie svyazi Prieniseiskogo regiona* [Transethnic connections of Yenisei region]. Krasnoyarsk, 2007, part 1-2.

18. Miller A. Dualizm identichnostei na Ukraine [Dualism of identities in Ukraine]. *Otechestvennye zapiski*, 2007, no. 1. Available at: <http://www.strana-oz.ru/2007/1/dualizm-identichnostey-na-ukraine>. (Accessed 13 November 2014).

19. Novoselova A.A. Sibirskie "khokhly": k voprosu ob etnicheskoi prinadlezhnosti [Siberian "Khokhols": to the question of ethnicity], *Etnografiia Altaia i sopredel'nykh territorii*. Barnaul, 2003, Vol. 5, pp. 27–28.

20. Novoselova A.A. *Ukrainsy v srednem Priirtysh'e: identifikatsiia i samoidentifikatsiia v kontse XIX vv. XX (po polevym etnograficheskim materialam)* [Ukrainians in the middle Irtysh region: identification and self-identification in the end of XIX-XX centuries (based on field materials)]. Available at: <http://ethnography.omskreg.ru/page.php?id=1026>. (Accessed 12 November 2014).

21. Pozharskaia K.A. Prirodno-klimaticheskii faktor v khoziaistvennoi adaptatsii stolypinskikh pereselentsev na Altae [Climatic factor in economic adaptation of Stolypin's resettlers in Altay region], *Izvestiia AltGU*, 2008, no. 3–4, pp. 215–218.

22. Prokhorova E. A. *Upotreblenie etnonimov «khokhol» i «ukrainets» v sem'akh ukrainskogo naseleniia Altaiskogo kraia* [The use of the ethnonym "Khokhol" and "Ukrainian" in Ukrainian families in Altay region], *Lomonosovskie chteniia na Altae. Barnaul, 2013* [Lomonosov's reading in Altay. Barnaul, 2013]. Available at: <http://sfrik.omskreg.ru/page.php?id=373>. (Accessed 12 November 2014).

23. Priadko I.A. Ukrainskaia diaspora v strukture naseleniia Prieniseiskogo kraia: istoricheskii aspekt (XIX – XX vv.), *Traditsii ekonomicheskikh, kul'turnykh i obshchestvennykh svyazei stran Sodruzhestva* [Traditions of economic, cultural and social connections in the countries of the Commonwealth of Independent States (history and the present). Collected scientific studies]. Omsk: Izd-vo OmGU, 2005, Vol. 3, pp. 117–125.

24. Remnev A.V. Slavianskie narody kak kolonizatsionnyi resurs imperskoi politiki v Sibiri i na Dal'nem Vostoke vo vtoroi polovine XIX nachale – XX, *Traditsii ekonomicheskikh, kul'turnykh i obshchestvennykh svyazei stran Sodruzhestva (istoriia i sovremennost')* [Traditions of economic, cultural and social connections in the countries of the Commonwealth of Independent States (history and the present). Collected scientific studies]. Omsk: Omskii un-t, 2005, Vol. 3, pp. 4–20.

25. Remnev A.V. Natsional'nost' «sibiriak»: regional'naia identichnost' i istoricheskii konstruktivizm XIX v. [Nationality "siberian": regional identity and historical constructivism in XIX century], *Politiia*, 2011, no. 3(62), pp. 109–128.

26. Ryndina O. Sviatochnaia obriadnost' ukrainsev Tomskogo kraia [Christmas ceremonial of Ukrainians in Tomsk region], *Vestnik TGU*, 1912, no. 4(8), pp. 152–159.

27. *Sibirskii plavil'nyi kotel: sotsial'no-demograficheskie protsessy v Severnoi Azii XVI–XX veka* [Siberian melting pot: social and demographical processes in Northern Asia in XVI–XX centuries]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2004.

28. Chernienko D. Ukraintsy na Iuzhnom Urale: istoriia i sovremennyye etnokul'turnye protsessy, *Transformatsiia etnicheskoi identichnosti v Rossii i v Ukraine v postsovetiskii period* [Ethnic identity transformation in Russia and in Ukraine in post-Soviet period]. Moscow: IEA RAN, 2013, pp. 131–149.

29. Chizhikova L.N. *Russko-ukrainskoe pogranich'e: istoriia i sud'by traditsionno-bytovoi kul'tury* [Russian-Ukrainian borderlands: history and destinies of traditional everyday culture]. Moscow: Nauka, 1988. 256 p.

30. Shilovskii M.V. Etnotsitsial'nye protsessy v Sibiri na rubezhe XIX-XX v. v sovremennoi istoriografii (1991-2004 gg.), *Traditsii ekonomicheskikh, kul'turnykh i obshchestvennykh svyazei stran Sodruzhestva (istoriia i sovremennost')*. Sb. nauch. trudov [Traditions of economic, cultural and social connections in the countries of the Commonwealth of Independent States (history and the present). Collected scientific studies]. Omsk: Omskii un-t, 2005, Vol. 3, pp. 30–48.

УДК 93/94

DOI 10.172239785751123666/16

Г.Н. Алишина

«РЯЖЕННЫЕ “ГОЛЛАНДЦЫ”»: СПОР ОБ ИДЕНТИЧНОСТИ МЕННОНИТОВ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

Статья посвящена дискуссии об идентичности меннонитов Российской империи, развернувшейся в годы Первой мировой войны. Рассматриваются позиции сторон в этом споре, их аргументация и мотивы. Прослеживаются предыстория и ход дискуссии. Обсуждение вопроса об идентичности российских меннонитов в условиях войны переросло в спор о лояльности этой конфессиональной группы.

Ключевые слова: меннониты, Первая мировая война, идентичность.

Введение. Вопрос об идентичности может выходить за пределы сугубо личного выбора и становиться предметом всеобщего обсуждения. Условиями для этого чаще всего служат обстоятельства политического толка (война, спор о территориях, неравенство в положении регионов и проч.), которые актуализуют проблему само- и взаимопределения участников событий. Прямая заинтересованность сторон, участвующих в споре об идентичности, наиболее выпукло

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

проявляет механизмы ее конструирования как самими носителями, так и неравнодушным окружением.

В качестве конкретного исторического примера можно привести развернувшуюся в годы Первой мировой войны дискуссию об идентичности меннонитов, проживавших на территории России. Участие страны в войне против Германии и кампания по «борьбе с немецким засильем» перевели вопрос о национальной принадлежности этого конфессионального сообщества в плоскость вопроса о его лояльности. Это обстоятельство кратно усилило накал страстей при выяснении, кем же все-таки являются и считают себя меннониты, интересы какой державы преследуют и, соответственно, представляют ли они угрозу для страны проживания.

Предыстория дискуссии. До того времени окружающее население и представители власти считали меннонитов немцами. Появились они в России вместе с немецкими колонистами, можно сказать, в рамках одной и той же переселенческой волны, говорили на немецком языке. В конструировании этой идентичности, приписанной внешним окружением, прослеживается явная инерционность и весьма распространенный эффект восприятия мигрантов, который можно обозначить как «все чужое одинаково». Не вдаваясь в какие-либо тонкости и подробности, принимающее мигрантов общество маркирует их неким общим термином, не имеющим к переселенческой группе прямого отношения или не совсем точно отражающим ее национальную, этническую, конфессиональную и проч. принадлежность. Для меннонитов, проживавших в Российской империи, таким «ярлыком» стало определение «немцы». До начала Первой мировой войны это не встречало со стороны меннонитов явных возражений. Сами себя они предпочитали идентифицировать по конфессиональной принадлежности, четко при этом отделяясь от немцев, исповадовавших лютеранство, католицизм или баптизм.

В основе разразившейся дискуссии лежали и давно наметившиеся, но до поры находившиеся в латентном состоянии претензии окружения к меннонитам. Мигранты часто раздражают своей инаковостью. Самым раздражающим культурным отличием меннонитов была, разумеется, конфессиональная принадлежность. Церковные и светские власти опасались меннонитской религиозной пропаганды среди православного населения.

Куда более приземленным и весьма значительным поводом для претензий к меннонитам являлись их хозяйственные успехи и внушительные земельные владения, особенно раздражавшие окружа-

щее население на фоне разразившегося в стране аграрного кризиса. В очерке о меннонитах, подготовленном для властей, указывалось, что «громадные земельные участки меннонитов ... вызывают невольную зависть в окружающем малороссийском населении и служат источником непрекращающегося антагонизма между ним и меннонитами» (РГИА 1915–1916: 114–114об).

И, наконец, третьей «слабой стороной» меннонитов являлось их принципиальное отрицание войны и, соответственно, службы в армии, что в условиях начавшегося военного конфликта являлось прямо-таки «красной тряпкой» для патриотично настроенных слоев российского общества.

Конструирование меннонитами «безопасной» идентичности.

Понимая уязвимость своего положения, с самого начала войны меннониты стремились показать свою лояльность и преданность Российскому государству, приступив к конструированию идентичности по принципу «я тот, кем себя демонстрирую». Ими устраивались молебны о победе русского оружия (Русские ведомости 1914: 6 нояб.), делались пожертвования в пользу армии (РГИА 1915–1916: 25), организовывались лазареты для раненых воинов (Новое время 1914: 13 авг.). Они сами предложили правительству компромисс, чтобы меннониты-ратники служили в действующей армии, но в качестве санитаров (Русские ведомости 1914: 6 нояб.). Это предложение было принято властями, тем более что санитаров катастрофически не хватало (Нелипович 2009: 91). По многим свидетельствам, к своим военным обязанностям меннониты относились очень ответственно. Санитары из их числа высоко ценились на фронте. Очевидцы отмечали их трудолюбие и трезвость. О высоких моральных качествах санитаров-меннонитов рассказывали даже вернувшиеся из германского и австрийского плена врачи (Нелипович 2009: 91).

Таким образом, меннониты вели себя как образцовые подданные воюющего государства. Даже негативно настроенные к ним представители местной власти отмечали их вклад в «общее дело победы», но при этом не упускали возможности подчеркнуть демонстративность и даже «показушность» подобных акций (РГИА 1915–1916: 25об.). В итоге все усилия по конструированию идентичности «преданных подданных Российской империи» не уберегли меннонитов от опалы. Их не только по-прежнему считали немцами, но даже стали определять как особенно опасных немецких колонистов (РГИА 1915–1916: 26; Новое время 1916: 6 сент.).

По мере развития военного конфликта, когда идентичность «немец» стала пониматься как идентичность «враг», меннониты все настойчивее начали заявлять о своем голландском, а вовсе не немецком происхождении, апеллируя к истории своего вероучения и миграций. Они признавали, что долгое время находились в польском подданстве, а после разделов Польши некоторые из них оказались на территории, отошедшей к Пруссии. Но при этом меннониты утверждали и подчеркивали, что перешли в прусское подданство «не по своей воле» (РГИА 1916–1917: 8, 11). Особенно подстегнули этот виток конструирования «голландской» идентичности ликвидационные законы, нацеленные на борьбу с немецким землевладением в Российской империи (2 февраля 1915 г. были приняты законы о ликвидации немецкого землевладения, а 13 декабря 1915 г. они были снабжены рядом дополнительных правил). Пытаясь вывести себя из-под их действия, меннониты с завидным упорством писали прошения во властные структуры вплоть до министра внутренних дел и даже Сената, настаивая на своем ненемецком происхождении (РГИА 1916–1917: 8–8об.). Они убеждали в своей преданности Российскому государству и даже говорили о глубокой обиде, вызванной подозрениями в их адрес: «Нет границ горю меннонитов, потому что Родина отвернулась от нас» (РГИА 1916–1917: 8об.).

Дискуссия вокруг идентичности меннонитов. Среди обществности и в правительственных кругах имелись как сторонники меннонитов, поддерживавшие их версию и подчеркивавшие их полезность для государства, так и противники, настаивавшие на том, что меннониты являются немцами и преданы интересам Германии. Общественные дискуссии нашли свое отражение в публицистике (периодические издания, брошюры, очерки), чиновничьи – в официальных документах (прошения, справки, отчеты, официальная переписка и проч.).

Во властных структурах преобладало мнение о том, что меннониты – это немцы и движет ими преданность германским интересам. В качестве подтверждения приводился кропотливый разбор их этнического состава и истории миграций с опорой на пребывание (пусть и кратковременное) в германском подданстве (РГИА 1916–1917: 70–72об.). Вторым их аргументом было описание порядков, распространенных у меннонитов. Особенно упирали на их обособленность (РГИА 1915–1916: 25–25об.), слабое владение русским языком (РГИА 1916–1917: 62) (контраргументом защитников меннонитов

служило утверждение, что немецкий язык был привит меннонитам искусственно самими же российскими властями, так как все сношения с колониями переселенцев велись на немецком языке (РГИА 1916–1917: 11–11об.), презрительное отношение и даже угнетение местного населения (РГИА 1915–1916: 25, 26), религиозную пропаганду (в том числе в войсковых частях) (РГИА 1915–1916: 117об.; РГИА 1916–1917: 63–64; Гиляревский 1915: 15), льготы по части службы в армии (их службу в качестве санитаров расценивали как «совсем легкую по сравнению со службой в войсках» (РГИА 1915–1916: 26)), а также враждебность к России и явные симпатии к Германии (РГИА 1915–1916: 25об.; РГИА 1916–1917: 62). Екатеринбургский губернатор сообщал в Департамент общих дел, что за 1914–1915 гг. у 885 меннонитов было найдено и конфисковано оружие, что преподносилось как сомнение насчет их принципиального неприятия последнего (РГИА 1915–1916: 25об.).

Явным свидетельством того, что власть предпочитала видеть в меннонитах немцев, является то, что дважды этот вопрос рассматривался в одной и той же структуре – комиссии А.С. Стишинского (РГИА 1916–1917: 44). Было верхом наивности полагать, что, сделав однажды вывод о распространении на меннонитов ликвидационных законов, комиссия, спустя какое-то время, опровергла бы сама себя. В данном случае даже выбор структуры для решения вторично поднятого вопроса наглядно демонстрирует истинную позицию центральной власти.

Однако были среди представителей государственных структур и сторонники мнения о лояльности меннонитов. Министр юстиции Н.А. Добровольский вскоре после своего назначения на должность ходатайствовал о пересмотре вопроса насчет включения меннонитов в состав немецких колонистов, чьи землевладения должны были ликвидироваться (Утро России 1917: 28 янв.) (именно по его инициативе этот вопрос был вторично изучен, правда, все той же и уже упомянутой комиссией). Эта группа представителей власти опиралась в своих рассуждениях на прагматичные доводы, доказывая, что ликвидация землевладения меннонитов нанесет большой вред хозяйству губерний, где они компактно проживали, и страны в целом. Последнее расценивалось как весьма нежелательное явление в условиях ведения изнурительной войны.

Еще более ожесточенные «баталии» по поводу идентичности меннонитов велись в пространстве общественного мнения, в прессе

и в парламенте. Партии и издания консервативного и националистического толка называли меннонитов «внутренними врагами», «ряжеными “голландцами”», «“голландцами” из Пруссии», обвиняя их в предательстве и отстаивании германских интересов.

Радикальная пресса расценивала меннонитское вероучение как «удобное» в военное время и возмущалась: «Скажите на милость, какие нашлись еще господа! Они могут жиреть на русской земле, а как доходит дело до защиты их очагов – так для этого подавай им русских!» (Земщина 1915: 20 марта).

Вершиной обоснования опасности меннонитского элемента для российской государственности явилось появление книг на эту тему. Так, в 1916 г. был издан очерк С.Д. Бондаря (Бондарь 1916), в котором, по словам корреспондентов «Нового времени», была изложена история «той верви немецкого нашествия на Россию, которая пользовалась наибольшими преимуществами, наиболее сильным покровительством и в то же время более других внесла противоречий в земельное устройство крестьян» (Новое время 1916: 6 сент.).

Либеральные круги и пресса были куда осторожнее в суждениях и даже время от времени выступали в защиту меннонитов, указывая на их полезность для государства, а также демонстрируемую лояльность и преданность. Позиции радикальных газет противостояли материалы, публиковавшиеся в других периодических изданиях: «День», «Современное слово», «Русская мысль», «Русские ведомости» и др. Резонанс, например, вызвала статья профессора К. Линдемана, в которой приводились доказательства лояльности южно-русских меннонитов по отношению к России. В качестве аргументов служили сведения о пожертвованиях на нужды войны, об устройствах ими лазаретов, об учреждении местных комитетов для помощи семьям воинов и проч. (Русские ведомости 1914: 6 нояб.). Реакция на эту статью последовала незамедлительно. Уже через неделю в «Новом времени» появились две заметки с критикой в адрес К. Линдемана (Новое время 1914: 11, 14 нояб.).

Против ликвидации немецкого землевладения как такового и меннонитского в частности высказался лидер кадетской партии П.Н. Милюков. В одном из своих выступлений он упомянул, что включение Екатеринославской губернии в сферу действия закона о ликвидации немецких земель было обусловлено расчетом властей на то, что «эта мера обеспечит русских помещиков на сто лет от аграрных беспорядков и кадетского отчуждения» (РГИА 1915: 11).

За годы войны полемика вокруг вопроса об идентичности меннонитов обострялась дважды: в 1915 г., когда только были изданы первые ликвидационные законы, и в конце 1916 – начале 1917 г., когда принятые узаконения стали претворяться в жизнь. Оба раза попытки меннонитов продемонстрировать свою преданность государству и апеллировать к истории оказались безуспешными. Им так и не удалось убедить власть и общественность в своей немецкой идентичности.

Заключение. Участие России в Первой мировой войне резко обострило вопрос о лояльности проживавших на тот момент в стране немецких колонистов. К числу последних были отнесены и меннониты, являвшиеся самобытной конфессиональной группой, также переселившейся в Российскую империю в XVIII–XIX вв. Отнесение их к «неблагонадежным элементам», несмотря на все представленные доказательства обратного, свидетельствует о тенденции к расширению состава «внутренних врагов» по мере развития военного конфликта. На примере меннонитов видно, что заподозренная в нелояльности группа всячески старается показать и доказать свою преданность интересам страны. В таких условиях она сначала идет путем демонстрации благонадежности, а потом, когда власть и общество определяются с критерием выявления «внутренних врагов» (например, национальная принадлежность), всеми силами старается подтвердить свое несоответствие выделенному признаку. Однако опыт меннонитов свидетельствует о заведомой тщетности подобных усилий.

Источники и литература

1. *Бондарь С.Д.* Секта меннонитов в России. Очерк. СПб., 1916. 207 с.
2. *Гиларевский А.* Немецкое засилье в русской народно-религиозной жизни. Нижний Новгород: Типография Ниж. Губ. Правления, 1915. 26 с.
3. *Земщина.* СПб., 1915.
4. *Нелипович С.Г.* Военное ведомство и меннониты России в Первой мировой войне (1914–1918 гг.) // Этнические немцы России: Исторический феномен «народа в пути». Материалы XII международной научной конференции. Москва, 18–20 сентября 2008 г. М., 2009. С. 85–103.
5. *Новое время.* СПб., 1914–1916.
6. *РГИА* (Российский государственный исторический архив). Ф. 821. Оп. 133. Д. 319. Обследование современного состояния секты меннонитов в России (отзывы губернаторов) за 1915–1916 г.
7. *РГИА.* Ф. 1483. Оп. 1. Д. 20. «Всеподданнейшие» прошения, записки, особые журналы Особого комитета по борьбе с немецким засильем и переписка об ограничении прав меннонитов Екатеринославской и Таврической губерний на основании узаконений 2 фев. и 13 дек. 1915 г. о ликвидации иностранного землевладения за 1916–1917 г.

8. РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 29. Газетные вырезки по вопросу ликвидации немецкого засилья за 1915 г.

9. *Русские ведомости*. М., 1914.

10. *Утро России*. М., 1917.

Alishina Galina N.

National Research Tomsk State University

galinaalishina@gmail.com

"Maskers "Dutchmen"" : a dispute about the identity of Mennonites in Russia during World War I

The article deals with the discussion of identity of Mennonites in the Russian Empire. The factor that sparked this discussion was the First World War and the clash of Russia with Germany and Austro-Hungary. The rise of anti-German moods in the country led to a whole range of discriminatory measures taken against the German population of the Russian Empire. The Mennonites, as a specific ethno-confessional group with a long and complex history of migrations, fell within this category as well.

Not willing to be among the “enemies within”, the Mennonites actively positioned themselves as loyal citizens of the Russian state and insisted on their Dutch origin. In the public and political sphere, a discussion was inflamed as to the identity of Mennonites which under the circumstances of the time turned into one over their loyalty. There were both those who advocated harmlessness of the Mennonites and those who spoke of the ‘Mennonite threat’ to the country. In time of war, the latter prevailed considering it necessary to apply discriminatory measures against the Mennonites on a par with the German population of the Russian Empire.

Keywords: Mennonites, the Russian Empire, World War I, identity.

References

1. Bondar' S.D. *Sekta mennonitov v Rossii. Ocherk* [Mennonites in Russia. Essay]. St. Petersburg, 1916. 207 p.

2. Giliarevskii A. *Nemetskoe zasil'e v russkoi narodno-religioznoi zhizni* [German domination in Russian people's religious life]. Nizhnii Novgorod: Tipografiia Nizh. Gub. Pravleniia, 1915. 26 p.

3. *Zemshchina* [Zhemshchina]. St. Petersburg, 1915.

4. Nelipovich S.G. *Voennoe vedomstvo i mennonity Rossii v Pervoi mirovoi voine (1914-1918 gg.)* [Military authorities and the Mennonites in Russia during World War I (1914-1918)], *Etnicheskie nemtsy Rossii: Istoricheskii fenomen «naroda v puti». Materialy XII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 18-20 sentiabria 2008 g.* [Ethnic Germans in Russia: Historical phenomenon of “nation on the road”. Materials of XII international scientific conference. Moscow, September 18-20, 2008]. Moscow, 2009, pp. 85–103.

5. *Novoe vremia* [The new times]. St. Petersburg, 1914-1916.

6. *RGLA (Russian State Historical Archive)*, 1915-1916, F. 821, In. 133, C. 319.

7. *RGLA*, 1916-1917, F. 1483, In. 1, C. 20.

8. *RGLA*, 1915, F. 1483, In. 1, C. 29.

9. *Russkie vedomosti* [The Russian news]. Moscow, 1914.

10. *Utro Rossii* [The morning of Russia]. Moscow, 1917.

В.И.Дятлов**МИГРАНТЫ: ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ И РАЗВИТИЯ
ДЛЯ РОССИИ (МНОГООБРАЗИЕ И КОНФЛИКТ ГРУПП
ИНТЕРЕСОВ В ПРИНИМАЮЩЕМ ОБЩЕСТВЕ)**

Столкнувшись с беспрецедентными для себя масштабами и значением трансграничных миграций, российское общество выявило большой спектр разнонаправленных, иногда взаимоисключающих интересов и стоящих за ними акторов. Оно уже сейчас не выступает как единый субъект взаимоотношений с мигрантами. В этом смысле нет единого принимающего общества. Нет и государства как единого актора, поэтому нет непротиворечивой государственной политики. Однако сложилось общее проблемное поле для осмысления и оценки проблемы. Оно базируется на конфликтном единстве двух подходов – безопасности и развития. Массовая мигрантофобия, которая обрела идеологическое и политическое измерение, дает значительной части общества единого и общезначимого врага. Это делает ее мощным фактором современного этапа нациестроительства в России.

Ключевые слова: Россия, мигранты, мигрантофобия, нациестроительство, безопасность, развитие.

Еще никогда в истории России трансграничные миграции не играли такой огромной роли, как сейчас, – в экономическом, демографическом, культурном, идеологическом и политическом отношениях. Значительной частью общества эта проблема осознается как ключевая, способная определить траекторию будущего развития страны в целом. Бурные общественные дискуссии, перекинувшиеся на политическое поле, массовые публичные действия, иногда перерастающие в погромы, пристальное внимание масс-медиа, не очень заметная, но интенсивная лоббистская деятельность, интенсивная нормотворческая, институциональная и административная активность государственных органов власти всех уровней – все это свидетельства чрезвычайной озабоченности проблемой.

При этом обычно имплицитно подразумевается, что в конфликтный контакт входят как некие целостные феномены трансграничные мигранты (обычно именуемые просто мигрантами (Абашин 2014: 3–13)) и принимающее общество. Однако российское общество чрезвычайно разнородно, в том числе и перед лицом мигрантов. Оно не выступает как единый субъект взаимоотношений. Поэтому выдвигает

ется гипотеза о том, что нет единого принимающего общества. Есть сложный и противоречивый конгломерат акторов и их интересов. Нет и государства как единого актора.

Тем не менее сложилось общее проблемное поле для осмысления и оценки проблемы. В самом общем виде оно базируется на конфликтном единстве двух подходов – *безопасности и развития*.

С предыдущими тезисами вступает в противоречие третий. Фиксируемая сейчас различными способами массовая мигрантофобия – один из немногих факторов, объединяющих патологически атомизированное и раздираемое противоречиями современное российское общество. Можно предположить, что мигранты в качестве общего врага/враждебного чужого, могут стать (или уже становятся) важнейшим механизмом консолидации российского общества и основой современного этапа нациестроительства.

Существует ли в России «принимающее общество»? При изучении взаимоотношений мигрантов и принимающего общества преобладает понимание их как единых нерасчлененных и недифференцированных общностей. Имплицитно предполагается, что при очевидной внутренней неоднородности они все же едины перед лицом контрагента. В этом смысле можно говорить об их общей идентичности. Это вполне корректная исследовательская процедура, которая, однако, значительно ограничивает аналитические возможности.

Оставим для отдельного анализа очевидную неоднородность трансграничных мигрантов в современной России. Это мигранты вынужденные и добровольные трудовые. Это выходцы из разных стран, представители различных этнических и религиозных групп, социальных слоев, уровней образования, городского и сельского происхождения. Люди с различными миграционными мотивациями и стратегиями.

Место единого принимающего общества (имеющего общий набор интересов, общие представления об угрозах, рисках и выигрышах от новой миграционной ситуации, говорящего одним языком) занимает разнородный конгломерат государственных структур, региональных сообществ и их элит, общественных сил и институций, чьи интересы в этой сфере могут в чем-то совпадать, а в чем-то и радикально расходиться.

Перед лицом миграционной проблемы нет и единого государства. В этом главном акторе миграционной политики изначально заложен и чрезвычайно силен феномен «бюрократического плюрализ-

ма», когда интересы отдельных ведомств могут далеко расходиться, а механизмы согласования этих интересов слабы и неэффективны. Могут не совпадать и интересы различных бюрократических группировок, кланов и клик, организованных не по ведомственному принципу. Не требует отдельных комментариев и такой ключевой фактор и инструмент управления страной, как системная коррупция.

При выработке миграционной политики государство вынуждено лавировать между соображениями экономической и демографической целесообразности и антимигрантскими массовыми настроениями. Не говоря уже о растущей тенденции использовать эти настроения в целях идеологической и политической мобилизации и борьбы за власть.

Масса проблем и противоречий сформировалась в сфере взаимоотношений центра и регионов. Выстраивание «вертикали власти» привело к тому, что миграционная политика теоретически стала монополией федеральных ведомств. Там сосредоточены все соответствующие права, полномочия и ресурсы, институты и нормотворчество. И региональная миграционная политика, в соответствии с законом, понимается как политика центральной власти на местах. Однако размеры страны и гигантское разнообразие миграционных ситуаций неизбежно ведут к тому, что эта политика корректируется местными акторами, имеющими собственные интересы и представления о выгодах и рисках. На региональном уровне имеются и свой «бюрократический плюрализм», и борьба интересов кланов и клик. Отдельная проблема связана с местными властями. Неся основную тяжесть решения многообразного и сложного комплекса задач, проблем и конфликтов, они лишены соответствующих ресурсов и полномочий (Калугина 2010: 91–106). Все это ведет к фактическому формированию местной миграционной политики в виде гибкого набора неформальных практик (Трансграничные 2009: 16–120).

Отдельно стоит выделить *интересы непосредственных контрагентов мигрантов*. Следствием растущей роли трансграничных мигрантов стало формирование связанного с ними слоя людей, профессиональных групп и институций. Это государственные и муниципальные органы, их служащие и чиновники, регулирующие проблемы пребывания и экономической деятельности. Это деловые партнеры, наниматели и наемные, посредники, продавцы необходимых товаров и услуг, специализирующиеся на этой теме журналисты, эксперты. Наконец, это покупатели товаров и услуг, произво-

димых и продаваемых мигрантами. Свои интересы и проблемы появились у таких, неожиданных на первый взгляд, институций, как система высшего и среднего образования, органы здравоохранения и санитарного контроля. Все активнее пытаются влиять на ситуацию профсоюзы. Формируется система неправительственных общественных организаций, национально-культурных обществ, прямо или косвенно заинтересованных в регулировании миграционной ситуации.

Интересы бизнеса. Они сосредоточены вокруг возможности доступа к таким ресурсам, как дефицитный или дешевый труд, источники кредита, инвестиций или товарной массы. Важна также возможность изоляции конкурентов от этих ресурсов. И не случайно закрытие оптово-розничных рынков, запрет на торговлю там для иностранцев сопровождался упорными слухами о закулисном давлении крупных ретейлерских сетей. Основными инструментами реализации интересов бизнеса являются лоббирование и неформальные практики. Причем и бизнес не представляет собой единого целого, соответственно, у разных его слоев и группировок могут быть (и уже сформировались) различные интересы и соответствующая политика в этой сфере.

Интересы политиков. Массовые антимигрантские настроения становятся инструментом идеологической и политической мобилизации и борьбы за власть для довольно широкого спектра политических сил. В городскую обыденность постепенно входят политические и политизированные антимигрантские акции – от бесчинств скинхедов до официально разрешенных Русских маршей. Мигрантская проблематика выдвигается в центр электоральной борьбы. На ней выстраивают свою стратегию политические партии и движения националистического спектра. Их успех состоит в том, что они стали формировать политическую повестку дня и для остальных сил.

Интересы СМИ. Мигранты стали важнейшей частью информационного поля. Их постоянно обсуждают на уровне неформальных разговоров, слухов, пересудов. Интенсивность этого растет с появлением информационных поводов – обычно из сферы криминальной хроники, а также событий и конъюнктуры на рынках. Отсюда тесная связь этой части информационного поля с местными, региональными и центральными масс-медиа. Самостоятельным и влиятельным участником этого «рынка» становится Интернет. СМИ – это и носитель информации («зеркало»), и самостоятельный и важный игрок,

обладающий собственными интересами в качестве хозяйствующего лица, продающего информационный товар, вступающий в сложные взаимоотношения с властями, обществом, отдельными его группами. Они создают образы, предлагают слова для озвучивания и оценки проблем и явлений, формируют дискурсы. Очень часто в сознании людей сосуществуют две картины мира – на основе собственного опыта и сформированная масс-медиа. И если они вступают в противоречие, безусловное предпочтение отдается второй.

Как видим, место некоего единого принимающего общества с общим набором представлений об угрозах, рисках и выигрышах от новой миграционной ситуации занимает разнородный конгломерат государственных структур, региональных сообществ и их элит, общественных сил и институций, чьи интересы в этой сфере могут в чем-то совпадать, а в чем-то и радикально расходиться. Механизм согласования этих интересов в лучшем случае только формируется. Не решено, каким будет этот механизм, ибо пока еще не до конца закрыт вопрос о выборе между либеральной, демократической и авторитарной (бюрократической) моделью общественного устройства. Хотя авторитарный крен в развитии современного политического режима очевиден и усиливается, это не сопровождается формированием эффективной бюрократической системы власти и управления – «вертикаль власти» является скорее недостижимой целью, чем функционирующей реальностью. Все это предопределяет отсутствие логичной и осознанной миграционной политики федеральной власти, постоянные качели между запретительными и поощрительными мерами.

Безопасность или/и развитие. Принципиально важно, однако, что и в научных исследованиях, и в массовых настроениях, и в рамках взгляда, господствующего в масс-медиа, и в понимании трансграничной миграции чиновниками и политиками сформировалось общее проблемное поле. Его ключевой составляющей является оценка возможностей и рисков, базирующаяся на конфликтном единстве двух подходов – *безопасности* и *развития*.

Сторонники идеи развития считают, что трансграничные мигранты абсолютно необходимы, так как без их растущего притока невозможно поддержание экономики в более или менее рабочем состоянии, тем более невозможен модернизационный прорыв. Поэтому миграционная политика должна строиться на всемерном привлечении мигрантов, их максимальной легализации, комплексных ме-

рах по их социальной, экономической и культурной интеграции в принимающее общество (Зайончковская, Тюрюканова 2013: 51–77).

Приверженцы безопасности видят в мигрантах источник опасности для идентичности принимающего общества, для его этнокультурной однородности и стабильности, причину неизбежных разрушительных этнических конфликтов. Естественное следствие такого понимания – требование максимально ограничить приток новых мигрантов и вытеснить уже имеющихся.

Как правило, хотя и не всегда, позиция одной стороны другой стороной или игнорируется, или отвергается без содержательной критики и дискуссии. Видимо, потому, что ценности безопасности и развития понимаются как взаимоисключающие.

Когда же спор о миграции полностью смещается в идеологическую плоскость, сторонник иных взглядов воспринимается не как уважаемый оппонент, к мнению которого стоит прислушаться, а как с порога отторгаемый противник. В адрес тех, кто считает значительные потоки трансграничных миграций и использование труда мигрантов делом необходимым и неизбежным, раздаются прямые или косвенные обвинения в предательстве национальных интересов (Деягин 2005). В ответ звучат обвинения в расизме и ксенофобии (Осипов 2002: 45–69).

Описанная выше ситуация несколько парадоксально сочетается со значительными прорывами в научных исследованиях. Нарботан и осмыслен большой объём эмпирического материала, идут оживленные теоретические дискуссии. На удивление быстро освоен запас знаний, представлений и концепций, накопленных мировой наукой. Некоторые итоги этого этапа подведены в изданной под эгидой Российского совета по международным делам трехтомной хрестоматии по миграции в России (Миграция 2013), в статьях Елены Тюрюкановой (Тюрюканова 2013: 313–320) и Владимира Малахова (Малахов 2013: 306–311).

Владимир Малахов справедливо считает, что исследование собственно миграционного процесса далеко обогнало изучение его политических, психологических и этнокультурных последствий и эффектов. Но, может быть, ещё более тяжелая проблема заключается не в недостаточности научного знания о миграции в целом или каких-то её аспектах, а в очень медленной его диффузии в общественное и властное информационное и идеологическое пространство, в его отторжении по идеологическим мотивам, а то и непонимании.

Налицо разрыв между исследовательским сообществом и профессиональными группами, вырабатывающими и проводящими в жизнь миграционную политику. Впрочем, и в научном сообществе неизбежно воспроизводятся, на качественно ином уровне конечно, споры относительно выбора между развитием и понимаемой как стабильность безопасностью. Иногда и они переводятся в идеологическую плоскость.

Еще несколько слов об общей ситуации с изучением трансграничной миграции научным сообществом и её пониманием властями и обществом. С одной стороны, постоянно нарастает интерес к теме. Значимость миграционной проблемы – и осознание этой значимости – породила в нулевые годы огромное количество самых разнообразных по жанрам и уровню текстов. При этом продолжалось отставание темпов осмысления процесса от его динамики, вызванное, помимо масштабов явления, ещё и тем, что не использовались в полной мере ресурсы опыта стран Запада и собственного, российского.

Зарубежные «уроки» служат скорее полем для поиска аргументации собственных взглядов, чем контекстом и средством для комплексного осмысления российской ситуации. Особенно это было заметно при обсуждении и выработке миграционной политики. Проблема «пускать или не пускать мигрантов», например, активно дискутируется до сих пор, несмотря на её очевидную бессодержательность, о чём как раз и свидетельствует опыт развитых индустриальных стран, столкнувшихся с массовой миграцией раньше России. (Вот яркие образцы противоположных точек зрения по этому вопросу: Зайончковская 2013: 117–128; Делягин 2013: 430–441).

Нередко миграционная проблема рассматривается у нас как абсолютно новая и уникальная для страны. Между тем, её активно и плодотворно изучали и обсуждали в позднеимперской России. Причиной тому был массовый приток китайских и корейских трансграничных трудовых мигрантов на только что присоединённый, практически не заселённый и не освоенный Дальний Восток (Ларин 2009: 19–68). Осознание полной экономической зависимости края от их труда, опасения относительно возможности его «окиитаивания» и последующей потери, в сочетании с мощным общемировым ксенофобским синдромом «желтой опасности», делали дискуссии не менее насыщенными и нервными, чем сейчас, вовлекали в них крупнейших ученых, государственных деятелей, администраторов, военных, публицистов (Дятлов 2000: 63–89). Результаты этих дискуссий

изучены недостаточно, но и то, что уже введено в научный оборот, инструментально слабо использовано.

Мигрантофобия и процесс нацистроительства. После распада СССР – не просто как государства, но как системы взаимоотношений и связей – перед жителями России встал жизненно важный вопрос «Кто мы? Какого рода сообщество представляет собой население государства с этим новым/старым названием?» Его появление фактически ознаменовало начало нового этапа нацистроительства (или даже строительство новой нации), а ответ на него был невозможен без соотнесения себя с «Другими».

Граница, отделяющая «Нас» от «Других», – важнейший фактор национального самоопределения, она несёт в себе ощущение как рисков и угроз, так и огромных возможностей. И одна из наиболее обострённо воспринимаемых и полярно оцениваемых в современной России ситуация, создаваемая мощным, спрессованным по времени притоком из-за границы многих и многих Других – трансграничных трудовых мигрантов. Он стал важнейшим поводом к национальной саморефлексии. Возможно, эта роль трансграничных мигрантов является сейчас куда более значимой, чем роль экономическая и демографическая.

Сейчас через все общественное разнообразие красной нитью проходят массовые антимигрантские настроения. Это дружно фиксируют все конкурирующие между собой крупные социологические службы. Конечно, неизбежны вопросы о том, что именно они фиксируют, ибо такие настроения могут располагаться в широком диапазоне – от неполитизированной бытовой ксенофобии и общего раздражения (пример этого см.: Дятлов 2008: 142–176) до идеологических построений и практики массовых, в том числе политических, действий. Иначе говоря, фиксируемое социологами массовое нежелание видеть рядом с собой мигрантов может становиться руководством к действию, а может и не быть таковым. Однако последние годы демонстрируют, что раздражение может прорываться массовыми беспорядками и насилиями, что в ходе их могут выдвигаться лозунги вполне политического плана, что набирают силу политические партии и движения, сделавшие подобные настроения инструментом политической мобилизации и борьбы за власть (Россия 2014).

Причем эти настроения и идеи не концентрируются в отдельных политических, идеологических, возрастных, образовательных, соци-

альных, профессиональных и т.д. сегментах общества. Это – то немногое, что до аннексии Крыма объединяло большую его часть. А так как антимигрантские настроения, прямо или косвенно связанные с мигрантами проблемы и конфликты (как и масса других социальных, экономических, политических конфликтов и проблем) привычно маркируются этнически, то можно предполагать, что мигранты, воспринимаемые этнически и культурно «Чужими», как единая и противостоящая «Нам» группа, оказались необходимым и чрезвычайно востребованным инструментом нациестроительства. Его особенное удобство состоит в том, что он может одинаково свободно использоваться и этническим, и гражданским национализмом.

Заключение. Масштабы и накал дискуссий вокруг мигрантов свидетельствуют о том, что на это «поле» перемещается борьба за решение ключевых для современного российского общества проблем. Через отношение к мигрантам решается, каким должен быть принцип взаимоотношений общества и государства, на какой основе – этнической или гражданской – должны идти процессы нациестроительства, судьба федерализма, роль и значение границы для общества. Именно мигранты стали тем консолидированным «другим», «чужим», через отношение к которому происходит консолидация общества, идет процесс нациестроительства.

Украинская авантюра, возможно, выведет на первый план иных «чужих» и даст столь необходимых для национального строительства общих новых (или немного забытых старых) «врагов». Но это тот случай, к которому можно отнести комментарий российского главного раввина А. Шаевича (Адольф Шаевич 2010). Говоря о спаде антисемитизма, он грустно отметил: «Сейчас на первое место выходят представители Кавказа. Но меня это не радует».

Источники и литература

1. *Абашин С.Н.* Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // *Этнографическое обозрение*. 2012. № 4. С. 3–13.
2. *Адольф Шаевич:* чем отличается кошерная водка от некошерной? И чем отличается один главный раввин России от другого главного раввина России? // *Новая газета*. 2010. 5 июля.
3. *Деягин М.* Защитить сибиряков // *Московский комсомолец в Бурятии*. 2005. 2 марта.
4. *Деягин М.* Некоторые современные аспекты миграционной политики // *Миграция в России. 2000–2012. Хрестоматия в 3 томах / Российский совет по междуна-*

родным делам; под общей редакцией И.С. Иванова, отв. ред. Ж.А. Зайончковская. М.: Спецкнига, 2013. Т. 1, ч. 1. С. 430–441.

5. Дятлов В. Миграция китайцев и дискуссия о «желтой опасности» в дореволюционной России // Вестник Евразии. 2000. № 1 (8). С. 63–89.

6. Дятлов В. «И тогда мама взяла обрез...» Самосуд и отношение к «чужакам» в общественном мнении российской провинции 1990-х годов // Вестник Евразии. 2008. № 4(42). С. 142–176.

7. Зайончковская Ж. Перед лицом иммиграции // Миграция в России... Т. 1, ч. 2. С. 117–128.

8. Зайончковская Ж., Тюрюканова Е. Иммиграция: путь к спасению или троянский конь? // Миграция в России... Т. 1, ч. 1. С. 51–77.

9. Калугина Г. Местная власть и трансформация дискурса «национальной политики» в постсоветскую эпоху. Случай Иркутска // Политика. Анализ. Хроника. Прогноз. 2010. № 2(57). С. 91–106.

10. Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. М.: Восточная книга, 2009. С. 19–68.

11. Малахов В. Транснациональная миграция как проблема политической теории // Миграция в России... Т. 1, ч. 1. С. 306–311.

12. Миграция в России. 2000–2012. Хрестоматия в 3 томах. / Российский совет по международным делам; под общ. ред. И.С. Иванова, отв. ред. Ж.А. Зайончковская. М.: Спецкнига, 2013. Т. 1–3.

13. Осипов А. Конструирование этнического конфликта и расистский дискурс // Расизм в языке социальных наук / под ред. В.Воронкова, О.Карпенко, А.Осипова. СПб.: Алетейя, 2002. С. 45–69.

14. Россия – не Украина: современные акценты национализма: сб. статей / сост.: А. Верховский. М.: Центр «Сова», 2014. 308 с.

15. Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации: монография / науч. ред. В.И.Дятлов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. 396 с.

16. Тюрюканова Е.В. Миграционные вызовы ближайшего будущего // Миграция в России... Т. 1, ч. 1. С. 313–320.

Dyatlov Victor I.

Irkutsk State University

vikdyatlov@yandex.ru

Migrants: security concerns and the impact of migration on Russia (variety and conflict of interest groups in a receiving society)

Having discovered cross-border migration flows never observed before, Russian society has revealed a wide range of various interests, which are sometimes mutually exclusive, as well as actors, which stand behind them. It no longer acts as a consolidated subject in regard to the migrants. In this sense, there is no unified receiving society. Neither the government acts as a consolidated subject, therefore the state policy towards migrants is contradictory. However, there is a group of problems to be understood and evaluated. They are based on conflict cohesion of two approaches such as security and development. Due to the mass migrant-phobia, which can be observed in ideology and policy, a considerable part of the society has acquired a conjoint and strong enemy. Thus, the mass migrant-phobia has a significant influence on the nation-formation of Russia at the present moment.

Keywords: Russia, migrants, migrant-phobia, nation-formation, security, development, interest groups.

References

1. Abashin S.N. Sredneaziatskaia migratsiia: praktiki, lokal'nye soobshchestva, transnatsionalizm [Middle Asia migration: practices, local communities, transnationalism], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2012, no. 4, pp. 3–13.
2. Adol'f Shaeovich: chem otlichaetsia koshernaia vodka ot nekoshernoi? I chem otlichaetsia odin glavnyi ravvin Rossii ot drugogo glavnogo ravvina Rossii? [Adolf Shaeovich: what is the difference between kosher and non-kosher vodka? And what is the difference between one Chief Rabbi of Russia from the other Chief Rabbi of Russia?], *Novaia gazeta*, 2010, July 5.
3. Deliagin M. Zashchitit' sibiriakov [To protect the Siberians], *Moskovskii komсомоlets v Buriatii*, 2005, March 2.
4. Deliagin M. *Nekotorye sovremennye aspekty migratsionnoi politiki, Migratsiia v Rossii. 2000 – 2012. Khrestomatiia v 3 tomakh* [Migration in Russia. 2000–2012. A reader in 3 volumes], Russian Council on International Affairs; eds. I.S. Ivanov and Zh.A. Zaionchkovskaia. Moscow: Spetskniga, 2013, Vol. 1, issue 1, pp. 430–441.
5. Kalugin V. Migratsiia kitaitsev i diskussiia o «zheltoi opasnosti» v dorevoliutsionnoi Rossii [Chinese migration and the discussion on “yellow danger” in pre-revolutionary Russia], *Vestnik Evrazii*, 2000, no. 1(8), pp. 63–89.
6. Diatlov V. «I togda mama vziala obrez...» Samosud i otnoshenie k «chuzhakam» v obshchestvennom mnenii rossiiskoi provintsii 1990-kh godov [“And then my mother took a sawn-off rifle...” Lynch law and attitude toward “strangers” in public opinion of Russian province in 1990s], *Vestnik Evrazii*, 2008, no. 4(42), pp. 142–176.
7. Zaionchkovskaia Zh. Pered litsom immigratsii, *Migratsiia v Rossii...* [Migration in Russia...]. Vol. 1, issue 2, pp. 117–128.
8. Zaionchkovskaia Zh., Tiuriukanova E. Immigratsiia: put' k spaseniiu ili troianskii kon'? *Migratsiia v Rossii...* [Migration in Russia...]. Vol. 1, issue 1, pp. 51–77.
9. Kalugina G. Mestnaia vlast' i transformatsiia diskursa «natsional'noi politiki» v postsovetskuiu epokhu. Sluchai Irkutsk [Local authorities and “national policy” discourse transformation in post-Soviet era. Irkutsk case], *Politiia. Analiz. Khronika. Prognoz*, 2010, no. 2(57), pp. 91–106.
10. Larin A.G. *Kitaiskie migranty v Rossii* [Chinese migrants in Russia]. Moscow: Vostochnaia kniga, 2009, pp. 19–68.
11. Malakhov V. Transnatsional'naia migratsiia kak problema politicheskoi teorii, *Migratsiia v Rossii...* [Migration in Russia...]. Vol. 1, issue 1, pp. 306–311.
12. *Migratsiia v Rossii. 2000 – 2012. Khrestomatiia v 3 tomakh* [Migration in Russia. 2000–2012. A reader in 3 volumes], Russian Council on International Affairs; eds. I.S. Ivanov and Zh.A. Zaionchkovskaia. Moscow: Spetskniga, 2013, Vol. 1–3.
13. Osipov A. *Konstruirovanie etnicheskogo konflikta i rasistskii diskurs, Rasizm v iazyke sotsial'nykh nauk* [Racism in the language of social studies], eds. V. Voronkova, O. Karpenko, A. Osipova. St. Petersburg: Aleteiia, 2002, pp. 45–69.
14. *Rossiia – ne Ukraina: sovremennye aktsenty natsionalizma: sb. statei* [Russia is not Ukraine: modern aspects of nationalism: collected papers], compiled by A. Verkhovskii. Moscow: Tsentr «Sova», 2014. 308 p.

15. *Transgranichnye migratsii i priniimaiushchee obshchestvo: mekhanizmy i praktiki vzaimnoi adaptatsii: monografiia* [Trans-border migration and the receiving society: mechanisms and practices of the mutual adaptation: monograph], ed. by V.I. Diatlov. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2009. 396 p.

16. Tiuriukanova E.V. Migratsionnye vyzovy blizhaishego budushchego, *Migratsiia v Rossii*...[Migration in Russia...]. Vol. 1, issue 1, pp. 313–320.

УДК 314

DOI 10.172239785751123666/18

А.Н. Алексеенко

СУВЕРЕННЫЙ КАЗАХСТАН: МИГРАЦИИ И ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ПУТИ РАЗВИТИЯ

Рассматривается проблема поиска цивилизационной идентичности в суверенном Казахстане. Диапазон поиска ограничивается, с одной стороны, национально-патриотической идеей, стержнем которой является возврат к традиционным ценностям казахского народа. С другой – ускоренной модернизацией (форсированное индустриально-инновационное развитие, урбанизация, вступление в международные экономические союзы и т.п.). Данные представления о будущем концентрируются в городском пространстве Казахстана. Все более важным фактором формирования суверенной идентичности становятся этнодемографические процессы.

Ключевые слова: традиция, урбанизация, модернизация.

Распад СССР и потеря социалистической идентичности привели к активным поискам новой точки опоры. Как и во всех постколониальных вариантах, в Казахстане доминируют две основные идеи – национально-традиционная и индустриальная, прозападная. Особенности их взаимоотношений и определяют вектор социокультурного развития государства. Неоформленные обывательские суждения, сопровождающие эти эволюции, в концентрированном виде представлены в казахстанских бумажных СМИ. СМИ как бы фиксируют пройденные этапы и конструируют мнения, отвечающие запросам определенного слоя населения. Это дает основание рассмотреть проблему выбора пути развития через дискуссии в средствах массовой информации Республики Казахстан (подробнее см.: Алексеенко 2013: 224–249).

Этническая дифференциация патриотической иден. Традиционный вариант идентичности – следствие патриотических настроений, востребованных в постсоветский период. Суть казахстан-

ского патриотизма – в прошлом казахского народа. Неясно, правда, где то «золотое время», в котором присутствовали бы все необходимые критерии «истинной» этничности, могущие стать образцом для подражания. Бесспорно только, что поиск идентичности ведется за пределами не только «тоталитарного», но и «колониального» влияния России. В итоге истина оформилась в образе «настоящего казаха». Ж. Куанышалин констатирует: «Существующий нынче в Казахстане ощутимый раскол казахского социума на нагыз-казахов (настоящих казахов. – *А.А.*) и шала-казахов (полуказахов. – *А.А.*) – это достойная сожаления, но объективная данность, ставшая неизбежным следствием долговременной колонизации, ассимиляции и русификации, которые сильно подорвали и размыли основы казахского этноса как такового. В этом плане можно говорить о том, что... нагыз-казахами являются казахи, в которых больше и лучше сохранилась... казахскость с основными ее составляющими, прежде всего – родной язык, национальное самосознание, психология, менталитет и, что очень важно, дух (включая осознанное чувство приверженности культуре, обычаям, традициям и вере предков – исламу), являющиеся главными критериями национальной самоидентификации» (Куанышалин 2014). Создается жесткая, неподвижная схема, собранная из «нужных» компонентов, каждый из которых отражает особенности развития казахов в разные исторические периоды. Но, вследствие различной динамики эволюции, в «незамутненном» классическом виде эти компоненты никогда одновременно не сосуществовали. Постоянно присутствовал некий смешанный вариант. Свидетельство тому работы казахского ученого Ч. Валиханова, зафиксировавшего особенности бытия народа в середине – второй половине XIX века. Например: «У киргизов (казахов. – *А.А.*) оно (шаманство. – *А.А.*) смешалось с мусульманскими поверьями и, смешавшись, составило одну веру, которая называлась мусульманской... основой этой смешанной веры служило шаманство... Все шаманские обряды, понятия, легенды, столь тесно соединенные с бытом кочевым, сохранились у киргиз в совершенной целостности и представляют богатый материал для исследований среднеазиатских древностей» (Валиханов 1985: 49). Отказ от периода «колониального влияния» России лишает образ нагыз-казаха важнейшей составляющей: «Киргизы до вступления в русское подданство были мусульманами только по имени... Мусульманские законы никогда не были приняты киргизами и были введены в степь путем правительствен-

ной инициативы, вместе с бюрократическими прелестями внешних приказов... Мы не знаем и не можем понять, что имело в виду русское правительство, утверждая ислам там, где он не был вполне принят самим народом... Апостолом Магомета в Сибирской степи был великий Сперанский, назначавший мулл и предположивший построение мечетей и татарских училищ при окружных приказах» (Валиханов 1985: 99).

На патриотическом фундаменте конструируется и будущее суверенного Казахстана: признание государства мононациональным, функционирование государственной системы на основе казахских народных традиций, выход из международных экономических, политических союзов (с РФ, в первую очередь), способных поколебать суверенитет, и т.д. Таким образом, суть патриотически-традиционного варианта – сохранение казахской суверенности на основе ценностей, конструируемых представителями национально-патриотического движения. Его приверженцами являются значительная часть сельского казахского населения государства и представители первого поколения горожан.

Нетитульным населением (русскими, в первую очередь) данный вариант не воспринимается в силу того, что у каждого этноса имеется свое прошлое, оформленное соответствующими традициями и обычаями. Да и, судя по всему, казахстанская патриотическая идея не предполагает чужеродных этнических вкраплений. Во всяком случае, в значительной степени она обращена на примерах героической борьбы казахского народа с колониальным и тоталитарным режимом Российской империи/СССР. Например, российско-советское прошлое автор учебного пособия А. Сейдимбек оценивает следующим образом: «Казахская государственность ... была насильственно ликвидирована, точнее говоря, уничтожена. С этого момента самые одаренные сыновья и дочери казахского народа перестали умирать естественной смертью. Их безжалостно и регулярно уничтожали: свирепствовал государственный этноцид... На протяжении всей истории самое тяжелое, самое страшное преступление было совершено в двадцатом веке в государстве-империи, называемом СССР. Оно не сравнится даже с двумя кровопролитными войнами при жизни одного поколения... Российская империя виновна в уничтожении в XX веке 20 миллионов казахов. Вакуум, образовавшийся в казахской степи после «ударных темпов», заполнили славяне» (Сейдимбек 2001: 554–555). Да и суверенные отношения Казахстана и России,

согласно мнению директора Академии госслужбы при Президенте РК в 2004 г. А. Гали, далеко не дружеские: «Казахстан накопил значительный демографический потенциал, в своей основе он казахский и тюрко-мусульманский. В случае аннексии Казахстана Россией казахи ринутся по России, возрождая угасающее сознание национальных меньшинств... Конечно, помыслы имперской России опасно предсказуемы. Задача казахской элиты – сделать процесс суверенизации необратимым. В случае потери суверенитета казахам достанется роль разрушителя Российской державы, на этот раз ценой больших потерь» (Гали 2004: 17). Таким образом, «патриотический» вариант идентичности имеет четко выраженные и постоянно укрепляющиеся этнические и цивилизационные границы, нарушать которые не предполагает ни одна из сторон.

Модернизация и проблема сосуществования цивилизационных идентичностей. Однако неоднократно обозначенная властными структурами ставка на ускоренную модернизацию демонстрирует готовность движения в противоположную от традиционных ценностей сторону (программа форсированного индустриально-инновационного развития, программа развития городов, Таможенный союз, Единое Экономическое Пространство, ЕВРАЗЭС и т.п.). Данные варианты сосуществуют более двух десятилетий и всё более отдаляются друг друга. Диапазон поиска цивилизационной идентичности постоянно увеличивается.

Более возможные варианты обнаружения истины концентрируются в городе, так как выраженные государственные приоритеты городского пространства инициируют урбанизацию традиционно настроенных автохтонов. Проблема в том, что у казахов исторически не было связи с городом. В досоветское время поток в города был выражен слабо. Казахский сельский социум относился к городу с недоверием: «Города и сельская периферия находились в состоянии постоянной ксенофобии и воспринимали друг друга как враждебную среду. В сознании коренного населения “имперский” русский город локализовался как источник колониальной власти» (Масанов 2001: 261). Да и в советское время города, особенно северо-востока, продолжали оставаться для казахов «чужими». Они в основном выполняли промышленные функции и не планировались быть центрами притяжения сельского населения. Мощный миграционный поток в города в настоящее время вызван в значительной мере социально-экономическими проблемами села. В настоящее время в городах Казахстана сконцен-

трирована масса вчерашних сельских жителей, занимающих низкие социальные статусы и испытывающих серьезные социально-экономические, социокультурные проблемы. Именно на эту часть населения и опирается национал-патриотическое движение.

Изменение этнического состава приводит к усилению позиций традиционного вектора социокультурного развития Казахстана: «В последнее время в массовом казахском сознании стал все отчетливее проявляться осязаемый интерес к родовой истории. Скорее всего, это связано с особенностями процесса самоидентификации, переживаемого казахским социумом... на протяжении почти четверти века суверенной истории трибализм как общественное явление явно переживает процесс трансформации. И если раньше вопрос о родоплеменном происхождении казаха относился к категории бытового уровня и был предметом бесед за дастарханом... то сейчас он как-то исподволь становится уже неким стандартом общественной жизни и даже своего рода маркером для сегментирования “свой – чужой”» (Алимов 2014).

Итак, определяющее влияние на колебания (в сторону традиционного или индустриального полюса) идентичности имеют эволюции этнического состава населения. Национал-патриоты придают этому большое значение. Рост численности казахов, по их мнению, автоматически решит многие социокультурные проблемы: «По мере роста удельного веса казахов в стране автоматически расширяется и среда жизнедеятельности казахского языка, благодаря чему все увереннее возвращает себе естественное, от Аллаха, и законное место в родном отечестве» (Куанышалин 2014). Перестанет быть актуальной проблема государственного статуса русского языка, постоянно поднимающаяся русскими общественными организациями. Политолог А. Сарым считает, что «...количество русскоговорящих в Казахстане через 10 лет сравняется с числом владеющих уйгурским или узбекским... С каждым годом Казахстан будет становиться все более этнически однообразной страной, с очень большим преобладанием тюрко-мусульманского компонента. У русского есть статус – язык межнационального общения, и этого достаточно» (Руденко 2011).

Эволюция этнического состава способствует изменению политических процессов в Казахстане в целом. А. Сарым полагает: «Государство у нас Казахстан, около 70 процентов составляют казахи и, судя по социокультурной, демографической динамике, доля казахского населения растет каждое десятилетие почти на 10 процентов.

Понятно, что через пятнадцать лет ситуация на партийно-политическом рынке будет совершенно иной, нежели сегодня... Будущее любой партии в Казахстане, какой бы она ни была идеологической направленности, будет иметь электоральный успех тогда, когда партии смогут связать свои убеждения и политические взгляды с национальной культурой, историей, с местным менталитетом и так далее...» (Машаев 2012). Необходимо отметить, что казахстанская оппозиция в настоящее время и опирается, в основе своей, именно на численно преобладающий «нагызский» электорат, выступая против интеграционных проектов существующей власти: «В результате навязанной Казахстану “интеграции” в виде “таможенного”, “евразийского” и прочих “союзов” с бывшей метрополией все эти неокOLONиальные процессы лишь усугубляются и усиливаются, обретая все более необратимый характер... главную угрозу независимости Казахстана представляют отнюдь не внешние силы, а наш собственный, антинародный и антиказахский режим...» (Куанышалин 2013).

Динамично меняется и городское пространство. Уменьшающаяся городская европейская компонента (эмиграция, депопуляция) компенсируется притоком из села. Вектор «цивилизационного противостояния» все более концентрируется именно в казахской среде. Немногочисленная городская казахская интеллигенция, особенно не владеющая государственным языком, оказывается под все более мощным прессом национал-патриотов. Так, писатель С. Балгабай вменяет в вину шала-казахам следующее: «В последнее время укоренилось мнение, что за незнание государственного языка нельзя унижать человека. Это стало самой главной преградой в его изучении... В связи с этим мы должны определиться, при каких условиях человека можно считать казахом... Если мы сейчас не решим этот вопрос, то завтра всех тех, кто внешне похож на казаха, будем записывать казахами. И тогда мы долго не протянем как нация. В результате появится новый русскоговорящий народ, внешне похожий на казахов. Для такого поколения метисов не существует ничего святого. Поколение метисов с гибридным языком опасно для нации... Из истории человечества мы знаем, что появившиеся гибридные поколения отличались особой жестокостью. Потому что они приходят в мир через уничтожение своей нации. Это преступление страшнее убийства человека» (Кайратулы 2012).

Ответы «горожан» не менее жесткие и довольно четко демонстрируют разницу между «нагыз-казахами» и «шала-казахами» в ви-

дении ситуации. Например: «Кто такие национал-патриоты? В большинстве своем – творческая интеллигенция, околополитическая тусовка и те, кому не нашлось свистульки, права подписи и большой круглой печати. Эти люди постоянно ищут противников, пишут открытые письма (а раньше писали доносы – преимущественно друг на друга). Эти люди сыграли более отрицательную роль, чем все так называемые колонизаторы вместе взятые. И при этом почитают себя совестью нации... Союз и партия дали нам иерархию, дисциплину и вышестоящую инстанцию, где можно было обжаловать местный произвол, и это не считая социально-экономического, научного и образовательного развития... Теперь в Казахстане самая большая проблема – шала-казахи, те, кто удерживает нацию от мракобесия и мамбетизма... Давайте будем с ними бороться. Пусть они все уедут, а мы построим правильное национальное государство. И будем говорить друг с другом только по-казахски. Только непонятно, о чем. И кто будет тащить страну вперед?» (Ашимбаев 2012). По мнению заведующего отделом политологии и религиоведения Министерства образования и науки РК М. Шайкемелева, поляризация казахстанского общества зашла далеко: «Водораздел проходит не столько по национальному признаку, сколько по социальному. Одна – продвинутая часть общества, которая живет в XXI веке и ориентируется на глобализм и космополитизм. И другая, которая все еще находится под влиянием патриархальных стереотипов и форм поведения, не работающих в глобализованном мире. Пропасть между двумя частями общества медленно, но верно увеличивается» (Кириница 2013).

Заключение. Таким образом, эволюция проблемы выбора цивилизационной идентичности прошла, на взгляд автора, несколько этапов. В первые годы суверенитета основной задачей являлось преодоление этнодемографических перекосов, доставшихся Казахстану от прошлой (советской) эпохи. Проблема лежала в основном в русле межэтнических отношений. В начале XXI в. задача была решена. Ведущие государствообразующие ниши стали занимать представители казахского этноса. Большинство населения также являются казахи. В настоящее время суть проблемы определяют уже внутриэтнические отношения – противостояние «нагыз-казахов» и «шала-казахов». Вследствие численного превосходства «нагыз-казахов» поиск идентичности во все большей степени будет происходить в «патриотическом» направлении. Индустриально-инновационный

вектор развития Казахстана в значительной мере является «революцией сверху» и находит поддержку у меньшего числа населения.

Источники и литература

1. *Алексеевко А.* Этноцизация и традиционализация городского пространства Казахстана // Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: Оттиск, 2013. 624 с.
2. *Алимов М.* МЫ или мы?... шалости с родоплеменной статистикой // Central Asia Monitor. 2014. 3–9 окт.
3. *Ашимбаев Д.* Казахи за независимость не боролись // Время. 2012. 26 апр.
4. *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. Т. 4. 461 с.
5. *Гали А.* Национальная интеграция: за и против // Достык-Дружба, журнал Ассамблеи Народов Казахстана. 2004. Август–сентябрь. С. 17.
6. *Кайратулы Б.* Поколение гибридов опасно для нации // Казахский мир. 2012. 1 апр.
7. *Кириница Ю.* Улучшим мир: реальный и виртуальный // Аргументы и факты Казахстан. 2013. №16.
8. *Куанышалин Ж.* Наша страна представляет собой классическую неоконию // Central Asia Monitor. 2013. 13–19 дек.
9. *Куанышалин Ж.* За единый смысл! // Central Asia Monitor. 2014. 24–30 янв.
10. *Масанов Н.Э. и др.* История Казахстана: народы и культуры: учеб. пособие. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 608 с.
11. *Машаев А.* Золотое сечение национал-патриотов. В Казахстане создается новая партия? // Свобода слова. 2012. 4 апр.
12. *Руденко А.* Опорные точки // Свобода слова. 2011. 8 дек.
13. *Сейдимбек А.* Мир казахов. Этнокультурологическое объяснение: учеб. пособие. Алматы: Пауан, 2001. 625 с.

Alexeenko Alexandr N.

D. Serikbayev East-Kazakhstan State University
alalexenko@mail.ru

Independent Kazakhstan: problem of choosing of development course

The present article addresses the problem of finding civilizational identity in independent Kazakhstan. There two dominating ideas – ethnical traditional and industrial. Ethnical traditional identity is being searched beyond of both «totalitarian» and «colonial» influence of Russia. Future of independent Kazakhstan is shaping on «traditional» foundation: the recognition of the state as mono-ethnic one and functioning of the state system based on Kazakh national traditions. Supporters of national variant are mostly Kazakh rural population, first urban generation.

Non-kazakh population does not support the above variant since each ethnic group has its own history with relevant traditions and customs, nor does patriotic idea accept other ethnic inclusions. Largely it was created on examples of the Kazakh people struggle with the colonial and totalitarian regime of the Russian Empire/USSR and other external enemies.

Thus, the traditional variant of identity has distinct ethnic and civilizational boundaries, which none of the parties mean to cross.

However, authorities focus on speed-up modernization demonstrating movement in opposite from traditional values direction (speed-up modernization, State Program of Forced industrial-innovative Development, the Customs Union, Single Economic Space etc.). Identity variants are more moving away from each other.

The problem is concentrated in city since high state priorities over urban space are determined. Moreover, it leads to mass urbanization of Kazakh population. It is urban space where new identity is established. Changing ethnic composition of population influences on evolution (to traditional or industrial) decisively. Thus, search for identity will be made in «traditional» direction. Industrial development vector is mostly «revolution from above» and majority of population does not support in considerably.

Keywords: tradition, urbanization, modernization.

References

1. Alekseenko A. Etnizatsiia i traditsionalizatsiia gorodskogo prostranstva Kazakhstana, *Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoi Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva* [Resettlement society of the Asian part of Russia: migrations, spaces, communities], eds. V.I. Diatlov and K.V. Grigoriev. Irkutsk: «Ottisk», 2013. 624 p.
2. Alimov M. MY ili my?.. shalosti s rodoplemennoi statistikoi [WE or we?.. tricks with tribal statistics], *Central Asia Monitor*, 2014, 3-9 October.
3. Ashimbaev D. Kazakhi za nezavisimost' ne borolis' [Kazakhs didn't fight for independence], *Vremia*, 2012, April 26.
4. Valikhanov Ch.Ch. *Sobranie sochinenii v piati tomakh* [Collected works in five volumes]. Vol. 4. Alma-Ata: Glavnaia redaktsiia Kazakhskoi sovetskoi entsiklopedii, 1985. 461 p.
5. Gali A. Natsional'naia integratsiia: za i protiv [National integration: pro et contra], *Dostyk-Druzhba, zhurnal Assamblei Narodov Kazakhstana*, 2004, August-September, pp. 17.
6. Kairatuly B. Pokolenie gibridov opasno dlia natsii [Generation of hybrids is dangerous for the nation], *Kazakhskii mir*, 2012, April 1.
7. Kirinitsianov Iu. Uluchshim mir: real'nyi i virtual'nyi [Let's make the world better: real and virtual], *Argumenty i fakty Kazakhstan*, 2013, no. 16.
8. Kuanyshalin Zh. Nasha strana predstavliaet soboi klassicheskuiu neokoloniiu [Our country represents a typical example of neo-colony], *Central Asia Monitor*, 2013, 13-19 December.
9. Kuanyshalin Zh. Za edinyi smysl! [For a common meaning!], *Central Asia Monitor*, 2014, 24-30 January.
10. Masanov N.E. et al. *Istoriia Kazakhstana: narody i kul'tury: ucheb. posobie* [History of Kazakhstan: peoples and cultures: school-book]. Almaty: Daik-Press, 2001. 608 p.
11. Mashaev A. Zolotoe sechenie natsional-patriotov. V Kazakhstane sozdaetsia novaia partiia? [Golden section of national-patriots. Is new party being formed in Kazakhstan?], *Svoboda slova*, 2012, April 4.
12. Rudenko A. Opornye tochki [Reference points], *Svoboda slova*, 2011, December 8.

13. Seidimbek A. *Mir kazakhov. Etnokul'turologicheskoe ob"iasnenie: ucheb. posobie* [World of Kazakhs. Ethnocultural explanation: school-book]. Almaty: Rauan, 2001. 625 p.

УДК 314:312(47.26)

DOI 10.172239785751123666/19

Е.П. Зимовина

РОССИЙСКАЯ ЧАСТЬ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ БАЛТИКИ: МИГРАЦИИ И ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИЭТНИЧНОГО ОБЩЕСТВА¹

Рассматриваются миграционные процессы на территории Калининградской области. Используя статистические данные и интервью с представителями национально-культурных объединений, автор анализирует основные миграционные тренды, выделяет категории мигрантов и характеризует их этнический состав.

Ключевые слова: Юго-Восточная Балтика, Калининградская область, миграция, полиэтничная структура.

Постановка проблемы. Регион Юго-Восточной Балтики имеет важное значение для Российской Федерации. Калининградская область, благодаря своему географическому положению, статусу особой экономической зоны, рекреационным возможностям, является одним из самых привлекательных для мигрантов регионом в России. Миграционные процессы на территории Калининградской области являются предметом изучения исследователей из разных областей наук (например, Федоров, Зверев, Корнеевец 2008; Миграция 2008; Емельянова 2010). Однако вопрос о роли миграций в формировании полиэтничного общества нашел отражение лишь в нескольких работах историков, посвященных первому послевоенному десятилетию (например, Костяшов 2009). В связи с этим был сформулирован основной вопрос: в какой степени миграции оказали влияние на фор-

¹ Автор выражает благодарность председателям и членам национально-культурных объединений Калининградской области В.П. Горбатенко, Ф.Т. Геворкяну, С.М. Зезере, С.В. Им, П.П. Корсукову, Е.С. Леоновой, М.П. Майстровой, К.К. Расулову, Е.А. Рогачиковой, М. Саламову, С.Л. Стерлину, Р.Х. Хадиеву за интересные интервью и предоставленные дополнительные материалы по теме исследования. Автор благодарит О.Х. Авдыша и А.А. Астахова за организационную поддержку.

мирование полиэтничной структуры калининградского общества в постсоветский период?

Источники исследования. Данные официальной статистики дают представление об основных направлениях, объемах и структуре миграций, этническом составе населения. Это переписи населения, федеральные и региональные статистические сборники. Экспертные интервью с председателями и членами национально-культурных объединений Калининградской области позволили проанализировать процессы интеграции и адаптации мигрантов, проследить процесс формирования диаспор, а также сделать выводы о степени устойчивости этнической идентичности.

Основные миграционные тренды. Активные миграционные процессы постсоветского периода оказали влияние как на динамику численности населения области, так и на ее этническую структуру. Самые масштабные иммиграционные потоки пришлось на девяностые годы, когда в составе прибывших количество мигрантов из других регионов России и из зарубежных стран было практически одинаковым (табл. 1). Среди прибывших преобладали русские, украинцы, белорусы (в основном из других регионов России) и немцы, в большинстве своем из-за пределов России (табл. 2). Все крупные этносы демонстрировали положительное сальдо миграции (табл. 2). Основными «поставщиками» мигрантов в первые годы после распада СССР были Казахстан, Узбекистан, Украина, Беларусь, Латвия и Литва (Демографический... 1998: 67). Именно там было сосредоточено многочисленное русское и русскоязычное население, которое после распада Советского Союза потянулось в Россию. Руководитель русско-корейского культурного центра И.С. Им так охарактеризовал ситуацию тех лет: *«Когда в начале 1990-х годов страны Средней Азии и Казахстан получили независимость, то многих людей это стало настораживать. Ведь мы являемся русскоязычными. И у кого была возможность, те стали переезжать туда, где говорят и думают по-русски. Именно этот фактор и сказался. Начали студенты выезжать на учебу и, обосновавшись, стали своих родителей забирать»* (Интервью 8). Председатель правления Центра чеченской и ингушской культуры «Вайнах» Р. Хациев: *«Сюда много из Казахстана чеченцев приехали»* (Интервью 4). Руководитель армянской диаспоры Калининградской области Ф.Т. Геворкян: *«... у нас много русскоязычных. В 1990-х годах, во время активной миграции, много армян приехали сюда из других регионов России, из Средней*

Азии и Казахстана ... Одна треть калининградской диаспоры – это выходцы из Азербайджана. Т.е. армянская диаспора Калининградской области состоит из армян, прибывших сюда из разных регионов бывшего Советского Союза» (Интервью 7).

Таблица 1. Миграционное взаимодействие Калининградской области с другими регионами России и зарубежными странами (сведения за январь – ноябрь 2014 г.)¹

Год	Прибывшие	Из них		Выбывшие	Из них		Миграционный прирост	В результате	
		Из других регионов России	Из зарубежных стран		В другие регионы России	В зарубежные страны		С другими регионами России	С другими странами
1990	34531	17894	16637	21137	13744	7393	13394	4150	9244
1991	32572	16557	16015	19733	12413	7320	12839	4144	8695
1992	31256	12496	18760	14779	8606	6173	16477	3890	12587
1993	27338	11195	16143	16298	10261	6037	11040	934	10106
1994	32262	13199	19063	13883	10149	3734	18379	3050	15329
1995	24796	12049	12747	13767	10044	3723	11029	2005	9024
1996	20759	11158	9601	11436	8246	3190	9323	2912	6411
1997	22997	11624	11373	10022	7186	2836	12975	4438	8537
1998	22202	10553	11649	9252	6496	2756	12950	4057	8893
1999	13804	7309	6495	4167	1098	3069	9637	6211	3426
2000	13337	6684	6653	8236	5953	2283	5101	731	4370
2001	11351	7127	4224	7031	5252	1779	4320	1875	2445
2002	11599	7340	4259	6439	5007	1432	5160	2333	2827
2003	9276	7211	2065	6139	4919	1220	3137	2292	845
2004	9977	5791	2186	5076	4239	837	2901	1552	1349
2005	8329	5281	3048	4904	4151	753	3425	1130	2295
2006	8623	5488	3135	4614	4012	602	4009	1476	2533
2007	8776	5301	3475	4500	4037	463	4276	1264	3012
2008	8194	4650	3544	4472	4048	424	3722	602	3120
2009	7917	4250	3667	4530	4142	388	3387	108	3279
2010	8173	5018	3155	4866	4411	455	3307	607	2700
2011	13641	8119	5522	7213	6754	459	6428	1365	5063
2012	18394	12260	6134	9692	8318	1374	8702	3942	4760
2013	21155	13383	7772	12179	9881	2298	8976	3502	5474
2014*	17956	12182	5774	12378	9543	2835	5578	2639	2939

К началу 2000-х гг. количество прибывших из зарубежных стран значительно уменьшилось (табл. 1). Сократился миграционный по-

¹ Демографический... 1998; Демографический... 2000; Демографический... 2004; Численность и миграция населения Калининградской... 2006; Численность и миграция населения Калининградской... 2013.

тенциал русского и русскоязычного населения в бывших союзных республиках. Определенную роль сыграли социально-экономические и политические факторы. Например, стабилизация национальных экономик и некоторое повышение уровня жизни в Беларуси и Казахстане, а также вхождение Латвии, Литвы и Эстонии в состав Евросоюза.

На современном этапе Калининградская область привлекательна в основном для мигрантов из стран «ближнего зарубежья» – Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Украины и Армении (Численность и миграция населения Российской... 2013: 76, 108–109). Респонденты отмечают следующие факторы переезда в Калининградскую область: «... по геополитическому расположению – вроде и Россия, а вроде и Европа. В последние годы программа переселения тоже дала о себе знать ... есть «сарафанное радио» – через друзей и знакомых едут сюда» (Интервью 8). Отмечается и фактор толерантности: «Калининград имеет дух отстраненности от остальной России. Все-таки это анклав, и все сюда «понаехали». И никто не может сказать друг другу: «вы сюда понаехали», потому что все сюда «понаехали». Люди сюда приезжают жить, приезжают зарабатывать. Люди сюда приезжают не для того, чтобы конфликтовать» (Интервью 4).

Если в девяностые годы подавляющее большинство мигрантов указывали свою этническую принадлежность, то в начале 2000-х гг. многие стали оставлять этот вопрос без ответа. Так, в 1999 г. не указали свою этническую принадлежность лишь 2,3% прибывших и 3,2% выбывших из области; а в 2005 г. – более трети (35,6% и 33,2%, соответственно) (табл. 2). Во многом это было связано с введением новых паспортов (как в России, так и в постсоветских государствах), в которых не всегда указывалась этническая принадлежность. Однако существуют и другие мотивы. Об этом упомянул руководитель таджикской диаспоры Калининградской области: «Статистика отталкивается от того, что зафиксировано, а фиксация происходит от добровольного пожелания каждого гражданина, который хотел бы себя отождествлять или позиционировать по национальной принадлежности ... Но не каждый хочет говорить о своей национальности. Есть люди, которые боятся, что их будут преследовать. Например, таджик, гражданин Таджикистана не встал на миграционный учет или миграционный учет просрочен. Человек боится, что его могут депортировать. А он хотел бы остаться и

продолжать трудиться. А это сложный вопрос, который переключается с законом ... Поэтому когда статистика начинает выкладывать цифры, естественно, такие неохваченные люди не попадают в статотчетность» (Интервью 3). Анализ этнической структуры мигрантов осложнен, поскольку с 2008 г. в листах статистического учета прибытий и выбытий отсутствует вопрос о национальной принадлежности.

За последние два с половиной десятилетия претерпела изменения и структура выбытий по Калининградской области (табл. 1). Наибольшее количество эмигрантов уезжали в Белоруссию, Германию, Казахстан, Украину (Демографический... 2000: 76–79). Как правило, выбытия были связаны с обстоятельствами личного характера, семейно-бытовыми вопросами, учебой, новым местом работы. Имели место и обратные миграции, возвращение в места прежнего места жительства. Получили распространение этнические миграции, связанные с «возвращением» на историческую родину. Вот как охарактеризовал миграцию еврейского населения директор некоммерческой организации «Развитие еврейской культуры в Калининградской области» С.Л. Стерлин: *«Это не эмиграция, а репатриация. Евреи не эмигрируют. Евреи уезжают на свою Родину, в Израиль... Основные направления – это Германия и Америка. Едут и в Новую Зеландию, и в Канаду, и в Австралию. Но в первую очередь – это репатриация в Израиль. Репатриация – это выполнение долга перед своим народом, перед своей страной»* (Интервью 5). Интересно выглядит миграционная траектория польского населения: *«После распада СССР (в Калининградской области. – Е.З.) добавились польские переселенцы из Казахстана. Многие из них в дальнейшем уехали в Польшу. Кстати говоря, некоторые ехали сюда именно с такой целью. Поэтому часть поляков здесь оседает, а другие едут дальше. Из других регионов России поляки сюда приезжают, потому что это самая близкая к Польше территория России. Т.е. Калининградская область является своеобразной транзитной территорией ... Но есть и смешанные семьи, поэтому уезжают далеко не все»* (Интервью 2). Среди выбывших численно преобладали представители тех же этносов, что и среди прибывших: большинство немцев выезжали в Германию; русские, украинцы, белорусы переезжали в основном в другие регионы России (табл. 2).

Таблица 2. Распределение мигрантов Калининградской области по национальностям (внешние миграции; человек)¹

Этни- ческая при- над- леж- ность	1999								
	Прибывших	Из них		Выбывших	Из них		Миграционный прирост	Из них	
		В пределах РФ	Из-за пре- делов РФ		В пределах РФ	За пределы РФ		В пределах РФ	За предела- ми РФ
Всего	24513	18024	6495	20882	17813	3069	3637	211	3426
Русские	18540	14380	4160	15776	14280	1496	2724	100	2664
Татары	255	145	110	186	162	24	69	-17	86
Азер- байд- жанцы	160	66	94	92	70	22	68	-4	72
Армяне	304	150	154	179	150	29	125	0	125
Бело- русы	1072	820	252	1127	743	384	-55	77	-132
Грузи- ны	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Казахи	64	25	39	33	27	5	31	-2	34
Кирги- зы	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Латыши	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Литовцы	303	242	61	260	222	38	43	20	23
Мол- даване	63	34	29	40	35	5	23	-1	24
Тад- жики	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Турк- мены	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Узбеки	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Укра- инцы	2043	1215	828	1622	1180	442	421	35	386
Эстонцы	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Немцы	790	331	459	643	236	407	147	95	52
Поляки	115	72	43	88	55	33	27	17	10
Евреи	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Не ука- зав- шие нацио- наль- ность	553	363	190	678	509	169	-125	-146	21

¹ Демографический... 2000: 76–79; Численность и миграция населения Калининградской... 2006: 44–49.

Этни- ческая при- над- леж- ность	2005								
	Прибывших	Из них		Въбывших	Из них		Миграционный прирост	Из них	
		В пределах РФ	Из-за пределов РФ		В пределах РФ	За пределы РФ		В пределах РФ	За пределами РФ
Всего	14455	11407	3048	11030	10277	753	3425	1130	2295
Русские	7576	6159	1417	6263	5988	275	1313	171	1142
Татары	100	66	34	68	64	4	32	2	30
Азербай- джанцы	45	29	16	37	37	0	8	-8	16
Армяне	163	83	80	83	82	1	80	1	79
Бело- русы	246	158	88	166	152	14	80	6	74
Грузи- ны	19	17	2	9	9	0	10	8	2
Казахи	33	10	23	11	10	1	22	0	22
Кирги- зы	2	0	2	1	1	0	1	-1	2
Латыши	4	3	1	4	4	0	0	-1	1
Литов- цы	47	44	3	44	36	8	3	8	-5
Молда- ване	19	7	12	6	3	3	13	4	9
Таджи- ки	22	9	13	5	5	0	17	4	13
Турк- мены	6	2	4	1	1	0	5	1	4
Узбеки	26	9	17	11	8	3	15	1	14
Укра- инцы	466	277	189	259	218	41	207	59	148
Эстон- цы	6	1	5	2	2	0	4	-1	5
Немцы	285	133	162	205	75	130	90	58	32
Поляки	38	22	16	22	20	2	16	2	14
Евреи	9	5	4	6	3	3	3	2	1
Не ука- завшие нацио- наль- ность	5150	4244	906	3663	3405	258	1487	839	648

Категории мигрантов. В 2007–2010 гг. Калининградская область занимала лидирующие позиции по количеству переселенцев в рамках Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом: 2007 г. – 413, 2008 г. – 3717, 2009 г. – 2304, 2010 г. – 2684, 2011 г. – 3622, 2012 г. – 5513, 2013 г. – 3222 человека (Численность и миграция населения Российской... 2009: 38; Численность и миграция населения Российской... 2013: 37; Численность и миграция населения Российской... 2014: 37). С 2011 г. регион уступил первенство Калужской и Липецкой областям. Тем не менее к началу 2014 г. в Калининградской области насчитывалось самое большое количество участников Госпрограммы – 14,5% от общего количества переселившихся в Россию. Наибольшее количество прибыло из Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Армении и Украины (О реализации... 2013).

Следует отметить полиэтнический состав участников Госпрограммы. Об этом говорили в интервью и представители диаспор Калининградской области. К.К. Расулов: *«Сложился стереотип, что из Таджикистана приезжают одни рабочие. А ведь переселенцы, которые приехали на постоянное место жительства в Калининградскую область, – это как раз интеллигенция. Это цвет нации приехал – преподаватели, медики, инженеры. Это люди, которые занимали там и которые уже занимают здесь не последние места»* (Интервью 3). Ф.Т. Геворкян: *«В Армении открыто постоянно действующее представительство миграционной службы Российской Федерации и, таким образом, армяне смогли подавать заявления для переселения сюда (в Калининградскую область. – Е.З.). Это способствовало тому, что сюда стала приезжать более качественная категория людей. Это врачи, люди строительных специальностей, инженеры, технологи и т.д. И эти люди украсили армянскую общину здесь»* (Интервью 7).

В Калининградскую область идет также большой поток трудовых мигрантов, в основном из Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана. Некоторые трудовые мигранты привозят семьи, обосновываются и остаются жить. Это способствует увеличению численности представителей центрально-азиатских народов в области. Сложно определить численность трудовых мигрантов, особенно в 1990-е гг., когда они в подавляющем большинстве находились на нелегальном положении и, следовательно, нигде не учитывались. На современ-

ном этапе существует система квотирования иностранной рабочей силы, осуществляется выдача патентов, совершенствуются административно-юридические нормы осуществления трудовой деятельности иностранцев на территории России. Тем не менее можно говорить лишь об *оценочной* численности всех категорий трудовых мигрантов. Председатель Калининградской региональной общественной организации таджикской культуры К.К. Расулов выразился так: *«Трудовые мигранты все равно здесь находятся. Они выезжают, приезжают на работу, и все равно какая-то постоянная цифра трудовых мигрантов здесь присутствует. Получается, что люди меняются, а цифра остается более-менее постоянной... Еще пять лет назад слово «таджик» было нарицательным. Сегодня о таджиках уже не говорят как о гастарбайтерах, потому что идет большой поток трудовых мигрантов из Узбекистана. Таджики ушли сразу на задний план. Но их стало меньше и приезжать, потому что рабочие места занимают граждане Узбекистана, а рабочих мест не становится больше»* (Интервью 3).

По словам руководителя отделения Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации в г. Калининграде В.П. Горбатенко, *«в Калининграде много трудится людей из Республики Беларусь. Есть неорганизованные группы людей, они самостоятельно приезжают. А есть и организациями приезжают. Например, белорусы работали на строительстве ТЭЦ-2 в Калининграде. Другой пример – комбикормовый завод в Краснознаменске, на котором работали специалисты из Брестского стройтреста № 8. Двадцать восьмое строительное управление Брестской области тоже здесь отработало, другой объект завершили. Это люди, которые приезжают с техникой, с материалами. Это образованные специалисты, люди, имеющие специальность и квалификацию. Они работают по договору, строят различного рода сложные сооружения, как правило, с хорошим качеством, в обозначенные сроки и не превышая стоимости объекта»* (Интервью 1).

Зафиксирована и такая категория, как вынужденные мигранты (беженцы и вынужденные переселенцы)¹. Наибольшее количество вынужденных мигрантов было зарегистрировано в 1990-е гг.: 1992 г. – 2895, 1993 г. – 3868, 1994 г. – 5968, 1995 г. – 2843, 1996 г. –

¹ Регистрация вынужденных переселенцев в России осуществляется с 1 июля 1992 г., регистрация беженцев – с 20 марта 1993 г.

2302, 1997 г. – 1887 человек. На начало 1998 г. на территории области 11361 человек имели статус беженцев и вынужденных переселенцев (Калининградская... 1996: 12; Демографический... 1998: 69–70). В 2000-е гг. исчезает такая категория мигрантов, как беженцы, но сохраняется категория вынужденных переселенцев. Однако ежегодное количество людей, получивших статус вынужденных переселенцев, насчитывает уже не тысячи, а единицы: 2007 г. – 12, 2009 г. – 3, 2010 г. – 3, 2011 г. – 3, 2012 г. – 2, 2013 г. – 3 человека (Численность и миграция населения Российской... 2009: 166; Численность и миграция населения Российской... 2011: 157; Численность и миграция населения Российской... 2013: 130; Численность и миграция населения Российской... 2014: 132). На начало 2014 г. в Калининградской области 254 человека имели статус вынужденных переселенцев. Беженцев на территории области нет.

Представитель армянской диаспоры: *«В девяностые годы, когда происходили конфликты в Нагорном Карабахе, сюда (в Калининградскую область. – Е.З.) стали приезжать переселенцы из Азербайджана – из Баку. Здесь много бакинских. Они приезжали с 1992 г. Очень много было переселенцев и из Нагорного Карабаха. Большое количество – около 4 тыс. человек – здесь проживают также беженцы из бывшего Шаумяновского района Азербайджана. Это северная часть Нагорного Карабаха. Из этой части в 1992 г. насчитывалось 24 тысячи беженцев. Первоначально они оказались на территории Армении, а уже потом, из Армении, многие начали переселяться сюда и в другие регионы России»* (Интервью 7).

К.К. Расулов вспоминает, что военные действия в Таджикистане в начале 1990-х гг. привели к появлению первых беженцев: *«Тогда было определено пять мест, куда можно было переселяться – Белгородская, Калининградская, Тверская, Смоленская области ... Пришлось все бросить в Таджикистане. Я сам из Душанбе. Занимался горными лыжами... Наша горнолыжная коалиция решила переселиться в Калининград и выбрали меня руководителем и организатором переселения... Вот так сюда и приехали ... Сюда должны были приехать 500 семей беженцев (1,5 тысячи человек). Стали ставить дома контейнерного типа. Поставили 8 домов. Железной дорогой эти дома из Твери привезли. Мы закупили эти дома на свои деньги в поселке Земцы Нелидовского района Тверской области. Эти 8 домов были первыми пунктами для приема первых беженцев ...*

Это была первая волна переселенцев в 1990-х годах. Вторая волна пошла уже в 2000-х годах» (Интервью 3).

Процессы адаптации и интеграции мигрантов зачастую сопровождаются формированием двойной идентичности: с одной стороны, житель и гражданин России; с другой стороны, представитель определенной этнической группы или территории выезда (например, «казахстанец», уроженец Армении и т.д.). Ф.Т. Геворкян: *«У нас (армян) просто две родины. Там, в Армении, – этническая родина. А здесь, в Калининградской области, – место проживания. Например, мой сын приехал сюда в четырехлетнем возрасте, и он говорит: конечно, Армения – это моя историческая родина, но моя родина все-таки здесь»* (Интервью 7). С.В. Им: *«Корея – это мне близкая страна, но после России ...Я и живу, и думаю, и имею отношение к общественной жизни здесь, в России»* (Интервью 8). К.К. Расулов: *«Наша автономия не отделяет этнических таджиков от переселенцев из Таджикистана. Например, у нас в автономии есть семья литовцев из Таджикистана. Глава семьи не говорит по-литовски, но знает таджикский ... Так он говорит: “Таджикистан – моя родина. Я себя считаю таджиком. Не таджиком по национальности, а по своей принадлежности”. ...Потому что люди оттуда приехали, и они отождествляют себя с Таджикистаном, считают эту страну своей родиной, где они родились, росли, жили, учились, работали вместе»* (Интервью 3). Е.А. Рогачикова: *«На лбу у меня не написано о том, что я полька. Такой же русский человек, как и все остальные»* (Интервью 2). П.П. Корсуков: *«Цыгане считают, что Россия – это ихняя, именно ихняя. ... они Россию считают своей. Здесь родились и выросли, и все считают Россию своей родиной»* (Интервью 6). М. Саламов: *«Находясь в собственной стране, мы (чеченцы Калининградской области. – Е.З.) живем в другом историческом окружении. Мы живем в среде, которая отличается от нашей исторической родины. И язык, и культура – разные. Она понятная, приемлемая для нас культура, но она, естественно, отличается»* (Интервью 4). Как видно, этническая идентичность является не единственной. Она существует параллельно с культурной, языковой и гражданской идентичностями. Именно двойственная идентичность мигрантов становится основой образования и функционирования диаспор и землячеств в полиэтничном обществе.

Заключение. Миграционные процессы на территории Калининградской области в постсоветский период оказали существенное

влияние на процесс формирования полиэтничной структуры населения региона. Этому способствовали инициативные миграции, трудовые миграции, вынужденные миграции, а также Госпрограмма добровольного переселения соотечественников. Полиэтническое общество Калининградской области продолжает развиваться, и особое значение в нем приобретают вопросы сосуществования культурной, языковой, гражданской и этнической идентичностей.

Источники и литература

1. *Демографический ежегодник Калининградской области*: Стат. сб. Калининград, 1998.
2. *Демографический ежегодник Калининградской области*: Стат. сб. Калининград, 2000.
3. *Демографический ежегодник Калининградской области*: Стат. сб. Калининград, 2004.
4. Емельянова Л.Л. Трансграничная миграция в регионе Юго-Восточной Балтики: факторы, структура, последствия // Балтийский регион. 2010. № 4(6). С. 61–70.
5. *Интервью 1* Е.П. Зимовиной с руководителем отделения Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации в г. Калининграде В.П. Горбатенко, председателем Совета общественной организации Региональной национально-культурной автономии «Калининградское землячество белорусов» С.М. Зезерой и секретарем Совета М.П. Майстровой (27.11.2013, г. Калининград).
6. *Интервью 2* Е.П. Зимовиной с председателем местной польской национально-культурной автономии г. Калининграда «Полония» Е.А. Рогачиковой (04.12.2013, г. Калининград).
7. *Интервью 3* Е.П. Зимовиной с председателем Калининградской региональной общественной организации таджикской культуры им. Исмоила Сомони К.К. Расуловым (19.12.2013, г. Калининград).
8. *Интервью 4* Е.П. Зимовиной с председателем правления Центра чеченской и ингушской культуры «Вайнах» Р.Х. Хациевым и М. Саламовым (21.12.2013, г. Калининград).
9. *Интервью 5* Е.П. Зимовиной с директором некоммерческой организации «Развитие еврейской культуры в Калининградской области» С.Л. Стерлиным (18.12.2013, г. Калининград).
10. *Интервью 6* Е.П. Зимовиной с председателем РОО Цыган Калининградской области «ТРАЁ» Е.С. Леоновой и зам. председателя П.П. Корсуковым (22.01.2014, г. Калининград).
11. *Интервью 7* Е.П. Зимовиной с председателем Армянской региональной национально-культурной автономии Калининградской области Ф.Т. Геворкяном (18.02.2014, г. Калининград).
12. *Интервью 8* Е.П. Зимовиной с С.В. Им, президентом Русско-корейского культурного центра (Калининградская региональная общественная организация) (16.05.2014, г. Калининград).
13. *Калининградская область в цифрах*. Крат. ст. сб. Калининград, 1996.

14. *Костяшов Ю.В.* Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг. Калининград: Терра Балтика, 2009.

15. *Миграция и социально-экономическое развитие стран региона Балтийского моря: Материалы международной конференции / под ред. Л.Л. Емельяновой, Г.М. Федорова.* Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008.

16. *О реализации в Калининградской области программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом: Стат. сб.* Калининград, 2013.

17. *Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области [Электронный ресурс].* – URL: http://kaliningrad.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kaliningrad/ru/statistics/population/ (дата обращения: 15.10.2014).

18. *Федоров Г.М., Зверев Ю.М., Корнеевец В.С.* Россия на Балтике: 2000–2007 годы. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008.

19. *Численность и миграция населения Калининградской области в 2005 г.: Стат. сб.* Калининград, 2006.

20. *Численность и миграция населения Калининградской области. 2012 год: Стат. сб.* Калининград, 2013.

21. *Численность и миграция населения Российской Федерации в 2008 г.: Стат. бюл. М., 2009.*

22. *Численность и миграция населения Российской Федерации в 2010 г.: Стат. бюл. М., 2011.*

23. *Численность и миграция населения Российской Федерации в 2012 г.: Стат. бюл. М., 2013.*

24. *Численность и миграция населения Российской Федерации в 2013 г.: Стат. бюл. М., 2014.*

Zimovina Elena P.

Immanuel Kant Baltic Federal University

zimelena@yandex.ru

The Russian part of the South-Eastern Baltic: migration and the formation of multi-ethnic society

In the paper were analyzed the migration processes in the Kaliningrad region. The author were used as the materials of official statistics and individual interviews with representatives of national-cultural associations of the region. The author analyzes the main migration trends, categories of migrants and characterizes their ethnic composition. The issues of co-existence of cultural, linguistic, ethnic and civic identities have the particular importance in a multiethnic society at the present stage. It concludes a significant impact of migration on the formation of multiethnic structure of the population of the region.

Keywords: South-Eastern Baltic, Kaliningrad region, migration, multiethnic structure.

References

1. *Demograficheskii ezhegodnik Kaliningradskoi oblasti: Stat. sb.* [Demographic Yearbook of Kaliningrad region: statistical collection]. Калининград, 1998.

2. *Demograficheskii ezhegodnik Kaliningradskoi oblasti: Stat. sb.* [Demographic Yearbook of Kaliningrad region: statistical collection]. Калининград, 2000.

3. *Demograficheskii ezhegodnik Kaliningradskoi oblasti: Stat. sb.* [Demographic Yearbook of Kaliningrad region: statistical collection]. Kaliningrad, 2004.
4. Emel'ianova L.L. Transgranichnaia migratsiia v regione Iugo-Vostochnoi Baltiki: faktory, struktura, posledstviia [Trans-border migration in South-Eastern Baltic region: factors, structure, consequences], *Baltiiskii region*, 2010, no. 4(6), pp. 61–70.
5. *Interview 1* of E.P. Zimovina with the Head of department of the Embassy of the Republic of Belarus in Kaliningrad V.P. Gorbatenko, with the Chairman of the Board of the NGO Regional national-cultural autonomy “Kaliningrad fraternity of Belarusians” S.M. Zezera and with the Secretary of the Board M.P. Maistrova (27.11.2013, Kaliningrad).
6. *Interview 2* of E.P. Zimovina with the chairman of local Polish national and cultural autonomy in Kaliningrad “Poloniia” E.A. Rogalichikova (04.12.2013, Kaliningrad).
7. *Interview 3* of E.P. Zimovina with the chairman of Ismoil Somoni Kaliningrad regional Non-governmental organization of Tajik culture K.K. Rasulov (19.12.2003, Kaliningrad).
8. *Interview 4* of E.P. Zimovina with the CEO of the Center of Chechen and Ingush culture “Vainakh” R.Kh. Khatsiev and M. Salamov (21.12.2013, Kaliningrad).
9. *Interview 5* of E.P. Zimovina with the director of non-profit organization of “The Development of Jewish culture in Kaliningrad region” S.L. Sterlin (18.12.2013, Kaliningrad).
10. *Interview 6* of E.P. Zimovina with the chairman of NGO of Gypsies in Kaliningrad region “TRAE” E.S. Leonova and Deputy Chairman P.P. Korsukov (22.01.2014, Kaliningrad).
11. *Interview 7* of E.P. Zimovina with the chairman of Armenian regional national and cultural autonomy of Kaliningrad region F.T. Gevorkian (18.02.2014, Kaliningrad).
12. *Interview 8* of E.P. Zimovina with Im S.V., the president of Russia-Korean cultural center (Kaliningrad regional non-governmental organization) (16.05.2014, Kaliningrad).
13. *Kaliningradskaia oblast' v tsifrakh. Krat.st.sb* [Kaliningrad region in numbers: brief statistical collection]. Kaliningrad, 1996.
14. Kostiashev Iu.V. *Sekretnaia istoriia Kaliningradskoi oblasti. Ocherki 1945-1956 gg.* [Secret history of Kaliningrad region, Essays 1945-1956]. Kaliningrad: Terra Baltika, 2009.
15. *Migratsiia i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie stran regiona Baltiiskogo moria: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii* [Migration and the socio-economic development of the Baltic Sea region: Proceedings of the International conference], eds. L.L. Emel'ianova, G.M. Fedorov. Kaliningrad: Izd-vo RGU im. I. Kanta, 2008.
16. *O realizatsii v Kaliningradskoi oblasti programmy po okazaniu sodeistviia dobrovol'nomu pereseleniiu v Rossiiskuiu Federatsiiu sootechestvennikov, prozhivaiushchikh za rubezhom: Stat. sb.* [On the implementation in the Kaliningrad region of the program to assist the voluntary resettlement to the Russian Federation of compatriots living abroad: statistical collection]. Kaliningrad, 2013.
17. *Territorial'nyi organ Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Kaliningradskoi oblasti* [The Territorial Body of the Federal state Statistics Service in the Kaliningrad region]. Available at: http://kaliningrad.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kaliningrad/ru/statistics/population/ (Accessed 15 October 2014).
18. Fedorov G.M., Zverev Iu.M., Korneevets V.S. *Rossii na Baltike: 2000-2007 gody. Monografiia* [Russia on the Baltic Sea: 2000-2007 years. Monograph]. Kaliningrad: Izd-vo RGU im. I. Kanta, 2008.
19. *Chislennost' i migratsiia naseleniia Kaliningradskoi oblasti v 2005 g.: Stat. sb.* [Population size and migration in the Kaliningrad region in 2005: statistical collection]. Kaliningrad, 2006.

20. *Chislennost' i migratsiia naseleniia Kaliningradskoi oblasti. 2012 god: Stat. sb.* [Population size and migration in the Kaliningrad region in 2012: statistical collection]. Kaliningrad, 2013.

21. *Chislennost' i migratsiia naseleniia Rossiiskoi Federatsii v 2008 g. Stat. biul.* [Population size and migration in the Russian Federation in 2008: statistical newsletter]. Moscow, 2009.

22. *Chislennost' i migratsiia naseleniia Rossiiskoi Federatsii v 2010 g. Stat. biul.* [Population size and migration in the Russian Federation in 2010: statistical newsletter]. Moscow, 2011.

23. *Chislennost' i migratsiia naseleniia Rossiiskoi Federatsii v 2012 g. Stat. biul.* [Population size and migration in the Russian Federation in 2012: statistical newsletter]. Moscow, 2013.

24. *Chislennost' i migratsiia naseleniia Rossiiskoi Federatsii v 2013 g. Stat. biul.* [Population size and migration in the Russian Federation in 2013: statistical newsletter]. Moscow, 2014.

УДК 94+316+572

DOI 10.172239785751123666/20

Н.П. Погодаев

СТРАТЕГИЯ «КЕЙС-СТАДИ» ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ ИЗ ТАДЖИКИСТАНА В УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СРЕДЕ ТОМСКА¹

В статье исследовательский случай – адаптация студентов из Таджикистана в университетской среде Томска – рассматривается через призму проведения исследования методом кейс-стади, который позволяет изучить ситуацию с самых разных позиций отдающего и принимающего сообществ. Основой исследовательского проекта являются материалы индивидуальных глубинных интервью.

Ключевые слова: адаптация, студенты, культурная дистанция, культурный шок, русский язык, Таджикистан.

Введение. В связи с развивающимися процессами образовательной миграции большое значение имеет проблема адаптации студентов из страны «выезда» в стране «въезда». Томские университеты ведут целенаправленную деятельность по привлечению студентов из дальнего и ближнего зарубежья. По мнению представителя админи-

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

страции Томской области, это обусловлено задачами, которые перед вузами ставит Министерство образования и науки РФ: «...у нас два университета попали в число ведущих университетов, в так называемый ТОП-15, где они взяли на себя обязательства увеличить количество иностранных студентов» (Интервью ПОВТ-1... 2014). Но есть и объективные обстоятельства, связанные с демографической ситуацией: *«Даже если у нас все школьники Томской области поступят в университеты, мы закроем не больше 40 % мест в университетах. Поэтому наши университеты, даже без указания министерства, вынуждены заниматься привлечением иногородних и иностранных студентов»* (Интервью ПОВТ-1... 2014). В данной статье исследовательский случай – адаптация студентов из Таджикистана в университетской среде Томска – рассматривается через призму проведения исследования методом кейс-стади. Данный метод позволяет исследовать ситуацию с самых разных позиций отдающего и принимающего сообществ: внешних обстоятельств, касающихся межгосударственного взаимодействия России и Таджикистана в сфере образования; статистики, отражающей разные уровни данного процесса; мнений различных субъектов, так или иначе вовлеченных в этот процесс – от непосредственно студентов до представителей различных структур, в которые обращаются студенты-мигранты. Основой исследовательского проекта являются материалы индивидуальных глубинных интервью, проведенных автором со студентами из Таджикистана, обучающимися в университетах Томска, и руководителями таджикской диаспоры в Томске. Материалы интервью цитируются с сохранением лексических и грамматических особенностей речи респондентов. Особенности речи выделены в тексте жирным шрифтом и подчёркиванием. Это ещё один аспект метода кейс-стади – возможность показать степень владения русским языком и студентов, недавно приехавших учиться в Россию, и таджиков, живущих в России много лет. В условиях межкультурной адаптации освоение языка является одним из ключевых условий совместимости с новой культурной средой. Но каков бы ни был уровень владения русским языком теми или иными представителями Таджикистана, билингвизм является неотъемлемой частью современной культуры этой страны. Можно предположить, что дальнейшее состояние билингвизма в этой стране станет производной от целого ряда факторов: качества преподавания русского языка в школах и университетах Таджикистана, количества студентов-таджиков,

обучающихся в России, количества трудовых мигрантов, работающих в России, общеполитического и экономического взаимодействия двух стран.

Индивидуальные глубинные интервью проводились и с различными представителями принимающего сообщества. Всего насчитывается около 25 видов информантов, так или иначе способных пролить свет на процесс психологической и социокультурной адаптации студентов-мигрантов из Таджикистана в Томске. Среди них интервью с сотрудниками областного департамента по высшему профессиональному образованию администрации Томской области, с рядовыми жителями г. Томска, принадлежащими к разным социальным группам, с представителями средств массовой информации, способных оценить актуальность проблем образовательной миграции в среде принимающего сообщества. Не обходится вниманием и информация от учреждений миграционной службы, страховых и медицинских учреждений, в которые обращаются студенты-мигранты; от УМВД и ФСКН, данные которых могут свидетельствовать о девиантном поведении того или иного приехавшего студента и выходе его за пределы законов принимающего государства; от общественных организаций, занимающихся проблемами межэтнических отношений в Томске; от риэлтерских компаний, в которые студенты-мигранты могут обращаться по вопросам аренды жилья, от служителей мечетей города Томска. Кроме этого, в рамках метода кейс-стади используется информация, полученная автором в период участия в работе Дней образования, науки и культуры Томской области в Республике Таджикистан 9–14 июня 2014 г., а также в работе IV Межпарламентского форума «Россия–Таджикистан: потенциал межрегионального сотрудничества» и III конференции по межрегиональному сотрудничеству России и Таджикистана. Москва, 23 октября 2014 г.

Одной из главных черт образовательной миграции является её институционализированность. Молодые люди вливаются в хорошо отлаженную систему высшего профессионального образования, сдачи экзаменов и собственно учебного процесса. При этом большое значение играют те отношения, которые выстроены между Россией и Таджикистаном на межгосударственном уровне (Договор между... от 25.05.1993; Договор о союзническом... от 15.04.1999). Поэтому межгосударственные отношения рассматриваются в качестве важного аспекта интеграции и адаптации студентов из Таджикистана в

русской образовательной среде, а тексты соответствующих межгосударственных соглашений используются в качестве одного из источников информации в рамках метода кейс-стади (Справка... 2014). Так, в материалах IV Межпарламентского форума «Россия – Таджикистан...» приводится информация о том, что количество бюджетных мест, выделенных для граждан Таджикистана в российских университетах за счет бюджета РФ, увеличилось с 583 в 2013/14 учебном году до 769 в 2014/15 учебном году (IV Межпарламентский... 2014). По данным администрации Томской области, количество студентов из Таджикистана, обучающихся во всех шести университетах Томска, увеличилось со 129 человек в 2013/14 учебном году до 208 – в 2014/15-м. В общей сложности за последние пять лет Россия оказала Таджикистану «бесвозмездную гуманитарную помощь на цели социально-экономического развития на 172 млн долл. США» (Выступление и ответы... 2014). Одним из операторов по реализации связей двух стран в сфере образования, науки и культуры является Представительство Россотрудничества в Республике Таджикистан, которое аккумулирует политические установки руководства двух стран и переводит в процесс реального взаимодействия между органами исполнительной власти регионов и вузами двух стран. Именно здесь будущие студенты могут получить необходимую информацию о российских вузах, экзаменах и условиях обучения. Во многом благодаря именно этой структуре происходит процесс перехода с уровня личностной мотивации, семейных решений о выборе образования на институциональный уровень. На сайте Россотрудничества присутствует информация для абитуриентов и студентов о системе высшего образования в России, формах обучения, образовательных программах, экзаменах и документах, которые необходимы для учёбы в российских вузах (Дни образования... 2014). Одним из примеров работы Россотрудничества в Таджикистане являются организованные этой структурой встречи представителей томских и душанбинских университетов и иных образовательных структур, которые прошли в Дни образования, науки и культуры Томской области 9–14 июня 2014 г. в Душанбе. Суть сотрудничества двух стран в сфере образования выразила ректор Таджикской национальной консерватории им. Т. Сатторова Фарогаз Азизи: «Российские специалисты в области науки и культуры всегда были нашими надёжными друзьями, и мы стараемся сохранить тот русскоязычный ареал, который сформировался в течение долгих лет

совместного проживания в едином многонациональном государстве, сблечь эту русскоязычную научность в современном суверенном Таджикистане» (Дни образования... 2014). Таким образом, информация из официальных источников свидетельствует о тех условиях, которые созданы на межгосударственном уровне для обучения студентов из Таджикистана в российских университетах. С точки зрения адаптации эти условия определяют цель и локус проживания людей, приехавших в Россию из другой страны, тип вовлечения в жизнь принимающего сообщества, соотношение статуса и прав с представителями принимающего сообщества.

В качестве методологической основы исследования используются теоретические подходы к анализу культурной дистанции между народами с разной степенью схожести культур, предложенные А. Фарнхемом и С. Бочнером (Furnham, Bochner 1982). Эти авторы говорят о вариативности изменения этнической идентичности человека под воздействием иной культуры. Испытывая воздействие на себя двух культур, индивиды могут выстраивать разные стратегии поведения. Они могут либо встраиваться в модель мультикультурализма, либо противостоять этому тренду. На эмпирическом уровне это порождает четыре типа реакций: 1. «Переход» – то есть отказ от собственной культуры и принятие новой. Этот вариант особенно возможен в том случае, если эта новая культура имеет более высокий статус. Ассимиляция может быть как индивидуальной, так и групповой. 2. «Шовинизм» – отвержение новой культуры и самоутверждение в собственной культуре. 3. «Маргинальность» – отход от родной культуры и неумение адаптироваться к новой. 4. «Посредничество» – отбор из новой культуры отдельных черт и комбинирование, синтезирование их с компонентами родной культуры. Встав на позиции «посредничества», индивиды способны осуществлять связи между носителями разных культур. В частности, они могут становиться переводчиками уникальных смыслов, которые есть в каждой из культур. Тем самым они заполняют некие культурные бреши, способные порождать непонимание и недоверие. Это путь примирения взаимодействующих культур и на глубоких уровнях национальной рефлексии, и на уровне повседневных практик (Психологическая помощь... 2002: 193–200). Именно студенты и выпускники университетов, в отличие от гастарбайтеров, обладают потенциалом, необходимым для «посредничества».

Процесс инкорпорации в новую культуру вообще и в новую образовательную культуру в частности имеет двоякую природу «притяжения» и «отталкивания», которую можно объяснить через Модель Беннета (Bennett 1986). Данная концепция используется исследователями при изучении взаимодействия культур в различных областях жизнедеятельности (Мясоедов 2003; Мясоедов 2009; Саенкова 2013). Очевидно, что вышеупомянутая модель может использоваться и в сфере анализа адаптации студентов-мигрантов в принимающем сообществе. Следуя Модели Беннета, в процессе адаптации студентов-мигрантов в России можно выделить этноцентричные этапы восприятия студентом-мигрантом культуры принимающего сообщества и этнорелятивистские этапы отношения студента-мигранта к принимающему сообществу. В процессе анализа адаптации студентов из Таджикистана в университетской среде Томска используется понятие культурного шока, введенное в научный оборот К. Обергом (Флешлер 2008), и понятие стресса аккультурации, которое ввёл Дж. Берри (Аккультурация... 2002).

Индивидуальные глубинные интервью студентов из Таджикистана дают информацию по очень широкому кругу проблем, связанных с адаптацией студентов в принимающем сообществе. Приводимые в статье цитаты из интервью не исчерпывают, разумеется, глубины рефлексии респондентов по тому или иному вопросу, но дают представление о субъективном восприятии проблемы на уровне повседневных практик.

Причины выбора Томска в качестве места получения образования. *«Во-первых, это окончание русских классов, во-вторых, уровень жизни в России гораздо лучше, чем в Азии. Поэтому, вот из-за этих двух, я думаю. Но, и, шчитается диплом, полученный в русских вузАх, это лучше, чем диплом, полученный, там, в таджикских вузАх, или, там, в киргизских, это на несколько ступенек выше...»* (Интервью СТТ-4... 2014). Очевидно, что на выбор места учёбы большое влияние оказывают родители. Тем не менее материалы интервью свидетельствуют о том, что часть молодёжи настаивает на обучении в России даже вопреки планам старших. Кроме того, в томских университетах порой оказываются те, кто изначально ориентировался на столичные российские вузы: *«Ну, семья не хотела, чтобы я в России учился... Я сам с детства взял такое, ну типа в России престижно учиться, там, вузы московские которые МГУ, МГИМО...такие вот... РУДээн, такие вот, захотел, с детства бы-*

до такое стремление. И вот, ну туда не получилось поступить, ну хотелось любой ценой поступить в России. У меня как бы факультет, ну, не нравился, но я думал, приеду сюда, потом перевожусь, там, ну с такими целями» (Интервью СТТ-3... 2014). Приоритет российского образования молодые таджики связывают и с тем, что в ряде вузов Таджикистана, говорят они, оценку можно «купить», что ухудшает качество образования: *«Я могу даже привести пример, что если даже ты ходишь в университет на каждую пару, если ты не заплатишь деньги, тебе не поставят зачёт. Это уже все знают как бы, коррупция, борются с этим, но в коррупции есть коррупция, как бы. Всё это пока ... вся система не поменяется, это будет продолжаться всегда» (Интервью СТТ-4... 2014).*

Стремясь поступить в российские университеты, молодёжь Таджикистана ментально демонстрирует свою готовность к адаптации в принимающем сообществе. Но реализация этой установки на уровне социальных практик нередко происходит далеко не просто. До приезда в Томск представления части таджикских студентов о России складывались под влиянием образа российских столиц – Москвы и Петербурга. С образом города, в который люди едут учиться, связан уровень их ожиданий по ряду социокультурных параметров. Несответствие реальности ожиданиям, значительная культурная дистанция вызывают культурный шок или стресс аккультурации. Одной из респонденток Томск представлялся так: *«Ну, как бы очень большие здания, ну, как вот Америка там есть. Ну, я себе так представляла. Ну, Москва же красивая? Я думала... и Томск тоже, вот большие здания, вообще всё очень красиво... И учебные заведения. Я ... вот университет, по телевизору как раз смотрела Москву, там большая, и лестницы такие большие. Я тоже думала, что я буду вот в таком университете учиться. Ну, приехала, тут маленькое как-то. То же, ну, не понравилось вначале. Вначале я месяц почти плакала, не хотела (учиться), хотела уйти. Потом уже со временем, когда студенты все приехали, уже знакомые... там, ну, вот, и постепенно уже привыкла ко всему» (Интервью СТТ-12... 2014).*

Проблемы владения русским языком. Ситуация с русским языком в Таджикистане весьма противоречива. В соответствии с Конституцией Таджикистана русский язык имеет статус языка межнационального общения (Конституция... 1994). Но в 2009 г. там был принят закон «О государственном языке Республики Таджикистан» (Закон... 2009), который пришел на смену закону «О языке» 1989 г.

(Закон... 1989). В новом законе нет вышеупомянутого статуса русского языка как языка межнационального общения, хотя в Конституции Таджикистана такое положение сохраняется. В соответствии с законом 2009 г. только на таджикском должны оформляться все документы, на национальный язык перешли учреждения образования и вооруженные силы. Русский исчез с большинства вывесок учреждений, предприятий торговли и сферы обслуживания. Хотя, в отличие от Азербайджана, Туркменистана и Узбекистана, в Таджикистане, в качестве графической основы алфавита, сохранена кириллица. Русский широко используется в научной сфере, в бизнесе и в СМИ, изучается в школах и высших учебных заведениях страны. Но после массового оттока из страны русскоязычного населения преподавателями русского являются в основном таджики. Приехавшие в Томск студенты в разной степени владеют русским языком. *«В Таджикистане, там у нас есть центр президентский, ещё в вузе тоже, в школе тоже там преподают русский язык. Вот там и изучали» ... в Таджикистане, да, думала, что очень хорошо знаю. А здесь уже потом поняла, что есть ошибки... Ну... русский язык есть как бы... грамматика вообще другое, очень сложная, там вот есть этот... женский род, мужской, средний... у нас нету этого всё, вот, а русский язык есть... Поэтому это нам как-то сложно как бы изучать, знать, где именно мужской род, а где именно женский род. А в таджикский как бы это не так»* (Интервью СТТ-12... 2014). *«...Я закончил русский класс, потому что вот в моём городе есть два таких школ... я учил вот 11 классов русский язык, но ещё уровень русского языка, который в Таджикистане проходят, и уровень русского языка в России – это две разные вещи, я могу сказать... Я мыслю уже маленько на русском. А раньше я мыслил на таджикском, а сейчас у меня вот переходный период от русского... от таджикского на русский язык»* (Интервью СТТ-4... 2014). Если старшее и среднее поколения Таджикистана хорошо говорят по-русски, то часть молодёжи почти не владеет им. Это стало очевидным, когда в Томск привезли подростков в средние специальные заведения. *«...Очень многие не владеют языком и, соответственно, не могут, там, на должном уровне освоить и ответить на уроках»* (Интервью ТДТ-6... 2014).

Адаптация к российской системе образования. Студенты, приехавшие из Таджикистана, отмечают новые формы обучения, которые получили распространение в российских университетах в

последние десятилетия. В Таджикистане, говорят они, этого пока нет: *«Там как бы у нас токо по лексии (лекции), например, занятия проходят просто так, а здесь больше сложностей есть, здесь надо презентацию готовить, там... выступать надо. Вот я сама здесь узнала, что надо презентацию... всё, я здесь это всё изучала. Как у нас вот этого всё не было... Через презентацию много можно знать. Ну, у нас было бы хорошо, если вот там и показываешь, и там говоришь, быстрее, и все хорошо это понимают. И сама это... а просто читать, это всё уже не так уж интересно»* (Интервью СТТ-12... 2014).

Отношениям с местным населением. *«Томск очень, ну, по сравнению с такими городами, как Москва, Санкт-Петербург, очень спокойный и тихий город считается ... Я в Санкт-Петербурге был, там очень сложно с этим, на каждом шаге можно нарваться на неприятности, на каждом шаге могут напасть или чё. А тут я с...ну, как, уже год практически, меня даже ни разу не спросили паспорт там из милиц... ну, из полиции. А там на каждый день спрашивает регистрацию, паспорт. А тут никто не спрашивает, тут всё спокойно, тихо. Все свои. Все. Если бывают стычки, то только... с других вот бывало пару стычек, там тувинцы дерутся или там вот именно наши же таджики или узбеки. С русскими я не встречал таких случаев»* (Интервью СТТ-4... 2014). Впрочем, студенты из Таджикистана отмечают разное отношение к ним в собственно студенческой среде и просто в городе. Что касается студенческой среды, то, по словам одной из респонденток: *«Я вижу, что студенты и с русскими там, и с другими, очень хорошо общаются. ... Мне очень понравилось, что вот они не говорят, что вот этот другой национальности, эта другая – не надо общаться. Как бы..., здесь как бы нету проблем, очень хорошо».* (Интервью СТТ-12... 2014). Но за пределами общежития, студенческого городка, отмечают студенты, порой встречается иное отношение: *«Продавцы очень такие грубые. Все студенты говорят, все наши сказали, что вон там как-то они, не знаю, почему, но всегда они грубые со всеми как-то... я думаю, может, мы не русские, поэтому (смеётся). ... поэтому, одна никогда никуда не езжу. Токо вот возле общежития, или на магазин, и всё»* (Интервью СТТ-12... 2014). Причём респондентка отмечает, что каких-либо реальных оснований для опасений нет, но тем не менее существует вполне определенное внутреннее напряжение: *«Это страх как бы внутри человека, такое... у каждо-*

240

го человека же есть ... это... страх». (Интервью СТТ-12... 2014). Это реакция девушки, которая училась в одном из томских университетов всего лишь первый год, на что она сама и обратила внимание: *«Знаете, вот, может, если бы я тут два, три года была бы. Может, потом этот страх... уже прошло бы. А вот пока начало, поэтому **ещё** не очень город знаю, ещё не очень с людьми знакома, поэтому боюсь, конечно, пока»*. (Интервью СТТ-12... 2014). Впрочем, это отмечает и взрослый мужчина-таджик, много лет проживший в Томске: *«... конечно, неприятно, но это чувствуется, это порой даже и видно, что есть неприязнь к нерусским»* (Интервью ТДТ-6... 2014). Чувство безопасности у студентов из Таджикистана порождает ещё и наличие или отсутствие рядом большой семьи. *«Безопаснее чаще всего, ну, дома! Потому что там присматривают за мной, ну, вот в плане, социальном плане, что у меня есть старшие братья, есть отец, дядя, есть мама. Как бы я себя там чувствую комфортнее в плане вот социальной жизни. Ну, они защитят меня, например, ну, если чё-то произойдет, там, они выступят за меня, вот. Ну, тут – никто за меня этого не сделает, потому что у меня нету родственников в Томске»* (Интервью СТТ-4... 2014).

Отношение к религии. Многие студенты-таджики, у которых я брал интервью, говорили, что ходят в Томске в мечеть, все говорили о том, что сохраняют свою конфессиональную культуру: *«... я хорошо к этому отношусь. В день два раза в душ хожу, но так пять раз умываться каждый день, это всегда чистым ходишь. Это самый первый плюс молитвы. Ну, и всегда себя свободным таким, лёгким чувствуешь, а когда не молишься, я по своему опыту скажу, что как будто груз **в**есится ... ну те, кто ислам исповедует, они все могут сказать, что когда не молишься, как будто вот тяжело ходить ногам, тяжело ходишь»* (Интервью СТТ-4... 2014). Хотя порой отмечали, что со временем посещение мечети становится более редким: *«Честно говоря, в первое полугодие учёбы я ходил больше, чем во второе. Во второе я мало раз бывал, я уже месяца два там не был, потому что...ну ...учёба, там, дела, там, какая-нибудь работа появится, чтобы не беспокоить чаще родителей, надо как-нибудь самому уже начинать, там, зарабатывать после учёбы...»* (Интервью СТТ-4... 2014). По мнению американского историка Адиба Халида, автора работы «Ислам после коммунизма. Религия и политика в Центральной Азии», ни одна из ныне действующих и соперничающих между собой элит Таджикистана не ставит своей

целью превращение страны в исламское государство. Но тем не менее: «по сравнению с советским временем теперь большее количество людей читает молитвы, будь то дома или в мечети...» (Халид 2012: 198). В Томске учатся студенты из всех четырех регионов Таджикистана, в том числе и из Горно-Бадахшанской автономной области. Известно, что население последней имеет свои религиозные и культурные особенности. В отличие от жителей Согдийской и Хатлонской областей, городов и районов республиканского подчинения, которые являются суннитами, население Горного Бадахшана является шиитами-исмаилитами. Между двумя разновидностями ислама существуют определенные отличия в отправлении культа. Сибирские татары, построившие в Томске Белую и Красную мечети, относятся к суннитам. Мечети исмаилитов в Томске нет. Студентка, принадлежащая к исмаилитам: «...я не хожу туда, потому что там... это, намаз читают пять раз в дең, а у нас три раза, поэтому я дома читаю намаз. (Интервью СТТ-12... 2014). Но, что касается религии, как таковой, то студентка продолжает следовать её канонам: «...когда я из учёбы в девять часов прихожу, или, в восемь часов, могу сразу намаз читать» (Интервью СТТ-12... 2014). Некоторые студенты говорят и о том, что в России они по-иному взглянули на ислам, стали как бы «больше его замечать». Возможно, это свидетельствует о сохранении национальной идентичности через религию. Среди нынешних политических деятелей страны, пишет А. Халид, есть и те, которые «считают, что нужно взять курс на «евроислам», т.е. практику, основанную на опыте европейских мусульман, которые научились быть хорошими мусульманами в немусульманских странах» (Халид 2012: 262).

О планах на будущее: страна проживания, создание семьи.

Учеба в российских университетах является серьезным вызовом для молодёжи из Таджикистана. Какова будет дальнейшая траектория их жизни – вернуться на родину или останутся в России? «... со мной..., вот парень живёт ... он остаётся в России. Он уже давно должен был получить гражданство ... магистратуру заканчивает... Он говорит, я останусь тут, потому что я не могу больше в Таджикистане жить... когда я еду домой ...уже как будто я не у себя дома там. У всех другие мысли ... всё по-другому делается, мне это, ну, не подходит больше. И я ... теперь тут буду жить» (Интервью СТТ-4... 2014). Что касается планов моего респондента, то, говорит он, «если получится, получить вид на жительство, ну и постепенно,

ну, ... постепенно получить гражданство. Вот. Поэтому у меня сейчас вот второй год, ну а со следующего года я буду стараться уже подавать документы на вид на жительство, разрешение брать, чтобы оставаться, ну, в России. Хотя постоянный прессинг со стороны семьи, чтобы я поехал обратно домой». (Интервью СТТ-4... 2014). Более общую оценку дает представитель таджикской диаспоры, уже много лет живущий в Томске и способный судить о существующих тенденциях: «...в каждом человеке заложено свойство стремиться к лучшему, и вот это свойство срывает на молодых ребят, и они желают остаться уже тут. После первого года обучения они уже задумываются о получении гражданства, уже начинают подготавливать необходимые документы, чтобы остаться» (Интервью ТДТ-6... 2014).

Я спрашивал своих респондентов – какой из трёх вариантов заключения брака они скорее всего выберут: 1. Уехать в Таджикистан, жениться и жить с семьей там; 2. Поехать в Таджикистан, жениться и привезти жену-таджичку в Россию; 3. Жениться в России не на таджичке. За выбором, надо полагать, стоят устои отдающего сообщества, традиционной таджикской культуры: «Для меня подходит или второй или третий. Пока я ещё не решил этот вопрос, но... или второй или третий, потому что как бы... так как я сам мусульманин, и (вздыхает) мне религия позволяет только жениться на мусульманке. Но я могу жениться на любой девушке, любой национальности, если она согласится принять мою религию. А в зависимости это будет русская, татарка или другого... ну, другой нации, это уже не имеет большого значения для меня, так как уже согласилась моя мама принять любую невесту, лишь бы она приняла религию ислам» (Интервью СТТ-4... 2014). Умудренный житейским опытом представитель таджикской диаспоры не только подтверждает наличие подобных напутствий сыновьям со стороны родителей, но и выстраивает некий образный ряд, апеллируя к классикам персидской поэзии Хафизу Ширази: «голубь с голубем будет пара, и.... сокол с соколом», но он не говорит, что сокол может с голубем, да? голубь может с ...воробьем» (Интервью ТДТ-6... 2014).

Заключение. Исследование процесса адаптации в Томске студентов из Таджикистана методом кейс-стади позволяет использовать широкий спектр подходов, входящих в потенциал антропологии и качественной социологии. Общеметодологический подход через призму понимающей социологии позволяет раскрыть позицию рес-

пондентов как агентов социального действия и интерпретировать их поступки на уровне социальных практик адаптации в новом социуме. Индивидуальные глубинные интервью позволяют раскрыть субъектность респондентов относительно целого ряда социальных проблем, имеющих непосредственное отношение к процессу адаптации студентов из центральноазиатской страны в университетской среде Томска. Причины выбора Томска в качестве места получения образования, проблемы владения русским языком, адаптация к российской системе образования, отношения с местным населением, отношение к религии и планы на будущее были взяты в данной статье лишь в качестве примеров гораздо более широкого перечня аспектов адаптации студентов. Кроме того, каждый из названных аспектов может быть рассмотрен гораздо более глубоко, что и будет сделано в последующих публикациях. Материалы межпарламентского форума, выступления государственных деятелей, законы Республики Таджикистан, российско-таджикские договоры и другие подобные материалы позволяют включить процесс адаптации студентов в институциональный континуум. Анализ объективных условий и субъективного осмысления ситуации акторами социальных практик позволяет выдвигать определенные гипотезы относительно дальнейшего развития образовательной миграции из Таджикистана в Россию и влияния этого процесса на социумы обеих стран.

Источники и литература

1. *IV Межпарламентский форум «Россия – Таджикистан: потенциал межрегионального сотрудничества»* и III конференция по межрегиональному сотрудничеству России и Таджикистана. Москва, 23 октября 2014 года.

2. *Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы*. Джон У. Берри [Электронный ресурс]. – URL: <http://psy.rin.ru/cgi-bin/article.pl?id=2102> (дата обращения: 11.11.2014).

3. *Выступление и ответы на вопросы министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе встречи с молодыми дипломатами Республики Таджикистан (г. Душанбе, 30 июля 2014 г.)* // IV Межпарламентский форум «Россия–Таджикистан: потенциал межрегионального сотрудничества» и III конференция по межрегиональному сотрудничеству России и Таджикистана. Материалы к заседанию «круглого стола» № 4 «Перспективные направления развития гуманитарных связей России и Таджикистана» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/AA7DFDFDAD3168BB44257D25005BA859 (дата обращения: 02.01.2015).

4. *Дни образования, науки и культуры Томской области проходят в Республике Таджикистан*. Сайт Представительства Россотрудничества в Республике Таджикистан [Электронный ресурс]. – URL: <http://tjk.rs.gov.ru/node/4299> (дата обращения: 12.11.2014).

5. *Договор* между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан от 25.05.93 г. «О дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.refereent.ru/1/25726> (дата обращения: 22.12.2014).
6. *Договор* о союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан, ориентированном в XXI век от 15.04.1999 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901742096> (дата обращения: 22.12.2014).
7. *Закон* Республики Таджикистан «О языке» от 22 июля 1989 года № 150 [Электронный ресурс]. – URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30496905 (дата обращения: 10.10.2014).
8. *Закон* Республики Таджикистан «О Государственном языке Республики Таджикистан» от 5 октября 2009 года № 553 [Электронный ресурс]. – URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=29442 (дата обращения: 10.10.2014).
9. *Интервью ПОВТ-1* Архив автора.
10. *Интервью СТТ-3* Архив автора.
11. *Интервью СТТ-4* Архив автора.
12. *Интервью СТТ-12* Архив автора.
13. *Интервью ТДТ-6* Архив автора.
14. *Конституция* Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.president.tj/ru/taxonomy/term/5/112> (дата обращения: 10.10.2014).
15. *Мясоедов С.П.* Основы кросскультурного менеджмента: Как вести бизнес с представителями других стран и культур: учеб. пособие. М.: Дело, 2003.
16. *Мясоедов С.П.* Управление бизнесом в различных деловых культурах. М.: Вершина, 2009.
17. *Психологическая помощь мигрантам: травма, смена культуры, кризис идентичности* / под ред. Г. У. Солдатовой. М.: Смысл, 2002. 479 с.
18. *Саенкова Е.С.* Кросскультурный шок в системе международных деловых культур [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.professorjournal.ru/PJGrantsPrograms/GrantMaterialsServlet?grantmId=1937041&grantmType=lecttext> (дата обращения: 12.11.14).
19. *Справка* о российско-таджикском сотрудничестве в сфере образования, подготовленная Международным департаментом Министерства образования и науки РФ к заседанию «круглого стола» № 4 «Перспективные направления развития гуманитарных связей России и Таджикистана» 23 октября 2014 года // IV Межпарламентский форум «Россия – Таджикистан: потенциал межрегионального сотрудничества» и III конференция по межрегиональному сотрудничеству России и Таджикистана. Москва, 23 октября 2014 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.council.gov.ru/press-center/photo/33351> (дата обращения: 21.12.2014).
20. *Флешлер О.И., Комогоорцева В.Г.* Культурное взаимодействие и культурный шок. 2008 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.rusnauka.com/25_DN_2008/Psihologia/29110.doc.htm (дата обращения: 29.11.2014).
21. *Халид А.* Ислам после коммунизма: Религия и политика в Центральной Азии / пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 304 с.
22. *Bennett, M. J.* A developmental approach to training for intercultural sensitivity // *International Journal of Intercultural Relations*, 1986.
23. *Furnham A., Bochner S.* Social difficulty in a foreign culture: an empirical analysis of culture shock. Oxford, 1982.

Список сокращений

ПОВТ – представитель органов власти Томска и Томской области.

СТТ – студент таджик из Таджикистана.

ТДТ – руководитель или активный член таджикской диаспоры в Томске.

Pogodaev Nikolay P.

National Research Tomsk State University

nik-pogodaev@yandex.ru

The strategy of "Case Study" in the study of the problems of socio-cultural adaptation of students from Tajikistan in the university environment of Tomsk

In recent years, an increasing number of Tomsk universities students from foreign countries. The article discusses the use of the method of case study for investigating the process of adaptation of students from Tajikistan in the university society Tomsk. The basis of the publication is the depth individual interviews with students from Tajikistan and others, in one way or another involved in this process. Materials interview quoted maintaining lexical and grammatical features of speech respondents. This allows you to show the degree of proficiency in Russian and students who have recently arrived in Russia, and Tajiks living in Russia for many years. As a methodological basis for the study of the adaptation process used theoretical approaches to the analysis of cultural distance between nations with varying degrees of similarity of culture proposed A.Fernhemom and S.Bochnerom and methodological approaches and K.Oberga Dzh.Berri considering the adaptation process through the prism of "cultural shock "and" acculturation stress. "Using materials of deep individual interviews, the author examines some aspects of the process of adaptation of students from Tajikistan in the university area of Tomsk. Among them, the reasons for choosing Tomsk as a place of education, the problem of Russian language skills, adaptation to the Russian educational system, relations with the local population, attitude to religion, plans for the future: the country of residence after graduation and the principle of choosing a marriage partner. The study of the adaptation process in Tomsk students of one of the states of Central Asia, formerly part of the USSR, allows us to understand the basic problem points of this process, and opens the way to understanding the emerging trends in the national and religious future of Siberia, a regional variant of multiculturalism.

Keywords: adaptation, students, cultural distance, culture shock, the Russian language, in-depth individual interviews, Tajikistan.

References

1. *IV Mezhparlamentskii forum «Rossiia-Tadzhikistan: potentsial mezhregional'nogo sotrudnichestva» i III konferentsii po mezhregional'nomu sotrudnichestvu Rossii i Tadzhikistana. Moskva, 23 oktiabria 2014 goda* [IV Inter-Parliamentary forum "Russia-Tajikistan: potential of interregional cooperation" and III conference on interregional cooperation of Russia and Tajikistan. Moscow, 23 October 2014].

2. *Akkul'turatsiia i psikhologicheskaiia adaptatsiia: obzor problemy. Dzhon U. Berri* [Acculturation and psychological adaptation: review. John U. Berry]. Available at: <http://psy.rin.ru/cgi-bin/article.pl?id=2102>. (Accessed 11 November 2014).

3. *Vystuplenie i otvety na voprosy Ministra inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii S.V. Lavrova v khode vstrechi s molodymi diplomatami Respubliki Tadjikistan (g. Dushanbe, 30 iul'ia 2014 g.)* [Presentation and responses to the questions of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey Lavrov during the meeting with young diplomats of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, 30 July 2014)], *IV Mezhparlamentskii forum «Rossiia-Tadjikistan: potentsial mezhregional'nogo sotrudnichestva» i III konferentsiia po mezhregional'nomu sotrudnichestvu Rossii i Tadjikistana. Materialy k zasedaniu «kruglogo stola» № 4 «Perspektivnye napravleniia razvitiia gumanitarnykh svyazei Rossii i Tadjikistana»* [IV Inter-Parliamentary forum “Russia-Tajikistan: potential of interregional cooperation” and III conference on interregional cooperation of Russia and Tajikistan. Moscow, 23 October 2014. Materials for the “round table” no. 4 “Perspective direction of development of the humanities relations between Russia and Tajikistan”]. Available at: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/AA7DFDFDAD3168BB44257D25005BA859. (Accessed 2 January 2015).

4. *Dni obrazovaniia, nauki i kul'tury Tomskoi oblasti prokhodiat v Respublike Tadjikistan. Sait Predstavitel'stva Rossotrudnichestva v Respublike Tadjikistan* [Days of education, science and culture of Tomsk region held in the Republic of Tajikistan. The web site of Rossotrudnichestvo (Russian cooperation) in the Republic of Tajikistan]. Available at: <http://tjk.rs.gov.ru/node/4299>. (Accessed 12 November 2014).

5. *Dogovor mezhdurusskoi Federatsiei i Respublikoi Tadjikistan ot 25.05.93g. «O družbe, sotrudnichestve i vzaimnoi pomoshchi»* [Treaty between the Russian Federation and the Republic of Tajikistan from May 25, 1993 “On Friendship, Cooperation and Mutual Assistance”]. Available at: <http://www.referent.ru/1/25726>. (Accessed 22 December 2014).

6. *Dogovor o soiuznicheskom vzaimodeistvii mezhdurusskoi Federatsiei i Respublikoi Tadjikistan, orientirovannom v XXI vek ot 15.04.1999 g.* [Treaty on allied cooperation between the Russian Federation and the Republic of Tajikistan, directed into the XXI century from April 15, 1999]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/901742096>. (Accessed 22 December 2014).

7. *Zakon Respubliki Tadjikistan «O iazyke» ot 22 iul'ia 1989 goda № 150* [The law of the Republic of Tajikistan “On the Language” from July 22, 1989 no. 150]. Available at: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30496905. (Accessed 10 October 2014).

8. *Zakon Respubliki Tadjikistan «O Gosudarstvennom iazyke Respubliki Tadjikistan» ot 5 oktiabria 2009 goda № 553* [The law of the Republic of Tajikistan “On the State Language of the Republic of Tajikistan” from October 5, 2009 no. 553]. Available at: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=29442. (Accessed 10 October 2014).

9. *Interv'iu POVT-1 Arkhiv avtora* [Interview POVT-1, Author's archive].

10. *Interv'iu STT-3 Arkhiv avtora* [Interview STT-3, Author's archive].

11. *Interv'iu STT-4 Arkhiv avtora* [Interview STT-4, Author's archive].

12. *Interv'iu STT-12 Arkhiv avtora* [Interview STT-12, Author's archive].

13. *Interv'iu TDT-6 Arkhiv avtora* [Interview TDT-6, Author's archive].

14. *Konstitutsiia Respubliki Tadjikistan* [The Constitution of the Republic of Tajikistan]. Available at: <http://www.president.tj/ru/taxonomy/term/5/112>. (Accessed 10 October 2014).

15. Miasoedov S.P. *Osnovy krosskul'turnogo menedzhmenta: Kak vesti biznes s predstaviteliami drugikh stran i kul'tur. Ucheb. posobie* [Principles of cross-cultural management. How to do business with the representatives of other cultures and countries. Study aids]. Moscow: Delo, 2003.

16. Miasoedov S.P. *Upravlenie biznesom v razlichnykh delovykh kul'turakh* [Business management in different business cultures]. Moscow: Vershina, 2009.
17. *Psikhologicheskaya pomoshch' migrantam: travma, smena kul'tury, krizis identichnosti*. Pod red. G.U.Soldatovoi [Psychological assistance to migrants: trauma, a change of culture, identity crisis]. Moscow: Smysl, 2002. 479 p.
18. Saenkova E.S. *Krosskul'turnyi shok v sisteme mezhdunarodnykh delovykh kul'tur* [Cross-cultural shock in the system of international business cultures]. Available at: <http://www.professorjournal.ru/PJGrantsPrograms/GrantMaterialsServlet?grantId=1937041&grantType=lecttext>. (Accessed 12 November 2014).
19. *Spravka o rossiisko-tadzhiskom sotrudnichestve v sfere obrazovaniia, podgotovlennaya Mezhdunarodnym departamentom Ministerstva obrazovaniia i nauki RF k zasedaniu «kruglogo stola» № 4 «Perspektivnye napravleniia razvitiia gumanitarnykh svyazei Rossii i Tadzhikistana» 23 oktiabria 2014 goda* [Reference on the Russian-Tajik cooperation in the educational sphere, prepared by the International department of the Ministry of education and science of the Russian Federation for the meeting of “round table” no. 4 “Perspective direction of development of the humanities relations between Russia and Tajikistan”]. *IV Mezhpriamenskii forum «Rossiia-Tadzhikistan: potentsial mezhregional'nogo sotrudnichestva» i III konferentsii po mezhregional'nomu sotrudnichestvu Rossii i Tadzhikistana. Moskva, 23 oktiabria 2014 goda* [IV Inter-Parliamentary forum “Russia-Tajikistan: potential of interregional cooperation” and III conference on interregional cooperation of Russia and Tajikistan. Moscow, 23 October 2014.]. Available at: <http://www.council.gov.ru/press-center/photo/33351>. (Accessed 21 December 2014).
20. Fleshler O.I., Komogortseva V.G. *Kul'turnoe vzaimodeistvie i kul'turnyi shok* [Cultural interaction and cultural shock]. 2008. Available at: http://www.rusnauka.com/25_DN_2008/Psihologia/29110.doc.htm. (Accessed 29 November 2014).
21. Khalid A. *Islam posle kommunizma: Religii i politika v Tsentral'noi Azii* [Islam after the communism: Religion and politics in the Central Asia]. Transl. from English. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 304 p.
22. Bennett, M. J. A developmental approach to training for intercultural sensitivity, *International Journal of Intercultural Relations*, 1986.
23. Furnham A., Bochner S. *Social difficulty in a foreign culture: an empirical analysis of culture shock*. Oxford, 1982.

Abbreviation list

POVT – predstavitel' organov vlasti Tomska i Tomskoi oblasti [representative of the authorities of Tomsk and Tomsk region].

STT – student tadzhik iz Tadzhikistana [Tajik student from Tajikistan].

TDT – rukovoditel' ili aktivnyi chlen tadzhikskoi diaspory v Tomske [leader or an active member of the Tajik diaspora in Tomsk].

Е.А. Омельченко

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ДЕТЕЙ ИЗ СЕМЕЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ МИГРАНТОВ В ШКОЛЕ: МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

В ходе многолетних исследований проблемы интеграции мигрантов средствами образования разработаны показатели, с помощью которых предлагается оценивать степень языковой, культурной, социальной и психологической адаптации детей из семей международных мигрантов. Выявлены некоторые особенности процесса адаптации и формирования новой идентичности учащихся в зависимости от их возраста, страны происхождения, этнокультурной и религиозной принадлежности, уровня владения русским языком. Анализируются итоги ряда социологических исследований, проведенных при участии автора в 2013–2014 гг. в образовательных организациях Москвы.

В статье описывается инструментарий, создаваемый автором с применением ИКТ-технологий. Этот инструментарий позволяет руководителям и педагогам образовательных учреждений с большой долей мигрантов упростить процесс первичной оценки уровня адаптации ребенка-инофона и разработать для него (или для целой группы таких детей) оптимальную образовательную стратегию.

Ключевым фактором, влияющим на скорость адаптации детей из семей мигрантов, является, безусловно, их уровень владения русским языком – государственным языком страны пребывания. Однако даже при неплохом знании языка серьезные проблемы как у педагогов, так и у самих обучающихся может вызывать процесс культурной адаптации. Отдельная проблема – социальная адаптация иностранных учащихся, ведь они зачастую руководствуются совсем иными образцами поведения, выбирают привычный для себя способ общения и взаимодействия с учителем и сверстниками.

Проводимые автором изыскания ставят своей целью подтвердить возможность использования разработанного теоретического инструментария для комплексной оценки уровня адаптации детей мигрантов в практической работе образовательных организаций. Основная задача исследований – сформулировать и сделать доступными для директоров и педагогов методические рекомендации по выбору моделей адаптации в обучении и воспитании.

Ключевые слова: международная миграция, языковая и социокультурная адаптация, интеграция, поликультурная образовательная среда, инофон, межэтнические (межнациональные) отношения, гражданская идентичность.

Введение. Российская Федерация – активный участник интенсивных миграционных потоков. Вопросы адаптации и интеграции международных мигрантов обсуждаются как на государственном,

так и на общественном уровне. Это связано, прежде всего, с началом реализации Концепции государственной миграционной политики РФ до 2025 г. (Концепция), утвержденной два года назад. Для решения задач адаптации и интеграции мигрантов в региональных управлениях Федеральной миграционной службы созданы профильные отделы, которым дана рекомендация развивать данное направление деятельности в тесном сотрудничестве с местными объединениями мигрантов и национально-культурными организациями, хотя целевых денег на это бюджет пока не выделяет. Активное участие в организации курсов русского языка принимает Русская православная церковь, в городах и регионах с большой долей мусульманского населения в это включились и исламские религиозные деятели, в том числе путем открытия просветительских курсов при мечетях. Как «грибы после дождя», растут многочисленные «адаптационные центры» на базе национально-культурных объединений, но, к сожалению, далеко не всегда там разворачивается реальная работа с привлечением профессиональных педагогов и нацеленностью на результат. К сожалению, в российском обществе пока недостает понимания того, что для достижения интеграции необходимо взаимное приспособление, включающее в себя принятие обеими группами права всех этнических групп жить как культурно различные народы (Стратегии межкультурного... 2009: 25).

При этом главным и лучшим инструментом адаптации и интеграции для детей и молодежи из числа иностранных мигрантов остается обучение в российской школе. В структуре миграционных потоков семейная миграция составляет значимую долю. Многие мигранты обзаводятся семьями уже на российской территории (преимущественно спутник жизни выбирается из числа представителей своей же национальности). Поэтому в последние годы в детские сады и школы разных регионов России приходит все больше детей, слабо владеющих русским языком, не знакомых с российской культурой и образом жизни, имеющих сложную, «многослойную», но не полностью сформированную идентичность.

Права на получение образования гарантированы детям иностранных граждан в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Законом о правах иностранных граждан в РФ, Законом об образовании, вступившим в действие с 1 сентября 2013 г., а также рядом международных документов – Конвенцией о правах ребенка,

Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, декларацией «Об образовании для всех» и т.п.

Для любой образовательной организации – детского сада, школы, учреждения среднего профессионального образования – встреча с ребенком-инофоном (т.е. не владеющим или слабо владеющим русским языком), выросшим в иных социальных и культурных условиях, – это серьезная проблема. Как, в условиях единого подхода к финансированию всех учащихся (в том числе имеющих особые потребности, как дети из семей мигрантов), обеспечить наиболее эффективный и быстрый процесс интеграции ребенка в российскую образовательную среду? Как не допустить возникновения мелких конфликтов из-за незнания новым учеником российского уклада жизни и элементарных поведенческих норм? Как не допустить снижения качества образования в отдельно взятом классе, если из 30 учащихся пятеро происходят из семей международных мигрантов? Как установить контакт и эффективное взаимодействие с семьями этих учащихся, вовлечь их в школьную жизнь и настроить на помощь их ребенку в изучении русского языка и других предметов?

Имея значительный опыт консультирования образовательных учреждений по вопросам языковой и социокультурной адаптации мигрантов и проведения прикладных исследований по данному вопросу, автор настоящей статьи разработала и предлагает технологию первичного определения степени адаптации ребенка из семьи международных мигрантов при его поступлении в российскую образовательную организацию. Предлагается методика выстраивания, при участии коллектива образовательного учреждения, оптимальной адаптационной стратегии для каждого ребенка-инофона. Методика предполагает учет особенностей процесса адаптации и интеграции новых учащихся в зависимости от их возраста, страны происхождения, этнокультурной и религиозной принадлежности, уровня владения русским языком.

Как оценить уровень адаптации детей из семей международных мигрантов? Дети мигрантов, как и в других подобных исследованиях (Зборовский, Шуклина 2013; Макаров 2010), рассматриваются автором как особая социальная общность, находящаяся во взаимодействии с родителями, родственниками, сверстниками (в основном русскоязычными) и учителями. Ключевое для данного исследования понятие адаптации – это и процесс приспособления к новой среде обитания, и результат такого приспособления. При этом

адаптация – необязательно позитивно валентный результат, она может быть крайне разнообразна и представляет собой определенный континуум от позитивных значений до негативных (Веггу 1990). Автором были выделены показатели для оценки степени языковой, культурной, социальной и психологической адаптации детей из семей международных мигрантов (Омельченко 2012, 2013):

1. *Языковая адаптация (блок «Я»)*. Единственный показатель: уровень владения русским языком – государственным языком страны пребывания (Я1).

2. *Культурная адаптация (блок «К»)*. Показатели: наличие представлений о культуре и истории России, ее роли в современном мире (К1); знание российского уклада жизни, основных норм и правил поведения в России, культуры повседневного общения (К2).

3. *Социальная адаптация (блок «С»)*. Показатели: знание основ российского законодательства, своих прав и обязанностей, лояльность и соблюдение законов (С1); включенность в повседневную жизнь общества (С2); наличие места работы в России, постоянная или временная занятость, корректно оформленные документы (С3); наличие знакомых и друзей из числа «местных» жителей (С4).

4. *Психологическая адаптация (блок «П»)*. Показатели: психологическое состояние человека, наличие тревожности и других проявлений «культурного шока» (П1); наличие предпосылок к формированию/сохранению позитивной этнической идентичности (в том числе проявление интереса к своему родному языку, религии, культуре) (П2); готовность к межличностным контактам с жителями России, открытость и интерес к общению (П3).

Данные для обобщения собирались и анализировались с учетом итогов ряда социологических исследований, проведенных при участии автора в 2013–2014 гг. в образовательных организациях Москвы: «Интернационализация и развитие инклюзивного образования в городе Москве в контексте решения новых задач государственной миграционной и национальной политики», выполненной в 2013 году специалистами кафедры ЮНЕСКО «Международное (поликультурное) образование и интеграция детей мигрантов в школе» Московского института открытого образования во взаимодействии с учеными РУДН, МГУ им. М.В.Ломоносова, Института народнохозяйственного прогнозирования и Института этнологии и антропологии РАН.

Описание конкретных показателей подготовлено по результатам исследования взрослых международных мигрантов в г. Москве (2011–2013 гг.), но большинство этих показателей с таким же успехом могут быть отнесены к детям и подросткам из семей мигрантов (показатели блока «С» могут быть применены к ним частично, при рассмотрении в контексте адаптации всей семьи).

Ключевым фактором скорости адаптации детей из семей мигрантов является, безусловно, их уровень владения русским языком – государственным языком страны пребывания. Однако даже при неплохом знании языка серьезные проблемы как у педагогов, так и у самих обучающихся может вызывать процесс культурной адаптации. Например, будучи незнакомыми с русскими сказками, дети начинают испытывать сложности с решением арифметических задач, героями которых являются привычные для всех россиян персонажи. Отдельная проблема – социальная адаптация иностранных учащихся, ведь они зачастую руководствуются совсем иными образцами поведения, выбирают привычный для себя способ общения и взаимодействия с учителем и сверстниками. Переживаемое «новенькими» состояние фрустрации, депрессии, культурного шока также может стать препятствием к успешной интеграции.

Основная гипотеза: тщательно проведенная первичная оценка степени языковой, культурной, социальной и психологической адаптации мигранта (ребенка из семьи международных мигрантов), проведенная при помощи предлагаемой автором технологии, помогает выстроить оптимальную образовательную и интеграционную стратегию/траекторию для каждого учащегося (групп учащихся) и дать конкретные практические рекомендации руководителям и педагогам образовательных организаций для облегчения процесса интеграции мигранта в российскую образовательную среду.

Для оценки каждого из описанных выше показателей разных видов адаптации разработана система индикаторов, каждому из которых может быть присвоено значение по пятибалльной шкале, где 1 – наименьшее значение, 5 – наибольшее значение. Уровень языковой адаптации можно оценивать по более точной шкале – от 1 до 10 баллов. Если же ответ на вопрос предполагает выбор между «да» и «нет», предлагается ввести 4-балльную систему оценки (1 – «нет», 2 – «скорее нет», 3 – «скорее да» и 4 – «да»). На основании значений индикаторов строится график, по которому наглядно можно выявить и проанализировать, на каком «адаптационном участке» ребенка

требуется наибольшая помощь (см. рис. 1). Особенно наглядно этот график будет демонстрировать типичные проблемы целой группы из семей мигрантов и поможет выстроить с ними стратегию учебно-воспитательной работы.

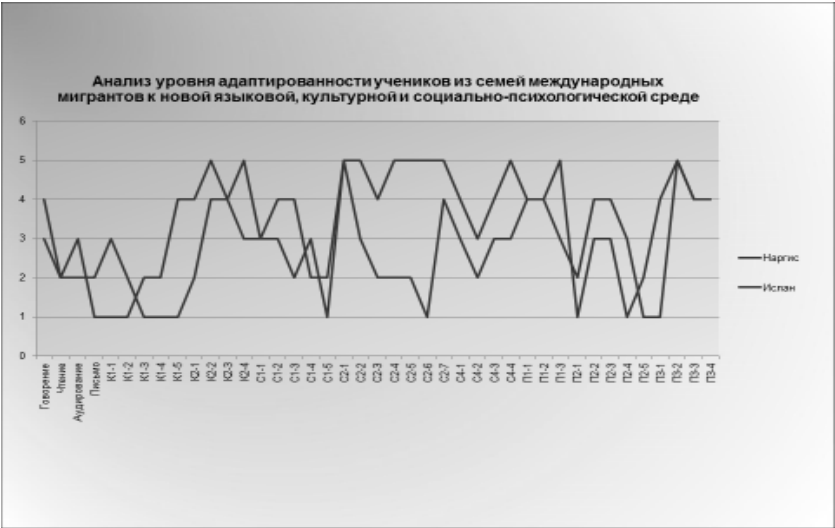

Рис. 1. Анализ уровня адаптированности учеников из семей международных мигрантов к новой языковой, культурной и социально-психологической среде

Какие индикаторы можно использовать для оценки уровня адаптации? Рассмотрим примеры индикаторов для оценки показателей разных видов адаптации. Оценка степени *языковой адаптации* – наиболее проработанный процесс. Согласно разработанной преподавателями русского языка как иностранного методике (Каленкова, Феоктистова 2009), уровень владения русским языком (Я1) оценивается по следующим индикаторам: говорение (Я1-1), чтение (Я1-2), аудирование (Я1-3) и письмо (Я1-4). Эта оценка производится во время предварительного собеседования по русскому языку как иностранному, еще до поступления ребенка в образовательное учреждение, на основании ответов ребенка на тестовые материалы и устные вопросы.

Если степень языковой адаптации можно оценить еще до поступления ребенка в образовательное учреждение, на предварительном

собеседовании по русскому языку, то получить сведения об уровне культурной, социальной и психологической адаптации сразу практически невозможно. В этой связи предлагается проводить оценку этих видов адаптации примерно через неделю-другую после поступления мигранта в класс, на основании заполнения педагогом (классным руководителем) простой анкеты в электронном виде для удобства дальнейшей обработки результатов. Предлагается это делать после проведения с ребенком краткой беседы, которая может начаться с вопросов вроде «Нравится ли тебе в школе?», «Что для тебя самое сложное сейчас?» и перейти к небольшой беседе (вопросам) о России.

Оценить степень *культурной адаптации* мы предлагаем с помощью следующих индикаторов для показателей K1 и K2:

Примеры индикаторов для показателя K1 «Наличие представлений о культуре и истории России, ее роли в современном мире»:

- Может ли мигрант назвать и коротко охарактеризовать хотя бы 2–3 личности внесших вклад в историю России?
- В состоянии ли мигрант по предложенному ему списку соотнести деятелей и исторические эпохи?
- Имеет ли мигрант представление о вкладе России в развитие мировой культуры? Может ли назвать 1–2 выдающихся музыкантов, художников, писателей, чье имя связано с нашей страной?
- Способен ли мигрант назвать несколько стран, с которыми граничит Россия?
- Может ли мигрант узнать и назвать героев советских/российских мультфильмов и фильмов? И т.п.

Этот ряд можно было бы продолжить перечнем из еще 15–20 вопросов, но для решения поставленной в статье проблемы это нецелесообразно. Как правило, уже после ответа на 5–6 вопросов данного блока педагог может оценить общий уровень знаний учащегося о культуре и истории России (чаще всего, к сожалению, объем сведений, которыми располагает ребенок, очень мал).

Самое частое критическое замечаниям по поводу этой методики: «На эти вопросы и большинство современных русских (читай: российских) детей ответить не могут!». С этим нельзя не согласиться – но это отнюдь не означает, что не нужно задавать такие вопросы детям-иностранцам. Ведь без определения имеющихся пробелов будет очень сложно выстроить эффективную работу. Педагоги подтверждают: необходимо как можно больше разнообразных и качест-

венных методических и учебных материалов, написанных доступным для молодежи языком (а для детей-инофонов – снабженных пояснениями и терминологическим аппаратом), с помощью которых можно было бы организовать работу по формированию общероссийской идентичности и уважения к стране, где мы живем, вне зависимости от того, является ли учащийся гражданином РФ или нет.

Примеры индикаторов для показателя К2 «Знание российского уклада жизни, основных норм и правил поведения в России, культуры повседневного общения»:

- Сильно ли отличается, на Ваш взгляд, поведение мигранта от принятого в нашем обществе?
- Поздоровался ли он с Вами при встрече, обратился ли на «Вы» или на «ты»?
- Корректно ли, на Ваш взгляд, мигрант выбирает модели поведения в предложенных ему на картинках бытовых ситуациях?
- Имеет ли мигрант представление об основных этикетных фразах? Корректно ли выражает просьбу, сожаление, извинения? И т.п.

Как правило, ответы на приведенные вопросы педагог в основном может дать, понаблюдав за ребенком-иностранцем в течение недели-двух, без дополнительного собеседования. Показатель К2, на наш взгляд, является наиболее важным с точки зрения взаимодействия детей-иностранцев с принимающим обществом и служит решающим при формировании отношений внутри классного коллектива.

По такому же принципу разработаны и применяются индикаторы для оценки уровня *социологической и психологической* адаптации детей из семей международных мигрантов. Полученные числовые ряды вводятся в компьютер, и на их основе строятся графики уровня «адаптированности» мигрантов к новым условиям жизни.

Но, как и в случае с медициной (большого, как правило, чаще интересует не «Что болит?», а «Как это вылечить?»), педагоги больше любят задавать извечный вопрос «Что делать?». За годы работы со школами и учителями я убедилась, что педагоги крайне нуждаются в рекомендациях и мелких советах, как организовать процесс интеграции.

Как помочь образовательной организации в работе по адаптации и интеграции детей из семей международных мигрантов? Банк данных кафедры ЮНЕСКО Московского института открытого образования включает около сотни рекомендаций, собранных и

сформулированных за многие годы консультационного и научно-методического сопровождения школ с большой долей учащихся из семей международных мигрантов. Недостаточно их просто опубликовать. Свободного времени и возможности для вдумчивого прочтения и отбора нужной информации у педагогов крайне мало, поэтому желательно дать им в руки инструмент, удобный в использовании.

Современный уровень развития ИКТ-технологий позволяет такой инструмент создать. Это компьютерная программа с удобным интерфейсом. С ее помощью, загрузив необходимые первичные данные (оценки уровня языковой, культурной, социальной и психологической адаптации), можно не только просмотреть набор графиков для каждого ребенка и для групп детей-мигрантов (сформированных по классам, полу, возрасту, религиозной и этнокультурной принадлежности), но и получить набор рекомендаций в зависимости от значений тех или иных показателей адаптации.

Приведу пример работы такой, построенной по логическому принципу, программы для группы детей из семей международных мигрантов (предположим, что исследуются 4–5 новеньких, поступивших, например, в 4-й класс общеобразовательной школы):

- Если среднее значение показателя Я1–3 (аудирование) для исследуемой группы мигрантов менее 3, директору настоятельно рекомендуется найти возможность ввести на полгода в учебный план дополнительные уроки аудирования.

- Если в исследуемой группе близок к нулю показатель К1–3, надо провести для детей цикл занятий (например – в формате классных часов) по теме «Россия в мире». Желательно с участием российских детей.

- Если среднее значение показателя С1 стремится к нулю, необходима серия ознакомительных занятий по вопросам законодательства РФ. Вариант – проведение занятий для родителей с участием их детей в качестве «тренеров», с которыми предварительно поработают педагоги или старшеклассники. Это, во-первых, поможет детям лучше усвоить сложный для понимания нормативный материал (как известно, лучше всего материал выучивает тот, кто учит других), а во-вторых, служит решению задачи адаптации всей семьи мигрантов.

Подобные рекомендации разработаны для индикаторов (групп индикаторов) каждого из показателей. При этом можно применять и более сложные расчеты: например, рассчитывать корреляцию пар

показателей и в зависимости от этого уточнять рекомендации педагогам и руководителям образовательных учреждений.

Предлагаемая технология позволяет применять определенные «фильтры» – например, по возрасту и стране (региону) происхождения ребенка-инофона. Это стало возможным вследствие собранного автором настоящей статьи и ее коллегами значительного банка данных – высказываний и мнений педагогов (учителей начальной школы, русского языка и других гуманитарных дисциплин, социальных педагогов, педагогов-организаторов), директоров, специалистов-психологов, работающих с детьми из семей мигрантов, касающихся особенностей взаимодействия с представителями тех или иных национальностей. Их собирали во время проведения фокус-групп и глубинных интервью в течение 2012–2014 гг. (проведено 8 фокус-групп, опрошено 214 специалистов сферы образования).

Высказывания участников фокус-групп и интервью просматриваются и отбираются экспертами и снабжаются комментариями и дополнительными рекомендациями специалистов – практиков, профессионально занимающихся вопросами адаптации и интеграции мигрантов. Приведу несколько примеров таких высказываний:

- *«Очень удачно получается, если ребенка-киргиза, раньше уже учившегося в этом классе, приставить в качестве помощника к вновь пришедшему ребенку этой же национальности. Особенно если обратиться к нему, как к взрослому, попросив помощи. Тогда он с гордостью все это делает, что очень помогает».*

- *«Юношей из кавказского региона нужно не просто приглашать и принуждать к какому-то виду воспитательной работы, их обязательно привлекать к процессу разработки и принятия решений».*

- *«Одно и то же рядовое замечание педагога, сделанное по отношению к учащимся разных национальностей, может быть совершенно по-разному ими воспринято на эмоциональном уровне. Обращение учителя к ученику на повышенных тонах, что, к сожалению, нередко встречается и в современных образовательных учреждениях, будет без видимых эмоций встречено, например, ребенком из Вьетнама, но вызовет бурную ответную реакцию юноши, например, из Азербайджана, что может послужить причиной долгосрочного конфликта между учителем и учащимся (и его семьей) в будущем».*

Заключение. Этот теоретический и практический инструментарий для комплексной оценки уровня адаптации детей мигрантов в работе образовательных организаций нуждается в дальнейшей апробации. Требуется пополнения и связанный с данным инструментарием ряд методических рекомендаций для руководителей образовательных учреждений и педагогов по выбору моделей адаптации в обучении и воспитании.

Источники и литература

1. *Berry J.W.* The role of psychology in ethnic studies // *Canadian Ethnic Studies*, 1990. № 22. P. 8–21.
2. *Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А.* Обучение детей мигрантов как проблема их социальной адаптации // *Социологические исследования*. 2013. № 2. С. 80–91.
3. *Каленкова О.Н., Феоктистова Т.Л.* Методические материалы для тестирования детей-инофонов по русскому языку. М.: Этносфера, 2009.
4. *Концепция государственной миграционной политики РФ до 2025 года* [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/15635> (дата обращения: 12.11.2014).
5. *Макаров А.Я.* Социокультурная адаптация детей мигрантов в образовательной среде: дис. ... канд. социол. наук. М., 2010. 209 с.
6. *Омельченко Е.А.* Адаптация детей иностранных мигрантов в российской школе: факторы успеха и основные риски // *Феномен социализации в этнической культуре. Материалы Одиннадцатых Санкт-Петербургских этнографических чтений*. СПб.: ИПЦ СПбГУТД, 2012. С. 170–174.
7. *Омельченко Е.А.* Социологические подходы к исследованию проблемы интеграции детей мигрантов в образовательной среде // *Социология образования*. 2014. № 7. С. 116–130.
8. *Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: сб. научных статей* / под ред. Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко. М.: РУДН, 2009. 420 с.

Omelchenko Elena A.

Moscow Institute of Open Education
aalenom@gmail.com

Social and Cultural Adaptation of Children from International Migrants' Families at School: Methodic of Research and Ways to Solve the Problem

During researches on migrants' integration issues via education implemented for many years a series of indexes has been elaborated. With their help it is proposed to estimate the level of linguistic, social, cultural and psychological adaptation of children from the families of international migrants. Some peculiarities of the process of adaptation and forming new identity of pupils are noted depending on their age, country of origin, ethno-cultural and religious characteristics, their level of language knowledge. The conclusions of several sociological researches implemented by the author of the article in Moscow schools are discussed.

The article describes the toolkit created by the author with the help of ICT-technologies. It makes possible for directors and teachers of educational institutions with many migrant

students to make easier the process of primary estimation of the adaptation level of each concrete child. It also helps to choose for him or her (or for the whole group of such children) an optimal educational strategy.

The key factor that influences the velocity of adaptation of migrants' children is, undoubtedly, their level of Russian language knowledge – the state language of the country of their living. However, even a good knowledge of language does not guarantee the absence of serious problems during the process of cultural adaptation. Such problems appear both for teachers and for students. Another problem is the social adaptation of foreign students – often they use totally different ways to behave, or they choose a way of communication habitual for them.

The author's researches are targeted to confirm the possibility to use the above mentioned theoretical instrument for the complex estimation of the adaptation level of migrants' children in the practical work of educational institutions. The main goal of these researches is to elaborate a series of methodic recommendations for teachers and directors that could help them to choose the right model of adaptation in teaching and up-bringing.

Keywords: international migration, linguistic and socio-cultural adaptation, integration, multicultural educational environment, foreign speaker, inter-ethnic relations, civic identity.

References

1. Berry J.W. The role of psychology in ethnic studies, *Canadian Ethnic Studies*, 1990, no. 22, pp. 8–21.
2. Zborovskii G.E, Shuklina E.A. Obuchenie detei migrantov kak problema ikh sotsial'noi adaptatsii [Teaching of migrant children as a problem of their social adaptation], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2013, no. 2, pp. 80–91.
3. Kalenkova O.N., Feoktistova T.L. *Metodicheskie materialy dlia testirovaniia detei-inofonov po russkomu iazyku* [Methodical materials for Russian language testing for foreign children]. Moscow: Etnosfera, 2009.
4. *Kontseptsii gosudarstvennoi migratsionnoi politiki RF do 2025 goda* [Concept of the state migration policy of the Russian Federation through to 2025]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/15635>. (Accessed 12 November 2014).
5. Makarov A.Ia. *Sotsiokul'turnaia adaptatsiia detei migrantov v obrazovatel'noi srede: dissertatsiia na soiskanie stepeni kandidata sotsiologicheskikh nauk* [Social and cultural adaptation in education environment: candidate of social science dissertation]. Moscow, 2010. 209 p.
6. Omel'chenko E.A. *Adaptatsiia detei inostrannykh migrantov v rossiiskoi shkole: faktory uspekha i osnovnye riski* [Adaptation of foreign migrants' children in Russian school: factors of success and major risks], *Fenomen sotsializatsii v etnicheskoi kul'ture. Materialy Odinnadtsatykh Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chtenii* [Phenomenon of socialization in ethnic culture. Materials of the Eleventh Petersburg ethnography reading]. St. Petersburg: IPTs SPGUTD, 2012, pp. 170–174.
7. Omel'chenko E.A. Sotsiologicheskie podkhody k issledovaniiu problemy integratsii detei migrantov v obrazovatel'noi srede [Sociological approaches to the study of the problem of migrants' children integration in education environment], *Sotsiologiya obrazovaniia*, 2014, no. 7, pp. 116–130.
8. *Strategii mezhkul'turnogo vzaimodeistviia migrantov i naseleniia Rossii: Sbornik nauchnykh statei* [Strategies of transcultural interaction between migrants and population of Russia: Collected scientific papers], eds. N.M. Lebedeva and A.N. Tatarko. Moscow: RUDN, 2009. 420 p.

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ В НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ

УДК 94(47).083

DOI 10.172239785751123666/22

М.В. Грибовский

УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЕ СООБЩЕСТВО РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА: ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

Рассматривается университетское сообщество Российской империи на рубеже XIX–XX вв. как особая социальная категория российского общества, обладавшая специфической идентичностью. В рассматриваемый период корпоративная идентичность представителей университетского сообщества проявлялась в активном участии профессоров и преподавателей в обсуждении «университетского вопроса», попытках самоорганизации, наличии некоторых характерных элементов мировоззрения.

Ключевые слова: университеты, профессорско-преподавательский корпус, идентичность.

Введение. В статье рассматривается университетское сообщество Российской империи рубежа XIX–XX вв. как особая социальная категория российского общества. Несмотря на относительную малочисленность, эта группа уже с начала XIX в. играла заметную роль в жизни страны и часто выступала маркером социальных и политических процессов, происходивших в России. Университетское преподавательское сообщество можно рассматривать в качестве части российской интеллигенции, однако представляет интерес выявление

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

основных проявлений корпоративной идентичности именно представителей университетской преподавательской корпорации.

Материалы и методы. Для выявления проявлений корпоративной идентичности большую роль играют источники личного происхождения. Однако зачастую профессура публично высказывала свое видение университетского вопроса, поэтому сведения о ее воззрениях отложились в периодической печати, в материалах публичных выступлений, а также в протоколах, стенограммах заседаний коллективных органов и пр. Необходимые материалы содержатся как в опубликованных источниках, так и в фондах архивохранилищ. Для выполнения исследования были привлечены фонды Российского государственного исторического архива (РГИА), Национального архива республики Татарстан (НАРТ), Государственного архива Одесской области (ГАОО), Государственного архива Харьковской области (ГАХО), Государственного архива города Киева (ГАК).

Исследование выполнено в русле такого направления, как социальная история. Большое влияние на исследование оказала теория идентичности. В работе использованы сравнительно-исторический метод и историко-социологический анализ.

Историография. Российским университетам и университетскому сообществу XIX – начала XX в. посвящена большая историческая литература. Вспомним классические труды А.Е. Иванова (Иванов 1991) и Т. Маугер (Маугер 1998). Однако корпоративная идентичность российских университетских преподавателей дореволюционной России редко становится предметом специального научного изучения. Вместе с тем в последнее время в контексте социоисторических исследований такая постановка вопроса встречается в российской историографии. Отметим коллективную монографию Е.А. Вишленковой, Р.Х. Галиулловой, К.А. Ильиной (Вишленкова, Галиуллова, Ильина 2012), посвященную корпоративной культуре российских профессоров первой половины XIX века. Феномен «профессорской культуры» анализируется в книге Д.Г. Горина (Горин 2012).

Исследование. Российское университетское «ученое сословие» сформировалось относительно поздно – к началу XIX в. Не будучи многочисленным, оно тем не менее являло собой относительно целостную группу. Эта целостность предопределялась разными факторами. Университетское сообщество заметно выделялось на фоне российской общественности. Малочисленность университетов и

элитарность высшего образования создавали университетским преподавателям некоторый ореол исключительности. Важным фактором формирования собственной идентичности был механизм пополнения преподавательской корпорации: в течение XIX – начала XX в. время от времени практиковался принцип «самопополнения», т.е. выборности профессоров.

Итак, университетское преподавательское сообщество в конце XIX – начале XX в. представляло собой сложившуюся профессиональную корпорацию. Настоящее исследование посвящено формам проявления корпоративной идентичности представителей университетского преподавательского сообщества, которая в рассматриваемый период находила отражение в активном участии профессоров и преподавателей в обсуждении «университетского вопроса»; попытках самоорганизации; наличии некоторых характерных элементов мировоззрения.

«Университетский вопрос» глазами профессоров и преподавателей. Не будет преувеличением заявить, что с середины XIX в. университетский вопрос находился в центре внимания российской общественной мысли. Идею об особом весе голосов представителей университетской корпорации ясно выразил профессор Московского университета С. Трубецкой: «Как сословие или корпорация учащая, университет всех компетентнее может судить о своих научных интересах, пользах и нуждах в деле распределения и разработки плана занятий и в деле преподавания» (Трубецкой 1907а: 5). Очевидно, руководствуясь схожими соображениями, сотни профессоров и преподавателей приняли участие в обсуждении актуальных проблем университетской жизни. Принадлежность к университету заставила их выступать по наиболее спорным вопросам своей профессиональной деятельности, предлагая «идеальный образ» университета. Чаше свое мнение по университетскому вопросу профессора представляла посредством периодической печати. Однако в начале XX в. дважды – в 1902 и в 1906 гг. – университетской общественности удалось донести до властей свои чаяния посредством участия в работе совещаний, созданных по инициативе Министерства народного просвещения.

Формат статьи не позволяет представить весь спектр мнений, высказанных членами университетского сообщества в конце XIX – начале XX в. по университетскому вопросу. Остановимся на обзоре тех суждений, которые наиболее точно характеризуют представле-

ния профессоров и преподавателей об университете и университетской преподавательской корпорации.

Для многих профессоров было характерно возведение на наивысшую ступень университета как социального явления. «Ничто не может заменить его [университета. – *Авт.*] атмосферы, само пребывание в которой имеет большую ценность,» – писал профессор Томского университета И. Михайловский (Михайловский 1908: 11). С. Трубецкой утверждал: «Университет может быть только университетом, и, оставаясь верным себе, он делает великое общественное и государственное культурное дело, которого кроме его делать некому. [...] Цель университета довлеет себе, она в полном смысле этого слова самостоятельна, автономна, и вот почему автономия составляет как бы естественное право университета, при нарушении которого он процветать не может» (Трубецкой 1907б: 78).

Затронутая в предыдущем высказывании тема автономии часто становилась лейтмотивом публицистических работ по университетскому вопросу. Большинство представителей университетской корпорации тяжело переживало ограничение самостоятельности университетов, последовавшее за вступлением в силу Университетского устава 1884 г., и требовало расширения академических свобод. Утверждать это можно, ссылаясь на многочисленную публицистику, посвященную этому вопросу, и на материалы упомянутых выше сочинений.

Профессорская публицистика позволяет сделать любопытные наблюдения о представлениях университетской общественности о внешних границах своей корпорации. И.В. Михайловский писал: «"Профессор" происходит от латинского слова *profiteri*, что значит – свободно воспроизводить свои убеждения. Он не есть педагог, учитель в смысле учителя средней школы. Как различны по существу задачи средней школы и университета, так же различна и деятельность учителя гимназии и профессора. Центр тяжести деятельности профессора – самостоятельная разработка известной области знания; профессор, прежде всего ученый, а потом уже преподаватель». Сформулировав таким образом разницу между университетским профессором и школьным учителем, И.В. Михайловский ниже продолжает рассуждения об особенностях профессуры. Постулируя ее особую идентичность, он указывает на «опасность превращения профессоров в "чиновников"; неприменимость к деятельности профессора обычной служебной мерки; недопустимость мелочной рег-

ламентации его деятельности; необходимость достаточного материального обеспечения, чтобы ничто не отвлекало бы профессора от его работы и не влияло бы неблагоприятно на качество этой работы» (Михайловский 1908: 11).

Активным участием в обсуждении университетского вопроса профессура заявляла о своем месте в общественной жизни, что было важным элементом самоидентификации.

Преподавательская самоорганизация. Профессор Новороссийского университета Иван Линниченко писал: «В нашей среде, конечно, нет обрядов посвящения как в древнем рыцарстве, старых орденах, студенческих корпорациях, нет писаных статуты нашего ордена, но и у нас, кроме наших официальных собраний – факультетских и советских, бывали и формальные союзы (как союз Академический, теперь совершенно заглохший) и совещания по тем группам, на которые разделялась наша коллегия» (ГАОО Без даты: 2). Упомянутый И.А. Линниченко Академический союз стал, без сомнения, крупнейшим опытом самостоятельной организации вузовских преподавателей в дореволюционной России. История создания Академического союза и работа трех его съездов освещена в работе Е.А. Иванова (Иванов 2003: 202–212), что освобождает нас от необходимости брать за изложение фактической стороны вопроса.

Помимо широко известного Академического союза в университетах начала XX в. существовали иные разнообразные «союзы» и «общества», имевшие целью защиту интересов преподавателей. Особую активность проявляли так называемые младшие преподаватели, не относившиеся к числу штатной профессуры. В условиях отсутствия легальной возможности быть полноправными членами университетской корпорации «младшие преподаватели» в начале XX в. пошли по пути самоорганизации – стали создавать организации с целью защиты своих прав. Одной из первых организаций подобного рода было «Санкт-Петербургское общество взаимопомощи доцентов и лаборантов высших учебных заведений», созданное в 1903 г. (Ростовцев, Баринев 2012: 45).

Катализатором процесса самоорганизации университетских преподавателей стал политический катаклизм – Первая российская революция 1905–1907 гг. Накануне и в годы революции возросла гражданская активность подданных Российской империи, к тому же принятый 17 октября 1905 г. Манифест позволял надеяться на легализацию преподавательских «союзов».

В феврале 1905 г. приват-доценты Казанского университета обратились к попечителю учебного округа с просьбой об утверждении устава «Общества взаимной помощи младшего учено-педагогического персонала Императорского Казанского университета» (Грибовский 2012: 107). После получения согласия попечителя общество было легализовано.

С этого же времени действовала «Харьковская группа младших преподавателей высших учебных заведений», являвшаяся местным отделением Академического союза. В архиве Харьковской области сохранился черновик устава «Группы». Приведем полностью 2-ю статью устава: «Группа имеет целью улучшение всех сторон академического быта на началах полной автономии и академической свободы. Для выполнения этой цели в различных формах проявления своей деятельности (в общих собраниях, специальных комиссиях, в коллективных заявлениях в печати, в статьях, лекциях, чтениях и т.п.) группа принимает участие в выработке и проведении в жизнь нового устава высших учебных заведений, обсуждении явлений текущей академической жизни и связанных с нею явлений жизни общественной и по возможности активно реагирует на эти явления в направлении задач Союза». Членами группы могли стать приват-доценты, преподаватели, лаборанты, ассистенты, ординаторы, лица, оставленные при кафедрах для подготовки к профессорскому званию, из любых высших учебных заведений г. Харькова, причем как действовавшие, так и бывшие. Вступить в группу приглашались и профессора. Члены Союза делали ежегодный взнос в размере пяти рублей, из которых два шли на расходы центрального бюро, а три направлялись на расходы местного бюро. На начало 1906 г. харьковская группа объединяла 103 человека (ГАХО 1906: 1–2, 4).

На фоне революционных событий, протекавших в стране, преподавательские союзы были весьма политизированы. На их заседаниях поднимались острые общественно-политические вопросы, активисты союзов, как правило, разделяли антимонархистские взгляды.

В Университете Св. Владимира в 1905 г. проходили собрания младших преподавателей. Требовали автономии, политических свобод (ГАК 1905: 1–10б.). Харьковская «группа» в числе прочего занималась судьбой приват-доцента Л.Н. Яснопольского, уволенного за лекцию, осуждавшую политику правительства на Дальнем Востоке.

О «Союзе младших преподавателей» Новороссийского университета попечитель Одесского учебного округа граф А. Мусин-

Пушкин писал в Министерство народного просвещения в 1906 г.: «Этот нелегальный политический «Союз младших преподавателей» представляет собой чисто революционную организацию, имеющую тесную связь с крайними студенческими партиями и с крайними элементами университетского Совета». Попечитель так описывал деятельность руководителя «Союза младших преподавателей» приват-доцента Тарасевича и видного деятеля организации приват-доцента Орженцкого: «Тарасевич вместе с Орженцким являются почти во всех заседаниях Совета депутатами от «Союза младших преподавателей», благодаря чему все подробности закрытого по закону заседания Совета становятся моментально известными «Союзу младших преподавателей» и совершенно открыто дебатированы в заседаниях последнего и сообщаются местной еврейской прессе. Благодаря этой тесной органической связи этого союза с крайними партиями студентов наблюдается постоянное давление их на решения Совета» (ГАОО 1906: 4).

С затуханием Первой российской революции сворачивалась работа и преподавательских «союзов». Министр внутренних дел П.А. Столыпин писал министру народного просвещения А.Н. Шварцу в апреле 1909 г.: «... при Харьковском университете “Академического союза” профессоров не существует, а также нет и «Союза младших преподавателей» как особой организации, но имеется «Союз служащих университета», поставивший своей целью экономическое и политическое единение низших служащих; во главе союза стоит принадлежащий к числу левых профессоров приват-доцент Воробьев» (РГИА 1909: 1). Новый всплеск преподавательской самоорганизации связан с кануном Революции 1917 г.

Создание в начале XX в. самостоятельных преподавательских организаций, без сомнения, можно отнести к проявлениям самоидентификации научно-педагогической общественности.

Мировоззрение как маркер профессиональной идентичности. Хотя мировоззрение является признаком личности, пожалуй, можно утверждать, что у представителей профессиональной корпорации могут формироваться некоторые общие элементы системы ценностей, схожие воззрения на жизнь. Реконструировать «коллективное мировоззрение» профессуры довольно сложно. Однако доступные исторические источники способны пролить свет на данную проблему.

Публичные высказывания и частные суждения профессуры позволяют реконструировать систему ценностей университетских преподавателей. В этой системе первое место отводилось «служению науке». С.Н. Трубецкой писал: «Первою обязанностью [профессора] является бескорыстное и честное служение своему делу, т.е. служение той науке, которую он преподает. Служа ей, он служит и университету, служит и студенчеству» (Трубецкой 1907а: 10–11). Профессор юридического факультета Томского университета И.А. Малиновский расширял служение науке до служения духовному началу: «Занимаясь наукой, нельзя чуждаться других отраслей духовной деятельности. Людям университетским не должны быть чужды интересы религии, искусства, литературы, общественной жизни [...] Университетскому человеку недостаточно одной какой-нибудь ученой специальности, ему должны быть близки духовные интересы вообще». В подтверждение этой мысли Малиновский приводит в пример Ярцева, героя рассказа А.П. Чехова «Три года», который окончил филологический факультет, затем поступил на естественный, являлся магистром химии, занимался социологией и русской историей. «Университет – храм науки. А, следовательно, университетские люди, т.е. те, которые учат, учатся и учились в университете, – это апостолы и поборники правды и истины». И далее: «Если наука включает в себе искание правды и смысла жизни, то изучение науки должно воспитывать в человеке любовь к правде и отвращение к неправде» (Малиновский 1904: 11, 22).

Приоритет служения науке и духовному началу предполагал бескорыстность университетского человека. Профессор медицинского факультета Новороссийского университета Кирилл Сапежко так отреагировал на одно коммерческое предложение: «Я им ответил, что считаю несовместимым с достоинством профессора делаться курортным врачом в коммерческих интересах города или личных» (ГАОО 1909: 8).

Анализ ценностных ориентиров университетской профессуры приводит к выводу о том, что, несмотря на очевидные индивидуальные различия представителей университетской общественности, имелся определенный «набор» корпоративных мировоззренческих черт, сосредоточенных вокруг понятий чести, долга, профессиональной миссии и пр.

Очевидно, что приведенные слова, произносившиеся «на публику», рисуют образ профессора как носителя идеальных черт. Однако

делясь представлениями о добродетелях, о положительных нравственных свойствах, профессура формировала собственный образ, задавала высокую планку для лиц, желавших пополнить профессорский круг.

Заключение. Проанализированные формы проявления корпоративной идентичности университетских профессоров и преподавателей России рубежа XIX–XX вв., по нашему мнению, позволяют говорить об университетском сообществе как об особой корпорации, изучение жизнедеятельности которой представляет значительный научный интерес в силу того влияния, которое оно оказывало на общественно-политическое развитие России.

Источники и литература

1. *Maurer T.* Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur Sozial-und Bildungsgeschichte. Köln; Weimar; Wien, 1998.
2. Вишленкова Е.А., Галуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М., 2012.
3. ГАК (Государственный архив Киева). Ф. 16. Оп. 469. Д. 185. Протокол собрание младших преподавателей университета с требованием разрешения свободы слова и собраний. 1905.
4. ГАОО (Государственный архив Одесской области). Ф. 153. Оп. 1. Д. 51. Статья о баллотировке профессоров. Без даты.
5. ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 440. Докладная записка ректора об инциденте во время чествования памяти Пирогова. 1906.
6. ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 499. Переписка о заявлении профессора К. Сапезко о деятельности медицинский факультета. 1909.
7. ГАХО (Государственный архив Харьковской области). Ф. 667. Оп. 286. Д. 144а. Устав и протоколы заседаний харьковской группы младших преподавателей. 1906.
8. Горин Д.Г. Интеллектуалы и свобода. Опыт научного сообщества в дореволюционной России. М., 2012.
9. Грибовский М.В. Феномен приват-доцентуры в российских университетах конца XIX – начала XX вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2012. № 2. С. 103–108.
10. Иванов А.Е. В преддверии кадетской партии: Всероссийский союз деятелей науки и высшей школы // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов: Материалы Международного научного colloквиума. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 202–212.
11. Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX в. М., 1991.
12. Малиновский И.А. Университет в сочинениях А.П. Чехова: Лекция, читанная студентам I курса юридического факультета Томского университета 7 сентября 1904 г. Томск: Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон, 1904. 25 с.
13. Михайловский И.В. Университет и наука. Томск: Типо-литография Сибирского товарищества печатного дела, 1908. 18 с.

14. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 733. Оп. 201. Д. 100. О профессорах и преподавателях Императорского Харьковского университета. 1909.

15. Ростовцев Е.А., Баринев Д.А. Преподавательская корпорация столичного университета 1884–1916 гг.: основные черты и проблемы коллективной биографии // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884–1917 гг.: исследования и документы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 35–51.

16. Трубецкой С.Н. По поводу правительственного сообщения о студенческих беспорядках // Собрание сочинений кн. Сергея Николаевича Трубецкого. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1907а. Т. 1. С. 1–14.

17. Трубецкой С.Н. Татьяна день // Собрание сочинений кн. Сергея Николаевича Трубецкого. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1907б. Т. 1. С. 77–79.

Gribovskiy Mikhail V.

National Research Tomsk State University

mgrib@mail2000.ru

University teaching community of Russia late XIX – early XX centuries: forms of manifestation of corporate identity

The article is devoted to the university teaching community of Russia at the turn of the XIX–XX centuries as a particular social category of Russian society. Despite being a relatively sparse group, even from the XIX century, it played a significant part in the life of the country and often was a marker of the social and political processes occurring in Russia. Appeal to the specified object allows us to fill one of the gaps in the comprehensive analysis of the social history of Russia in the late XIX – early XX century. The authors make an attempt to reveal the basic manifestations of corporate identity by representatives of university teaching community. It is the author's opinion that representatives of the university community corporate identity manifested in the late XIX – early XXI in the participation of professors and teachers to discuss "the issue of the university", attempts to self-organization, the presence of some characteristic elements of outlook. Hundreds of professors and lecturers took public participation (in press) in a permanent discussion of topical problems of university life. Belonging to the University forced them to speak out on the most controversial issues of their professional activities, offering a perfect image of the University. Political cataclysm – the first Russian revolution – was the catalyst for the self-organization of university teachers. A variety of "union" to protect the interests of teachers began to take hold during revolutionary period. Analysis value orientations of university professors leads to the conclusion that despite the obvious individual differences representatives of the teaching community had a certain "set" of corporate worldview features concentrated around the notions of honor, duty, professional mission, etc.

Keywords: universities, professors and lecturers corps, identity.

References

1. Maurer T. *Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur Sozial-und Bildungsgeschichte*. Köln; Weimar; Wien, 1998.

2. Vishlenkova E.A., Galiullina R.Kh., Il'ina K.A. *Russkie professora: universitetskaia korporativnost' ili professional'naiia solidarnost'* [Russian professors: corporativity of university or professional solidarity]. Moscow, 2012.

3. GAK (*State Archive of Kiev*), 1905, F. 16, In. 469, C. 185.
4. GAOO (*State Archive of Odessa region*), without date, F. 153, In. 1, C. 51.
5. GAOO, 1906, F. 42, In. 35, C. 440.
6. GAOO, 1909, F. 42, In. 35, C. 499.
7. GAKhO (*State Archive of Kharkov region*), 1906, F. 667, In. 286, C. 144a.
8. Gorin D.G. *Intellektualy i svoboda. Opyt nauchnogo soobshchestva v dorevoliut-sionnoi Rossii* [Intellectuals and freedom. The experience of the scientific community in pre-revolutionary Russia]. Moscow, 2012.
9. Gribovskii M.V. Fenomen privat-dotsentury v rossiiskikh universitetakh kontsa XIX – nachala XX vv. [The phenomenon of private-docents in Russian universities in the late XIX – early XX centuries], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo uni-versiteta. Seriya «Istoriia i politicheskie nauki»*, 2012, no. 2, pp. 103–108.
10. Ivanov A.E. *V preddverii kadetskoi partii: vserossiiskii soiuz deiatelei nauki i vysshei shkoly* [On the threshold of the Cadet party: the All-Russian Union of science and higher education figures], *Vlast' i nauka, uchenye i vlast': 1880-e – nachalo 1920-kh godov: Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma* [Authorities and science, scientists and authorities: 1880-s – early 1920-s: Proceedings of the International Scientific Colloquium]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2003, pp. 202–212.
11. Ivanov A.E. *Vysshaia shkola Rossii v kontse XIX – nachale XX v.* [Higher educa-tion in Russia in the late XIX – early XX centuries]. Moscow, 1991.
12. Malinovskii I.A. *Universitet v sochineniiakh A.P. Chekhova: Lektsiia, chitannaia studentam I kursa iuridicheskogo fakul'teta Tomskogo universiteta 7 sentiabria 1904 g.* [University in the works of A.P. Chekhov: lecture given to the first year students of the Law faculty at the Tomsk University, September 7, 1904]. Tomsk: Tovarishestvo skoropechatni A.A. Levenson, 1904. 25 p.
13. Mikhailovskii I.V. *Universitet i nauka* [University and science]. Tomsk: Tipo-litografiia Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela, 1908. 18 p.
14. RGIA (*Russian State Historical Archive*), 1909, F. 733, In. 201, C. 100.
15. Rostovtsev E.A., Barinov D.A. *Prepodavatel'skaia korporatsiia stolichnogo uni-versiteta 1884–1916 gg.: osnovnye cherty i problemy kollektivnoi biografii, Professorsko-prepodavatel'skii korpus rossiiskikh universitetov. 1884–1917 gg.: issledovaniia i do-kumenty* [Faculty corps of the Russian universities. 1884-1917-s: Studies and documents]. Tomsk: Izdatel'stvo tomskogo universiteta, 2012, pp. 35–51.
16. Trubetskoi S.N. Po povodu pravitel'stvennogo soobshcheniia o studencheskikh bes-poriadkakh, *Sobranie sochinenii kn. Sergeia Nikolaevicha Trubetskogo. T. 1.* [Collected works of prince Sergey Nikolaevich Trubetskoi. Vol. 1]. Moscow: Tipografiia G. Lissnera i D. Sobko, 1907a, pp. 1–14.
17. Trubetskoi S.N. Tat'ianin den', *Sobranie sochinenii kn. Sergeia Nikolaevicha Trubetskogo. T. 1.* [Collected works of prince Sergey Nikolaevich Trubetskoi. Vol. 1]. Moscow: Tipografiia G. Lissnera i D. Sobko, 1907b, pp. 77–79.

Д.В. Хаминов

**СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ
КОРПОРАЦИИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ В КОНТЕКСТЕ
ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
1930-х – НАЧ. 1940-х ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ СИБИРИ)**

С привлечением широкого круга разнородных источников, прежде всего, сибирского архивного материала, который впервые вводится в научный оборот, предпринята попытка реконструкции процесса формирования региональной корпорации советских историков на примере сибирской высшей школы 1930-х – начала 1940-х гг. Автором выявлена региональная (периферийная) специфика этого явления в контексте общей партийно-государственной политики СССР в отношении исторического знания и самих историков в межвоенный период.

Ключевые слова: историческое знание, профессиональная корпорация, историк, регион, Сибирь.

Введение. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что историки, являясь носителями и трансляторами особого вида знания – исторического, – на протяжении всей Новейшей истории, во всех государствах и обществах представляли собой специфическую научно-педагогическую корпорацию, отличающуюся от представителей иных научно-образовательных сообществ. Эта особенность обуславливалась тем, что история выступала особым мировоззренческим и культурным ретранслятором, являлась специфической сферой общественных отношений и специальным направлением государственной политики, благодаря которой осуществлялись преемственность поколений и связь времен, формировались историческое сознание личности, ее гражданская и политическая идентичность, мировоззренческие установки, чувство патриотизма (в самом широком понимании этого термина), нравственные ценности и т.д. Наиболее ярко эта роль проявилась в Советском Союзе в самый трагический и противоречивый период его истории – в 1930-х – начале 1940-х гг. (Гордон 2005: 271–273; Гордина 2010: 9–10).

Это было время формирования новой модели государственно-политического и общественного устройства, внутрипартийной борьбы за власть и борьбы с оппозицией и инакомыслием, формирования

режима личной власти Сталина, что, в конечном итоге, привело к политическим репрессиям второй половины 1930-х гг. Советские историки оказались непосредственными участниками этих идеологических процессов. С одной стороны, они были вовлечены в сам процесс формирования нового политико-идеологического конструкта (в некоторой степени обслуживая и поддерживая его), а с другой стороны, оказались в числе жертв репрессивной политики.

«Благодаря» своей особой роли не только в социокультурной, но и в политико-идеологической сферах советского общества, историки как профессиональная корпорация и само историческое знание подверглись в этот период наибольшему воздействию и давлению со стороны партийно-государственных органов и иных институтов. Это проявлялось и в адресованных им директивных установках, выраженных в серии статей и документов высших партийных руководителей (например, работы И.В. Сталина «О статье Энгельса „Внешняя политика русского царизма“ (письмо членам Политбюро ЦК ВКП(б))» (1934 г.), «Об учебнике истории ВКП(б): Письмо составителям учебника истории ВКП(б))» (1937 г.); работы И.В. Сталина, С.М. Кирова, А.А. Жданова «Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР» и «Замечания о конспекте учебника новой истории» (1934 г.); наконец, «Краткий курс истории ВКП(б))» (1938 г.) и т.п.), и в целенаправленных репрессиях в отношении видных советских «буржуазных» историков и их последователей и учеников (академики С.Ф. Платонов, Н.М. Лукин и др.), а также в разгроме школы академика Н.М. Покровского, который в 1920-х – первой половине 1930-х гг. считался самым марксистским историком, являлся главой историков-марксистов (Артизов 1994).

История как никакая иная отрасль знания в этот период стала идеологизированной и политизированной, она была поставлена под жесткий контроль партийно-государственной системы. Это влекло прямое воздействие на нее со стороны государства, его непосредственное участие в формировании и определении основных свойств и характеристик как самой корпорации историков, так и сети исторических научно-образовательных учреждений.

При работе над исследованием были использованы партийные и государственные программные и директивные документы, общесоюзные, региональные и местные нормативно-правовые акты, относящиеся к политико-идеологическим вопросам и вопросам организации высшего образования и науки. Важной составляющей источ-

никовой базы стали локальные архивные документы сибирских регионов – отчеты о работе и протоколы заседаний партийных организаций вузов, научных учреждений и их структурных подразделений, а также органов власти на местах (городских и региональных).

Постановка и обсуждение проблемы. Череда неудачных экспериментов и губительных реформ в сфере организации исторического образования и подготовки кадров профессиональных историков (как, собственно, и в других гуманитарных отраслях знания) самым негативным образом сказались на положении истории и историков в первое советское десятилетие. В 1920-е гг. в вузах страны (тем более, в Сибири) практически не существовало специальных структур для подготовки историков, преподавание исторических дисциплин и в вузах, и в школах сводилось к обществуведению (история была лишь вспомогательным знанием, которое обслуживало социологические, политэкономические и иные марксистские конструкты). Традиционные исторические направления перестраивались под революционную и историко-партийную тематику или, в лучшем случае, ориентировались на этнографические и краеведческие исследования (так называемое золотое десятилетие краеведения Сибири).

По мере изменения ситуации в стране и мире советское правительство и в первую очередь сам И.В. Сталин начали уделять намного больше внимания качеству исторического образования в средних учебных заведениях СССР, что неизбежно влекло за собой и задачу по решению вопроса о качестве подготовки самих историков в вузах. Именно теперь история в ее традиционных, общегражданских рамках как нельзя лучше позволяла внедрить установку на восстановление государственной преемственности (между Российской империей и СССР), все более утверждавшуюся в мировоззрении руководства и постепенно в идеологии правящей партии в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. Необходимо было придать ей только идеологическую марксистскую направленность. Преподавателей истории провозглашали «бойцами идеологического фронта» (Гордон 2005: 274). Историческое образование на всех уровнях должно было решать проблему патриотического воспитания молодежи в условиях надвигающейся угрозы глобальной мировой войны, поскольку страна уже перешла от лозунгов о торжестве мировой революции и интернационализма к идее построения социализма в отдельно взятой стране (национально ориентированная и государственническая

функция исторического знания). Патриотизм к началу войны стал пониматься как «чувство постоянной мобилизационной готовности, чувства безграничной, активной любви к своей Родине» (Хигерович 1941: 4).

Сибирь в межвоенный период представляла собой важный в экономическом отношении регион для страны, однако постановка как высшего, так и школьного образования в ней была плачевной. В этих сложных условиях и стала формироваться новая система школьного и высшего образования, простимулированная, в том числе, принятием ряда важнейших партийно-государственных документов (Постановление ЦИК СССР № 43; Постановление ЦК ВКП(б)). В течение 1930-х гг. на всей территории Сибири были открыты педагогические и учительские институты, в которых стали готовить историков для Сибирского и Дальневосточного регионов. Этот процесс интенсифицировался после принятия Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР». На протяжении 1930-х – начала 1940-х гг. на территории Сибири (в широком историографическом понимании границ этого региона) сложилась собственная разветвленная система научно-образовательных учреждений (классические университеты, педагогические и учительские институты, комплексные гуманитарные научные институты в национальных субъектах – НИИ языка, литературы, истории (НИИЯЛИ)), которые занимались подготовкой историков и проведением научно-исследовательской работы (Хаминов 2012а: 50–53; Хаминов 2012б: 183–185).

Важное место в этих процессах занимали вопросы, связанные с политикой по отношению к национально-территориальным образованиям. Перед правительством стояла задача глубокой интеграции населения национальных субъектов Советского Союза через комплекс различных мероприятий в единое социально-экономическое и культурное пространство страны. В том числе это осуществлялось и через развитие исторического образования (подготовка национальных кадров историков на местах) и науки (организация исторических исследований и изучение прошлого этих регионов). Это позволяло советскому правительству интегрировать население национальных субъектов в единую культурно-историческую общность советских народов. Ведь история составляла ту сферу государственной идеологии, которая во многом формировала личность советского специалиста (интеллигента). Впоследствии он должен был стать

опорой государства в своем регионе через проведение идеологической политики в процессе своей профессиональной деятельности (преподавательской, научной, общественной и т.д.). Первое, что необходимо было сделать в этом направлении, – начать подготовку национальных кадров историков на местах через систему педагогических вузов и создать комплексные гуманитарные научные институты в национальных субъектах (НИИЯЛИ), что и было реализовано на протяжении 1930–1940-х гг.

Особенностью сибирских вузов и НИИЯЛИ и развития в них исторических структурных подразделений было то, что образовывались они в сложных условиях дефицита квалифицированных кадров историков ввиду отсутствия таковых в провинциальных городах и сложности их приглашения из других регионов, в первую очередь, из европейской части СССР. Региональными, местными властями и руководством вузов в 1930-х – начале 1940-х гг. эта проблема порой решалась довольно нестандартно – на преподавательскую работу приглашались историки, находящиеся на территории Сибири в административной ссылке, отбывающие уголовное наказание, имевшие судимость или привлекавшиеся ранее к уголовной ответственности по политическим статьям (например, Н.В. Горбань и А.С. Сливко в Омском пединституте, профессора К.Э. Гриневич и А.П. Дульзон, доценты В.Ю. Гессен и Р.Е. Кугель в ТГУ и Томском пединституте и др.).

Проведенный автором комплексный анализ документальных материалов сибирских архивов позволяет сделать ряд важных наблюдений в отношении специфики формирования и студенческого контингента историков. Анализ студенческих личных дел, иных количественных и статистических данных по студенческому контингенту сибирских вузов показывает, что при общем невысоком числе абитуриентов и невыполнении плана приема на неисторические специальности (обусловленным как объективными, так и субъективными факторами), набор на исторические отделения и факультеты всегда не просто выполнялся, но зачастую наблюдалось и превышение плана приема с более высоким конкурсом по сравнению с другими специальностями (ГАТО 1950: 15–16, 35–37; ГАИО 1933: 1; ГААК 1953: 1; ИАОО 1952: 52–53).

Другая особенность заключалась в том, что поступали на исторические отделения и факультеты не только учителя (не имевшие высшего образования) или те, кто хотел бы работать в будущем по профессии. В вузах (особенно по заочной и вечерней формам) стали

обучаться советские и партийные работники, государственные служащие, которым недоставало высшего гуманитарного или педагогического образования для дальнейшего карьерного роста. Получить высшее образование в других вузах или по другим специальностям (по инженерным, техническим или естественнонаучным направлениям) в силу их слабой школьной подготовки для них не представлялось возможным, а система высшего партийного образования в эти годы пока не была в достаточной мере развита на территории Сибири. Таким образом, обучение на исторических факультетах и отделениях, как наиболее приближенных к партийно-идеологической сфере, давало провинциальным партийным и советским работникам и чиновникам возможность получить профильное высшее образование. Для них это был социальный и карьерный лифт. Следствием такой особенности студенческого контингента было то, что на исторических факультетах и отделениях была значительная партийно-комсомольская прослойка. С одной стороны, большой процент партийно-комсомольской прослойки в среде студентов и выпускников-историков говорил о высоком идейно-политическом уровне и идеологическом качестве специалистов. С другой стороны, в среднем только около половины выпускников-историков в дальнейшем работали в школах или планировали связать свою жизнь с преподаванием или наукой. Значительная их часть впоследствии оказывалась занятой в иных сферах.

Третьей особенностью студенческого контингента послевоенного периода для сибирских вузов и вообще для любой периферии СССР (среднеазиатские республики, Дальний Восток) было наличие в числе студентов большого числа «неблагонадежных» элементов. Дети раскулаченных, ссыльных переселенцев, лица, имевшие родственников с судимостью по политическим статьям, в большом количестве до войны и в военный период поступали в сибирские вузы. В эти годы, с одной стороны, ослаб жесткий контроль за этими категориями граждан, с другой стороны, дефицит абитуриентов заставлял руководство вузов принимать людей, особо не обращая внимания на их социальное происхождение (ГАТюмО 1947: 38; ЦДНИ ТО 1947: 39).

В профессиональном формировании и воспитании историков важное место занимала идейно-политическая и политико-воспитательная работа среди профессорско-преподавательского состава и студенчества. Работа по идейно-политическому воспитанию

коллектива научных работников проходила по таким направлениям, как учеба сотрудников в университетах марксизма-ленинизма и в различных лекториях, организуемых городскими комитетами ВКП(б); индивидуальная работа над произведениями классиков марксизма-ленинизма; лекции по отдельным темам марксистско-ленинской теории и по особо актуальным политическим вопросам; проведение теоретических конференций; обсуждение, разбор и внедрение в учебно-научную практику на кафедрах наиболее важных теоретических и идеологических вопросов и проч.

Параллельно с профессорско-преподавательским составом в процесс политико-воспитательного воздействия был вовлечен и студенческий контингент. Эта работа среди студентов проходила в разных формах, но основной являлся учебный процесс. В лекциях преподавателей закладывались основы диалектико-материалистического мировоззрения, в ходе самостоятельного изучения программного материала студенты расширяли свои познания и учились анализировать его с марксистско-ленинских позиций. Идеино-политическое воспитание учащейся молодежи не ограничивалось соответствующей организацией педагогического процесса. Наряду с этой, главной, формой политического воздействия на студенчество, был и целый ряд других, например агитационная работа в академических группах прикрепленных преподавателей; массовое вовлечение студентов в агитационную работу среди населения во время проведения выборов в Советы; теоретические студенческие конференции; факультетские студенческие лектории и проч.

Все это в конечном итоге способствовало формированию «правильного», с точки зрения партийно-государственной идеологии, историка.

Заключение. Процесс формирования корпорации региональных, периферийных историков в Сибири шел по двум магистральным направлениям – «сверху» и «снизу». «Сверху» – через партийно-государственную политику шло создание исторических институций и формирование идеологического облика региональных историков. «Снизу» – корпорация складывалась как бы самостоятельно, без влияния извне, под действием внутренних, специфических для периферийного региона объективных и субъективных факторов (прежде всего, особенностей формирования студенческого контингента и профессорско-преподавательского состава).

Исторические факультеты и отделения университетов и педагогических вузов, а также НИИЯЛИ стали центрами по формированию в Сибири региональной корпорации советских историков. В их недрах формировались и воспитывались новые специалисты, которые через свою педагогическую, научную и культурно-просветительную деятельность должны были сыграть в довоенный и военный периоды истории нашей страны важную роль в деле гражданского, патриотического и идейного воспитания населения.

Несмотря на все сложности организационного периода становления исторического образования в довоенное десятилетие, результат работы сибирской высшей школы по подготовке историков был значимым. Благодаря партийно-государственной политике и мероприятиям властей на местах в Сибири была сформирована региональная корпорация сибирских профессиональных историков.

Сибирские вузы за эти годы выпустили несколько сотен квалифицированных историков – учителей, преподавателей учебных заведений различного уровня, оказавшихся необходимыми в деле патриотического воспитания молодого поколения советских людей, которые впоследствии участвовали в войне и на них не могли не отражаться установки, полученные на занятиях по истории. Исторические подразделения вузов заложили прочные основы для дальнейшего развития исторического образования, что помогло в годы войны подготовить большое число новых кадров, в том числе и для освобождаемых регионов европейской части страны. Роль историков в тылу в годы войны тоже нельзя переоценить. Их агитаторская, культурно-массовая, политико-воспитательная, публикационная работа среди населения вносила ощутимый вклад в дело Победы и положительным образом влияла на жизнь тыловых сибирских городов. И все это стало возможным благодаря сложившейся за довоенное десятилетие на территории Сибири мощной корпорации собственных историков.

Источники и литература

1. *Артизов А.Н.* Судьбы историков школы М.Н. Покровского (середина 1930-х годов) // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 34–48.
2. *Гордина Е.Д.* История как инструмент патриотического воспитания в СССР накануне и в начале Великой Отечественной войны // Преподавание истории в школе, 2010. № 3. С. 9–13.

3. *Гордон А.В.* Восстановление исторического образования (1934–2004) // Философский век: альманах. СПб., 2005. Вып. 29. С. 271–278.

4. *ГИАК* (Государственный архив Алтайского края). Ф. Р-750. Оп. 5. Д. 30. Справка об организации и деятельности Барнаульского пединститута с 1932 по 1953 гг. 1953.

5. *ГАИО* (Государственный архив Иркутской области). Ф. Р-842. Оп. 1. Д. 9. Отчеты отделений Иркутского пединститута о работе за 1932/33 уч. г. 1933.

6. *ГАТО* (Государственный архив Томской области). Ф. Р-566. Оп. 1. Д. 172. Историческая справка, составленная к 20-летию юбилею Томского пединститута за 1930–1950 гг. 1950.

7. *ГАТюмО* (Государственный архив Тюменской области). Ф. Р-765. Оп. 1. Д. 53. Годовой текстовый отчет Тюменского пединститута о работе за 1946/47 уч. г. 1947.

8. *ИАОО* (Исторический архив Омской области). Ф. Р-1027. Оп. 1. Д. 4. Материалы по проведению юбилея 20-летия Омского пединститута. 1952.

9. *Постановление* СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» // Собрание законодательства. 1934. № 26. Ст. 206.

10. *Постановление* ЦИК СССР № 43, СНК СССР № 308 от 14 августа 1930 г. «О всеобщем обязательном начальном обучении» // Свод законов СССР. 1930. № 39. Ст. 420.

11. *Постановление* ЦК ВКП(б) от 25 июля 1930 г. «О всеобщем обязательном начальном обучении» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 5. С. 473–476.

12. *Хаминов Д.В.* Становление и развитие системы исторического образования в педагогических вузах Сибири в 30-е годы XX – начале XXI века // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2012. № 3(118). С. 50–56.

13. *Хаминов Д.В.* Политика советского государства по развитию исторического образования и науки в национально-территориальных образованиях Сибири в 1930–1960-е гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2012. № 4(20). С. 183–186.

14. *Хигерович Р.* Незаслуженно забытые пьесы // Правда. 1941. № 32 (2 февр.). С. 4–5.

15. *ЦДНИ ТО* (Центр документации новейшей истории Томской области). Ф. 607. Оп. 1. Д. 879. Отчет о результатах ревизии исторического факультета ТГУ проверяющей комиссии Томского обкома ВКП(б). 1947.

Khaminov Dmitry V.

National Research Tomsk State University

Khaminov@mail.ru

Specificity of formation of regional corporation Soviet historians in the 1930-s (on materials of Siberia)

Relevance of the research topic due to the fact that historians, as carriers and translators special kind of knowledge – historical – throughout recent history, in all states and societies is a specific researching and teaching corporation, which differs from other representatives of the scientific and educational communities. This feature is caused by the fact that the history of speakers highlighted ideological and cultural repeater is a specific field of public relations and special direction of public policy, which is implemented through the succession of generations and the connection to time, formed the historical consciousness of the individual, his civil and political identity, worldviews, patriotism (in the broadest

sense of the term), moral values, etc. Most clearly this role is manifested in the Soviet Union in the most tragic and controversial period in its history – in 1930s – early 1940s.

The process of formation of regional corporations, peripheral historians in Siberia went on two trunk lines - the "top" and "bottom". "Top" - through the party-state policy, went creation of historical institutions and the formation of the ideological image of regional historians. "Bottom" - the corporation was formed, as it were their own, without outside influence, under the influence of internal specific to peripheral regions of objective and subjective factors (primarily features of formation of the student body and faculty members).

Historic faculties and departments of universities and pedagogical institutes, as well as complex humanitarian research institutions in national actors have become centers for the formation of the regional corporations in Siberia by Soviet historians. In their depths were formed and trained new professionals who through their teaching, research and cultural and educational activities, were to play in the pre-war and war periods in the history of our country an important role in civic, patriotic and ideological education of the population.

Keywords: historical knowledge, professional corporation, historian, region, Siberia.

References

1. Artizov A.N. Sud'by istorikov shkoly M.N. Pokrovskogo (seredina 1930-kh godov) [The fortunes of the historians of M.N. Pokrovskii's school (mid-1930-s)], *Voprosy istorii*, 1994, no. 7, pp. 34–48.
2. Gordina E.D. Istoriia kak instrument patrioticheskogo vospitaniia v SSSR nakanune i v nachale Velikoi Otechestvennoi voiny [History as an instrument of patriotic education in the USSR before and at the beginning of the Great Patriotic War], *Prepodavanie istorii v shkole*, 2010, no. 3, pp. 9–13.
3. Gordon A.V. Vosstanovlenie istoricheskogo obrazovaniia (1934–2004) [Restoration of the historical education (1934–2004)], *Filosofskii vek: al'manakh*. St. Petersburg, 2005, Vol. 29, pp. 271–278.
4. GAAK (*State Archive of Altai region*), 1953, F. R-750, In. 5, C. 30.
5. GAI O (*State Archive of Irkutsk region*), 1933, F. R-842, In. 1, C. 9.
6. GATO (*State Archive of Tomsk region*), 1950, F. R-566, In. 1, C. 172.
7. GATIUmO (*State Archive of Tyumen region*), 1947, F. R-765, In. 1, C. 53.
8. LAOO (*Historical Archive of Omsk region*), 1952, F. R-1027, In. 1, C. 4.
9. *Postanovlenie SNK SSSR i TsK VKP(b) ot 15 maia 1934 g. «O prepodavanii grazhdanskoi istorii v shkolakh SSSR»* [Decree of the Council of Peoples Commissars and the Central Committee of the All-Union Communist party of Bolsheviks of May 15, 1934 "On the teaching of civil history in USSR schools"], *Sobranie zakonodatel'stva*, 1934, no. 26, art. 206.
10. *Postanovlenie TsIK SSSR № 43, SNK SSSR № 308 ot 14 avgusta 1930 g. «O vseobshchem obiazatel'nom nachal'nom obuchenii»* [Decree of the Central committee of USSR no. 43, Council of Peoples Commissars no. 308 of August 14, 1930 "On the universal compulsory primary education"], *Svod zakonov SSSR*, 1930, no. 39, art. 420.
11. *Postanovlenie TsK VKP(b) ot 25 iuliia 1930 g. «O vseobshchem obiazatel'nom nachal'nom obuchenii»* [Decree of the Central Committee of the All-Union Communist party of Bolsheviks of July 25, 1930 "On the universal compulsory primary education"], *KPSS v rezoliutsiakh i resheniakh s"ezdov, konferentsii i plenumov TsK*. Moscow, 1984, Vol. 5, pp. 473–476.

12. Khaminov D.V. Stanovlenie i razvitie sistemy istoricheskogo obrazovaniia v pedagogicheskikh vuzakh Sibiri v 30–е gody XX – nachale XXI veka [Formation and development of the historical education system in the pedagogical universities in Siberia in 1930-s – early XXI century], *Vestn. Tom. gos. ped. un–ta*, 2012, no. 3(118), pp. 50–56.

13. Khaminov D.V. Politika sovetskogo gosudarstva po razvitiu istoricheskogo obrazovaniia i nauki v natsional'no–territorial'nykh obrazovaniakh Sibiri v 1930–е – 1960–е gg. [Soviet policy on the development of historical education and science in the national-territorial formations of Siberia in 1930-s – 1960-s], *Vestn. Tom. gos. un–ta. Istorii*, 2012, no. 4(20), pp. 183–186.

14. Khigerovich R. Nezasluzhenno zabytie p'esy [Undeservedly forgotten plays], *Pravda*, 1941, no. 32 (February 2), pp. 4–5.

15. *TsDNI TO (Documentation Center of Modern History of Tomsk region)*, 1947, F. 607, In. 1, C. 879.

УДК 174

DOI 10.172239785751123666/24

Т.В. Трубникова, Н.С. Гулиус

ЭТИЧЕСКИЙ КОДЕКС УНИВЕРСИТЕТА КАК ИНСТРУМЕНТ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Работа над текстом кодекса Университета рассматривается с двух точек зрения – с точки зрения трансформации организационной культуры Университета в связи с решением задачи выхода в глобальный рейтинг университетов топ-100 и с юридической точки зрения – кодекс как локальный нормативный акт. Кодекс, созданный университетским сообществом, – это инструмент самоидентификации с точки зрения организационной культуры; это ответ на вопрос о смысле и ценностях корпоративных преобразований, о направлении развития Университета, об этических основах взаимоотношений сотрудников с руководством, друг с другом, со студентами и другими категориями персонала Университета.

Ключевые слова: Кодекс, профессиональная этика, Университет, самоидентификация, корпоративная культура, локальный нормативный акт.

Введение. Вопрос о необходимости существования этических кодексов различных профессий и их функциональном предназначении не является бесспорным. Некоторые авторы полагают, что кодексы этики не служат никакой благой цели, а лишь смешивают этику с законом (Luegenbiehl, Heinz 1983: 41–61). Другие, признавая этические кодексы значимыми для профессионализации отдельных групп, видя в них один из внешних признаков того, что та или иная профессиональная группа признает за собой те или иные обязатель-

ства перед обществом, выходящие за пределы чисто экономических интересов, в то же время полагают, что кодексы этики в конечном счете скорее создают моральные проблемы, а не помогают их решить (Ladd, John 1991: 130–136). Наконец, третьи признают за этическими кодексами отдельных профессий целый ряд важных функций, в числе которых:

- способность являться основой для коллективного признания членами определенной профессии своих обязанностей;
- способность создавать среду, в которой этическое поведение является нормой;
- способность служить в качестве руководства или напоминания об обязанностях в конкретных ситуациях;
- ценность самого процесса разработки и модификации этического кодекса как средства самоидентификации;
- способность демонстрировать обществу, что члены той или иной профессиональной группы признают свои обязанности по отношению к обществу и серьезно обеспокоены тем, чтобы гарантировать ответственное, профессиональное поведение представителей данной профессии (Harris, Charles 1995: 35).

Методы исследования корпоративной культуры Университета. В ситуации преобразования корпоративной культуры в Национальном исследовательском Томском государственном университете, в ситуации становления университетской автономии ведущим трендом является работа с базовыми инструментами корпоративной культуры. В этом смысле кодекс, созданный университетским сообществом, – это инструмент самоидентификации университетского сообщества с точки зрения организационной культуры; по сути это ответ на вопрос о смысле и ценностях корпоративных преобразований, о направлении развития Университета, об этических основах взаимоотношений сотрудников с руководством, друг с другом, со студентами и другими категориями персонала Университета.

В теории организационной культуры этический кодекс связан с глубинным уровнем осознания культуры Университета – базовыми представлениями о природе и смысле образования; с уровнем провозглашаемых ценностей – этическими правилами, нормами, принципами руководства в работе (Пригожин 2003: 233).

Внешняя функция этического кодекса – предоставление субъектам внешней среды объективной информации о философии и предназначении организации, ресурсах, нормах нравственности. Внут-

рения функция этического кодекса – способствовать единению и сплоченности внутри организации, сопряжению целей организации и целей работника, способствовать идентификации сотрудников с организацией, формированию благоприятного внутриорганизационного климата, расширению мотивации, обеспечению преемственности (Шейн 2012: 426).

Актуальность создания локального нормативного акта – этического кодекса Университета – связана с несколькими позициями: кодекс помогает обозначить смысл изменений, которые ожидают Университет на переходном этапе существования; вызывает отчетливый положительный виртуальный образ будущего; необходимо, чтобы он соответствовал истории, культуре, ценностям Университета; вносил ясность в цели и направления развития организации; по сути, кодекс соединяет прошлое и настоящее с будущим и отсеивает несущественное.

Работа над проектом этического кодекса с максимальным привлечением сотрудников Университета связана с планом мероприятий, утвержденных в Дорожной карте Национального исследовательского Томского государственного университета (2013) в части реализации стратегической инициативы по созданию инновационно-активной среды (Дорожная карта НИ ТГУ 2013).

Цель этого направления работы – создание управленческих условий для вовлечения сотрудников в совершенствование практики организации образования и научной деятельности в исследовательском Университете.

Основными задачами проекта и одновременно инструментами работы являются:

1. Организация открытых семинаров и иных коммуникативных площадок по обсуждению, анализу и экспертизе сотрудниками направлений, задач и результатов управления переходом к модели исследовательского Университета, выработке предложений по совершенствованию практики организации образования и научной деятельности.

2. Организация системы информационной, консультационной и финансовой поддержки активности сотрудников и магистрантов в области совершенствования практики организации образования и научной деятельности в исследовательском Университете.

В части реализации идеи инновационно-активной среды кодекс – это инструмент вовлечения сотрудников Университета в обсужде-

ние, анализ, разработку, экспертизу направлений, задач и результатов перехода к модели исследовательского Университета.

На подготовительном этапе создания кодекса университетского сообщества была проведена диагностика существующего стиля управления, существующей и предпочтительной корпоративной культуры в Университете (методика А.И. Пригожина (Пригожин 2003: 233), В.П. Захарова (Захаров 2009), диагностика по К. Камерону – Р. Куинну (Камерон, Куинн 2001: 156)). В исследовании приняли участие семь факультетов Университета, 50 студентов, 20 преподавателей разных факультетов и разных позиций на кафедрах, 5 представителей административно-управленческого персонала. По результатам диагностики по В.П. Захарову был определен преимущественно демократический стиль управления; по результатам методики по К. Камерону – Р. Куинну был диагностирован желательный клановый характер организационной культуры; по методике «Метафора» (А.И. Пригожин) был выявлен преимущественно закрытый характер корпоративной культуры Университета.

В рамках диагностики была изучена мировая и отечественная практика локальных нормативных актов – кодексов ведущих мировых университетов, ведущих российских вузов.

Одновременно на сайте новостей ВИУ НИ ТГУ – ведущего исследовательского Университета – был запущен опрос сотрудников университета в отношении необходимости создания кодекса Университета, на что университетское сообщество в течение недели отреагировало следующим образом:

1. Такой документ нужен, он поможет понимать стратегию развития, цели и ценности ТГУ – 32%.

2. Хорошо иметь такой документ, но непонятно, как его использовать в управлении изменениями – 36%.

3. Такой документ не нужен – 16%.

4. Я готов участвовать в разработке корпоративного кодекса (координаты для связи) – 16% (Корпоративный кодекс Университета 2014).

Юридический аспект работы над Кодексом Университета. Восприятие этического кодекса Университета как инструмента самоидентификации вызывает к жизни ряд проблем юридического характера.

1. Такой этический кодекс должен разрабатываться при условии обеспечения максимально широкого участия коллектива Универси-

тета в этом процессе, а также учитывать общие интересы и коллективные воззрения вузовской корпорации. Последнее может быть обеспечено, например, путем утверждения вузовским сообществом Типового этического кодекса, положения которого носили бы для каждого конкретного вуза рекомендательный, но не обязательный характер.

Аналогичный подход сформулирован и в Указе Президента РФ «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» № 597 от 07.05.2012 г. В соответствии с п.1 подп. 3) этого Указа Правительство РФ обязано «*в целях расширения участия работников в управлении организациями...* разработать комплекс мероприятий по развитию институтов самоуправления и принятию кодексов профессиональной этики» (Указ Президента РФ 2012).

Однако Министерство труда и социальной защиты РФ, формально действуя во исполнение данного Указа Президента, предложило кардинально противоположный путь. Согласно разработанному им законопроекту предполагается, что кодексы профессиональной этики будут разрабатываться соответствующим органом исполнительной власти (для вузов – Минобрнауки РФ) «с участием общественных организаций и профессиональных сообществ» и утверждаться тем же органом исполнительной власти. При этом правила профессиональной этики педагогических работников (содержащиеся в этическом Кодексе, утвержденном Минобрнауки РФ), как следует из того же законопроекта, будут ограничивать академические права и свободы научно-педагогических работников.

В случае, если законопроект подобного содержания окажется принятым и превратится в Федеральный закон РФ, то этический кодекс, став нормативным актом, положения которого будут обязательными для преподавателей всех вузов, превратится из средства самоидентификации, напротив, в средство унификации, в инструмент, сокращающий академические права и свободы преподавателей.

2. Вопросы содержания предписаний, подлежащих включению в этический Кодекс университета, казалось бы, должны быть предметом ведения исключительно соответствующего профессионального сообщества. Тем не менее при определении перечня этических правил и запретов, включаемых/не включаемых в этический Кодекс, а также при определении желательной степени их конкретизации необходимо, как представляется, учитывать некоторые правила юридической техники.

В частности, речь здесь может идти о правилах, имеющих «общепризнанный» характер (например, запрет выражаться нецензурной бранью в присутствии обучающихся или требование объективно оценивать их знания в ходе зачетов и экзаменов), либо о правилах, уже сформулированных в законах или иных нормативных актах (например, запрет поведения, имеющего коррупционный характер). Есть ли необходимость включать в этический Кодекс такие правила, если они говорят о том, что и так «само собой разумеется»?

Решение этого вопроса тесно связано с тем, как мы определяемся по вопросу о предмете и содержании профессиональной этики. Некоторые авторы полагают, что профессиональные нормы – это всего лишь нормы общей этики, механически перенесенные на почву той или иной профессии. Более того, в научной среде получило широкое распространение мнение, что в профессиональной этике нет ни одной нормы, которой бы не было в этике общей (Административная этика: 49). Другие авторы исходят из того, что моральные стандарты отдельно взятой профессии – это стандарты морали общей, преломленные через призму той или иной профессии и адаптированные к нуждам этой профессии (Мамонтова 2012). Некоторые исследователи считают, что результатом такой трансформации общих моральных норм в нормы профессиональные может стать появление новых профессиональных стандартов, аналогов которым в общей морали не существует (Бакштановский, Согомонов 2005: 3–13), либо даже что предмет профессиональной этики составляют нормы, не укладывающиеся в рамки общей нравственности: «Профессиональная этика описывает те исключения (отступления) от общих моральных принципов, которые диктуются логикой профессии и в конкретном профессиональном контексте воспринимаются не как отступления, а как адекватное выражение духа самих этих принципов» (Гусейнов 2004: 148–159).

3. Представляется, что правы те из авторов, которые, «объединяя» все эти подходы, полагают, что профессиональная этика представляет собой конкретизацию общей морали применительно к специфике профессии. Такая «конкретизация» решает две основные задачи: с одной стороны, она служит институализации профессии, систематизирует и нормирует ее взаимоотношения с социумом и другими профессиями, а с другой – обособляет профессию, обосновывает ее исключительность, легитимизирует профессиональные

нормы, которые не соответствуют (не совсем соответствуют) общепринятым (Авдеева 2009: 4).

Исходя из такого понимания предмета и содержания профессиональной этики, есть необходимость повторения в этическом кодексе некоторых «общеизвестных» этических правил. Особенно в том случае, если они имеют (приобретают) важное значение для данного профессионального сообщества.

То же самое с точки зрения юриста. Необходимость такого «повтора» предопределяется правилами толкования любого нормативного акта (которым, несомненно, является и этический кодекс). Отсутствие в нормативном акте запретов на те или иные действия, то или иное поведение должно толковаться, при применении кодекса, как их разрешение. В этой ситуации, по отношению к лицу, нарушившему то или иное «общепонятное» правило, не включенное, однако, в этический кодекс, невозможно будет применить никаких мер воздействия.

Одновременно необходимость обеспечения широкой академической свободы, необходимость учета мнения профессионального сообщества, требуют, на наш взгляд, того, чтобы правила поведения, включаемые в этический кодекс Университета, были сформулированы в достаточно общей форме, не носили слишком уж детализированный характер.

4. Еще одна юридическая проблема связана с применением норм кодекса этики в случае их предполагаемого нарушения. Возникает вопрос о том, кто сможет делать вывод о том, что сотрудник Университета нарушил этическую норму, и кто сможет (и сможет ли вообще) применять к нему в этом случае меры дисциплинарного характера. Если такие функции будут переданы работодателю, этический кодекс фактически станет просто еще одним локальным нормативным актом, содержащим обязанности работника (дополнением к правилам внутреннего трудового распорядка). Поэтому нами предложена для этического Кодекса Университета двухзвенная система рассмотрения вопросов о нарушении правил, предусмотренных Кодексом. Согласно предлагаемой схеме, комиссия по урегулированию споров между участниками образовательных отношений Томского государственного университета по производству, возбужденному в отношении научно-педагогического и иного работника ТГУ по мотиву нарушения им норм и правил этического Кодекса, сможет либо дать заключение об отсутствии в деянии такого работника признаков

нарушения норм и правил настоящего Кодекса, либо вынести решение о наличии в действиях научно-педагогического или иного работника ТГУ нарушения норм и правил Кодекса. В случае если Комиссия большинством голосов приняла решение о наличии в действиях научно-педагогического или иного работника ТГУ нарушения норм и правил этического Кодекса, вопрос о применении к нему мер дисциплинарного взыскания будет решаться руководством ТГУ.

Заключение. В настоящее время рабочая группа осуществляет разработку актуального, «живого», внутреннего документа для Университета, что предполагает дальнейшие вопросы по интеграции с рекомендованным Минобрнауки РФ документом либо его автономное существование, согласно идущему еще со времен средневековой университетской традиции тезису об университетской автономии и академической свободе.

Источники и литература

1. Указ Президента РФ «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» № 597 от 07.05.2012 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. *Административная этика*. М.: Изд-во РАГС, 1999. С. 49.
3. *Авдеева И.А.* Профессиональная этика в системе этического знания // Актуальные инновационные исследования: наука и практика. 2009. № 3–4. С. 4.
4. *Баkitановский В.И., Согомонов Ю.В.* Профессиональная этика: социологические ракурсы // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 3–13 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.isras.ru/socis_2005_8.html (дата обращения: 31.10.2014).
5. *Гусейнов А.А.* Размышления о прикладной этике [Электронный ресурс]. – URL: <http://iph.ras.ru/uplfile/ethics/RC/ed/kaunas/gus.html> (дата обращения: 31.10.2014).
6. *Дорожная карта НИ ТГУ. План мероприятий по реализации программы повышения конкурентоспособности Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» среди ведущих мировых научно-образовательных центров на 2013–2020 гг.* [Электронный ресурс]. – URL: http://tsu.ru/content/viu/roadmap/TSU_roadmap_web1.pdf (дата обращения: 31.10.2014).
7. *Захаров В.П.* Определение стиля управления персоналом (адаптированный вариант экспертной методики В.П. Захарова). 2009 [Электронный ресурс]. – URL: <http://vsetesti.ru/161/> (дата обращения: 31.10.2014).
8. *Камерон К., Куинн Р.* Диагностика и изменение организационной культуры. СПб.: Питер, 2001. 312 с.
9. *Корпоративный кодекс Университета. Новости ВИУ ТГУ* [Электронный ресурс]. – URL: <http://viu.tsu.ru/news/70/> (дата обращения: 31.10.2014).
10. *Мамонтова О.* Профессиональная этика как область знания: генезис, структура и особенности развития // Мамонтова О. Совет по прессе как институт

саморегулирования СМИ в России и за рубежом. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 200 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.presscouncil.ru/index.php/teoriya-i-praktika/knigi-i-statii/1913-professionalnaya-etika-kak-oblast-znaniya-enezis-struktura-i-osobennosti-razvitiya> (дата обращения: 31.10.2014).

11. Пригожин А.И. Методы развития организации. М.: МЦФЭР, 2003. 863 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.prometeus.nsc.ru/contents/books/prigogin.ssi> (дата обращения: 31.10.2014).

12. Соломанидина Т.О. Организационная культура компании. М.: Инфра-М., 2010. 624 с.

13. Шейн Э.Х. Организационная культура и лидерство. СПб., 2012. 336 с.

14. Harris, Charles E. et al. Engineering Ethics: Concepts and Cases. Belmont, CA: Wadsworth Publishing, 1995. S. 35.

15. Ladd John. The Quest for a Code of Professional Ethics: An Intellectual and Moral Confusion // Ethical Issues in Engineering. Ed. Deborah G. Johnson. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1991. S. 130–136.

16. Luegenbiehl, Heinz C. Codes of Ethics and the Moral Education of Engineers // Business and Professional Ethics Journal. 1983. № 2. P. 41–61.

Trubnikova Tatiana V.

National Research Tomsk State University

trubn@mail.ru

Gulius Natalia S.

National Research Tomsk State University

guliusn@yandex.ru

University' Code of Ethics as an instrument of self-identification

The article is devoted to the process of working out text of University Code of Ethics. The process is described from two points of view. From the first point, Code of Ethics is an instrument of a corporate culture' transformation, we identify with the goal of university entering global academic community (TOP-100 program). Another point of view is connected with legal culture of the Code as a new local normative act. The Code of Ethics created by the university community is a tool of self-identification in terms of organizational culture; it is the answer to the question of the meaning and value of corporate restructuring, it shows the direction of university development as well as ethical foundations of the relations between the university administration and the teaching staff, with each other, with students and other categories of university staff.

The relevance of University Code of Ethics is related to the several positions: the Code helps to identify the meaning of the changes expected in the university on the transition stage; it is a distinct positive virtual image of the future; in fact, the code connects the past and the present with the future, and eliminates inessential matters.

The perception of the University Code of Ethics as an instrument of self-identification brings to life a number of legal issues. University Code of Ethics should be created with numerous representatives of university staff involved. In this case the common interests and collective views of University Corporation should be taken into account.

Keywords: University' Code of Ethics, self-identification, corporation culture, local normative act.

References

1. *Ukaz Prezidenta RF «O meropriiatiakh po realizatsii gosudarstvennoi sotsial'noi politiki» № 597 ot 07.05.2012 g.* Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy «Konsul'tantPlus» [Presidential Decree “On measures for the realization of the state social policy” no. 597 from 07.05.2012. Access from the reference and legal system “ConsultantPlus”].
2. *Administrativnaia etika* [Administrative ethics]. Moscow: Izd-vo RAGS, 1999, pp. 49.
3. Avdeeva I.A. Professional'naia etika v sisteme eticheskogo znaniia [Professional ethics in the system of ethical knowledge], *Aktual'nye innovatsionnye issledovaniia: nauka i praktika*, 2009, no. 3-4, pp. 4.
4. Bakshtanovskii V.I., Sogomonov Iu.V. Professional'naia etika: sotsiologicheskie rakursy [Professional ethics: sociological perspectives], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2005, no. 8, pp. 3–13. Available at: http://www.isras.ru/socis_2005_8.html. (Accessed 31 October 2014).
5. Guseinov A.A. *Razmyshleniia o prikladnoi etike* [Reflections on applied ethics]. Available at: <http://iph.ras.ru/uplfile/ethics/RC/ed/kaunas/gus.html>. (Accessed 31 October 2014).
6. *Dorozhnaia karta NI TGU* [Roadmap of National Research Tomsk State University]. Plan meropriatii po realizatsii programmy povysheniia konkurentosposobnosti Federal'nogo gosudarstvennogo biudzhethnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniia vysshego professional'nogo obrazovaniia «Natsional'nyi issledovatel'skii Tomskii gosudarstvennyi universitet» sredi vedushchikh mirovykh nauchno-obrazovatel'nykh tsentrov na 2013–2020 gg. Available at: http://tsu.ru/content/viu/roadmap/TSU_roadmap_web1.pdf. (Accessed 31 October 2014).
7. Zakharov V.P. *Opreделение stilia upravleniia personalom (adaptirovannyi variant ekspertnoi metodiki V.P. Zakharova)* [Specifies the style of human resource management (adapted from the expert techniques of V.P. Zakharov)]. 2009. Available at: <http://vsetesti.ru/161/>. (Accessed 31 October 2014).
8. Kameron K., Kuinn R. *Diagnostika i izmenenie organizatsionnoi kul'tury* [Diagnosis and changes in the organizational culture]. St. Petersburg: Piter, 2001. 312 p.
9. *Korporativnyi kodeks Universiteta* [Corporative Code of the University]. Novosti VIU TGU. Available at: <http://viu.tsu.ru/news/70/>. (Accessed 31 October 2014).
10. Mamontova O. Professional'naia etika kak oblast' znaniia: genezis, struktura i osobennosti razvitiia, Mamontova O. *Sovet po presse kak institut samoregulirovaniia SMI v Rossii i za rubezhom* [Mamontova O. Press Council as an institution of self-regulation of the media in Russia and abroad]. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 200 p. Available at: <http://www.presscouncil.ru/index.php/teoriya-i-praktika/knigi-i-statii/1913-professionalnaya-etika-kak-oblast-znaniya-genezis-struktura-i-osobennosti-razvitiya> (Accessed 31 October 2014).
11. Prigozhin A.I. *Metody razvitiia organizatsii* [Methods of organizational development]. Moscow: MTsFER, 2003. 863 p. Available at: <http://www.prometeus.nsc.ru/contents/books/prigogin.ssi>. (Accessed 31 October 2014).
12. Solomanidina T.O. *Organizatsionnaia kul'tura kompanii* [Organizational culture of the company]. Moscow: Infra-M., 2010. 624 p.
13. Shein E.Kh. *Organizatsionnaia kul'tura i liderstvo* [Organizational culture and leadership]. St. Petersburg, 2012. 336 p.

14. Harris Ch.E. et al. *Engineering Ethics: Concepts and Cases*. Belmont, CA: Wadsworth Publishing, 1995, pp. 35.
15. Ladd J. *The Quest for a Code of Professional Ethics: An Intellectual and Moral Confusion, Ethical Issues in Engineering*. Ed. by Deborah G. Johnson. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1991, pp. 130–136.
16. Luegenbiehl, Heinz C. Codes of Ethics and the Moral Education of Engineers, *Business and Professional Ethics Journal*, 1983, no. 2, pp. 41–61.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....	3
------------------	---

Секция

ВЕКТОРЫ ИДЕНТИЧНОСТИ: ИСТОРИЧЕСКОЕ МНОГООБРАЗИЕ ФОРМ И СПОСОБОВ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

<i>Воскресенская М.А.</i> Социокультурная идентичность творцов Серебряного века	6
<i>Наумова Н.И.</i> Проблемы идентификации коренных народов Сибири в годы Гражданской войны (на примере бурят).....	15
<i>Аманжолова Д.А.</i> Этничность и формирование советского народа	27
<i>Гонина Н.В.</i> «Планета Норильск» и «материк»: особенности городской идентичности (на материалах интервью и опубликованных воспоминаний).....	42
<i>Дериглазова Л.В.</i> «Что значит быть русским?» в ответах студентов, изучающих международные отношения в ТГУ, 2006 и 2014 гг.	55
<i>Агеева В.В.</i> «Неизбывное бремя постсоциализма»: исследование русской национальной идентичности в англо-американском россиеведении 1990–2010-х гг.	74
<i>Андропова Л.А.</i> Формирование и эволюция региональной идентичности в Республике Корея	84
<i>Климова Г.С.</i> Европейский Союз и проблема формирования наднациональной идентичности	92
<i>Верцинска А.</i> Амбивалентность чужого. Русское меньшинство в Норвегии как пример сложности конструирования идентичности в многокультурном обществе	103

Секция 2

СИБИРСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

<i>Суворова Н.Г.</i> «Сибирская нация» в исторических конструкциях и административных практиках XIX века	113
<i>Шевцов В.В.</i> Сибирь и сибиряки на страницах губернских ведомостей	131
<i>Харусь О.А.</i> Социальные практики конструирования сибирской идентичности (1914–1916 гг.)	142
<i>Жигунова М.А.</i> Влияние региональной идентичности на специфику культурного развития (на примере Сибири)	152
<i>Анисимова А.А., Ечевская О.Г.</i> Сибирская региональная идентичность как нарративная в историях жизни женщин старшего поколения	163

Секция 3

ПРИНИМАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО И МИГРАНТЫ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМНОЙ АДАПТАЦИИ

<i>Кутилова Л.А.</i> Проблема разрушения/сохранения этнической границы в переселенческой среде в Сибири в конце XIX–XX вв. (на примере украинского сообщества): теоретические конструкты, историографическая традиция и опыт исследования	175
<i>Алишина Г.Н.</i> «Ряженные “Голландцы”»: спор об идентичности меннонитов России в годы Первой мировой войны	190
<i>Дятлов В.И.</i> Мигранты: проблемы безопасности и развития для России (многообразие и конфликт групп интересов в принимающем обществе)	198
<i>Алексеев А.Н.</i> Суверенный Казахстан: миграции и проблема выбора пути развития	209
<i>Зимовина Е.П.</i> Российская часть Юго-Восточной Балтики: миграции и формирование полиэтнического общества	218
<i>Погодаев Н.П.</i> Стратегия «Кейс-стади» при изучении проблем социально-культурной адаптации студентов из Таджикистана в университетской среде Томска	232
<i>Омельченко Е.А.</i> Социально-культурная адаптация детей из семей международных мигрантов в школе: методика исследования и пути решения проблемы	249

Секция 4

**ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ В НАУКЕ
И ОБРАЗОВАНИИ**

<i>Грибовский М.В.</i> Университетское преподавательское сообщество России конца XIX – начала XX века: формы проявления корпоративной идентичности	261
<i>Хаминов Д.В.</i> Специфика формирования региональной корпорации советских историков в контексте партийно-государственной политики 1930-х – начала 1940-х гг. (на материалах Сибири)	272
<i>Трубникова Т.В., Гулиус Н.С.</i> Этический кодекс Университета как инструмент самоидентификации	282

научное издание

ЧЕЛОВЕК В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ.
ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ
В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

Редактор *В.С. Сумарокова*
Оригинал-макет *Г.П. Орлова*

Подписано в печать 25.08.2015 г.
Формат 60х84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 18,5; усл. печ. л. 17,2; уч.-изд. л. 18,0.
Тираж 500 экз. Заказ 1205

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ООО «Новые Печатные Технологии», 634040, г. Томск, ул. Высоцкого, 28, стр. 1